

ЛОРЕТ ЭНН УАЙТ

МРАЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

ВЫСШАЯ

ПРОНИКАЮТ МНЕ В ГОЛОВУ,

ЛИГА ДЕТЕКТИВА

РАЗМЫВАЯ ВСЕ ПЛАНЫ НА БУДУЩЕЕ...

ОБЖИГАЮЩАЯ ТИШИНА

WASHINGTON POST
&
AMAZON CHARTS
BESTSELLING
AUTHOR

Лорет Энн Уайт

Обжигающая тишина

Loreth Anne White

THE SLOW BURN OF SILENCE

Copyright © 2014 Loreth Anne White This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency

В коллаже на обложке использованы фотографии:

© Roxana Bashyrova, BERNATSKAIA OKSANA, Mimadeo / Shutterstock.com.

Используется по лицензии от Shutterstock.com.

© 2014 Loreth Anne White This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency

© Roxana Bashyrova, BERNATSKAIA OKSANA, Mimadeo / Shutterstock.com. Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Савельев К., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо»», 2022

* * *

ВЫСШАЯ

ЛИГА ДЕТЕКТИВА



ЦИКЛ РОМАНОВ
«ПРИМАНКА ДЛЯ УБИЙЦЫ»

ПРИМАНКА ДЛЯ МОЕГО УБИЙЦЫ
САМЫЕ ТЕМНЫЕ ДОРОГИ

ЦИКЛ РОМАНОВ
О ДЕТЕКТИВЕ ЭНДЖИ ПАЛЛОРИНО

УТОНУВШИЕ ДЕВУШКИ
КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ МОЕЙ ДЕВОЧКИ
ДЕВУШКА В ТЕМНОЙ РЕКЕ

ДРУГИЕ РОМАНЫ
ЛОРЕТ ЭНН УАЙТ

КОГДА МЕРКНЕТ СВЕТ
ГОЛОДНАЯ ПУСТОШЬ
ПОГЛОЩЕННЫЕ СУМРАКОМ
ИСТОЧНИК ЛЖИ
МОСТ ДЬЯВОЛА

ЛОРЕТ ЭНН УАЙТ

ROMANTIC TIMES REVIEWERS' CHOICE AWARD

ВЫСШАЯ

NATIONAL READERS' CHOICE AWARD

ЛИГА ДЕТЕКТИВА

BEST BOOK OVERALL

ОБЖИГАЮЩАЯ ТИШИНА



МОСКВА
2022

Павло, моему литературному покровителю

Глава 1

Апрель. Весна

Когда что-то начинается и заканчивается? Круги на воде от камня, брошенного в пруд... начинаются ли они с гладкого окатыша, привлекающего взгляд, с желания взвесить его на ладони, запустить над водой... Заканчивается ли это с последней крошечной волной, набегающей на дальний берег?

Я отрываю взгляд от плотного коричневого конверта у меня в руках. Адвокат по фамилии Гатри смотрит на меня, и в его взгляде я читаю оценку, которую он приберегает для таких новостей: ошеломительные, зубодробительные новости. В окне за его головой розовая пена вишневых соцветий оттеняет вид на вершины горной гряды Лайонс на фоне лазурного неба. Толстый шмель ритмично бьется о стекло. Я слышу приглушенный шум уличного движения на Лонсдейле. Автомобильный гудок. Мужской крик. Автофургон подает сигналы, разворачиваясь на выезд. Жизнь продолжается. Все идет, как обычно.

Но нет.

Семьдесят два часа назад я находилась с Трэм на Бали, в предсвадебном путешествии, которое мы обещали друг другу, когда обручились. Звонок прозвучал, когда мы лежали обнаженные под мягкой белой сеткой, свисавшей с бамбукового потолка. Моя сестра и шурин погибли во время домашнего пожара. Как их единственная живая родственница я стала опекуницей их восьмилетней дочери. Мы с Трэм вернулись домой первым же рейсом.

Теперь, сидя перед юристом в офисе Северного Ванкувера, я наконец понимаю, почему иногда испытываю странное беспокойство, когда смотрю в глаза моей племяннице.

Потому что это *его* глаза.

Его кровь течет в ее венах. Его ДНК. Та самая ДНК, которую использовали для его осуждения...

Все мои телесные реакции требуют опровергнуть эти новости и оттолкнуть папку назад по лакированной крышке деревянного стола. Но речь идет о Куинн, о моей маленькой темноволосой загадочной

племяннице. Я была здесь, когда София и Питер принесли ее домой, всю в младенческих морщинках, сопящих всхлипах и восхитительных зевках, какие можно видеть у новорожденных. Воспоминания затопляют мой разум: мне восемнадцать лет, и я получаю на руки плотно спеленутый сверток. Мне впервые доверили держать на руках крошечное человеческое существо, и чувство ответственности было ошеломительным. У меня защипало в глазах. Я помню плотную ткань одеяла, кисловато-сладкий запах молока, угольно-черные волосы, мягкие, как шелковая пряжа, у меня под ладонью, когда я гладила крошечную головку.

Никогда не забуду улыбку на лице моей сестры в тот самый день. И на следующий день. Куинн была нашей. Никаких задних мыслей о ее биологических родителях. Только мы. Только будущее в новой большой семье.

Другое воспоминание вытесняет первое: иссиня-черные волосы, те же волосы у меня под ладонью... поцелуй, усыпляющий меня... те же сине-фиолетовые глаза, обрамленные невероятно густыми ресницами... Мое сердце громко стучит в груди.

– Почему? – хрипло спрашиваю я. Шмель монотонно бьется в оконное стекло. Меня распирает от сдерживаемых чувств.

Гатри наклоняется вперед с выражением расчетливого сострадания. Он говорит умиротворяющим, медовым тоном, и во мне вспыхивает искра негодования. Я понимаю, что мой гнев направлен не по адресу, однако раздражение владеет мной, наполняет грудную клетку, стучит в горле и проникает в голову.

– Вы ближайшая родственница Куинн, мисс Салонен. Ваша сестра полагала...

– Я имела в виду, *почему* они удочерили ее. Почему... – Я ловлю себя на слове, паника и жестокая реальность бичуют меня. – Господи, прошу прощения. Я неправильно выразилась. – Я делаю медленный, глубокий вдох. – Но... есть ли возможность, что произошла ошибка?

– Никакой ошибки. Он ее биологический отец. Все документы находятся здесь. – Гатри кивает в сторону коричневого конверта, который я держу в руках. – Это была прямая договоренность. Биологическая мать согласилась на удочерение, прежде чем стороны обратились в агентство, которое занялось оформлением документов. Отцовские права биологического отца были отвергнуты при решении

об удочерении ввиду его судимости. В подобных делах такое нередко случается.

– Значит, он не знает? Он не имеет понятия, куда отправился его ребенок?

– Нет, ему не было сказано, где разместили ребенка.

Я пытаюсь сглотнуть комок в горле. Моя кожа в огне. Мрачные воспоминания проникают мне в голову, как чернильные щупальца в стоячую воду, кружась и заслоняя настоящее, размывая мои планы на будущее вместе с Трэем. Мы все так старались похоронить прошлое, и весь город помогал нам. Но иногда все, что можно сделать – это заштукатурить бетон, потому что внизу остаются щели, ожидающие лишь слабого землетрясения, чтобы снова раскрыть свои черные пасти и проглотить вас. Прямо как сейчас.

Меня снова отвлекает шмель, продолжающий биться мохнатой башкой об стекло. Почему он пытается попасть внутрь, когда снаружи цветы и свобода?

– Почему она не сказала мне? – шепчу я, глядя на шмеля.

Гатри молчит, поскольку это очевидно. Мне было восемнадцать лет, и я была безнадежно, безрассудно, дико влюблена в Джебедию Каллена, когда это случилось. Так или иначе, я любила Джеба с детства – сначала как доброго и нежного друга, но потом все осложнилось. Наши отношения приобрели глубину и сексуальность. Я всегда поддерживала Джеба. Он показал мне новый взгляд на мир. Несмотря на нашу ссору, которая той ночью привела к ряду ужасных событий, я всей душой хотела провести с ним остаток своих дней. Сексуальное посягательство, вспышка насилия, младенец, предательство – все это порвало мою жизнь в клочья, вынуло душу из моего тела. Я утратила чувство цели и направления, что разрушило мою карьеру в лыжных гонках и уничтожило надежды на второе олимпийское золото. Эти надежды принадлежали не только мне; это были совместные мечты всей небольшой общины Сноу-Крик. Я была их Золотой Девочкой – Рэйчел Салонен, которая выросла в этой долине и училась кататься на беговых лыжах, которые мой дед собственноручно изготовил с помощью топора и цепной пилы на склоне Медвежьей горы еще до моего рождения.

Потом наступила холодная осенняя ночь, когда пропали две девушки. Эми Финдли и Мэрили Цуканова, мои одноклассницы. Эми

была обнаружена истерзанной и беременной от Джеба. С тех пор прошло девять лет, а Мэрили по-прежнему числится пропавшей без вести.

А теперь мне нужно заботиться о Куинн – о живом, дышащем воплощении предательства Джеба в ту ночь, полную насилия. Мне нужно забрать эту темноволосую девочку с необычными глазами цвета индиго к себе домой в Сноу-Крик, где все произошло. Дочь изменника, которого я когда-то так сильно любила.

Он с другой стороны реки, Рэйчел. Он полукровка, воспитанный ирландским пьяницей и местной индейской женщиной... Тебе нужно как следует подумать, Рэйчел... Он причинит тебе боль, Рэйчел...

– Мисс Салонен?

Мой взгляд обращается к юристу.

– Есть кто-то, кому я мог бы позвонить? – тихо спрашивает Гатри. – Человек, который мог бы посидеть с вами? Возможно...

– Со мной все в порядке. – Я выпрямляю спину. – Просто... – Меня внезапно корежит от душевной боли. – Понимаете, все дело в Софии. Ее сердце всегда истекало кровью, она всегда пыталась спасти этот проклятый, кровавый мир. Вы знали, что она консультировала Эми по вопросам посттравматического синдрома? Так она познакомилась с Эми, когда обе жили в Сноу-Крик. Полицейские вызвали Софию, когда нашли Эми в полубессознательном состоянии, пока она блуждала по лесным тропам. Ее родители – ревностные католики. Они и слышать не хотели о прерывании беременности, поэтому София и Питер... – У меня ломается голос. Я делаю паузу, чтобы собраться с силами, и более спокойно продолжаю: – Они годами старались завести ребенка. Теперь я понимаю, что все это должно было произойти. София и Питер вмешались и предложили удочерить ее. Они получили ребенка, который сам был маленькой жертвой, и дали Эми второй шанс.

У меня что-то рвется в груди. Мне уже больно за Софию, и это боль, как от раны, открытой соленому ветру. Осознание того, что моя сестра больше никогда не появится на другом конце телефонной линии, готовая помочь спокойным и мудрым советом. Она была наставницей и материнской фигурой для меня. Всегда такая уравновешенная, и вот ее нет. Моего отца тоже нет. А Куинн? Теперь она одна во всем мире, у нее есть только я. Тихая, но тошнотворная

паника поднимается изнутри. Мне двадцать семь лет, но я не готова быть матерью; я не знаю, как это делается.

– Моя сестра имела слишком большое сердце для собственного блага, – шепчу я, пока лезу в свою соломенную пляжную сумочку из рафии за влажными салфетками. Адвокат встает, наливает воду в стакан и протягивает мне.

– Спасибо. – Я крепко держу бокал; не хочу, чтобы он видел мою дрожь. Я делаю глубокий глоток, и в этот момент в моей сумочке чирикает мобильный телефон. Я игнорирую его. Я знаю, что это СМС от Трэя, где он говорит, что нашел парковку и будет ждать меня внизу на площади.

Я думаю о нем, стоящие под весенним солнцем под раскидистой магнолией на фоне сверкающей воды в бухте Буррард за его спиной. Как он отнесется к этому. Он не имеет понятия о том, что я вынесу из этого здания. Я надежно ставлю стакан на стол и сморкаюсь в салфетку.

– Мне нужно что-то подписать? – спрашиваю я.

– Только вот это. – Гатри посылает по столу несколько документов. – Ваши копии завещания, свидетельство об удочерении, медицинская информация о биологических родителях – все в одной папке. – Он делает паузу. – Как я понимаю, ваша племянница находится на попечении соседа в двух домах от жилища вашей сестры, и она встречалась с детским психологом.

Я киваю и снова сморкаюсь в салфетку.

– Мы уже видели ее. Мы первыми были на месте.

Образы изогнутых, обугленных руин встают перед моим мысленным взором. Черные скелеты балок на фоне голубого неба. Желтая полицейская лента, трепещущая на ветру перед рододендронами Софии. Вишнево-красные соцветия, любимый цвет Софии... Ее весенний сад воспрянул к жизни, когда садовницы не стало.

Пожар случился после того, как Куинн ушла в школу. Сосед на другой стороне улицы первым увидел дым и вызвал аварийные службы. По словам командира пожарной бригады и полицейских, наиболее вероятной причиной взрыва было повреждение местного газопровода. Пожар был коротким и яростным; ему поспособствовал взрыв цистерны с пропаном. Она была объята пламенем, когда

пожарные прибыли на место происшествия. Там было слишком жарко, поэтому они отступили, сдерживали распространение огня и толпу зевак. Все, что находилось в доме, было сожжено.

Тело Софии было обнаружено в ее кабинете, примыкавшем к дому, где она задохнулась от дыма. Питера нашли под балкой перед ее кабинетом. Первоначальное предположение состояло в том, что Питер попытался спасти свою жену, когда на него рухнула горящая потолочная балка.

Мне сказали, что пройдут недели или даже месяцы, прежде чем совместное расследование Королевской конной полиции Канады и пожарного управления определит точную причину пожара и смерти супругов.

Я подписываю документы и поднимаюсь на ноги. Теперь, в возрасте двадцати семи лет, я несу юридическую ответственность за восьмилетнюю девочку. Мы с Трэм отвезем ее домой в Сноу-Крик, в нескольких часах езды к северу от Прибрежных гор. Вес принятого решения внезапно оказывается сокрушительным. Мне нужно разобраться, в какой комнате поселить девочку. Мне нужно купить ей одежду и другие вещи первой необходимости еще до нашей поездки. Плюс чемодан, чтобы уложить все это. Мне нужно будет устроить Куинн в начальную школу Сноу-Крик и организовать какой-то уход за ней после школы, потому что газетный бизнес, доставшийся мне от отца четыре месяца назад, поглощает все мое время и силы и все пойдет прахом, если я не обеспечу какую-то финансовую поддержку.

Мои колени неожиданно подгибаются. Мне хочется сесть. Но если я не могу с этим справиться, то как справится Куинн? Девочка потеряла своих родителей и все, что она имела. Ее скоро вырвут из единственной жизни, которую она знала. Мне нужно быть сильной ради моей племянницы. Ради моей сестры. Я должна защитить этого ребенка, и не имеет значения, с чем меня сталкивает жизнь.

Я разглаживаю сумочку. На мне до сих пор та же самая футболка, которую Трэй купил мне на оживленном рынке в Кате, среди лабиринта ларьков и прилавков, и я даже чую слабый запах кокосового масла на коже. Я закидываю сумочку на плечо, беру папку, благодарю адвоката и направляюсь к двери, но замираю на месте, пораженная внезапной мыслью.

Я поворачиваюсь к Гатри и говорю:

– «Проект Невинности» при университете Британской Колумбии до сих пор борется за отмену его приговора.

– Да, они пять лет трудятся над этим: кто знает, может быть, что-нибудь и получится.

– Что, если он выйдет на свободу?

– Так или иначе, он никуда не выйдет, Рейчел. Независимо от того, отменят ли его приговор, он выйдет только после того, как отсидит свой срок.

Я гляжу на адвоката.

– Но у него нет никаких прав на Куинн. Вы говорили об этом.

– Верно.

– И он не знает о ней. Я просто хочу убедиться, что он не знает, что Куинн Маклин является его дочерью.

– Джебедея Каллен знает лишь то, что Эми Финдли родила ребенка от него и что этого ребенка передали под опеку. У него нет законных возможностей для получения другой информации. А ваша сестра в ее завещании ясно дала понять: она не хочет, чтобы девочка знала, кто ее отец.

Тем не менее меня охватывает леденящее, недоброе предчувствие.

* * *

Площадь в весеннем цвету кажется слишком белой, слишком яркой. Я прикрываю глаза козырьком ладони, пока высматриваю Трэя. Сейчас я нахожусь там же, откуда входила в здание юридической фирмы, но пространственно-временной континуум как будто сместился. Все кажется более резким и эксцентричным.

Я замечаю Трэя, сидящего на каменной стене под усыпанными цветами ветвями магнолии. Его глубокий загар после нашего двухнедельного отдыха на Бали трудно не заметить. Он вскакивает на ноги, как только видит меня, и направляется вперед энергичным, непринужденным шагом. Он большой, мощный и обветренный, как и горы, откуда мы родом. Его темно-русые волосы частично выбелены солнцем и серфингом. Когда он приближается, я вижу тревогу в его голубых глазах.

Он берет мою руку в ладони.

– Все в порядке?

Тошнота волной поднимается изнутри. Секунду-другую я не могу говорить.

– Давай присядем. Расскажи, что случилось.

Направляемая уверенной рукой Трэя, я медленно опускаюсь на деревянную скамью. Он любит выступать в роли доблестного защитника. Он два года был руководителем поисково-спасательной группы Сноу-Крик, и он из тех парней, которые никогда не подводят своих товарищей. Я смотрю, как он переплетает свои пальцы с моими; его загорелая кожа на фоне моей бледности, форма его мускулистого предплечья, золотистые волоски на коже. Новенькое кольцо с бриллиантом у меня на пальце.

– Мне нужно будет стать матерью, – тихо говорю я, глядя на кольцо.

– Эй... – Он обхватывает ладонями мое лицо и вынуждает посмотреть в свои льдисто-голубые глаза. – Мы же ожидали этого, Рэйч. Все будет замечательно, мы справимся. – Его лицо озаряется улыбкой. – Моментальная семья, как насчет этого? Отличная практика до тех пор, пока мы не заведем собственных детей.

– Все не так просто, – говорю я.

Выражение его лица меняется, когда он что-то читает в моих глазах и слышит в моем голосе. Между нами проходит тень. Вдалеке я слышу сирену, буксирный гудок, шум двигателей прибывающего морского парома и крики чаек над рыбацкой лодкой.

– Что ты имеешь в виду?

Я откашливаюсь.

– София и Питер приняли в свою семью Эми Финдли и ребенка Джеба Каллена.

Он молчит. Ни малейшей реакции. Крик чаек становится лихорадочным, корабельная сирена громко ревет. До нас доносятся голоса людей на площади, выходящих из офисов и спешащих на ленч. Отчаяние стискивает мне грудь.

Внезапно Трэй вскакивает на ноги, делает два быстрых шага от меня и замирает, как статуя. Потом резко оборачивается ко мне.

– Что?

Я не отвечаю. Пусть он сам поразмыслит об услышанном.

– Проклятье, – тихо говорит он.

Мое сердце учащенно бьется. Никто этого не знает, и никому не нужно знать. София тоже не хотела, чтобы Куинн узнала, кто ее отец: она так и сказала в своем завещании. Она хотела защитить Куинн.

– И его?

– Он не имеет никакого отношения к удочерению. Он вообще не знает, куда делся ребенок.

Трэй мрачно смотрит на меня. Недоброе предчувствие еще глубже вгрызается в мои кости.

– Пожалуйста, Трэй, садись со мной. Послушай меня...

– Я не понимаю. Как это могло случиться? Ага, погоди... значит, поэтому твоя сестра уехала из Сноу-Крик, да? А Питер устроился там на работу, чтобы они могли взять и вырастить это дьявольское отродье, поскольку семья Эми не могла избавиться от него?

Праведный гнев заставляет меня вскочить на ноги.

– Моя сестра помогла жертве изнасилования, Трэй. Молодой женщине, которая разрывалась между своей семьей, религией и ребенком от ее насильника. Куинн – *тоже* жертва. Это невинная девочка, которая ничего не знает и не должна знать об этом!

– Боже... – Он расхаживает под магнолией. Соцветия внезапно кажутся слишком мясистыми и непристойными, запах – слишком насыщенным. Он поворачивается ко мне, и солнце высвечивает его силуэт со спины. – Речь идет о том, чтобы взять в наш дом ребенка осужденного преступника и убийцы. В наше будущее, в нашу жизнь.

– Против него не было обвинения в убийстве.

– И это делает его лучше? Единственная причина, почему его не поджарили на электрическом стуле, состоит в том, что тело несчастной Мэрили так и не смогли найти. Она до сих пор числится пропавшей без вести. – Он взмахивает рукой и указывает на север. – Где-то там, в горах, до сих пор безнаказанно живет его семья. А этот... этот подонок может выйти на свободу, если его приговор будет отменен. На основании проклятой технической формальности, поскольку адвокат защиты представил доказательства, которые *могут* стать основой для разумного сомнения. Все мы знаем, что он сделал это. И ты хочешь, чтобы мы взяли этого ребенка в свою жизнь?

– Послушай себя, – говорю я. – Мы говорим о Куинн. О моей племяннице. Ты знаешь ее. Раньше у тебя никогда не было проблем с ней. Это не должно измениться только из-за того...

– Откуда ты вообще знаешь, что ребенок от него? Так сказал Гатри, да? «Эй, Куинн родилась от Джеба Каллена»?

Я протягиваю ему папку, полученную от Гатри.

– Сам посмотри.

Он берет папку, перелистывает содержимое, изучает документы. Потом садится, медленно перечитывает их и поднимает голову.

– Завещание было написано пять лет назад, – говорит он.

– Когда София в последний раз обновила его. По словам Гатри, она собиралась прийти на следующей неделе и внести изменения. Но... случился пожар.

– Что за изменения?

– Гатри не знает. Но, что бы София ни собиралась сделать, это не меняет факта о биологических родителях Куинн.

– Нам нужен тест ДНК.

Я моргаю.

– Ты не веришь тому, что сказано в этих документах?

Трэй гневно смотрит на меня. Ясно, что он ушел в отрицание. И пока он борется с собой, то наносит удары повсюду, включая меня.

– Это несерьезно, – говорю я. – В любом случае с чем ты сопоставишь результаты анализа ДНК? С профилями ДНК, использованными во время суда над Джебом? И как нам добраться до этих архивов, если мы не хотим раскрывать себя и давать Джебу понять, что он ее отец?

Он проводит пятерней по волосам.

– Рано или поздно она узнает. Куинн собирается найти своих настоящих родителей, и она сделает это.

– Мы разберемся с этим, когда это случится. В любом случае она будет гораздо старше и лучше готова к встрече с правдой. Но не сейчас. Не так скоро после того, как она потеряла своих родителей. Нам нужно уважать волю Софии. Придется держать это в секрете ради блага Куинн.

Он смотрит на меня.

Я сажусь рядом с ним, кладу руку ему на бедро.

– Мне тоже трудно осмыслить и принять это, но мы переживем. Со временем станет легче.

Трэй отворачивается от меня.

– Ты не можешь так поступить, – тихо говорит он и качает головой. – Не можешь забрать ее туда... только не в Сноу-Крик.

– Мы, – шепчу я. – *Мы* заберем ее домой. Уже сегодня. Почему ты говоришь так, словно мне придется делать это одной?

Он поворачивает голову и сталкивается с моим взглядом. В его глазах появляется странное выражение.

– Домой? – ровным голосом спрашивает он. Я ощущаю, как мой мир опасно накрывается, как будто невысказанный смысл этого слова повисает между нами. Домой, где случилось преступление. Это большой дом у озера, оставленный мне отцом после его кончины от рака четыре месяца назад. Трэй переехал ко мне только в прошлом месяце, перед нашей поездкой. Мы планировали объединить наши финансы, сделать ремонт, перестроить шлюпочный элинг и сдать его в аренду из-за высоких налогов на недвижимость, расположенную на первой линии озера на лыжном курорте, который приобрел всемирную известность.

– Боже мой, – шепчет он. – Город уничтожит ее, если выяснится, кто она такая.

– Никто в городе не должен знать об этом.

– Секрет, – тихо говорит он. – Мы должны держать в секрете ребенка этого полового извращенца? Мы должны жить *в нашем доме* с памятью о том, что он сотворил?

Трэй надолго замолкает. Теплый ветер шелестит в листьях и разбрасывает по мостовой опавшие вишневые лепестки. Одинокий голубь клюет крошки между лепестками. Я слышу гудок парома, отходящего от причала.

Он тихо фыркает, глядя на голубя.

– Знаешь, я всегда думал, что ты до сих пор равнодушна к нему. Что ты не можешь отречься от него, несмотря на то что он сделал.

Я чувствую, как кровь отливает от моего лица.

– *Как ты смеешь?* – Мне едва удастся прошептать эти слова.

Он встает и идет прочь, расправив плечи.

– Не уходи вот так, Трэй! Не оставляй меня!

Он останавливается и медленно поворачивается. Его глаза влажно блестят. Боль и смятение, которые я чувствую в своем сердце, отражаются в напряжении его черт. Он борется с чем-то глубоко внутри себя.

– Как? – спрашивает он. – Как мы можем взять этого ребенка в нашу новую, чистую и счастливую жизнь, в наше будущее? Я свидетельствовал в суде против него. Ты делала то же самое. Все мы помогли упрятать его за решетку. Теперь кажется, что мы возвращаем его обратно.

Я встаю и иду к нему. Беру его за руку и стараюсь замаскировать дрожь в моем голосе.

– Я не могу просто отвернуться от этого решения, Трэй. У моей племянницы в этом мире не осталось никого, кроме меня. – К моему горлу подкатывает комок. – Я собираюсь заботиться о ней. Но я люблю тебя, и... – Теперь у меня в глазах стоят слезы... – И я не хочу при этом потерять тебя.

Он заключает меня в объятия и привлекает к себе.

– Прости, – шепчет он мне в волосы.

Он держит меня так, как всегда, – крепко и уверенно. И от него пахнет так же, как всегда. Честный мужской запах. На какой-то момент я успокаиваюсь, и меня охватывает нереальное чувство, что ничего не было. Возможно, я никогда не говорила с адвокатом. Возможно, ничего не изменилось. Но наш мир уже не такой, каким он был несколько секунд назад. Обратного пути нет. Мне на ум внезапно приходят чужие слова.

Ты не можешь существовать в этом мире, не оставляя частицы себя, не оказывая влияния – сколь угодно ничтожного – на все и всех, с кем ты встречаешься...

Это слова Джеба.

Иногда ты оставляешь за собой разрушительный след: мятую траву, разбросанные камни. В других случаях твой след почти неразличим, если не знаешь, где искать, и это может быть все равно что следовать за призраком...

Когда он говорил это, то показывал, как находить следы рыси на влажном мху. Мне было пятнадцать лет. Ветви огромных красных кедров над нами дробили солнечный свет на лесном ложе. Это было все равно что находиться в живом соборе; деревья вокруг нас были почти такими же старыми, как Нотр-Дам. В тот день он впервые поцеловал меня.

Частицы себя...

Куинн. Мои шрамы. Моя хромота. То, какой я стала. Все его частицы – частицы прошлого.

Иногда ты оставляешь за собой разрушительный след...

Я прижимаюсь лицом к изгибу шеи Трэя, стараясь избавиться от воспоминаний. Его кожа теплая и немного соленая. Знакомый вкус, означающий безопасность. Он – моя надежная гавань.

– Мне так жаль, Рэйч, – снова шепчет он мне в волосы. – Я не хотел. Это... просто трудно сразу принять такое.

– Знаю, – бормочу я с закрытыми глазами.

– Мы сможем, – говорит он. – Мы сможем, и мы все сделаем правильно.

Я киваю и всем сердцем хочу поверить ему.

Глава 2

Шесть месяцев спустя. Начало октября

Джеб снял шлем и подошел к ограждению обзорного наблюдательного пункта на негнущихся ногах после дальней поездки в северные горы. У самого края обзорной площадки на шоссе № 99 он забрался на бетонную стенку рядом с плакатом «Не кормите медведей». Оттуда он посмотрел на живописный поселок в долине далеко внизу; кучка красочных домов во впадине между густо залесенными склонами с гранитными пиками, вздымавшимися так высоко, как только мог видеть глаз.

Сноу-Крик.

Дом.

Почти через десять лет он был оправдан в суде, и обвинения против него были сняты. Вот так, по решению судьи, он неожиданно вышел из тюрьмы и оказался на свободе, словно рыба, выпущенная из корзины в открытое море. Свободный человек, вольный идти куда угодно. Ни поручительства, ни условий освобождения. Никаких ограничений. Невиновен с точки зрения системы правосудия.

Но не с точки зрения жителей этого городка.

Хотя он покинул отделение максимально строгого режима в Кентской тюрьме, оставались люди, по-прежнему верившие в его порочность и в то, что его освобождение было технической ошибкой, недосмотром полиции. На нем до сих пор оставалось клеймо насильника, преступника и убийцы. Он не был по-настоящему свободен... пока что.

Взгляд Джеба ненадолго остановился на квадратной часовой башне, поднимавшейся в центре городка посреди разноцветных крыш, и на обманчиво пологих склонах Медвежьей горы, где были проложены лыжные трассы. Ряд подвесных кабинок медленно двигался между базой в долине и Хрустальным пиком; оконные стекла поблескивали, когда ловили солнечный свет. Воздух был сухим и прохладным. Здесь, к северу от сорок девятой параллели, уже почти наступил день Благодарения, и курорт готовился к зимнему сезону, смазывая звездочки и ленточные тормоза лыжных подъемников,

поддерживавших местную экономику. Потом наступит время грандиозных продаж лыжного снаряжения и одежды. Их называли «индейскими распродажами», и они привлекали массу лыжников из Ванкувера и штата Вашингтон; автомобили вставали в пробках на автостраде от моря до неба. Эта земля принадлежала предкам его матери и использовалась для охоты, но теперь превратилась в известный международный лыжный курорт под управлением семьи Бэнрок, которая разработала инфраструктуру лыжных трасс Медвежьей горы и владела большей частью недвижимости вокруг Сноу-Крик.

Бэнроки превратили снег на склонах этих гор в собственное белое золото.

Взгляд Джеба последовал вдоль линии подвесных кабинок до Тандерберд-Лодж, а затем перескочил на тысячи футов выше, к зубчатым гребням покрытых льдом горных вершин, паривших над сонным городком на фоне пронзительно синего неба.

Эти пики были мерилom необъятного пространства между землей и небом. Их уединенное и безмолвное величие манило его, как и необъятные шелестящие леса. Пока он стоял там, на него наконец снизошел покой. Ощущение принадлежности. Он мог навсегда раствориться в этом первозданном просторе, и ему ли понадобилось встречаться с другими представителями рода человеческого? Он бы солгал, если бы сказал, что не думал об этом, пока был заключен в тесной камере, до стен которой он мог дотянуться, просто раскинув руки. После всего лишь одного часа физических упражнений в день на протяжении почти десяти лет исчезновение в глуши определенно было привлекательным выбором. Но настоящее желание Джеба находилось в населенной людьми долине внизу. Этот городок был его главной целью, потому что кто-то в Сноу-Крик знал, где найти тело Мэрили Цукановой. Кто-то глубоко зарыл этот секрет, и Джеб был здесь, чтобы откопать его. Неважно, какую цену это будет иметь для него или для местных жителей.

Потому что, когда он найдет этого человека (или людей) – когда он найдет тело Мэрили, – то наконец сможет очистить свое имя. Его невиновность будет доказана. Тогда он будет по-настоящему свободен и сможет встретиться со своей дочерью. Лишь тогда он позволит себе

войти в ее жизнь. Таково было его обещание Софии и Питеру перед их гибелью, и они кое-что обещали ему в ответ.

Порыв ветра взъерошил его волосы, и Джеб повернулся лицом к нему. Индейское лето. Он уже почти забыл его вкус; эти ощущения, эти звуки. Шепот ветра в его ушах, голоса палой листвы, хрупкой травы, треснувших веточек, тихий шорох в пожелтевших от засухи вершинах хвойных деревьев. Такой диалог между человеком и природой мог произойти только после лютого мороза. Долина была абсолютно сухой и созрела для пожара. Или для дождя.

Джеб посмотрел на запад, где голубые озера, словно бусины, были нанизаны на извилистую нить Грин-Ривер. Его взгляд следовал по течению реки к тому месту, где долина резко сужалась перед базальтовыми скалами. Там находилась старая каменоломня.

Где все это началось девять лет назад.

Тогда тоже была осень, и купы золотистых лиственных крон украшали хвойное декольте горных склонов, где бежали бурные ручьи. Эми и Мэрили исчезли где-то после десяти вечера во время молодежной вечеринки в старой каменоломне. Эми нашли через неделю; у нее не сохранилось воспоминаний о том, что с ней случилось. Мэрили по-прежнему находилась где-то там.

Джеб глубоко вздохнул. Город будет сражаться с ним. Он чужак, парень «с другой стороны» реки. Они будут наблюдать за ним и ждать, когда он оступится, чтобы снова упрятать его туда, где, по их мнению, ему самое место. Или хуже того. Они могут попробовать и это.

Но Джеб был готов. Он был похож на кижучей, косяки которых теперь поднимались по горным рекам: яростные воины с покрасневшими боками, пережившие прожорливых косаток и невидимые сети в водах Тихого океана, когда биологические рецепторы внезапно нацелили их на запах пресной воды и поставили на гибельный путь домой^[1]. Повинуясь инстинкту, эти рыбыны упрямо плыли против течения, разбиваясь о камни и водопады, чтобы вернуться в тихие горные пруды и озера для спаривания, последующей гибели и превращения в питательный бульон для их потомков.

Как и они, Джеб был глубоко привязан к этому месту. Здесь хранилось его наследие. Здесь находился его дом. Он не даст им снова отобрать все это у него. Он скорее умрет, чем вернется в тюремную камеру.

Звуки дорожного движения на автостраде за его спиной зловеще стихли, и сухой ветер снова зашелестел в кронах деревьев, шевеля и сгибая ветви, словно невидимый дух, пролетающий по лесу. Вместе с шелестом пришла другая мысль, которую он весь день старался не допускать в осознанное восприятие. Но внезапно она зашуршала, зашептала и затрещала, как пламя, на границах его разума.

Рэйчел.

Джеб знал, что она получила Куинн. Он знал, что она по-прежнему живет где-то в этой долине. Когда-нибудь, как только он очистит свое имя от подозрений, ему придется объясниться с Рэйчел, чтобы увидеть своего ребенка. Его кровь сильнее заструилась по жилам, когда перед ним возник образ ее лица в зале суда, выражение неприкрытой боли, искажившее ее черты. Его единственная вина была причиной этой боли. Он переспал с Эми в порыве жгучего разочарования, сопровождавшего его последнюю ссору с Рэйчел.

Бог знает, что он заплатил за это. Он платил за это каждый день, более девяти лет. Эми тоже заплатила дорогую цену. Как и Куинн, которой многое еще предстоит пережить самым сложным и непредсказуемым образом.

Джеб глубоко задышал. В эту долину вела только одна дорога. Время пришло.

Надев шлем, он вернулся к сделанному на заказ мотоциклу из вороненой стали и хрома. Он устроился в седле, снял машину с опорной подставки и завел двигатель мощностью в 400 лошадиных сил, завибрировавший у него между ногами. С ревом вернулся на автостраду, поддал газу своему металлическому зверю и легко обошел красный «Вольво», наслаждаясь кратковременной перегрузкой. Но когда Джеб въехал в пределы курорта, он замедлил ход. Это была территория полицейского участка Сноу-Крик, и он не мог позволить себе даже малейшей оплошности.

Он приблизился к первому перекрестку. Вывеска лесничества на обочине дороги объявляла об опасности лесных пожаров и запрете на разведение открытого огня. Джеб остановился на красный свет с рокочущим двигателем; его сердце вдруг гулко забило в груди, во рту пересохло. Белые клочки семян иван-чая катались через дорогу, собираясь в мягкие наносы у бетонных дорожных ограждений и у дощатой кедровой стены ресторана «Паудер Хаунд». Это здание

видело лучшие дни, но стояло до сих пор. На углу по другую сторону перекрестка находилась автозаправка «Хаски». Старая бензоколонка была снесена и перестроена в рустикальном, но высокотехнологичном стиле лыжного курорта. Красный «Вольво» притормозил рядом с ним. Женщина на пассажирском сиденье, лет около тридцати на вид, обернулась посмотреть на него. Она встретилась взглядом с Джебом, и он ощутил резкий выброс адреналина в кровеносную систему.

Он не был с женщиной после той ночи с Эми, когда ему было девятнадцать лет и когда его увели в наручниках. Ему исполнилось двадцать лет, когда дело дошло до суда, а после этого он отправился в тюрьму строгого режима. Теперь его возраст приближался к тридцати годам. Он мог выглядеть грубовато; время, проведенное в тюрьме, неизбежно сказалось на его внешности. Но в его жизненном опыте существовал зияющий пробел, и до сих пор оставалась лишь одна женщина, близости с которой он хотел больше всего.

Женщина, которую он предал. Женщина, которая помогла упрятать его за решетку. Та, кого он никогда не получит.

Молодая мать в обтягивающих штанах для йоги перешла через улицу, толкая перед собой младенца в кресле-коляске. За ней трусил питбуль, прикрепленный поводком к ее запястью. Джеб подумал, не направляются ли они на травянистый пляж на берегу озера Виски и есть ли там до сих пор собачья площадка. Его мысли снова вернулись к Рэйчел.

– Джеб, ты собираешься уехать из долины после окончания школы?

Она лежала на спине с закрытыми глазами на досках нагретого солнцем причала; капли воды сверкали как бриллианты на ее ресницах и коже, покрытой пупырышками после купания. Ее соски четко проступали под крошечными желтыми треугольниками бикини. Его взгляд медленно скользнул вдоль ее тела, и он почувствовал возбуждение. Удовольствие. Жар жизни, бушевавший в его крови с каждым ударом сердца. Он взял мокрый теннисный мячик, валявшийся возле ее талии, и швырнул в озеро для Трикси, нового щенка породы бордер-колли, которого завел отец Рэйчел. Мячик с чмокающим звуком плюхнулся в воду.

– Зачем мне уезжать, если ты здесь? – прошептал он, склонившись над ее лицом.

Глаза Рэйчел распахнулись от этой внезапной близости. Она заглянула ему в глаза, и ее взгляд потемнел от встречного возбуждения. Потом она внезапно взорвалась смехом, перекадилась набок, вскочила на ноги и побежала к дальнему концу причала, где нырнула в прозрачную воду. Джеб тоже вскочил, глядя на круги в том месте, где она исчезла, – проворная, как рыбка. Она появилась в двадцати ярдах от пристани и крикнула ему:

– Наперегонки до дальнего конца!

Потом она поплыла, разбрызгивая воду под ярким солнцем. Джеб наблюдал за ней, и что-то внутри подсказывало, что это продлится недолго.

Его вернула к реальности группа молодых сноубордистов в мешковатых штанах, низко опущенных на бедра, когда они вразвалочку перебежали через улицу, – вероятно, чтобы не свалились штаны.

Джеб почувствовал, что краснеет.

Все осталось таким же, но вместе с тем все было новым. Как будто его поставили на паузу, пока весь мир двигался вперед. Время, его юность, Рэйчел – все это было украдено у него. Тихий, подспудный гнев зашевелился в его груди.

Загорелся зеленый свет. Джеб агрессивно стартовал с места и снова обогнал «Вольво», но снова сбросил скорость до разрешенного предела, укротив свои чувства.

Как выяснилось, тяга к насилию возникает легко, когда ты постоянно находишься в гневе и заперт в клетке без надежды на освобождение. Но после нескольких ранних инцидентов в тюрьме Джеб научился принимать свою судьбу и контролировать свое стремление к физической агрессии перед лицом угрозы. Вместо этого он направил свою энергию на получение ученой степени. Он стал находить удовлетворение в достижении маленьких целей.

Это был слабый, с трудом завоеванный контроль над собой, и теперь Джеб не собирался терять его. «Терпение, – думал он. – Думай, как охотник. Будь готов тихо лежать в засаде. Появятся трещины, через которые просочится свет».

Сначала Джеб собирался проехать через город и направиться на север в долину Вулф-Ривер – к своему старому дому и пяти акрам земли, оставшимся от матери. Он посмотрит, как обстоят дела,

и откроет лавочку. Завтра у него было назначено интервью с редактором газеты «Сноу-Крик Лидер». Он не собирался прятаться от людей. Он хотел огласить свои намерения, поднять шум, смутить умы. Пролить свет на людей, которые захотели бы выдворить его из города. Но когда Джеб приблизился к повороту, ведущему к начальной школе Сноу-Крик, что-то сжалось в его груди и он быстро посмотрел на часы. Если школа до сих пор работала по старому графику, то сейчас близилось время перерыва на завтрак. Повинуясь внезапному порыву, он свернул налево с автострады и направился к начальной школе, обуреваемый желанием впервые в жизни увидеть свою дочь.

Джеб сбросил скорость у дорожного знака, обозначающего границу школьной зоны, и покатился вниз по склону мимо главного входа, направляясь к реке, где он рассчитывал повернуть обратно через соседний переулок и подъехать к задней части школьной территории, где бейсбольное поле примыкало к заболоченному участку леса. Дети часто приходили туда играть во время ленча, когда он учился в этой школе.

Он вернулся в жилой район и медленно проехал в тихое и спокойное место. На краю лужайки лежал небрежно оставленный красный скутер. Пластиковый автомобиль и дорогой мотоцикл стояли рядом на подъездной дорожке. Люди доверяли своим соседям. Малышка в коляске на крыльце весело болтала пухлыми ножками. Две матери беседовали через забор, пока малыши ползали в траве у их ног. Большие оранжевые тыквы с жуткими вырезанными рожами уже были выставлены в окнах, урожайные венки висели над дверями.

Матери оторвались от беседы и посмотрели на него, когда он проезжал мимо. Маленький терьер выскочил из ниоткуда и залаял ему вслед. Собака отбежала в сторону, когда Джеб обогнул поворот. Он припарковался в тупике рядом с маленьким парком с ярко раскрашенной игровой площадкой. Оставив шлем на седле мотоцикла, он прошел через парк к группе тополей, отделявших его от бейсбольного поля. Повсюду вокруг него сухие листья и пожелтевшие иглы взывали к дождю. Когда он вышел за деревья, то сразу увидел здание школы, стоявшее на возвышении, с красно-белым флагом канадского кленового листа, трепетавшего на ветру.

Его отбросило в прошлое.

Ему было девять лет, и он стоял перед этим приземистым зданием, крепко держась за руку матери. Осенний ветер становился все более холодным и поднимал концы ее кос цвета воронова крыла, играя иссиня-черными локонами у висков.

Как будто это случилось вчера, Джеб испытал прилив противоречивых чувств. Жаркое предвкушение и беспокойство. Страх перед тем, что ожидает впереди. Это был его первый год в школе, первый раз, когда он пропустит осеннюю охоту вместе с отцом. Первый год, когда мать не будет заниматься с ним домашними уроками.

Тем сентябрьским утром она посмотрела на него, ободрительно сжала его руку и улыбнулась, но ее глаза были пятнами текучей черноты над высокими скулами, и они говорили о другом. В тот день Джеб не мог понять, о чем она говорила ему своим взглядом. Но теперь он понимал. Сожаление. Она привела его в начальную школу, чтобы спрятать его, защитить от того, что стало слишком темным и опасным в их собственном доме. В ту зиму она хотела держать его подальше от отца. Рыболовный сезон выдался совсем плохим. Очень мало лосося пришло к побережью, и это означало, что долгая зима будет тяжелее, чем обычно.

Так оно и вышло. Гораздо хуже, чем Джеб мог себе представить.

В том году девятилетнему Джебу пришлось защищать свою мать еще до того, как растаял снег.

Порыв ветра унес воспоминания, как горсточку желтых листьев. Джеб опустил на деревянную скамью перед тополями. Далеко наверху над Хрустальным пиком пролетел вертолет. Он посмотрел на часы. Наступило время ленча, но пока что школьный двор оставался пустым и утреннее солнце пускало лучи через туман, поднимавшийся над болотом на северном краю поля.

Джеб на секунду закрыл глаза и вобрал в себя окружающее: воронье карканье, щебет воробьев, выклевывавших что-то в опавших листьях перед ним, крик одинокой болотной цапли. Запахи осени. Все, о чем он тосковал девять долгих лет.

Прозвенел школьный звонок, и из громкоговорителя раздался женский голос. Джеб распахнул глаза. Наверху, на травянистом склоне, дети посыпались из-за дверей школы, как жевательные конфетки в ярких обертках-курточках, разбегаясь в стороны от тропинки,

направляясь в поля и луга. Его пульс участился. Он подался вперед, упершись локтями в бедра и вглядываясь в детские силуэты. Придет ли она сюда, как приходил он сам?

Узнает ли он ее?

Он годами ждал этого момента, – только ради того, чтобы увидеть ее. Живое, дышащее существо. Может быть, услышать ее смех, ее голос. Заглянуть ей в глаза.

«Просто смотри. Не подходи близко и не привлекай ее внимание. Пока не будешь свободен. Она не должна знать, кто ты такой... ты обещал это Софии и Питеру. И самому себе. Твоему ребенку...»

Он заметил худую темноволосую девочку, целенаправленно продвигавшуюся к травянистому выступу. Она носила мешковатый свитер с яркими вязаными радугами, а ее волосы представляли собой массу необузданных локонов цвета воронова крыла, блестящих в солнечном свете. Таких же диких и необузданных, как природа Британской Колумбии. Как у ее отца. Она шагала, выдвинув плечи слегка вперед, словно защищаясь от окружающего мира. В руках она держала книгу и большой пакет для ленча.

Джеб лихорадочно пошарил в кармане и достал фотоальбом размером с бумажник. Он раскрыл его на последней фотографии, которую получил в тюрьме от Софии. Но он не посмотрел на фотографию. Его взгляд был прикован к темноволосой девочке, которая поднималась между рядами бейсбольной трибуны и устроилась на средней скамье. Она поставила бумажный пакет рядом с собой, раскрыла его, достала сэндвич и принялась за еду.

Шишковатые коленки под джинсами, худые ноги, слишком длинные для ее тела.словно жеребенок. Она жевала, поглядывая, как голубые сойки начали собираться вокруг нее, пронзительно клекоча в попытке получить еду. Она отломил кусок хлеба и бросила им; ярко-голубые птицы с криками устремились за добычей. Но при этом она не отрывалась от книги.

Каждой молекулой своего тела он верил, что это она.

Куинн. Его дочь.

Его кровь в ее жилах.

Ее ДНК, использованное для его приговора...

В голове у Джеба раздался глухой рев – звук столкновения прошлого, настоящего и будущего. Он стиснул миниатюрный

фотоальбом в кулаке, сдерживая неутолимое желание подойти ближе и поговорить с ней.

Пастор в тюрьме сказал ему, что однажды наступает время, когда человек считает, что все кончено. Но все только начиналось.

Эта маленькая девочка была лишь началом.

Она была причиной всего, что он собирался сделать теперь.

Глава 3

Пока Джеб наблюдал за девочкой на трибуне бейсбольного поля, образ родной матери Куинн взвихрился перед его мысленным взором, и он мгновенно оказался в том самом зале суда, а Эми стояла у свидетельской скамьи, наклонив голову, и упавшие на лицо рыже-золотистые волосы скрывали ее профиль. Она выглядела очень бледной и худой, несмотря на поздний срок беременности. Джеб ощутил беспощадный укол памяти. От своих адвокатов он узнал, что младенца, скорее всего, отдадут под частную опеку в приемную семью и что его родительские права будут аннулированы в случае признания его виновности. Хотя тест ДНК плода подтверждал его отцовство, ему ничего не сказали о поле будущего ребенка.

Он чувствовал растущее напряжение в зале, когда прокурорша начала свою речь:

– ...В ночь исчезновения Эми Финдли и Мэрили Цукановой обвиняемый Джебедея Каллен испытывал сильную половую неудовлетворенность и находился в ярости, – обратилась она к присяжным. – Почему он был так распален? Потому что предыдущим вечером, до вечеринки в старом карьере, его подруга Рэйчел Салонен прекратила их отношения после жаркого спора из-за секса. – Женщина сделала паузу, чтобы поочередно посмотреть в глаза присяжным. – Из-за секса, – с нажимом повторила она. – В тот вечер Джебедея Каллен, по собственному признанию, пошел на вечеринку только потому, что хотел поговорить начистоту с Рэйчел Салонен. Свидетели утверждают, что он пришел уже рассерженным, а когда он увидел, что Рэйчел Салонен целует Трэя Сомерленда, его ярость усилилась.

Она отвернулась и указала на скамью подсудимых. Взгляды присяжных устремились туда.

– Этот человек с детства отличался склонностью к насильственному поведению, – заявила она. – Рэйчел Салонен может засвидетельствовать мои слова. Мы также выставим свидетелей, которые докажут, что в тот вечер Джебедея Каллен словесно угрожал Рэйчел Салонен и Трэю Сомерленду. Мы предоставим

неопровержимые доказательства того, что Эми Финдли и Мэрили Цуканова находились в автомобиле Джебедии Каллена, когда он уехал из карьера около десяти часов вечера. У нас есть свидетели, которые видели Финдли и Цуканову в автомобиле Каллена, когда он проехал по мосту через Грин-Ривер и повернул на север, на шоссе № 99.

Она помедлила и заговорила тише:

– Через семь дней Эми Финдли нашли в двадцати километрах к северу от старого карьера, возле железнодорожных путей, – полуобнаженную, избитую и потерявшую память о том, что с ней произошло. На ее шее были отметины от веревки, совпадавшие со скалолазным снаряжением Каллена, обнаруженном в его автомобиле. Медицинское обследование показало, что Эми Финдли была жестоко изнасилована и беременна от Каллена. В его машине была обнаружена пустая блистерная упаковка флунитрозепама, также известного как рогипнол, любимого средства насильников, которое, по свидетельству медицинских специалистов, может объяснить потерю памяти у Эми Финдли. Упаковка находилась в кармане толстовки, покрытой кровью Мэрили Цукановой, которая до сих пор числится пропавшей без вести. Ее волосы и одна из сережек, которые она носила вечером перед похищением, тоже были найдены в машине Каллена. Как и ролик клейкой ленты. Этот человек, – она снова указала на Джеба, – ...этот человек явился подготовленным к тому, что произошло потом. Он *запланировал* изнасилование и похищение. Он известен чрезвычайной склонностью к насилию с самого раннего возраста. Этот человек был разъярен отказом в сексуальных отношениях со своей подругой. И мы докажем, что этот человек обладает психологическими признаками социопата.

Джеб глубоко вздохнул, стараясь остановить яркие образы из прошлого, но они все равно пришли к нему.

– Эми Финдли, это тот самый человек, который изнасиловал вас?

– Возражаю! – воскликнул адвокат и вскочил на ноги. – Свидетельница уже показала, что у нее не осталось воспоминаний о происшествии...

– Возражение принято. Я перефразирую вопрос. Мисс Финдли, тот человек, который находился с вами в момент зачатия и чье отцовство по отношению к вашему ребенку подтверждено медицинскими исследованиями, находится в этом помещении?

В зале становится тихо. Джеб чувствует запах пота и чувствует взгляд своей матери, обращенный на него. Рэйчел тоже смотрит на него. Журналисты смотрят на него.

Эми молча кивнула.

– Прошу свидетельницу ответить вслух через микрофон.

Эми медленно поняла голову. Ее слезящиеся глаза, обрамленные красными кругами, посмотрели в его сторону. У Джеба сжалось сердце. *Скажи им, Эми. Черт побери, пожалуйста, скажи это! Пожалуйста, вспомни!*

Несколько долгих секунд она глядела на него. Струйка липкого пота сползала по его хребту.

– Да, – тонким голосом ответила она. – Это он.

По залу пробежали шорохи и шепоты. Один репортер покинул свое место и поспешил к выходу. Джеб слышал тихие всхлипывания. Он не знал, кто это – его мать или Рэйчел, – и не мог смотреть туда.

– Прошу отметить, что потерпевшая опознала личность обвиняемого, Джебедии Каллена.

Даже сейчас липкое и маслянистое ощущение тяжести в животе не покидало его, когда он всем своим существом услышал приговор.

Виновен.

Эхо этого слова отдалось в его голове.

Виновен.

На основании изнасилования, причинившего телесный вред...

Виновен.

На основании насильственного удержания против чужой воли...

Виновен.

Пот промочил его насквозь, но в сердце собирались холодная, тихая решимость и сосредоточенность.

Две женщины расстались с жизнью. Хотя Эми физически пережила изнасилование, оно повредило ее психику. Девять долгих лет она пребывала в своеобразной тюрьме. Потом наконец сломалась. Она покончила с собой в Сноу-Крик вечером перед тем, как Питер и София погибли у себя дома во время пожара в Ванкувере. Джебу не нравилось это совпадение. У него были свои соображения насчет самоубийства Эми и пожара в доме. Он приехал сюда, чтобы найти ответы.

Он приехал ради возмездия. Ради восстановления своих прав. И он собирался начать с расследования жизни четырех мужчин, которые оболгали его в суде: Леви Банрока, Клинта Руджера, Харви Зинка и Люка Лефлера.

В его сознании всплыло еще одно воспоминание о судебном процессе. Леви Банрок стоял на месте свидетеля, а прокурорша задавала вопросы.

– Кого вы видели в автомобиле вместе с Джебедией Калленом?

Леви старался не смотреть на скамью подсудимых.

– Я видел там Эми Финдли и Мэрили Цуканову.

– Вы уверены, что это были они?

Леви откашлялся и кивнул.

– Да, они проехали мимо нас, когда мы сидели под деревьями. Эми выглянула из окошка, помахала и окликнула нас.

Тело Джеба напряглось. Это была ложь, разве нет?

Он не помнил Люка или кого-то еще, сидевшего под деревьями в тот вечер. Он не помнил, чтобы Эми кому-то махала рукой или окликала кого-то. Но это не точно. Он слишком много выпил. Его воспоминания изобиловали пробелами. Он был так сердит на Рэйчел, что не мог сосредоточиться.

– Что вы видели потом? – спросила женщина.

Леви снова откашлялся.

– Я видел автомобиль, ожидавший у железнодорожного переезда, пока пройдет поезд. Когда поезд прошел, Джеб переехал через пути и повернул на север по автостраде.

– Эми Финдли и Мэрили Цуканова по-прежнему сидели в его автомобиле?

– Да.

К горлу Джеба подступила тошнота. Его глаза горели, руки дрожали. Это была ложь, проклятая ложь! Он *не поворачивал* на север. Девушки вышли из его автомобиля после железнодорожного переезда. Он направился домой, на юг. Один. Он был совершенно уверен в этом.

Следующим вызвали Клинта Руджера. Один за другим все четверо дали одинаковые показания. Они сказали судье, что Джеб повернул на север с двумя девушками в автомобиле.

Джеб чувствовал себя тонущим человеком. Он набрал побольше воздуха в легкие, освобождаясь от воспоминаний.

Либо один из них, либо все они защищали себя или кого-то еще – того, кто знал, где можно найти тело Мэрили Цукановой.

Эти люди не только сговорились между собой, чтобы оболгать его. Они похищали его ребенка.

Из-за них он больше не сможет взять на руки своего малыша.

Он пропустит первую улыбку, первый прорезавшийся зуб, первые шаги... первые именины. Ребенок вырастет с верой в его вину. С верой в то, что отец оказался преступником.

А Рэйчел? Теперь она навсегда потеряна для него.

Джеб гадал, не приготовила ли Рэйчел этот сэндвич для Куинн, когда собирала ее в школу сегодня утром. Ее руки. Ее забота. Его ребенок. Джеб глубоко дышал, стараясь контролировать свое дыхание, пульс и мелкие вспышки ярости.

Ничто не закончилось. Нигде и никогда. Ему не вернуть утраченные годы. Он не мог и мечтать о том, чтобы вернуть Рэйчел. Но эта девочка, склонившаяся над своим завтраком на бейсбольной трибуне, – она была причиной его жажды справедливости. Не мести, но законного возмездия. Зло нужно было исправить. Кто-то должен был заплатить за содеянное. Он не позволит ей вырасти с осознанием того, что ее отец был насильником и убийцей.

Пока он смотрел, несколько девочек направились к трибуне бейсбольного поля. Все они были блондинками с прямыми волосами, одетыми по последней моде. Маленькие клоны, отлитые в соответствии с очередным культурным образцом и опасно балансирующие на грани между детством и наступлением половой зрелости. Они были старше, чем девочка на трибуне, и Джебу не понравился их язык жестов и обмен многозначительными взглядами. Стайка хищниц, набирающихся смелости друг у друга, чтобы подобраться к добыче.

«Как на прогулке в тюремном дворе», – подумал он и машинально напрягся, выискивая характерные признаки того, что дело может обернуться плохо, если намеченная жертва позволит так поступить с собой.

Но девочка на трибуне почувствовала их приближение и приподняла голову, не вступая в зрительный контакт. Она положила недоеденный сэндвич в коричневый пакет, закрыла книгу, встала и ровным шагом направилась вниз между рядами скамей. Потом

пошла по траве, удаляясь от блондинок и направляясь к гравийной дорожке, которая уходила к лесистому холму в дальнем конце бейсбольного поля.

Блондинки последовали за ней.

Сердце Джеба учащенно забилося. Он вскочил со скамейки и быстро пошел по грунтовой тропе, ведущей к болоту вдоль внешней границы поля. Он был хорошо знаком с местной юрисдикцией: бейсбольные поля находились в собственности и финансировались курортным муниципалитетом Сноу-Крик. Школьный округ платил за их использование. Джеб имел право находиться на поле, но предпочел обходной путь.

Темноволосая девочка исчезла в лесу. Группа блондинок остановилась под большим дубом среди желто-рыжей палой листвы. Они болтали друг с другом и бросали взгляды в сторону школы, откуда дежурные старшеклассники наблюдали за поведением младших. Одна из девочек закурила сигарету и передала ее подруге. По мнению Джеба, им было не больше одиннадцати-двенадцати лет.

Он быстро поднялся в рощу по тропе, собираясь найти девочку, которую считал своей дочерью. Тропа выходила на пешеходную дорожку. Девочка находилась там, поглядывая налево и направо; она перешла улицу и направилась к маленькому магазину в конце дороги.

Джеб осмотрелся вокруг. Автомобили стояли на подъездных дорожках и возле тротуара. Лыжные шале в старом швейцарском стиле выглядели пустыми. На улице никого не было. До начала курортного сезона оставалось еще немного времени.

Джеб пошел следом. Он понимал, что не стоит этого делать, но физически не мог потерять из виду свою дочь, после того как наконец увидел ее. Как будто если сейчас она скроется за углом, то он навсегда потеряет ее. Сознательная часть его разума хотела удостовериться, что это на самом деле она.

Она шла быстро. Джеб оценивал внешние признаки: походка, форма стройного тела, посадка головы, напряженность плеч. Боялась ли она этих девочек? Горевала ли она по Софии и Питеру, единственным родителям, которых она когда-либо знала? Скучала ли по старой школе, по подругам, по своему дому?

Споткнувшись на плитке, вспучившейся от недавних морозов, она уронила свой пакет с ланчем. Книга, которую она держала в руке,

упала и раскрылась.

Повинуясь интуиции, Джеб молниеносно бросился вперед и подобрал пакет и книжку. Он мельком заметил имя, написанное на внутренней стороне обложки: *Куинн Маклин*.

Это была она.

Он быстро оглянулся, чтобы убедиться в отсутствии слежки.

– Эй, ты кое-что уронила, – сказал он, стараясь унять сердцебиение и говорить непринужденно.

Он протянул ей пакет и книгу. Она настороженно смотрела на него, плотно сжав губы.

Джеб улыбнулся и заглянул ей в глаза. Это были его глаза... и глаза его отца. Темно-синяя, почти фиолетовая глубина ирландского взгляда. Мелкая россыпь веснушек на переносице. У Джеба подгибались колени.

– Спасибо, – пробормотала она, когда забирала книгу и пакет. Что-то внутри него благоговейно замерло при звуках детского голоса дочери. У него щипало глаза.

Она отвернулась и пошла немного быстрее. Джебу так хотелось немного побеседовать с ней, что он догнал ее.

– «Школьные годы», да? – спросил он, имея в виду название ее книги.

Она крепче прижала книжку к груди и пошла еще быстрее.

– Мой любимый персонаж – это Рэйн.

Она замедлила шаг и смерила его оценивающим взглядом.

– Вы читали эту книгу?

Джеб улыбнулся.

– У меня было много свободного времени для чтения книг. Некоторые были хорошими, другие ужасными. Но эта мне понравилась.

Она нахмурилась, когда ее взгляд остановился на татуировке у него на шее.

– Вы читаете книги для восьмилетних детей?

Джеб сглотнул. Он прочитал все книги, которые, по словам Софии, читала Куинн. Он развесил ее школьные рисунки на стенах камеры вместе с медалью дочери, которую выпросил у Софии. Он знал любимый цвет своей дочери, ее любимую еду и любимые телешоу.

Он усмехнулся.

– Как я говорил, у меня было много свободного времени.

Она немного успокоилась и оживилась; любопытство постепенно приходило на смену осторожности. Джеб приободрился.

– В прошлом году нам задали эту книгу для внеклассного чтения, – сказала она.

– И ты перечитываешь ее?

Девочка кивнула.

– А почему тебе нравится Рэйн? – спросила она.

– Потому что она маршировала под бой своего барабана.

Она покосилась на него, приподняв одну бровь.

– А мне нравится Кэп.

– Почему он?

Она пожевала нижнюю губу.

– Потому что у него не было отца и матери и ему пришлось уйти из дома. Он был *другой*, и все смеялись над ним. Но он был героем. Он все изменил в школе, когда спас водителя автобуса. Тогда все стали уважать его.

– Да, – тихо сказал Джеб, у которого вдруг засосало под ложечкой. – Кэп настоящий герой. Он был один против многих, но он не сдался.

Глаза Куинн засияли от сдерживаемых чувств, а ее губы слегка задрожали.

– Эй! – Джеб пошел вперед, и она поравнялась с ним. – Я не хотел расстроить тебя. Насчет книги или чего-то еще.

Она покачала темными локонами.

– Ничего особенного.

– Ты идешь домой позавтракать?

– Я живу слишком далеко от школы, чтобы возвращаться домой на ленч.

– Правда? Выше по течению на Вулф-Ривер?

– Нет, на Грин-Лейк.

Его сердце дало сбой. Старый дом Салоненов.

– Должно быть, твоим родителям нравится жить у озера, – сказал он. – Там очень красиво. Я знал людей, которые жили там раньше.

– Мои родители умерли.

Ее ровный, бесстрастный тон поразил его. Он замялся.

– Сейчас я живу у моей тети, – пояснила она. – На какое-то время.

– А потом?

Она пожалала плечами и прошла по изумрудно-зеленому газону перед крошечным магазином в виде бревенчатой избушки. Три ступеньки вели на узкое крыльцо, которое тянулось по всей длине здания. К свесу крыши была прикреплена корзинка с белыми и алыми цветами, а кобель хаски разлегся рядом с дверью под лучами осеннего солнца.

Она поднялась по деревянным ступеням, шлепая ботинками. Хаски поднял голову и смерил их взглядом разноцветных глаз – молочно-голубого и карего, – а потом с тихим собачьим вздохом уронил голову на лапы. Впечатление Джеба было внезапным и ошеломительным. Все эти мелочи: оттенок травы, цветы в корзинках, собачий вздох на солнце – в тюрьме превращались в полузабытые воспоминания, а удовольствие стиралось из памяти.

Куинн толкнула входную дверь, и наверху звякнул колокольчик. Джеб последовал за ней. Парень за стойкой едва взглянул на них; он деловито набирал текст на мобильном телефоне. Джеб заметил камеру наблюдения с непрерывной записью и рефлекторно отвернулся.

Он приобрел свежий номер «Сноу-Крик Лидер», а Куинн нашла нужные ей сладости, включая палочку черной лакрицы. Она положила свои покупки на стойку, где продавец выбил чек и сложил все в пакет. Пока Куинн шарила в карманах, Джеб выложил деньги на стойку. Парень встретился с ним взглядом, на секунду замялся, но не более того. Никаких признаков узнавания – да и с чего бы? Должно быть, этому юноше было не больше десяти лет во время происшествия с Эми и Мэрили. Если он вообще находился в городе.

– Спасибо, приятель, – сказал парень и отсчитал сдачу.

Австралийский акцент. Скорее всего, он пробыл на курорте не более двух сезонов. Тем не менее Джебу пришлось напомнить себе, что он здесь не для того, чтобы прятаться от людей. Он был здесь ради того, чтобы встряхнуть город и заставить жителей призадуматься.

Куинн удивленно смотрела на Джеба.

– Эй, – он пожал плечами и сунул газету под мышку. – У меня просто оставалась ненужная мелочь.

Она удержала его взгляд, видимо, размышляя о том, стоит ли принимать подарки от незнакомого человека. Потом застенчиво улыбнулась и взяла пакет со стойки.

– Спасибо.

Джеб открыл дверь и выпустил ее на улицу. Она бойко поскакала с крыльца, и он решил, что она преодолела настороженность по отношению к нему. Наверное, это был мятежный дух, хорошо знакомый ему самому: подружиться с длинноволосым незнакомцем в кожаной куртке и с татуировкой на шее. А может быть, это была потребность в дружелюбии и внимании после жестокой утраты и переезда на новое место.

Она направилась обратно к школе, посасывая лакричную палочку.

Джеб колебался. Теперь было нужно развернуться и уйти. У него еще будет время для общения с дочерью. Но когда после стольких лет наконец видишь своего ребенка и слышишь его голос... это было как действие мощного наркотика, как неутолимая жажда. Она оглянулась и послала ему еще одну застенчивую улыбку. Его сердце дрогнуло, и он тронулся за ней.

Только до бейсбольного поля, внушал он себе. Только чтобы убедиться, что малолетние хищницы ушли. Только до тех пор как он не увидит, что она беспрепятственно возвращается в школу.

Только еще одну... как поступал его отец со своей выпивкой...

– Могу поспорить, что твои дядя и тетя обрадовались твоему приезду, – сказал он. – Пусть даже временному.

– Моя тетя не замужем. – Она куснула лакричную палочку. – Она собиралась жениться, но дружок бросил ее после того, как я переехала к ним.

Его сердце снова дало сбой. *Рэйчел не замужем?*

– Как его зовут?

Она покосилась на него, и в ее темно-синих глазах мелькнуло подозрение. Тем не менее она ответила.

– Трэй. Я ему не нравлюсь, и он ушел из-за меня.

Ох. Воспоминание было похоже на удар. Трэй Сомерленд на месте свидетеля в суде. Трэй, целующий Рэйчел в гравийном карьере. Трэй, залезающий ей под свитер...

Рэйчел и Трэй, причина его гнева и обиды в тот вечер. После этого все пошло к чертям.

– Конечно, он не потому ушел от твоей тети, – выдавил Джеб.

Она безразлично пожала плечами, направляясь в лесную рощу по тенистой дорожке.

– Значит, вы с тетей живете одни на Грин-Лейк?

– Ага.

– А... там еще кто-нибудь живет? Скажем, в лодочном домике?

– Нет. Только старый пес моего деда, пока тот не умер.

Сеппо Салонен умер? Джеба обуревали противоречивые чувства. Должно быть, поэтому Рэйчел поселилась в доме у озера. Одна, вместе с Куинн. Кровь бушевала в его жилах, как шипучее вино, не находя выхода. Внезапно он пожелал невозможного.

Он пожелал Рэйчел.

Черт побери, ему хотелось получить все и сразу. Его желания превращались в неодолимую потребность, размывая его сосредоточенность, разрушая ясность мыслей. Он хотел получить все обратно.

Они достигли конца лесной тропинки и вышли на поле. Она остановилась и посмотрела на него снизу вверх.

– Спасибо, – искренне сказала она, видимо, приняв определенное решение по его поводу. – За сладости... и остальное.

– Пусть это останется секретом, ладно?

Она еще секунду смотрела на него, потом быстро кивнула и пошла к школе. Он наблюдал за ее размашистой походкой и темными волосами, блестящими на солнце.

– Когда угодно, – прошептал он. – В любое время, Куинн.

Он услышал школьный звонок, когда стоял в тени с газетой под мышкой. Его мир совершенно изменился. В конце концов, ради этого он приехал сюда.

Но осторожность нашептывала ему советы в шорохе сухих сосновых иголок под дуновением ветра. Один неверный шаг, одна искра, и все исчезнет в огненном смерче. Он может навсегда потерять ее.

Он не должен возвращаться сюда.

Он не должен снова встречаться с ней, пока все не закончится.

Но когда Джеб обходил нижний край поля, направляясь к своему мотоциклу, он заметил группу блондинок, вышедших из-за ствола старого дуба. Затушив сигареты и тихо переговариваясь друг с другом, они пошли через поле по кратчайшей траектории наперерез Куинн.

Девочка увидела их приближение и пошла быстрее. Она была меньше и младше, чем они.

Джеб застыл на месте, глядя, как группа миновала травянистый взгорок и устремилась за добычей. Они тесно сомкнулись вокруг Куинн и заставили ее остановиться.

Джеб вздрогнул, когда одна из старших девочек выхватила пакет со сладостями из рук Куинн. Другая украла лакричную палочку и издевательски помахала ей, когда Куинн протянула руку.

Еще одна девочка поставил подножку и опрокинула Куинн на землю. Она распростерлась на гравийной дорожке, книга отлетела в сторону и раскрылась.

Ярость была жаркой и моментальной. Почти ослепительной, словно электрический разряд, пробежавший по нейронным каналам и отключивший логический центр мозга. Джеб со всех ног побежал по полю. Его шейные мышцы напряглись, как провода, поле зрения сузилось. Вверх по склону, на школьную территорию.

Одна из девочек указала пальцем на Куинн и ощерилась в ухмылке, когда девочка поднялась на колени. То, что она сказала, пригвоздило к месту его дочь. Она на секунду замерла, глядя на блондинку и пытаясь переварить услышанное.

– Нет! – крикнула Куинн. – *Это неправда!*

Девочки рассмеялись. Джеб увидел перемену в дочери за мгновение до того, как она сжала кулаки. Куинн вскочила на ноги, нагнула голову и врезалась прямо в живот блондинке, ударив ее с такой силой, что та оторвалась от земли и шлепнулась на спину с разлетевшимися волосами.

Куинн развернулась, как дикая кошка, готовая напасть на остальных, но они повернулись и побежали к школе, вопя об учительской помощи. Куинн обратила свою ярость на упавшую девочку и подняла ногу, собираясь лягнуть ее в живот. Блондинка с окровавленным носом поднялась на четвереньки и поползла по гравию, прежде чем взять низкий старт и умчаться к школьному зданию.

Джеб поставил Куинн на ноги и развернул лицом к себе. Он опустился на корточки, чтобы оказаться на одном уровне с ее лицом, и обхватил ее костлявые плечи. Она дрожала в его руках. Ее лицо побелело, как бумага, слезы проторили дорожки на щеках. Но в ее глазах сверкала ярость, и она стиснула зубы.

– Куинн, – тихо сказал он, заметив двоих учительниц, которые вышли из школы и направлялись к ним. Девочка выглядела совершенно растерянной, и Джеб встряхнул ее.

– Куинн! Смотри на меня, слушай меня.

Ее зрачки немного сузились. Она тяжело дышала.

– Я понимаю, я *действительно* понимаю, что иногда нужно бить в ответ. Но что бы они ни сказали тебе и как бы они тебя ни обзывали, – это не повод для насилия. Никогда. Ты должна мне поверить. Я прошел через это, и я знаю. Что бы они ни говорили, насилие не работает. Оно лишь возвращается к тебе.

Ее глаза медленно вошли в фокус, и она встретила с его взглядом. Снова потекли слезы. Ему хотелось немедленно забрать ее отсюда, убежать вместе с ней. Защитить ее... Но Джеб не смог бы защитить даже себя, а тем более указывать на их родство. Как бы то ни было, он нарушил свое первое правило. Его застали вместе с ребенком на школьной территории.

– Эй, вы! – крикнула одна из учительниц. Они приближались по гравийной дорожке, их юбки и волосы развевались на ветру.

– Иди! – Он подтолкнул ее. – Но помни: нужно быть умной. Нужно быть лучше, чем они. Ты достанешь их по-другому – как Кэп в этой книжке Кормана. И знай, что... – он не мог удержаться и даже не заметил, как слова вырвались из его рта, – ...знай, что я всегда буду готов помочь тебе. Поняла? Всегда.

С этими словами он оставил ее там. Он быстро спустился с пригорка, прошел мимо скамьи, где сидел раньше, и скрылся за деревьями. Там, в тени, он остановился и оглянулся назад.

Учительницы приблизились к Куинн. Одна из них опустилась на корточки и заговорила с ней. Другая вышла на пригорок и посмотрела в его сторону, прикрыв глаза ладонью от солнца.

Он стоял неподвижно, скрываясь в тени, но содрогался изнутри.

Впервые в жизни он прикоснулся к своей дочери, к своей плоти и крови. Он сжимал ее узкие, но сильные плечи своими мощными руками, чувствовал ее сердцебиение и видел пульс у нее на горле. Слышал звук ее голоса, видел ее улыбку.

Был свидетелем ее воли и решительности.

Его переполняла чисто животная потребность, причинявшая физическую боль; ему хотелось вернуть и провозгласить свое право на

нее. Защитить ее. Сейчас у его дочери больше никого не было. Никто не мог так понимать ее мысли и чувства.

Учительница обняла Куинн и повела ее в школу, склонив голову и продолжая разговаривать с ней.

Теперь возможные последствия пугали его. В стремлении защитить свое дитя, помешать ей причинить вред другим при самообороне, он втянул ее в опасную орбиту, и эта наблюдательница на пригорке была лишь началом его неприятностей.

Глава 4

– Наша роза, возросшая среди шипов, – говорит Леви Бэнрок и обнимает меня за талию, привлекая к своей высокой, спортивно сложенной фигуре. Я улыбаюсь на камеру, и известный фотограф из «Сан» делает несколько снимков. Я стою между Леви справа от меня, мэром и местными индейскими вождями слева от меня.

– Пожалуйста, встаньте немного ближе друг к другу, – просит фотограф. – Мне хочется запечатлеть фреску Рэйчел позади вас.

Он имеет в виду огромную стилизованную картину с моим изображением на стенной панели между высокими окнами Тандерберд-Лодж. Из окон открывается головокружительный вид на лыжные трассы, сбегаящие вниз по склонам к городку в долине, далеко внизу.

На картине я облачена в гоночный костюм со шлемом. Я штурмую трассу гигантского слалома, которая принесла мне золото на Туринской Олимпиаде. До того, как я провалила следующие соревнования. До того, как все закончилось.

Мне повезло выжить, когда меня прикатили домой в инвалидном кресле после нескольких хирургических операций в Европе, и я старалась храбро улыбаться с золотой медалью на шее от предыдущих соревнований, когда фотографы обступили меня в международном аэропорту Ванкувера. Их падшая девятнадцатилетняя героиня. Мне понадобилось два года, чтобы снова научиться ходить. Это мое здешнее наследие: золотая медаль и рухнувшие надежды. И все из-за Джеба. Незадолго до начала вторых соревнований репортер спросил меня о его приговоре и о той роли, которую я сыграла в его тюремном заключении. Боль от измены Джеба и от моей собственной вины глубоко врезалась в мое сознание. Я утратила сосредоточенность уже перед стартовыми воротами.

Я рывком возвращаюсь к настоящему и моргаю, когда срабатывает вспышка. Мне не по себе; три дня назад я услышала в новостях, что Джеба отпустили на свободу. С тех пор я нахожусь в подвешенном состоянии. Я хочу только одного: покончить с перерезыванием финишных ленточек. Я хочу вернуться к Куинн. Мне известно, что

Джеб не знает о ней, но глубоко внутри я не могу избавиться от дурного предчувствия. Но мне нужно работать. Быть матерью-одиночкой, спасти газету от банкротства и выбираться из финансовой ямы, куда меня загоняют налоги на недвижимость.

Моя спортивная слава и позиция издательницы «Сноу-Крик Лидер» обеспечили приглашение на торжественное мероприятие по открытию трассы и первому вояжу на новенькой канатной гондоле «от вершины к вершине» над расселиной между Медвежьей горой и Маунт-Баррен на другой стороне. Среди почетных гостей на церемонии присутствуют член местного парламента и министр туризма. Мой штатный фотограф Холли Шерман делает групповые снимки людей, позирующих перед красной ленточкой, натянутой поперек стеклянных дверей, которые ведут на посадочную платформу. По обе стороны от ленточки стоят полицейские в парадных мундирах, включая стетсоновские шляпы с широкими полями, галифе, высокие сапоги из коричневой кожи со шпорами и штатное оружие в кобурах на офицерской портупее. Их наряд – дань уважения Канадской конной полиции. И еще один способ для привлечения туристов в Сноу-Крик.

Джефф, один из моих репортеров, болтает с кудрявой блондинкой. Когда она поворачивает голову, по моей спине пробегает зловещий холодок. Это Пайпер Смит, местный экстрасенс, и мне непонятно, почему она получила приглашение.

Пайпер впервые приехала в Сноу-Крик пять лет назад для съемок документальной драмы «Пропавшие девушки» в телешоу СВС «Настоящее преступление». Потом она вернулась в Сноу-Крик и вышла замуж за сводного брата Мэрили, с которым познакомилась во время съемок. Я всегда чувствовала себя неуютно в ее присутствии. Возможно, потому, что она как будто видела меня насквозь, когда пыталась расспрашивать меня о Джебе несколько лет назад. Передо мной оживают первые кадры документальной драмы: актриса в образе Эми босиком идет по железнодорожному пути, а вокруг падает снег. Ее волосы слиплись от крови, лицо призрачно-белое, глаза похожи на черные дыры. Это сделал Джеб, а теперь его выпустили из тюрьмы. Мои руки покрываются гусиной кожей. Я растираю их и наблюдаю за Пайпер.

– Он не вернется сюда, – произносит голос возле моего уха.

Я вздрагиваю.

– Боже мой, Леви, ты напугал меня.

Он тоже смотрит на Пайпер.

– Каждый раз, когда я вижу ее, то думаю об этой вступительной сцене.

Я сглатываю слюну.

– Понимаю. Но почему ты так уверен, что он не вернется?

Он облизывает губы, по-прежнему не отрывая взгляда от Пайпер в толпе гостей.

– Он не такой дурак, чтобы подписать себе смертный приговор. Что ему может понадобиться здесь?

– Но ты думаешь об этом, иначе не стал бы говорить.

Леви поворачивается и несколько секунд смотрит на меня. Мне не нравится нервозность в его глазах. Вместе со мной, Трэм и тремя другими одноклассниками мы дали свидетельские показания против Джеба. Обвинительный приговор был вынесен почти исключительно на основе этих показаний.

– Что, если он захочет отомстить? – говорю я.

– Он не осмелится пойти на такой риск. Если Джеб Каллен сунет нос в этот городок, его схватят и четвертуют на месте. Он должен знать об этом.

Я набираю в грудь побольше воздуха и киваю.

– Эй, все будет хорошо, – весело говорит Леви и берет меня за руку. Зеленые глаза сияют его фирменной улыбкой. – Пошли, уже наступает время для речей, и нужно покончить с этим цирком. – Однако он медлит. – Мы все готовы помочь тебе, Рэйчел. Ты можешь звонить любому из нас, в любое время.

– Что ж, это утешает. Но с одной стороны, ты говоришь, что он не вернется сюда, а с другой – думаешь, что он может явиться за мной?

– Этого не случится. – Он обнимает меня за плечи и легонько подталкивает к помосту. Я смотрю, как Леви и его брат-близнец Рэнд поднимаются на маленькую импровизированную сцену и встают рядом со своим отцом. Хол «Скала» Бэнрок берет микрофон и благодарит всех за прибытие. Он произносит речь о геркулесовых подвигах строителей канатной трассы «от вершины к вершине» и о том, что теперь сюда повалят туристы со всего света – как зимой, так и летом, – которые обеспечат небывалый рост экономики города

и провинции в целом. За стеклянной стеной от пола до потолка у него за спиной хлопают на горном ветру флаги многочисленных стран.

Ему бы лучше поторопиться с этой речью, или ветер станет слишком сильным для канатной переправы. Я смотрю на часы. Теперь я уже не просто нервничаю; мысли о Джебе наполняют меня неопределенной тревогой. Леви только ухудшил положение, когда старался успокоить меня.

Я снова гляжу на флаги в попытке отвлечься, а потом мой взгляд смещается вверх, к неприступному гранитному монолиту Хрустального пика. Белые кварцевые полосы, пересекающие крутой склон, искрятся на солнце. Под этим световым углом ясно видны тросы и металлические лестницы *via ferrata*^[2]. Я думаю о моем деду Яакко, финском иммигранте и скалолазе старой школы, который рассказывал мне о строительстве *via ferrata* в Доломитовых горах Италии для облегчения переброски войск через Альпы во время Первой мировой войны. Система *via ferrata* на Хрустальной горе была его идеей, и Бэнрок-старший ухватился за нее.

Когда Яакко поселился в этой долине, он объединился со «Скалой» – дюжим скалолазом, недавно приехавшим из Австралии. Вместе они начали мастерить первые горнолыжные трассы на склонах Медвежьей горы. Они каждый день поднимались наверх, работали голыми руками, топорами и цепной пилой, и в конце концов создали зимнюю зону отдыха в канадской глуши.

Потом «Скала» монетизировал их усилия, получив от государства земельные права, и основал «Бир Маунтин Ски Энтерпрайзес» наряду с Корпорацией по строительству недвижимости в Сноу-Крик, которая теперь специализируется на курортной недвижимости по всему миру. Если кого-то можно назвать королем Сноу-Крик, то им, несомненно, является «Скала» Бэнрок. Он пережил трех жен и большинство своих сверстников, а его потомки населяют этот городок и во многих отношениях управляют им.

С другой стороны, мой дед основал газету «Сноу-Крик Лидер». Если Бэнрок занимался финансовым убийством конкурентов, то Яакко кое-как сводил концы с концами, занимаясь более эзотерическими вещами: философией, литературой и экологией. Правдой. Яакко передал газету моему отцу Сеппо, а сейчас она перешла ко мне. Мне пришлось быстро усвоить азы этого бизнеса; компания находилась на

границ краха после долгой борьбы моего отца с раковой опухолью. Но Хол Бэнрок вошел в долю и выкупил 49 % бизнеса. Теперь моей задачей были поиски возможности удержать газету на плаву после наступления цифровой эры, которая убивала печатную прессу. Наряду с появлением Куинн прошлый год был для меня испытанием огнем и медными трубами. Сегодня у меня возникло гнетущее чувство, что все далеко не закончилось.

Леви берет микрофон у отца, и мое внимание снова возвращается к братьям Бэнрок. Леви и Рэнд сделаны как под копирку, и оба похожи на молодого «Скалу» Бэнрока. Как и их отец, они вымахали до шести футов и двух дюймов. Оба имеют поразительные зеленые глаза и тугие вихры песочно-бурых волос. Леви работает менеджером горных операций; он женат и имеет двухлетнего малыша. Рэнд недавно был назначен гендиректором Корпорации по строительству недвижимости в Сноу-Крик. Он холост, бесшабашен и живет как плейбой. Подозреваю, Рэнд предпочел бы иметь работу Леви, но карты сдает их отец.

Я снова смотрю на часы: без пятнадцати два. У меня начинает кружиться голова.

Речи закончены, ленточка перерезана. Следуют бурные аплодисменты, и местный детский хор заводит песню. В моем кармане вибрирует мобильный телефон. Я проверяю номер; звонят из моего офиса. Я перевожу вызов на голосовую почту, они смогут несколько часов обойтись без меня. На смену хору приходит музыкальный дуэт с дредами и гитарами, выдающий местную версию горного фанк-фолка. Официанты разносят подносы с напитками и закусками. Щелкают камеры, снова работают вспышки. Я нахожусь в первой группе проходящих за двери, чтобы подняться на борт гондолы.

Фотограф следует за мной.

Кабина наполняется до полной вместимости, в основном журналистами. Здесь есть сидячие места на двенадцать человек у окон и шесть стоячих мест. Леви предпочитает стоять. Дверь закрывается, звенит колокольчик. Гигантские шестерни поворачиваются вокруг оси, и кабина приходит в движение.

Я ощущаю мягкий толчок под дых, когда мы стартуем с утеса и оказываемся в воздухе. В кабину сразу же ударяет порыв ветра, и люди обмениваются взглядами.

– На какую силу ветра рассчитана эта кабина? – спрашивает кто-то из корреспондентов СВС.

– Это самый ветрозащищенный из наших подъемников, – с непринужденной улыбкой отвечает Леви. – Гондола рассчитана на порывы ветра скоростью до восьмидесяти километров час. Но если скорость ветра превышает максимальную, существует автоматическая остановка, которую при необходимости можно разблокировать вручную.

Люди умолкают, когда осознают масштаб местности, расстилающейся вокруг нас. Удерживаемые лишь тросами и причальными башнями, мы движемся вперед с тихим электронным жужжанием. В центральной части кабины есть стеклянное дно, через которое мы видим далекие вершины величественных дугласовых елей, сосен и лыжные трассы. Оленей. Когда мы пересекаем отвесную расщелину водосброса Кайбер-Крик, внизу появляются бурлящие бело-зеленые воды Брайдл-Фоллс. Отсюда вода кажется кружевом, разбросанным по блестящему черному граниту. У меня что-то сжимается в груди, когда я вспоминаю то лето, когда мы с Джебом отправились в пеший поход к этому водопаду. Мы нашли ледяную пещеру за водяной завесой и забрались туда.

– Это определенно дает новую перспективу, – тихо произносит репортер из «Сан».

Леви кивает.

– Эти виды сами по себе будут привлекать посетителей. Летом эта гондола будет служить мостом для круговых пешеходных экскурсий. Зимой для лыжников откроется доступ на новые склоны и трассы на Маунт-Баррен.

Он указывает на красную подвесную кабину, которая медленно приближается по тросам с другой стороны.

– Всего двадцать кабин, по одному отправлению через каждую минуту. Общее время поездки между причальными платформами на Медвежьей и Маунт-Баррен составляет примерно пятнадцать минут. За это время кабина преодолевает расстояние в 4,4 километра, или 2,73 мили.

– Канатная дорога между плечами гигантов, – произносит женщина с радиостанции, которая смотрит на бесконечные дальние пики.

Пустая кабина проходит мимо нас, пока мы приближаемся к массивной стальной башне.

В нескольких тысячах футов внизу, в долине под нами, раскинулись разноцветные городские крыши. Кайбер-Крик похож на подвижную ртутную ленту, которая змеится через городок. Оттуда грунтовая дорога серпантином вьется по склонам Маунт-Баррен. Еще выше желтые машины застыли, как механические динозавры посреди леса. Леви указывает на них.

– Мы прокладывали подъемные маршруты на южных склонах, но были вынуждены приостановить работу из-за засухи и угрозы пожара. Любая искра от работающих механизмов может привести к катастрофическим последствиям. Мы надеемся возобновить операции после перемены погоды.

Медведица с двумя медвежатами медленно бредет внизу, направляясь вдоль русла к населенной долине. Засуха почти погубила урожай ягод на высоких склонах, и это увеличило риск столкновений между медведями и людьми, поскольку косялапы отчаялись набрать нужный вес для спячки. Я делаю мысленную пометку внести эту тему в список сюжетов «Лидера» на будущей неделе вместе с напоминанием о чрезвычайной опасности лесных пожаров.

– Вон та горнолыжная трасса называется «Золото Рэйчел», – Леви указывает пальцем, бросает взгляд в мою сторону и улыбается. – Она названа в честь нашей городской знаменитости Рэйчел Салонен, после того как она привезла домой золотую медаль для сборной Канады.

Все поворачиваются посмотреть на меня. Я краснею, улыбаюсь и киваю. Телефон в моем кармане снова вибрирует, и я снова испытываю необъяснимую тревогу.

– Как вы думаете, засуха отложит открытие горнолыжного сезона? – спрашивает один из репортеров СВС.

– Мы уверены, что на следующей неделе погода переменится, и когда пройдут дожди, то на верхних склонах образуется снеговой покров, – отвечает Леви. – Долгосрочный прогноз тоже предвещает целую серию грозных фронтов.

Он выдает свою фирменную улыбку.

– Как насчет молний? – спрашивает репортер, глядя на вершину другой огромной башни, пока мы тихо проезжаем мимо.

– У нас есть громоотводы, но в случае возникновения грозового очага мы вручную отключаем аппаратуру.

Над долиной кружит вертолет. Взгляды репортеров обращаются к Леви, и он предупреждает следующий вопрос.

– Можно не беспокоиться о столкновении воздушных судов с системой тросов. У нас есть современная система для предотвращения столкновений, которая пользуется радаром для оповещения любого воздушного транспорта в регионе. Стробоскопические лампы и громкие шумы на всех радиочастотах также предупреждают пилотов, которые пролетают поблизости.

– А что случится, если произойдет катастрофический отказ систем, и люди окажутся запертыми в кабинах?

Леви добродушно смеется.

– Эх вы, журналисты! Я вам рассказываю о росте туризма, толчке для экономики, о том, что мы одними из первых в мире провели канатную трассу между двумя горами, а вы хотите слышать только о катастрофах.

По кабине пробегают смешки.

Почти как по указанию суфлера, в борт гондолы ударяет мощный порыв ветра. Раздается аханье и нервный смех. Мой телефон жужжит и на этот раз подсказывает, что пришло текстовое сообщение.

Я достаю телефон из кармана куртки. Это сообщение от Брэнди, няни Куинн. Мой пульс непроизвольно учащается. Брэнди знает, что сегодня днем я вернусь поздно из-за открытия этой канатной трассы. Я поднимаю голову; мы приближаемся к дальнему терминалу. Сейчас половина третьего, в это время Брэнди забирает Куинн из школы. Я поворачиваюсь спиной к остальным и открываю сообщение.

«Позвони, пожалуйста. Нужно поговорить».

Я печатаю ответ.

«Сейчас я на гондоле, вместе с прессой. Позвоню сразу, как причалим».

Новое сообщение приходит почти мгновенно.

«У Куинн в школе произошел инцидент. Она в порядке, но директор хочет поговорить с тобой и не отпускает ее до твоего приезда».

Мне становится тошно от беспокойства. Наша гондола входит в здание терминала; огромные красные шестерни гладко

поворачиваются, зубья переключаются на другой трос и встают на замок. Кабина мягко стучается о борт причальной платформы и замедляет ход до полной остановки, потом двери автоматически открываются. Я проталкиваюсь вперед и спешу прочь от толпы. Нахожу укромный уголок, ныряю туда и набираю номер Брэнди.

– Брэнди, что происходит? – Я прижимаю ладонь к другому уху, чтобы отрезать шум механизмов и голоса журналистов, выходящих наружу.

– На ленче Куинн подралась с четырьмя девочками, но физически она в порядке. Учителя пытались звонить тебе на работу, потом на твой мобильный. Они позвонили мне, но я все утро была на курсах лазания по канату. Им нужно поговорить с тобой, Рэйчел. Они удерживают Куинн в школе до твоего приезда. – Небольшая пауза. – Думаю, они позвонили в полицию.

– С какой стати?

– Там что-то насчет мужчины, который шастал вокруг школы.

Подступает паника. Я думаю о Джебе, о его освобождении.

– Где ты сейчас?

– Стою возле школы. – Она колеблется и добавляет: – Куинн даже не хочет видеть меня. Ее отвели в комнату медсестры.

– Буду так скоро, как только смогу, – говорю я. – Ты скажешь им, что я в пути?

Брэнди соглашается, и я отключаю звонок. Я уже решаю в уме логистическое уравнение о наиболее быстром способе спуска с горы. До начала сезона кресельные подъемники со стороны Маунт-Баррен не работают. Обратная поездка в Тандерберд-Лодж на гондоле займет пятнадцать минут. Оттуда еще полчаса спуска на кресельном подъемнике в долину.

Я подхожу к Леви, который разговаривает с группой журналистов у терминала. Прошу его на минутку отойти в сторону и говорю:

– У моей племянницы неприятности в школе. Мне нужно срочно спуститься в город.

– Гондола тронется в обратный путь через двадцать минут, после обзорной экскурсии по...

– Мне нужно сделать это немедленно.

– Рэйчел, я не могу... – Он умолкает, когда видит выражение моего лица, потом спрашивает: – Какие-то неприятности? С Куинн все

в порядке?

– Физически да, но... – Мой взгляд неожиданно падает на мотовездеход, припаркованный у строительного навеса. Я могу спуститься по грунтовой дороге с этой стороны. Так будет быстрее. – Я могу позаимствовать этот транспорт?

Он хмурится. Я вижу, как он мысленно просчитывает риск и страховые ограничения в том случае, если посторонний человек попадет в аварию на вездеходе компании. Его взгляд быстро скользит по моему телу, отмечая короткую юбку, колготки, сапоги до колена. Уголок его рта кривится в одобрительной улыбке.

– В этой одежде?

– Леви, ты *знаешь*, что я умею водить такие вездеходы. Мне нужно быть в городе.

Он колеблется, потом говорит:

– Один из моих ребят отвезет тебя. Пошли.

Он берет меня под руку и отводит к металлической надворной постройке из рифленого железа. Там он берет запасной шлем, передает мне и просит молодого сотрудника по имени Гарт довести меня вниз.

– У нас нет запасных защитных очков, – говорит он, когда я натягиваю шлем на густые волосы.

– Ничего, обойдусь. – Я усаживаюсь на заднее место, и юбка высоко задирается на бедрах.

– Нормально, Рэйч? – спрашивает Леви. – Может, я подыщу для тебя комбинезон или еще что-то?

– Все отлично, спасибо. Я у тебя в долгу, Леви.

Я хлопаю водителя по плечу, и он заводит двигатель. Мы устремляемся вниз по грунтовому серпантину; тонкая ледниковая пыль серым облаком клубится за нами. Я щурюсь в пыли, ветер выдавливает слезы из глаз и размазывает по щекам. Внезапно мне не хватает Трэя. Я ощущаю пустоту в сердце. Мне было приятно играть в команде, иметь человека, которому можно позвонить, на которого можно опереться. Даже после полугода жителя с Куинн я понятия не имею, как обращаться с ней. Это ее угрюмое присутствие, постоянное напоминание о Джебе до предела напрягли наши отношения, пока Трэй не предложил взять паузу. Эта размолвка стала постоянной.

«Мерзавец, тебе не хватило духу остаться рядом и помочь мне пережить это...»

Но глубоко внутри я понимаю, что сама сделала продолжение нашей связи невозможным. Куинн все изменила. И теперь ясно, что это еще не закончилось.

* * *

Желтые автобусы подъезжали к школьной автостоянке, выпуская в воздух белые облачка выхлопных газов в ожидании загрузки. Температура быстро падала, солнце уже заходило за горные вершины. Джеб оставил свой мотоцикл за рядом горных ясеней с гроздьями красных ягод. Отсюда он мог наблюдать за входом в школу, оставаясь невидимым. Он выключил двигатель, но не стал снимать шлем.

Он должен был уехать, отправиться в долину Вулф-Ривер и проверить свой старый дом до наступления темноты, но не мог этого сделать, поскольку Куинн по-прежнему оставалась в здании школы и, возможно, находилась в беде. Теперь будут последствия – возможно, даже вызовут полицию.

Вид собственной дочери, внезапно сорвавшейся на драку, оставил у него тяжелое впечатление. Был ли ее буйный характер следствием ее происхождения или обстоятельств? Могло ли все сложиться иначе в другой обстановке? С этими мыслями пришло нечто новое: родительская вина, чувство ответственности. Он знал, что такое быть чужаком в школе. Ему казалось, что всему виной внешние обстоятельства жизни Куинн. И это лишь подстегивало его желание доказать свою невиновность, поскольку он не мог позволить, чтобы его дочь хотя бы на мгновение решила, что она является плодом насилия, ребенком убийцы. Чтобы подвергнуться остракизму и быть изгнанной из общества. Он хорошо понимал, что, когда ребенок привыкает к своему ярлыку, бывает почти невозможно отделаться от этого.

Прозвучал школьный звонок, двойные двери распахнулись, и дети с криками и смехом устремились наружу. Родители подъезжали и отъезжали на автомобилях. Школьные автобусы наполнялись и отчаливали со стоянки.

Старый, побитый голубой «Форд» выехал на стоянку. За рулем сидела женщина с ярко-рыжими волосами, незнакомая Джебу. Она ждала в машине, не выключая двигатель. Вскоре площадка опустела, автомобили разъехались. Никаких признаков Куинн. Женщина наконец

выключила двигатель, вышла из автомобиля и направилась к входу. Огненно-рыжие волосы опускались почти до ее талии. Она носила джинсы, пуховой жилет и туристические ботинки.

Прошло еще двадцать минут, прежде чем рыжая женщина вышла из школы. Она немного постояла снаружи с растерянным видом. Потом отошла в тенистый угол и позвонила кому-то по мобильному телефону. Не получив ответа, она раздосадованно вздохнула. Потом набрала текстовое сообщение и стала ходить взад-вперед, поглядывая то на часы, то на дверь школы. Внезапно она остановилась и ответила на звонок.

Она повернулась спиной и наклонила голову, беседуя с кем-то. Потом выключила телефон, провела пальцами по гриве густых волос и снова посмотрела на школу. Наконец, она уехала.

Прошел еще час. Стало холоднее, и свет приобрел лиловый оттенок. Световое время с каждым днем укорачивалось на четыре минуты, когда земная ось наклонялась дальше от солнца.

Учителя начали расходиться, и на стоянке почти не осталось автомобилей.

Когда свет потускнел, а холодный ветер задул сильнее, питаемый нисходящими воздушными потоками с горных склонов, на мостовой закружилась палая листва. Патрульный автомобиль вырулил на стоянку и остановился у входа. Оттуда вышла женщина в мундире, поправила табельное оружие на поясе и вошла внутрь.

Значит, они вызвали полицию. Скорее всего, из-за него. Джеб стиснул зубы.

Он нарушил свое решение не приближаться к дочери. Ему понадобилась только искра со стороны этих малолетних хулиганок, чтобы воспламенить его, а теперь он навлек на нее неприятности. Самое последнее, что он хотел видеть в качестве связующего звена между собой и Куинн. Пока он не докажет свою невиновность.

Пока он не выяснит, почему эти четверо парней лгали друг другу и давали ложные показания в суде.

Пока он не узнает правду.

Через несколько минут из прохладных сумерек начала подкрадываться темнота. Джеб был только рад, что оставил на себе шлем и перчатки. Высоко пролетел с тихим гоготом гусиный клин. Одинокие путники, отбывающие в теплые края.

Двери школы снова распахнулись. Наружу вышла блондинка в сопровождении двух светловолосых девочек. Одна из девочек прижимала к носу гигиеническую салфетку. Через несколько секунд за ними последовали лысеющий мужчина и стройная брюнетка, которые держали за руки еще двух светловолосых девочек. Мужчина и женщина обменялись несколькими фразами и препроводили детей в джип «Хаммер» и «Форд Эсколейд».

Автомобили уехали.

Через две минуты из школы вышла женщина в полицейской форме. Она помедлила у двери, осматривая автостоянку, а потом неспешно направилась по травянистому пригорку к бейсбольному полю и трибунам.

Она остановилась на гребне пригорка, где учительница увидела Джеба, и посмотрела на деревья, где он стоял раньше. Потом повернулась и зашагала к своему автомобилю. Джеб не сомневался, что она собиралась объехать вокруг школы и посмотреть, опросить ближайших соседей насчет высокого темноволосого незнакомца в кожаной куртке – человека, который проник на школьную территорию и прикасался к девочкам.

Напряжение не оставляло его. Часы начали обратный отсчет. *Игра началась.* Он не собирался начинать именно так или так скоро.

Женщина-полицейский отъехала от школы, повернула направо и направилась к жилым домам, огибавшим бейсбольное поле. Настала тишина, прерываемая лишь биением веревки и карабинов о металлический флагшток, хлопаньем флага. Джеб посмотрел на часы. Уже почти четыре часа, и становилось темно, но Куинн еще не вышла.

До него внезапно донесся звук приближавшегося автомобиля. Серый «Додж-Рэм» круто повернул на автостоянку, и покрышки взвизгнули, когда водитель обогнул поворот и подъехал прямо к школьному входу, где запрещалось ставить машины.

Дверь со стороны водителя распахнулась, и появились длинные ноги в сапогах, обтянутые колготками бедра и короткая юбка. Каштановые волосы взметнулись над головой женщины, когда ветер подхватил их. Джеб вздрогнул, как от удара током.

Рэйчел.

Он застыл с гулко бьющимся сердцем, пока смотрел, как она протягивает руку за коричневой курткой на заднем сиденье. Она набросила куртку на плечи и поспешила к школе, на ходу убирая ключи в карман. Джеб обратил внимание, что она слегка прихрамывает – видимо, после того падения на трассе, которое заставило ее уйти из спорта. Он сглотнул, но во рту было сухо, как в пустыне.

Распахнув двухстворчатую дверь обеими руками, Рейчел исчезла в школе.

Он читал о том происшествии в газетах. Она приближалась к финишу, когда вышла на подъем под неправильным углом и потеряла равновесие в воздухе во время прыжка. Она упала на плотно спрессованный снег и покатила по склону в вихре мелькающих лыж и лыжных палок. Край одной лыжи зацепился за оранжевое ограждение трассы, и ей вывернуло ногу отдельно от тела. Когда она остановилась, темно-красная кровь уже расплывалась на белом снегу, и зрители замерли в потрясенном молчании, пока санитары бежали к неподвижному телу и вызывали спасательный вертолет.

Мощный поток адреналина хлынул в кровь Джеба, пока он смотрел на двери, за которыми скрылась Рэйчел. Реакция была настолько мощной и первобытной, что он задрожал всем телом. Он каждую ночь видел во сне эту женщину. Женщину, которая была его самым близким другом. Единственную женщину, которую он любил, любил до сих пор. Женщину, которая теперь была недоступна для него. Тем не менее она заботилась о его ребенке. Она приехала сюда, чтобы заступиться за Куинн. Что за ирония судьбы!

Теперь он никак не мог покинуть свой наблюдательный пункт. Он должен был увидеть, как Рэйчел выйдет наружу вместе с Куинн. Он должен был снова увидеть их обеих.

Глава 5

Я быстро веду Куинн к автомобилю и на ходу засовываю в карман листок с именами и телефонными номерами родителей девочек. Хотя еще нет пяти вечера, уже наступила темнота, а температура опустилась почти до нуля. На школьной автостоянке включились фонари, залившие асфальт тускло-оранжевым светом. Листья шуршат и разлетаются у нас под ногами.

Куинн идет с опущенной головой, сгорбленными плечами и плотно сжатым ртом. Я почти час провела с директором и школьным психологом, пытаюсь сделать так, чтобы Куинн объяснила, почему она напала на девочек, но она упрямо молчит. Не знаю, что с этим делать.

Я открываю перед ней пассажирскую дверь, но Куинн стоит на месте, смотрит на свою обувь и так крепко прижимает к себе школьный рюкзачок, как будто от этого зависит ее жизнь.

– Давай же, Куинн. Садись, пожалуйста. На улице холодно.

Моя племянница отказывается сдвинуться с места.

Где-то в темноте над нами пролетает цапля; ее крылья мягко хлопают, как будто она что-то ищет под оранжевыми фонарями. Я замираю на месте, и по спине внезапно пробегает холодок. Я чувствую, что за мной кто-то следит. Придерживая рукой открытую дверь, я вглядываюсь в окружающую темноту. Кроме теней и листьев, ничего не движется, и я не вижу ничего необычного. Несколько пустых автомобилей и автофургон. *А может быть, это медведь, притаившийся в темноте за углом?*

Куинн вскидывает голову и смотрит на меня, как будто ощутив мой страх.

– Куинн, – ласково говорю я. – Ну пожалуйста.

Девочка залезает в автомобиль. Я захопываю дверь, усаживаюсь на водительское место и завожу двигатель. У меня дрожат руки, но не от холода. Меня обуревают тревога и беспокойство за Куинн. Чувство вины. Последние шесть месяцев она испытывала меня и не сочла достойной опекуна. Я не знаю, как это делать, особенно сейчас.

Слава богу, что все обошлось расквашенным носом. Школьная медсестра позаботилась об этом. Сегодня вечером мне придется

позвонить родителям и извиниться перед ними. До сих пор не было выдвинуто никаких обвинений, хотя в школу вызвали полицию. Меня беспокоит, чем это может обернуться. Но сильнее всего меня гложет известие о том, что мужчина с черными волосами появился на школьной территории и вмешался в драку. Одна из девочек заявила, что этот мужчина также последовал в лес за Куинн незадолго до стычки.

Слова Леви звучат у меня в голове, когда я включаю обогреватель.

Он не такой дурак, чтобы подписать себе смертный приговор. Что ему может понадобиться здесь?

Я делаю глубокий вдох. Джеб не знает о своем ребенке. Он *не может* знать. Откуда? Единственным другим осведомленным человеком является Трэй, а он обещал молчать.

Пока я жду, когда автомобиль прогреется, то делаю очередную попытку:

– Может, ты все-таки расскажешь, почему ударила Мисси?

Молчание. Я сдерживаю досаду и стараюсь говорить ровным тоном.

– Мне было бы полезно знать, отчего ты так рассердилась, потому что тогда мы сможем разобраться с этим...

– Они стервы, – неожиданно выпаливает она.

Я считаю до двадцати, потом спокойно спрашиваю:

– Они сказали что-то гадкое, чтобы спровоцировать тебя? Чтобы ты потеряла голову?

Куинн угрюмо молчит, уставившись на крышку отделения для перчаток.

– Послушай, – мягко говорю я. – Я действительно хочу помочь тебе. Пожалуйста, расскажи мне, что произошло на том поле. Если девочки говорили тебе обидные слова, это называется травлей, и нельзя делать вид, будто ничего не случилось. Будет только хуже.

Моя племянница резко отворачивается и смотрит в окошко. Она плотно сжимает рюкзак на коленях, костяшки пальцев побелели от напряжения.

Я делаю глубокий вдох. Полегче. Она пережила трудное время. Один неправильный ход может все испортить...

– Ладно, тогда мы можем обсудить это за обедом. Закажем еду навынос. Что бы ты хотела?

Она продолжает молчать, постукивая пяткой ботинка по основанию сиденья.

– Пицца?

Молчание.

– Жареный цыпленок?

– Я не хочу есть.

Я решаю спустить дело на тормозах, хотя бы ненадолго. Возможно, вечером Куинн станет более разговорчивой. Или завтра. После дня Благодарения в школе начинаются каникулы, и занятий не будет целую неделю. Возможно, мне следует оторваться от работы и побыть вместе с Куинн, сделать что-то особенное. Возможно, куда-нибудь поехать. Во мне назревает внутренний конфликт. Сейчас не время отходить от дел с газетой и потенциальными рекламными контрактами на носу, особенно когда наступает сезон больших «индейских распродаж». Бэнрок тоже будет дышать мне в спину, ведь теперь он владеет почти половиной моей компании.

Меня снова охватывает глубинный, темный страх: темноволосый незнакомец на школьной территории. Джеб вышел из тюрьмы...

– Этот человек, который прекратил драку, – говорю я. – Ты видела его раньше, или сегодня был первый раз?

Она даже не делает вид, что слышит меня. Постукивание становится более громким и ритмичным. Напряжение растет.

– По словам учительниц, у него черные волосы и он носит черную кожаную куртку. Он сидел на корточках и разговаривал с тобой, но когда они приблизились, он поспешил прочь и скрылся за деревьями.

Стук ее ботинка отдается внутри моего черепа.

– Мисси и Эбигейл рассказали миссис Дэвенпорт, что раньше он провожал тебя в магазин и что ты вернулась с пакетом сладостей. Это правда? Что он тебе говорил?

Мне отвратительны визгливые нотки в собственном голосе.

В салоне автомобиля заметно теплеет. Я жду еще какое-то время – в основном потому, что не понимаю, как мне следует себя вести. Чем больше я думаю об этом, тем больше тревожусь, что это мог быть Джеб.

– Ты говорила с ним по пути в магазин?

Молчание.

– Скажи мне, Куинн!

Она разворачивается, сверкая глазами.

– Они стервы! Он *все врут!* Он не шел за мной, а просто проходил мимо, когда это случилось. Он не плохой человек!

На моем лбу выступает пот. Я медленно перевожу дух.

– Значит, он купил тебе сладости? Он задавал вопросы?

– Какая разница, если купил? Никто не делает ничего хорошего для меня. Он добрый человек.

– Он спрашивал, где ты живешь?

Тяжелое, мрачное молчание невидимым облаком опускается на нее.

Я тянусь вперед и ставлю автомобиль на передачу, напоминая себе, что она потеряла родителей при чудовищном пожаре. Она была оторвана от своих корней и вынуждена жить вместе с молодой тетей, которую почти не знала. Новый город, новая школа. Новые друзья. Течение подхватило ее, и она могла только удерживаться на плаву.

Как и я.

Я внезапно чувствую себя очень одинокой и совершенно не приспособленной. Ни у кого из моих сверстников нет детей такого возраста. Трэй ушел от меня. У меня большой дом и бизнес, в котором я еще не вполне разбираюсь. Я тоскую по Софии и Питеру. Я тоскую по отцу. Общее чувство утраты оставило глубокую дыру в моем сердце. Чем я заслужила все это?

Нужно расставить приоритеты, думаю я. Куинн должна стоять на первом месте. Выше моего бизнеса. Выше моих финансовых неурядиц. Моя племянница балансирует на опасной грани, и моя первостепенная задача – обеспечить ее безопасность. Если это значит взять отпуск или даже покинуть Сноу-Крик на несколько недель вместе с Куинн, то я залезу в долги ради этого.

Я направляю машину к выезду со стоянки. Но когда мои фары осветили белый автофургон, я замечаю позади отблеск хромированной поверхности. Мотоцикл. Что-то заставляет меня посмотреть в зеркало заднего вида, когда я выезжаю на улицу. Дует ветер, тени движутся, и под таким углом я не могу разглядеть ничего особенного. На какой-то момент показалось, что на мотоцикле сидит человек в шлеме. Но может быть, это была игра света.

Когда я приближаюсь к перекрестку с автострадой, включается красный свет, и я останавливаюсь. Пока мы ждем, я снова обращаюсь к Куинн.

– Мне очень хочется, чтобы ты все-таки рассказала, почему набросилась на этих девочек.

– Я же сказала! – вопит она. Ее неистовство изумляет меня. – Они стервы, лживые стервы...

Слезы быстро катятся по ее бледным щекам, ее плечи судорожно вздрагивают.

Включается зеленый свет. Вместо того чтобы повернуть на север по автостраде, я быстро проезжаю перекресток и останавливаю автомобиль на обочине под ветвями старого дуба. Поворачиваюсь на сиденье, обнимаю Куинн и привлекаю ее маленькое дрожащее тело к себе. Просто крепко держу ее. У меня ноет в груди от ее боли. Я глажу ее мягкие волосы и вспоминаю, как держала ее на руках, когда она была новорожденным младенцем.

Передо мной вспыхивает еще одно воспоминание: я лежу в объятиях Джеба, под защитой его крепких рук. Боль пронзает меня изнутри. С того самого дня в офисе Гатри шесть месяцев назад Джеб и Куинн переплелись в моем сознании. Я до сих пор не могу отделить одно от другого.

Как я могла так ошибаться в нем? Как я могла так поступить? Я сглатываю комок в горле. Нет, сама я не справлюсь; мне понадобится помощь. Мне нужно будет отвезти Куинн к психотерапевту.

– Они все врут! – тихо рыдает она мне в куртку. – Они ужасные, ужасные лгуны. Я их ненавижу! – Ее гибкое тело вздрагивает, когда очередная волна рыданий накатывает на нее. – Это неправда...

– Что неправда, Куинни? – шепчу я и глажу ее волосы. – Ты имеешь в виду, что они говорили о мужчине, который шел за тобой?

– Они назвали меня незаконнорожденной, – шепчет она. – Они сказали, что я из приемной семьи.

Кровь гулко стучит у меня в висках.

– Что они сказали?

– Они сказали, что папа и мама не были моими настоящими родителями.

Теперь мое сердце колотится так, как будто готово выскочить из груди.

– Это неправда, – повторяет Куинн. Потом, ощутив мое внезапное замешательство, она медленно поворачивает лицо ко мне. Ее щеки блестят от слез, губы дрожат. – Я не приемный ребенок.

Я стараюсь сглотнуть, но не могу. Меня охватывает паника. София хотела сохранить в секрете происхождение Куинн, но я всем сердцем желаю того, чтобы они хотя бы рассказали ей, как удочерили ее. Черты Куинн изменяются, когда она наблюдает за моим лицом, видит мое растущее напряжение.

– Я... Я не... Разве...?

О Боже, София, где ты? Пожалуйста, дай мне знак, помоги мне... что я должна сказать? Почему вы оставили Куинн без этого знания?

Доверие.

Мне нужно завоевать доверие Куинн. Если сейчас я нарушу его, то навсегда потеряю мою племянницу. Но настало ли время сказать правду? Не причинит ли это больше вреда сейчас, чем потом? Я должна *что-то* сказать; девочки из школы открыли бутылку, и я уже не смогу загнать этого джинна обратно.

– Рэйчел? – тонкий, дрожащий голос Куинн звучит умоляюще.

Время как будто растягивается. Грохот в моей голове становится громче. Что бы я ни сказала сейчас, это надолго – может быть, навсегда – определит мои отношения с Куинн.

– Рэйчел? – Теперь голос девочки звучит пронзительно, и в нем слышатся нотки отчаяния.

Я делаю глубокий вдох и говорю:

– Куинни, твои родители любили тебя больше всего на свете. Они *были* твоими родителями во всех отношениях, но ты особенная, потому что у тебя есть еще и... биологические родители.

Господи, все равно плохо вышло!

– Я... не понимаю. – В ее глазах появляется необузданный блеск. Но обратного пути больше нет. Я беру ее маленькие холодные руки в свои ладони.

– Твои папа и мама очень долго, годами пытались завести собственных детей, биологических детей. Они очень хотели завести ребенка, иметь настоящую семью. Но когда врачи сказали им, что это невозможно, они решили взять приемного ребенка. Именно тогда они удочерили тебя. Ты вошла в жизнь Софии и Питера, и они стали заботиться о тебе. Они принесли тебя домой, когда тебе исполнился только один день от роду, – крошечную новорожденную малышку, прямо из больницы.

Мой голос прерывается из-за наплыва чувств. Я наклоняюсь и отвожу со лба прядь ее волос.

– Я была там, когда они привезли тебя домой. Я видела их улыбки: это был самый счастливый день в их жизни. Они собирались всегда быть с тобой и любить тебя. – У меня жжет глаза, но я нахожу силы закончить: – Они хотели ребенка, Куинни, и ты нашла их.

Она остается совершенно неподвижной. Я даже не уверена, что она дышит. Меня охватывает беспокойство, и я провожу ладонью по ее щеке.

– Они *были* твоими родителями, Куинн. Я *тоже* из твоей семьи.

По ее телу пробегает дрожь. Лицо белеет, губы сжимаются в тонкую линию. Она стискивает кулачки. Я не знаю, что делать; у меня нет никакого руководства. Я испытываю физическую потребность в том, чтобы моя сестра была здесь, чтобы она помогла мне, прошептала на ухо слова поддержки.

– Они собирались рассказать тебе, когда ты немного подрастешь, – говорю я, но голос изменяет мне. – У них просто не было шанса.

Она неожиданно выпрямляется отталкивает меня и выставляет рюкзак перед собой. Пряжка попадает мне в глаз.

– Ты тоже врешь! Все это ложь! Ты тоже стерва! – визжит она. Она расстегивает ремень безопасности и тянется к дверной ручке.

– Куинн! Подожди! – Объятая страхом, я хватаю ее за руку. Она гневно смотрит на меня, сверкая глазами. Я чувствую, как она дрожит. Она борется с собой, борется с этим знанием, стараясь отогнать его от себя, ответить ударом на удар. Ткань ее психики, ее веры в себя и свое происхождение – сама основа ее личности трещит по швам.

Я сглатываю и немного ослабляю хватку, но не отпускаю ее, опасаясь, что если сейчас Куинн выйдет из автомобиля, она слепо устремится в ночь. Окрестная глушь – опасное и холодное место, особенно в это время суток. Я достаточно долго проработала добровольцем в местной поисково-спасательной группе, чтобы знать это на собственном опыте. Я *знаю*, сколько людей так и не вернулись домой.

– Я люблю тебя, – шепчу я. – Я очень-очень сильно люблю тебя. Я всем сердцем любила твою мать, и Питера тоже. Мы *семья*. Куинни Маклин, ты член нашей семьи. – У меня прерывается голос. – Как и тебе, мне невыносимо, что произошло с твоими родителями. Но мы

с тобой – это все, что осталось. Нам нужно быть рядом друг с другом. Я тоже чертовски напугана. Вернее, мне страшно, потому что я не знаю, как быть хорошим опекуном. Но я здесь ради тебя, и я *всегда* буду с тобой. Это я обещаю. И еще я обещаю, что буду стараться изо всех сил. Но мне нужна твоя помощь.

Искренность моих слов что-то затрагивает в душе Куинн. Девочка медленно поднимает голову.

– Я не знаю, как это сделать, – повторяю я. – Но давай попробуем вместе, ладно? Потому что если ты сейчас откажешься от меня и убежишь, куда ты отправишься сама по себе? Если миссис Дэвенпорт выгонит тебя из школы за насилие, что мы тогда будем делать? К кому мы обратимся?

На шоссе завывает сирена, удаляясь в горы.

– Знаю, это паршиво, – шепчу я. – Но мы справимся. Понемногу, шаг за шагом. Мы будем стараться прожить каждый день. А потом, наверное, станет немного легче.словно рассвет после бури.

Долгое молчание.

В зеркале заднего вида внезапно появляется свет единственной фары и на мгновение ослепляет меня. Я поворачиваюсь и гляжу в заднее окно. Мотоцикл повернул с дороги примерно в ста ярдах за нами. Свет погас.

Я думаю о мотоцикле возле школы. Меня снедает беспокойство.

– Я хочу домой, – тонким голосом говорит Куинн. – Хочу к маме.

– Знаю. – Я снова обнимаю девочку и испытываю неопишуемое ощущение, когда прижимаю ее к своей груди. Материнский инстинкт. Осознание того, что я готова на все ради этого ребенка. На что угодно. И я защищу ее, я сделаю ее счастливой.

– Мы найдем способ, – шепчу я в ее волосы. – Мы вместе поставим этих девочек на место, хорошо? Но нам нужно сделать это по-умному. Мы не можем физически отбиваться от всех дурных вещей. Насилие – это не ответ.

– Именно так он и говорил.

По моей спине пробегает ледяной холодок. Я отодвигаюсь в сторону.

– Кто?

Она только смотрит на меня.

– Ты имеешь в виду... этого мужчину?

Молчание.

Страх и ярость попеременно курсируют во мне. Я поворачиваюсь на сиденье и гляжу туда, куда повернул мотоцикл.

– Он хороший человек.

– Откуда ты знаешь? – жестко спрашиваю я.

Что-то мелькает в глазах Куинн, и в этот момент я без тени сомнения понимаю, что это был Джеб. Он здесь. Он следовал за Куинн и говорил с ней. Это он проехал мимо на мотоцикле. Это он ждал и наблюдал возле школы.

– Он спросил, где ты живешь? – сдавленно спрашиваю я.

Молчание.

– Спросил или нет?

– Да! – выкрикивает она. Гнев – ее единственное оружие, и она снова хватается за него. – Он спросил, замужем ли ты. Я ему сказала, что твой тупой дружок бросил тебя.

Мне трудно дышать.

– У него есть мотоцикл?

– Нет. Не знаю.

– У него есть татуировка на шее? Маленькая рыбка?

Куинн резко отворачивается.

Я включаю зажигание, резко трогаюсь с места и возвращаюсь на дорогу. Разворачиваюсь на бульваре, едва не задев седан, припаркованный на другой стороне. Визжат покрышки. Я крепко сжимаю руль, потому что еду слишком быстро. Сердце бешено колотится в груди, пот выступает на лбу и верхней губе.

– Застегни предохранительный ремень, – говорю я.

– Что ты делаешь? Куда мы едем?

– В полицейский участок.

Она разворачивается лицом ко мне.

– Нет! Пожалуйста, не надо: он *хороший* человек.

– Откуда ты знаешь об этом? Потому что он купил тебе сладости? Потому что он приятно улыбался тебе? В мире есть очень плохие люди, которые хорошо знают, как понравиться маленьким девочкам. – Мой голос дрожит. – Ты можешь *думать*, что с ним тебе ничего не угрожает. Такие люди, как он, легко втираются в доверие. Они могут казаться друзьями, с которыми ты чувствуешь себя довольной

и счастливой. Но они опасны. Это хищники. Ты должна понять это. Они могут творить самые ужасные вещи.

– Он не опасен! – рыдает она. – Он читал мою любимую книгу. Он помог мне, когда те девчонки забрали мои сладости.

Я резко сворачиваю на общественную автостоянку, задевая колесами о бордюр. Потом останавливаюсь и какое-то время сижу с работающим двигателем, глядя в зеркало заднего вида. Сердце продолжает колотиться в груди, пот стекает по всему туловищу. Но мотоцикла нет. На улице нет ничего, кроме случайных машин. Возможно, тот мужчина на мотоцикле возле школьной стоянки только почудился мне. Может, я вообразила, что за нами следят. Я видела Джеба за каждой проклятой тенью, потому что его выпустили из тюрьмы. Это паранойя. Я приглаживаю волосы ладонями. Сейчас воображение – мой худший враг.

Полицейский участок соединен с пожарной станцией, которая примыкает к нему сзади. Рядом находится база поисково-спасательного отряда. В офисе Адама Лефлера горит свет, желтое сияние льется в холодную ночь. Он работает за столом. Его крупный силуэт выглядит надежно и успокаивающе. Все будет в порядке.

Мы все готовы помочь тебе, Рэйчел. Ты можешь звонить любому из нас, в любое время.

Я могу с этим разобраться. Если Джеб вернулся и напрашивается на неприятности, Адам сдвинет небо и землю, чтобы снова упрятать его за решетку – на этот раз навсегда. Я отстегиваю ремень безопасности.

– Пошли, – обращаюсь я к Куинн и открываю дверь со своей стороны.

Куинн забивается глубже на сиденье и снова прижимает рюкзак к животу.

– Я не пойду туда с тобой.

– Куинн...

– Ты не можешь заставить меня. Я укушу тебя. Я буду лягаться и кричать.

Она отказывается смотреть на меня. Ее лицо снова становится угрюмым и замкнутым.

Я гляжу на полицейский участок, закипая от досады. Достāju телефон из кармана и набираю номер. Звонок сразу направляется на

голосовую почту, где женский голос сообщает часы работы. Я ругаюсь сквозь зубы. Если не набрать 911, то телефон бесполезен.

Я выхожу из автомобиля и кричу в освещенное окно, где видела Адама за письменным столом.

– Адам! Ты меня слышишь?

Нет ответа. Он и не может ничего услышать через двойные рамы. Я оглядываюсь по сторонам: никого. Все тихо.

– Ладно, – говорю я и наклоняюсь в салон. – Оставайся здесь, но я запру тебя в автомобиле.

Девочка продолжает молчать, упрямо выставив подбородок.

– Я буду вон за тем окном, – я указываю на офис Адама. – Полицейские смогут видеть тебя оттуда.

Никакой реакции. Я поспешно снимаю куртку.

– Вот, набрось на плечи, чтобы тебе было тепло.

Она не берет куртку, и я оставляю ее на сиденье водителя рядом с Куинн. Устанавливаю замок защиты от детей, закрываю и запираю двери. Моя система безопасности работает со сбоями; если я активирую «детский замок», то даже пассажирскую дверь нельзя открыть изнутри. Мне не по себе от того, что приходится запирать девочку в машине, но я не знаю, что еще можно сделать. Я не могу силком тащить ее в участок и не могу рисковать ее побегом.

Я торопливо иду по дорожке и внушаю себе, что скоро вернусь и что все полицейские окажутся на месте.

Глава 6

Куинн крепко прижимала к животу свой школьный рюкзачок. Ей отчаянно хотелось *не верить* Рэйчел. Ей хотелось ненавидеть Рэйчел. Хотелось, чтобы она пропала. Что не было всех ужасных вещей, которые произошли с ней за последние полгода. Она хотела вернуть маму и папу. Она чувствовала себя так, как будто в горло запихали старый носок, и глупые слезы снова подступали к глазам.

Она лягнула каблуком основание кресла, пытаясь остановить слезы. Но они все равно жгли ей глаза изнутри. Она сунула куртку Рэйчел себе под нос. Куртка была мягкой, пушистой, и от нее слабо пахло тетиными духами. Еще там была кровь после того, как Куинн рассекла ей бровь пряжкой рюкзака. Она сильнее заколотила пяткой, глядя на тетю, легко бежавшую по дорожке и по бетонному крыльцу полицейского участка.

Канадский флаг развевался на ветру над зданием участка. Белые патрульные машины и полицейские внедорожники с красно-белыми полосами аккуратными косыми рядами стояли на площадке. За домом высоко над плещущим флагом темным пятном поднималась в небо вершина Медвежьей горы. Куинн видела теплые желтые огоньки ресторана «Тандерберд-Лодж» и причал канатной дороги наверху. Высоко над горными пиками переливались зеленовато-желтые полотнища северного сияния, отчего ледники казались призрачно-белыми.

Пока она ждала, окна автомобиля начали затуманиваться от дыхания. Куинн ближе подтянула к себе тетину куртку. Улица была темной и пустой, сухие листья проносились по мостовой.

Все они лгуны. Она не собиралась верить им. Нет, и точка.

Куинн сжала руку в кулак и протерла маленькую дырку в туманном стекле. Тогда она увидела это: блестящий черный мотоцикл, водителя в черном шлеме и куртке, наблюдавшего с другой стороны улицы, облачка дыма из выхлопной трубы.

Ее сердце дрогнуло. *Это он.* Она была уверена в этом.

Охваченная волнением, она протерла ладонью более крупную дыру и наклонилась вперед.

Мужчина. Его тень.

Она не боялась его.

Он ей понравился; он помог ей почувствовать себя особенной, как будто она имела ангела-хранителя. Возможно, ее мать призвала его с небес охранять ее – как в той книге, которую она читала, где ангелы были темными красавцами с татуировками, которые присматривали за одинокими девочками.

Тупая Мисси Седжфилд, Эбигейл Уинстерс и другие проболтались о том, что видели, как он последовал за ней в лесу, и насмеялись над тем, что он купил ей сладости. Мотоцикл почти исчез за туманом от дыхания Куинн, поэтому она быстро протерла стекло. Он оставался на месте.

«Это будет наш секрет, ладно?»

Теперь Куинн было стыдно, что она ввязалась в драку. Это заставило его выйти из тени и помочь ей, и тогда все увидели его. А теперь ее тетя будет болтать в полицейском участке. Рэйчел собиралась отпугнуть его. Мисси рассказала директору, миссис Дэвенпорт, о его черной куртке и черных волосах. Но они не видели татуировку у него на шее; Куинн была вполне уверена в этом. Когда он присел на корточки и обратился к ней, девочки уже бежали к школе. У него на шее была татуировка маленького кижуча. Она знала это, поскольку хорошо разбиралась в лососевых рыбах и видела индейские рисунки и резные изображения кижуча. Он сказал ей, что у самцов вырастают агрессивно изогнутые зубы, когда они поднимаются по рекам на нерестовые угодья.

Девочки сказали миссис Дэвенпорт, что он был страшным на вид.

Но они лгали. Его глаза были темно-синими, а его улыбка была лучшей на свете. А теперь Рэйчел и полицейские собирались прогнать его. Куинн провертела еще одну дырку в тумане. Он по-прежнему был там и наблюдал за ней. Она почувствовала теплоту в груди, от которой сжималось сердце. Ей нужно сохранить этот секрет. Друг... тайный друг.

«Это будет наш секрет, ладно?»

* * *

Молодая женщина с копной темных кудрей открывает дверь за приемной стойкой, защищенной пуленепробиваемым стеклом. На ее

именной табличке написано «Констебль Пирелло». Она меряет меня взглядом с непроницаемым выражением на лице. Типичный коп.

– Сюда, пожалуйста. – Она проводит меня в некую камеру с металлическими столами между пластиковыми перегородками. Стены и ковровые покрытия выдержаны в серых тонах. Сейчас внутри находится лишь один сотрудник; остальные столы стоят пустыми.

– Прошу вас, присядьте вот здесь. Вам принести воды? Можете рассказать, что случилось? – Она смотрит мне в лицо.

Я вытираю лоб, и мои пальцы липнут от крови, оставшейся после удара Куинн. С некоторым потрясением я понимаю, что выгляжу как жертва разбойного нападения. Я с головы до ног покрыта серой ледниковой пылью, волосы спутаны в бесформенную массу, на лице кровь.

– Ничего страшного. – Я смотрю на кровь у себя на руке. – Я спустилась с горы на мотовездеходе и очень спешила попасть в школу. У моей племянницы возникли... неприятности.

Женщина приподнимает левую бровь и смотрит на меня широко распахнутыми фиалковыми глазами.

– Ударилась головой при старте новой канатной гондолы, – объясняю я. – Со мной все в порядке. Я хочу поговорить с Адамом.

– Вы имеете в виду констебля Лефлера, заместителя начальника?

Теперь я понимаю, что она говорит с французским акцентом.

– Мы старые знакомые. Я знаю, что он здесь, поскольку видела его за окном.

Что-то мелькает в ее взгляде. Она отодвигает стул от ближайшего стола.

– Пожалуйста, подождите здесь.

Я остаюсь стоять, пока констебль Пирелло уходит по коридору. Несмотря на тяжелый оружейный ремень и бронежилет, ей удается придавать своей походке чрезмерно уверенный, даже соблазнительный вид. Я невзлюбила ее с первого взгляда.

Она возвращается по коридору вместе с Адамом. Пирелло тихо беседует с ним на ходу. Он поднимает голову и слегка вздрагивает при виде меня.

– Рэйчел, – он быстро подходит ко мне, – что происходит? Что случилось?

– Я ехала с горы на мотовездеходе и ушибла голову. Адам, мы можем поговорить наедине?

Он колеблется и смотрит на Пирелло.

– Это насчет инцидента с твоей племянницей в начальной школе?

– Да... отчасти.

– Это констебль Энни Пирелло, – говорит Адам. – Ее недавно перевели к нам из Монреаля. Она приняла вызов из школы, поэтому будет лучше, если она услышит все, что ты хочешь рассказать.

Пирелло снова бесстрастно глядит на меня своими фиалковыми глазами. Настороженная и внезапно раздраженная, я откашливаюсь и смотрю в сторону его кабинета в дальнем конце коридора. Пожалуй, будет разумнее дать задний ход.

– Прекрасно, – говорю я. – Меня интересует, выдвинул ли кто-то из родителей обвинение против моей племянницы или написал жалобу. Не знаю, что обычно происходит в таких случаях.

– На данный момент нет никаких обвинений, – говорит Пирелло. У нее забавная маленькая щель между передними зубами, которая странным образом тоже добавляет ей сексуальности. По какой-то причине это еще сильнее раздражает меня.

Я утираю рукавом кровь со лба.

– Девочки рассказали, почему началась драка?

– Никто из них не захотел говорить. – Пирелло удерживает мой взгляд, как будто ждет, что я проговорюсь и сообщу ей какую-нибудь полезную информацию.

– Насколько я понимаю, на школьной территории появился мужчина, который прекратил драку, – решительно говорю я.

Пирелло кивает, но хранит осторожное молчание.

– Судя по всему, девочки рассказали директору, что этот мужчина наблюдал за моей племянницей во время перерыва на лэнч возле бейсбольного поля. Миссис Дэвенпорт говорила вам об этом?

– Да.

Мое раздражение возрастает.

– И она сказала вам, что он следовал за ней до ближайшего магазина, где купил ей сладости?

– Все верно.

– Так что же случилось? – требовательно спрашиваю я. – Вы выяснили, кто он такой? Чего он хочет?

– У нас есть общее описание от девочек и двух учительниц, но ваша племянница не подтверждает их версию событий. Если она может что-то добавить, то наверное...

– Я хочу узнать *от вас*, кто он такой, – отрезаю я. – Он... он известен полиции? Может быть, он опасен?

Я замечаю, что Адам странно смотрит на меня.

– Мы не знаем, кто он такой, мэм, – говорит Пирелло. – Возможно, это просто добрый самаритянин, который решил вмешаться, когда увидел школьную ссору.

– Тогда почему он не дождался прихода учительниц?

– Мы еще не знаем, Рэйчел, – вмешивается Адам. – Мы опросили ближайших соседей и поговорили с продавцом из магазина. Пока нам удалось выяснить, что его рост примерно шесть футов и два дюйма и у него темные, довольно длинные волосы. Смуглое лицо. Он носит кожаную куртку и ездит на мотоцикле.

На мотоцикле.

– Куинн Маклин упоминала о чем-то еще? – спрашивает Пирелло.

Странное неприятие, близкое к отвращению овладевает мной, когда я слышу, как эта полицейская произносит фамилию моей племянницы и моей погибшей сестры. Вместе с этим приходит острый укол страха от того, что эта Пирелло может покопаться в деле и выяснить, что Куинн родилась от опасного преступника.

Мне совсем не нужно, чтобы копы – или кто-либо еще в городе – установили связь между Джебом и Куинн. Внезапно я чувствую себя пойманной в ловушку. Все происходит слишком быстро, и у меня не хватает времени на размышления. Я хватаюсь за край стола от усталости и головокружения.

Адам прикасается к моей руке.

– Рэйчел, ты уверена, что с тобой все в порядке? Тебе что-нибудь принести?

Я поднимаю руку.

– Все нормально. И нет, Куинн не хочет мне ничего рассказывать. Ей приходится очень тяжело после смерти родителей, и мы стараемся как-то пережить это. Я... я просто беспокоилась. Насчет потенциальных обвинений и особенно насчет личности этого мужчины. Мне пора идти; Куинн ждет меня в автомобиле.

Пирелло и Адам обмениваются быстрым взглядом.

– Если она что-нибудь упомянет, – начинает Пирелло.

– Я обязательно позвоню. Спасибо.

Я направляюсь к выходу, совсем не уверенная в том, что делаю, но интуиция подсказывает мне держать рот на замке. Если Куинн узнает от кого-то из города, что ее отца считают убийцей и насильником, это окончательно разобьет ей сердце.

Адам догоняет меня. Он берет меня под локоть и протягивает руку, чтобы открыть дверь, ведущую в приемную.

– Не беспокойся, – тихо говорит он. – Мы будем присматривать за этим парнем. После Дня благодарения я выставлю полицейский патруль рядом со школой. – Он мнется и смотрит мне в глаза. – Ты уверена, что больше ничего не хочешь сказать?

Ага. Теперь, когда Пирелло нет рядом, ты хочешь поговорить.

Я твердо выдерживаю его взгляд.

– Нет.

Между нами возникает безмолвная связь: общее понимание того, что Джеб находится на свободе. Мы оба думаем об этом.

– Сегодня я испугалась, Адам, вот и все. Мне следовало находиться рядом с Куинн, когда позвонили из школы. – Я тихо фыркаю. – Я до сих пор учусь быть матерью восьмилетней девочки, которая не хочет видеть меня в своей жизни.

– Вам обеим нужно прийти к нам на ужин. Я поговорю с Лили, и она позвонит тебе. Она великолепно управляется с детьми. Мы будем рады видеть тебя и Куинн у нас дома.

– Да. – Я выдавливаю улыбку. – Вы с Лили отлично постарались: двое замечательных мальчиков. Настоящая семья. Она счастливая женщина.

Я не могу скрыть легкой горечи в голосе. Дело не в том, что я завидую Адаму; дело в том, что мне не удалось осуществить эту мечту с Трэм.

В его глазах брезжит понимание. Я делаю шаг вперед, но он вдруг говорит:

– Ты беспокоишься, что это он, да? Поэтому ты приехала.

Я оглядываюсь через плечо. Энни Пирелло смотрит на нас. Пронзительный, оценивающий взгляд. Впечатляющая женщина.

Я отворачиваюсь и смотрю через стеклянные двери участка на мой автомобиль, припаркованный на стоянке. Темная фигурка Куинн сидит

за туманным стеклом.

– Что, если он вернется? – тихо спрашиваю я. – Мы можем помешать ему?

– Приговор Каллена был отменен. Как и любой свободный человек, он волен ездить, куда захочет. Сотрудники правопорядка не контролируют его передвижения. Но ему нет причины возвращаться сюда.

– Как насчет земельного участка на Вулф-Ривер, унаследованного от его матери?

– Там сплошная разруха. Для него ничего не осталось. Он будет безумцем, если попытается обосноваться и работать здесь. Его не любят в Сноу-Крик, Рэйчел, и он хорошо знает об этом. То, что он сотворил с этими девушками... да люди распнут его, если он вернется. Здесь накопилась масса остаточного гнева, и черт знает, что может случиться, если он сунется сюда. Я не уверен, что смогу управлять ситуацией.

– Что если он жаждет возмездия за то, что мы дали показания против него? Знаешь, как тот преступник, который вернулся за своим адвокатом в фильме «Мыс страха»?

Адам медлит с ответом.

– Думаешь, он может прийти за твоей племянницей, чтобы добраться до тебя? В этом все дело? Думаешь, он может явиться за нашими детьми, чтобы запугать нас?

Я покусываю нижнюю губу. Глубоко внутри – даже сейчас, несмотря на мою предубежденность к Джебу, несмотря на судебные доказательства и мои собственные страхи, – я не могу до конца поверить, что он способен на такое. Когда речь идет о Джебе, я не могу ясно мыслить. Трэй говорил, что со мной что-то не так, что я становлюсь больной на всю голову, когда дело доходит до Джеба. Возможно, он прав.

На лице Адама появляется суровое выражение.

– Послушай, если Каллен посмеет сунуть нос в этот город, мы слетимся к нему, как мухи на дерьмо. Один неверный шаг – а он оступится, можешь мне поверить, – и мы пригвоздим его к позорному столбу. Тогда он навсегда вернется в Кент. Я не позволю, чтобы усилия моей матери были спущены в унитаз. Она арестовала его по всем правилам. Это не ее ошибка, и ее коллеги тоже ни в чем не виноваты.

Я удерживаю его взгляд и ощущаю недоверие и подозрительность Адама. Он не знает, как толковать мое нынешнее поведение, он не может залезть мне в голову, и это нервирует его.

– Спасибо, Адам.

Я выхожу в приемную и распахиваю стеклянную дверь, ведущую на крыльцо. Холодный ветер ударяет мне в лицо.

– Если увидишь его, скажи мне, – говорит он мне в спину. Я оборачиваюсь.

– А ты думаешь, я могу поступить иначе?

Он сталкивается с моим взглядом, и я опять чувствую его недоверие. Когда стеклянная дверь захлопывается за мной и я поспешно иду к автомобилю, то ощущаю на себе взгляд Адама. Я догадываюсь о его желании, чтобы незнакомец оказался Джебом, а я смогла бы обвинить его в чем-то серьезном. Он страстно желает арестовать Джеба и снова упрятать его за решетку, чтобы исправить несправедливость, когда преступник, арестованный его матерью, был выпущен из тюрьмы на основе технических формальностей. Если Джеб на самом деле вернулся, то пусть Адам сам ловит его. Они не нуждаются во мне, а тем более в Куинн.

Что бы ни случилось теперь, моя задача – защитить Куинн и держать ее подальше от этого. Я посмотрю расписание полетов, забронирую билеты на завтрашний рейс, и мы уедем из города. У меня есть накопленные мили на кредитной карте; я могу позвонить подруге и спросить насчет ее дома на Мауи. Остается надеяться, что к концу школьных каникул после Дня благодарения все успешно закончится.

Я достаю ключи и уже собираюсь открыть машину, когда из темноты раздается мужской голос.

– Рэйчел!

Я замираю на месте с сильно бьющимся сердцем.

Высокая мужская фигура появляется из-за серебристого внедорожника, припаркованного возле базы поисково-спасательной группы. Я сразу узнаю его по походке. Трэй. Я бормочу ругательства себе под нос.

Сегодня среда, день практических занятий и тренировок. После тренировки спасатели вместе с некоторыми пожарными и копами обычно направляются в салон «Шэди Леди» выпить пива. Добровольческая работа в поисково-спасательном отряде занимала мое

свободное время до появления Куинн. После нашего разрыва я больше не хочу видеть Трэй в обществе моих знакомых.

Остальные члены спасательной группы выходят из здания базы за его автомобилем. Смех и дружеские подтрунивания разносятся в ночном воздухе.

Трэй подходит ко мне, выдыхая облачка пара.

– Я слышал о Куинн и о том, что случилось в школе.

Я смотрю на его серебристый автомобиль. В салоне включен свет. Внутри сидят женщина и ребенок на заднем сиденье. С легким изумлением я узнаю платиновую блондинку с замысловатой прической. Это Стэйси Седжфилд, мать-одиночка с дочерью Мисси.

Мелисса «Мисси» Седжфилд была той девочкой, которая сегодня получила по носу от Куинн. Телефон Стэйси есть на листке бумаги в моем кармане.

Трэй замечает, куда я смотрю, и тихо кашляет.

– Стэйси рассказала мне, что произошло. Ты как, нормально? Если мы можем помочь...

– Мы?

Его глаза блестят в отраженном свете.

– Ты и Стэйси?

– Послушай, это...

– Господи, Трэй... Сколько времени прошло, четыре месяца? – Моя обида глубока и совершенно иррациональна. Мы собирались пожениться и провести целую жизнь вместе, а он уже нашел кого-то еще. – Тебе нравится ее дочь, но не моя племянница?

– Это нечестно. Дело в другом. Мы...

Я скидываю руки.

– Прошу прощения, сейчас я не могу говорить с тобой.

Я разворачиваюсь спиной к нему и открываю замок автомобиля.

– Рэйчел, нам нужно поговорить! – окликает он.

Но я не обращаю внимания на его слова. Я забираюсь в салон, захлопываю дверь и трясусь от холода.

– Что происходит? – спрашивает Куинн, широко распахнув глаза. Она прячется под моей курткой, и это доставляет мне неопишное облегчение.

– Что сказали полицейские? Чего хочет Трэй?

Я вставляю ключ в замок зажигания и быстро завожу двигатель. Краешком глаза я вижу, что Трэй идет к моему автомобилю. Я ставлю машину на передачу и жму на газ, оставляя его стоять в красном сиянии тормозных огней, прежде чем поворачиваю на дорогу. Потом смотрю в зеркало заднего вида. Он стоит на тротуаре и смотрит мне вслед.

Я с силой выпускаю воздух из легких.

– Я ничего не сказала копам о том мужчине. Просто спросила, что случилось и будут ли выдвинуты обвинения. – Я снова гляжу в зеркало и убеждаюсь, что за нами никого нет. – В автомобиле Трэя сидела Мисси Седжфилд и ее мать Стэйси. Похоже, ты врезала по носу дочери новой подружки Трэя.

Наверное, мне не стоило бы упоминать об этом, но сейчас мне нужна любая связь, любая поддержка. Я даю ей понять, что мы одни против всего мира и что мы можем доверять друг другу.

Куинн несколько долгих секунд изучает мое лицо.

– Трэй встречается с *матерью Мисси*?

Я кривлю губы; обида не отпускает меня. Мои руки крепко сжимают рулевое колесо.

– Мисси Седжфилд – тупая корова, – говорит Куинн.

Я невольно улыбаюсь.

– Да, и я никогда не ладила с ее матерью.

– Ты училась вместе со Стэйси Седжфилд?

Я кошусь в ее сторону.

– Ага. Должна признаться, тогда мне тоже несколько раз хотелось врезать ей по носу.

Куинн молча смотрит на меня, и я ощущаю тонкую ниточку взаимосвязи. Тонкую, как паутинка, но не менее прочную. Мне хочется снова спросить, что Мисси сказала ей, но я не хочу оборвать эту новую связь. Сначала нужно укрепить ее.

Я включаю обогреватель на полную мощность и поворачиваю на север по автостраде. Куинн устраивается поудобнее и засыпает. Сегодня был трудный день. Я бросаю очередной взгляд в зеркало заднего вида и не замечаю ничего необычного. Теперь можно спокойно дышать.

* * *

Джеб смотрел, как уезжает Рэйчел. Адам Лефлер тоже наблюдал за ней из окна своего кабинета. И Джеб видел, как Трэй Сомерленд подошел к ее автомобилю.

Он тихо ругается себе под нос. Он хотел узнать, что она сказала копам. Ему нужно было гарантировать, что отцовство Куинн останется в секрете, пока он не очистит свое имя. Его беспокоило, что дело могло выйти наружу.

Он медленно ехал по улице под тихий рокот двигателя. Но он не собирался следовать за Рэйчел. Благодаря Куинн он знал, где она живет. Он вернется позже, когда все будет тихо и Куинн заснет.

Он был вынужден приложить руку к сегодняшним событиям в школе. Как отреагирует Рэйчел на его появление у порога ее дома – можно только гадать.

Нервозность, предчувствия, раскаяние – чувства, которые он не мог точно определить, – волнами проносились через него.

Глава 7

Когда мы выезжаем в уединенные пригороды Сноу-Крик, где нет уличных фонарей, густой и темный лес обступает нас с обеих сторон. Северное сияние полыхает в небе, заставляя ледники испускать призрачное свечение. Я в очередной раз заглядываю в зеркало заднего вида, чтобы убедиться, что все в порядке.

На дороге за нами никого нет.

Я сворачиваю с шоссе на лесистый полуостров, который вдается в озеро, где мы живем. Там есть всего лишь три земельных участка: мой и два соседских дома, чьи хозяева приезжают только зимой. Знакомая депрессия овладевает мной, когда я веду свой старый пикап по ухабистой подъездной дорожке. Ветки скребутся о двери, напоминая о несостоявшейся подстрижке и обо всех других вещах, которые я собиралась сделать. О домашних занятиях, которые мы планировали вместе с Трэем. Ремонт и реконструкция дома. Ландшафтные работы. Реновация шлюпочного эллинга, чтобы мы могли сдавать его в аренду ради дополнительного дохода. Когда мы приближаемся к дому, я вижу, что лампочка над крыльцом перегорела. Все погружено в черноту.

Я ругаюсь сквозь зубы, когда мои фары освещают деревянную калитку во дворик сбоку от кухни, где я складываю всякий мусор. Калитка висит на петлях и хлопает на ветру. Куча жестяных банок катается по бетону перед кухонной дверью.

Я тщательно вымыла эти банки перед тем, как сложить их в мусорный бак снаружи. Но медведи лезут везде в отчаянных попытках набрать вес для впадения в зимнюю спячку. Нужно будет убрать этот мусор. Но моя первостепенная задача – обеспечить Куинн горячую еду перед тем, как отправить ее в душ. Поддержать домашний распорядок, насколько это в моих силах. Найти способ обсудить сегодняшние события.

Я лезу в бардачок за налобным фонарем.

– Подожди минутку, пока я не посмотрю, что медведь ушел, – говорю я, когда выхожу из автомобиля. Но Куинн не слушает меня. Она вылезает наружу, хлопает дверью и топает к парадному входу,

держа в руках мою куртку и мой рюкзак. Я черпаю надежду хотя бы в том, что она держится за что-то мое. Она набирает код на замке, и дверь закрывается за ее спиной.

Я стою одна в темноте и глубоко дышу. Провожу по двору лучом фонарика. Одновременно лягаю банки и стараюсь производить побольше шума, чтобы медведь не подходил ближе. Когда я убеждаюсь в том, что никого нет, то собираю жестянки и убираю их в мусорный контейнер. Потом снова замираю. Волоски на шее встают дыбом, когда я слышу другой звук за шелестом ветра. Я внимательно слушаю, но ничего не слышу. Но кто-то явно наблюдает за мной из темноты. Первобытный страх проползает мне в голову.

Я быстро хватаю последнюю жестянку, вхожу в дом месте с мусорным мешком и запираю дверь за собой. На мгновение приваливаюсь спиной к двери, закрываю глаза и собираюсь с силами.

Наверное, это медведь. Все дело в моей паранойе. Но когда я снимаю грязные сапоги и шлепаю в чулках на кухню, недоброе предчувствие не покидает меня.

Трикси стучит хвостом при моем появлении, но не встает со своей лежанки, как раньше. Ей удобно там, где она находится. Она надеется, что ее покормят. На кухне нет никаких признаков Куинн, как и в гостиной на другой стороне дома.

– Куинн? – Я включаю свет и отопление. Девочки нигде не видно.

– Куинни! – зову я, когда поднимаюсь по лестнице. Я поворачиваю ручку двери ее спальни. Заперто. Я тихо стучу в дверь.

– Куинн, ты придешь ужинать?

– Я не хочу есть, – отвечает приглушенный голос изнутри. Она явно плакала.

– Тебе нужно что-то съесть...

– Я же сказала, что не хочу. Уходи.

Я закрываю глаза.

– Куинн, нам надо поговорить.

Молчание.

Я растерянно стою перед дверью. Это именно та дилемма, ради которой я призывала дух моей сестры. За последние несколько лет мы редко встречались, но каждый раз, когда мне была нужна помощь, София была рядом со своими мудрыми советами. Горечь утраты настолько велика, что у меня перехватывает дыхание. Моя мать

умерла, когда мне было восемь лет – столько же, как и Куинн сейчас. Поэтому я отчасти понимаю ее душевную боль. София, на одиннадцать лет старше меня, приняла роль матери. Мне хочется, чтобы Куинн позволила мне сделать то же самое для нее. Я борюсь со слезами. Я очень устала, вот и все. Завтра утром я буду сильнее и сообразительнее. Мы уедем отсюда.

Я принимаю обжигающе горячий душ и вычищаю дневную грязь из волос, но все равно не могу избавиться от холода в костях. Наношу дезинфицирующий крем и пластырь на маленький порез над бровью и сушу волосы. Надеваю тренировочный костюм и спускаюсь вниз в носках. Покормив Трикси, я направляюсь к камину.

Я опускаюсь на колени со скатанной старой газетой руках, поджигаю бумагу, потом растопку и кладу дрова. Глядя на пляшущие языки пламени и слушая тихое потрескивание, я думаю о дровах, которые мы с Трэм рубили и складывали в поленницу перед отъездом на Бали. Удивительно, как быстро все развалилось. Появление Куинн послужило катализатором, но были гораздо более важные обстоятельства. Мне приходят на ум его слова:

«Знаешь, я всегда думал, что ты до сих пор равнодушна к нему. Что ты не можешь отречься от него, несмотря на то что он сделал».

Я встаю и расхаживаю по гостиной, сожалея о том, что не купила жалюзи для панорамных окон, выходящих на темный сад, лодочный элинг и озеро. Восходит луна, подсвечивая гребни волн пенным светом. Сегодня вечером с березы облетели последние листья, и голые ветви плятятся в небо, как скрюченные пальцы.

Я потираю ладони и думаю о супе. Но мне тоже не хочется есть. Вместо этого я наливаю виски из бутылки бочковой выдержки, оставленной Трэм. Беру бокал и устраиваюсь у огня в дедовском кресле с ноутбуком на коленях.

Потягивая виски, я ищу газетные статьи и комментарии о суде над Джебом и о его недавнем освобождении. Я кликаю по заголовку «Ванкувер Сан» трехдневной давности и снова читаю резюме судебных слушаний и последние усилия «Проекта Невинности» по опровержению его обвинения. Согласно статье, юристы проекта UBC заявили, что личный адвокат Джеба имел в своем распоряжении, но не предоставил доказательства наличия ДНК другого мужчины на окровавленной толстовке, обнаруженной в его автомобиле. В кармане

толстовки находилась пустая пачка «наркотика для изнасилований». Кроме того, толстовка была добавлена к уликам позже, чем остальные вещи из автомобиля Джеба. Полиция заявляла, что это техническая ошибка и что следы чужой ДНК не оправдывают Джеба. Но судья отменил приговор на основании разумного сомнения, постановив, что первоначальные свидетельства не были приняты во внимание.

Однако при этом судья не объявил Джеба невиновным. В результате, как написал один бойкий репортер, насильник оказался на свободе.

Я навожу курсор на фотографию, нажимаю клавишу, и лицо Джеба занимает весь экран. Смуглый, чувственный, молодой Джеб. Именно такой, каким я знала и любила его. Смешливые ирландские глаза его отца, иногда озорные и завлекающие, а порой исполненные глубокой тайны и печали. Вид этих глаз заставлял меня таять, посылал мурашки по коже. Я пью виски и чувствую, как в груди разливается теплота, но даже теперь его глаза на фотографии делают это со мной. Боже, как мне быть? Как избавиться от этих противоречивых, искаженных воспоминаний? От этих чувств? Нелегко описать глубину того, что я когда-то чувствовала по отношению к Джебу. Думаю, лишь немногие могут понять, что было между нами.

Когда он появился в начальной школе Сноу-Крик, я была зачарована им. Он был загадочным и совершенно непохожим на остальных. Особенным. Он будоражил мое воображение. Позже в том году, когда умер его отец, он пропал из школы, но вернулся следующей весной. Мы подружились и гоняли мяч на одном из нижних полей во время ленча. Постепенно он научил меня смотреть на мир новыми глазами. Думаю, тогда я впервые осознала, что в мире есть люди – такие, как индейская община в соседней долине, – чье мышление и образ жизни отличаются от нашего. Это превратилось в увлекательное приключение. Я начала встречаться с ним за пределами школы, и пока мои подруги гуляли по магазинам или ходили в кино, мы с ним отправлялись в лес. Он освободил девочку с мальчишескими ухватками, обитавшую во мне. Мы играли. Мы открывали новое. Он позволил мне сохранить детскую непосредственность гораздо дольше, чем это было у моих сверстниц. И мало-помалу мы осознали сексуальность друг друга. Было

восхитительно прикасаться к нему и ощущать его прикосновения. Джеб просто-напросто стал частью меня – того, чем я была.

А потом он поведал мне свой самый глубокий и темный секрет. Он рассказал причину своего исчезновения из школы в ту первую зиму.

Это было необыкновенное признание. Высшая степень доверия... и я предала это доверие. Я воспользовалась его глубочайшим личным секретом, чтобы отправить его за решетку. Шепот вины до сих пор остается со мной.

Я нажимаю на другой снимок, сделанный перед зданием суда перед началом первого заседания более восьми лет назад. Угол освещения на фотографии подчеркивает смуглую кожу Джеба, его выступающие скулы. Его длинные черные волосы блестят на солнце. Я вижу его татуировку: кижуча с сердитой зубастой пастью, плывущего вверх по его шее. Однажды Джеб сказал мне, что из всех лососей кижуч обладает тремя качествами, которые он ценит больше всего: мужеством, упорством и неистовой целеустремленностью в желании идти до конца.

Теперь мне хочется знать, до каких пределов он намерен пойти.

Я осторожно прикасаюсь кончиками пальцев к его лицу на экране. Во мне распускаются знакомые чувства вины и нежности. Вместе с ними приходит гнев, ненависть и горечь измены, и все это превращается в маслянистый коктейль, обволакивающий меня изнутри. Этот человек изнасиловал мою одноклассницу и оставил ее практически мертвой. Эми, мать Куинн. Другая одноклассница до сих пор числится пропавшей без вести, предположительно убита. Судья не сказал, что он не виноват в этом. В полиции больше никто не расследует это старое преступление. Дело в том, что копы по-прежнему считают его виновным во всем, что случилось. Они даже не заподозрили никого, кроме Джеба. Все улики до сих пор указывают на него.

Я тихо ругаюсь и допиваю виски, прежде чем налить в низкий стакан еще на два пальца янтарной жидкости.

За тебя, Трэй. За тебя, Джеб... За исковерканное прошлое.

Я делаю очередной глоток и быстро пролистываю еще несколько газетных статей, а потом вдруг останавливаюсь на фотографии, привлекающей мое внимание. Я щелкаю по ней, и увеличенное изображение заполняет экран.

Группа людей сидит за столом для пикника перед зданием суда во время слушаний об отмене приговора Джеба. Солнечный день, они завтракают. За столом сидит юридический советник проекта «Невиновность» – пожилая азиатка, отошедшая от дел техническая работница полиции, которая дала показания в пользу Джеба насчет анализа ДНК, – и блондинка, в которой я сразу же узнаю Пайпер Смит. Это ее документальная драма для программы «Настоящее преступление» выявила ошибки в полицейских доказательствах и наличие дополнительной ДНК на окровавленной толстовке. Пайпер была первой, кто убедила бывшую криминалистку дать показания в пользу Джеба. Но в этой группе есть еще одно лицо, от которого мое сердце сразу же бьется сильнее.

Лицо Софии.

Моя сестра завтракает и смеется с этими людьми. Их отношения вовсе не выглядят враждебными. Я осторожно ставлю виски на боковой столик и проверяю дату. Семь месяцев назад, за месяц до ее гибели.

София посещала эти слушания ради спасения Джеба? Как она могла оказаться тесно связанной с группой людей, боровшихся за отмену его приговора? Все должно было быть наоборот, особенно с учетом того, что Джеб был биологическим отцом ее приемной дочери. Разве Питер и София не прилагали все силы для того, чтобы Джеб оставался в тюрьме?

Я хмурюсь и листаю дальше. Нахожу другую фотографию Софии и одного из адвокатов проекта «Невиновность», где они беседуют на скамье во время перерыва в слушаниях. Их головы доверчиво склоняются друг к другу.

Я выпрямляюсь в полном недоумении.

Что ты делала на этих слушаниях, София? Почему ты не поговорила со мной?

Слова Гатри вращаются у меня в голове. Он сказал, что София договорилась встретиться с ним и обновить свое завещание. Но она погибла незадолго до того, как успела это сделать.

Какие изменения ты хотела внести, София? Они имели отношение к Куинн?

Ветер стонет и завывает в скалистых отрогах у озера. Этот звук похож на волчий вой и всегда заставляет меня ежиться. Я тянусь

к бокалу и делаю очередной глоток дорогого виски Трэя бочковой выдержки. Изнеможение опускается на меня, как ватное одеяло. Я закрываю ноутбук. Завтра я забронирую места на самолете и позвоню на работу. Я попрошу моего главного редактора Кэсс и менеджера по продажам Марджори разделить между собой мои рабочие обязанности хотя бы на неделю. Объясню, что у меня срочные дела и мне нужно уехать из города. Если они потеряют перспективные рекламные контракты, то потом мне придется разбираться с этим.

Все будет хорошо.

Когда мы с Куинн вернемся обратно, то Джеб либо уедет из города, либо Адам арестует его. Я откидываю голову на спинку дедовского кресла, позволяя ему обнимать меня, наслаждаясь последними моментами тепла из камина и потрескиванием дров, прежде чем отправиться в постель.

* * *

Что-то будит меня.

Мои глаза распахиваются. Я слушаю, вцепившись в ручки кресла.

Должно быть, я ненадолго заснула. Голова тяжелая от выпитого скотча. Огонь превратился в пульсирующие угли, и холод сочится из углов комнаты. Мир снаружи расширился, сместился, и теперь завывания ветра доносятся с другого конца озера. Этот ли звук разбудил меня?

Сомневаюсь.

Крошечные пальцы страха прикасаются к моей коже. Я быстро хватаю флисовое одеяло, которое набросила на плечи, и шлепаю к лестнице. Прислушиваюсь перед дверью Куинн. Все тихо; только вой ветра в дальних скалах.

Но леденящее ощущение усиливается.

Я пробую дверь, и она открывается. Куинн спит в озерце лунного света, ее темные волосы разбросаны по белой подушке. Приблизившись на цыпочках, я тихо накрываю одеялом плечи моей племянницы. Какое-то время стою над ней, наблюдая за ее ритмичным дыханием. У меня становится тесно в груди. Она упрямая, как и ее отец; она выстраивает стену гнева вокруг своих чувств ради собственной защиты. Эта мысль изумляет меня, и я гадаю, то ли она

исчезнет со временем, то ли я всегда буду вспоминать о Джебе и нашем прошлом, когда гляжу на Куинн.

Я наклоняюсь и тихо касаюсь губами ее волос. От нее пахнет котенком, сеном, солнечным светом. Эта девочка отличается от ее отца, и я *должна забыть* о связи между ними. В конце концов все пройдет – нужно лишь время.

Мирный сон Куинн и то, что она оставила дверь не запертой, придает мне спокойствие. По одному дню, по одному маленькому шагу за раз...

Но когда я выхожу из спальни и осторожно прикрываю дверь за собой, со двора доносится какой-то стук. Трикси внизу начинает твевать, и я ощущаю внезапный прилив адреналина.

Я бегу к кухонному окну и выглядываю в ночь. Там видны лишь колышущиеся кроны хвойных деревьев; темные тени чередуются с пятнами лунного света на траве. Какое-то время я смотрю, пытаюсь различить другие движения, увидеть грузный черный силуэт ковыляющего медведя. Потому что тогда я успокоюсь и буду знать, что не о чем тревожиться. Я подхожу к другому окну, откуда открывается вид на лодочный сарай. Волны тихо плещутся о причал, который покачивается на швартовах. Старое каноэ прикреплено к стеллажу на стены эллинга, и свободный кусок веревки постукивает по обшивке на ветру. Слетевшая сосновая шишка внезапно ударяет в оконное стекло рядом с моим лицом, и я непроизвольно вздрагиваю и отшатываюсь в сторону. Потом тихо смеюсь.

Вот и все. Ветер носит вокруг мелкие предметы: ветки и шишки. Должно быть, что-то упало на металлическую крышу.

Я гляжу на часы; десять часов вечера. Остается достаточно времени для хорошего ночного сна. Но когда я направляюсь к лестнице, от входной двери доносится тихий стук. Я замираю на месте. Это не ветер, не шишки или ветки.

Это он.

Он пришел.

Я интуитивно понимаю это. Страх хватается меня за горло. Какой-то момент я не могу дышать, не могу пошевелиться.

Снова стук, чуть более громкий и настойчивый. Трикси скулит, потом заливается лаем. Я бросаю взгляд на дверь спальни Куинн на верхней лестничной площадке, и меня охватывает паника. Я не могу

допустить, чтобы девочка проснулась или обнаружила, что он здесь. Борясь со страхом, я быстро подхожу к двери и включаю свет снаружи, но потом вспоминаю, что лампочка перегорела. Я выглядываю через глазок, и мое сердце дает сбой.

Джеб.

Неподвижная тень в серебристом лунном свете.

У меня в животе начинается непроизвольная дрожь.

Джеб стучит еще громче.

– Рэйчел! – окликает он. – Нам нужно поговорить.

Трикси визгливо лает.

Я застываю от ужаса и нерешительности. И от какого-то странного, первобытного предчувствия, от которого сохнет во рту и которое я вообще не могу определить. Боже мой. Я провожу рукой по волосам. Нужно позвонить в полицию. Адам арестует его за нарушение границ частной собственности или еще за что-нибудь.

Но он не нарушает границ чужой собственности. Он свободный человек, который стучится в дверь.

Перед моим мысленным взором мелькают газетные статьи. Лицо Софии на фотографиях. Ее улыбка, ее доверительные отношения с юристами проекта «Невиновность»... что я упустила?

– Пожалуйста, Рэйчел! Это важно.

Я сглатываю слюну, беру со стола мобильный телефон и кладу его в карман жилета. Держа Трикси за ошейник, я отпираю входную дверь и немного приоткрываю ее.

Но Трикси выворачивается из моего захвата и мчится вперед, толкает дверь и широко распахивает ее, когда прыгает на Джеба, тихо скулит и извивается всем телом. Я ошеломленно смотрю на эту картину. Старая собака помнит его и снова ведет себя, как щенок. Мои руки покрываются гусиной кожей.

Джеб ловит мой взгляд, когда наклоняется вперед, чтобы погладить собаку, и мой разум падает в воронку, где время искажается, растягивается и прошлое совмещается с настоящим.

Он стоит перед входом, как призрак, созданный волшебством моей памяти. Смуглый, высокий, невероятно опасный и привлекательный. Одетый в черные джинсы, черные байкерские ботинки и белую футболку под кожаной курткой. И он гладит мою собаку точно так же, как десять лет назад. Спустя столько времени. У меня в голове

раздается глухой рев, колени превращаются в желе. Я опираюсь на дверной косяк.

– Джеб, – хрипло шепчу я.

Он шагает вперед, и я беру себя в руки, но не могу попятиться от него. Я поймана в ловушку, как мышь под взглядом змеи. Свет из коридора падает на его лицо. Крепкий подбородок покрывает короткая щетина, лицо немного исхудавшее, волосы цвета воронова крыла слишком длинные. Дикая природа. Все в нем выглядит необузданно. Складки вокруг его губ заметно углубились. Каким-то образом он кажется выше, чем раньше. Годы, проведенные в тюрьме, никак не ослабили впечатления скрытой силы, исходящей от него. В сущности, оно лишь усилилось, и я ощущаю его собственной кожей, словно кинетическую энергию. Оно заряжает волоски своим электричеством, как будто влечет меня к нему на клеточном уровне.

Прошло восемь лет с тех пор, как я последний раз видела его в зале суда. Девять лет с тех пор, как я находилась рядом с ним. Беседовала с ним. Прикасалась к нему.

Целовала его.

– Думаю, она помнит меня, – говорит он и треплет Трикси по загривку. Собака устраивается возле его ног и радостно поскуливает. Меня окружает вихрь воспоминаний. Маленькая Трикси, бегущая по траве вслед за мной и Джебом. Мы плаваем в реке. Джеб показывает мне, как научить Трикси идти по следу в росистом поле на утренней заре. Мы втроем лежим на тряпичном коврик под ласковым солнцем и смотрим на тополиный пух, плывущий на фоне пронзительно-голубого неба – бескрайнего, как наши мечты, и бесконечного, как наше будущее.

Жуткая вступительная сцена из документальной драмы Пайпер внезапно затмевает воспоминания: избитая, полуобнаженная Эми на железнодорожных путях.

Я рывком возвращаюсь к действительности, сую руку в карман и крепко сжимаю телефон.

– Чего ты хочешь? – спрашиваю я. – Почему ты следовал за моей племянницей в школе? Ты хочешь отомстить... хочешь наказать нас всех?

Черты его лица словно вспыхивают и становятся еще более резкими. Он меряет меня напряженным, немигающим взглядом, и его

ярменная вена пульсирует под татуировкой, оживляя ее в игре лунного света и тени. Я рассердила его, и это пугает меня. Мне известно, на что он способен.

Ветер снова завывает в сосновых кронах вокруг нас.

– Последнее, чего я хочу – это сделать тебе больно, Рэйчел, – говорит он глубоким, сдавленным голосом. Я чувствую его обиду.

– Тогда зачем ты пришел?

Что можно сказать или сделать после долгих лет молчания, обвинений, взаимной жесточенности и проклятой обиды? После невыразимой утраты, пустоты, предательства и бессильной ярости? Все это внезапно образует зияющую рану с нервными окончаниями, открытыми для холодного ветра.

– Куинн спит? – тихо спрашивает он.

До меня с трудом доходит смысл его слов.

– Что?

– Я хочу знать, спит ли она. – Он заглядывает в дом через мое плечо. – Где она?

Я наклоняюсь вперед, хватаю Трикси за ошейник и оттаскиваю собаку в коридор, подальше от него. Закрываю Трикси внутри и стою перед дверью в носках на ледяном полу. Мой палец лежит на клавиатуре телефона.

– У тебя есть ровно одна минута, чтобы сказать, что тебе нужно, а потом я вызову полицию.

Он поднимает руки и показывает ладони.

– Полегче. – Его взгляд быстро перемещается между телефоном, дверью и мною. – Я просто хочу поговорить, хорошо? В том числе о Куинн, но я не хочу, чтобы она знала о моем приходе.

Я нахожусь в растерянности.

Этот человек обладает психологическими признаками социопата... Он законченный лжец...

Джеб подходит ближе. Слишком близко. Я отступаю, но упираюсь спиной в дверь. Теперь мы одни, и я не знаю, чего он хочет. Мой палец успевает набрать девятку и первую из двух единиц аварийного номера 911.

Прежде чем я успеваю закончить, он бросается вперед и хватает мое запястье с такой силой, что мои пальцы немеют, и я роняю

телефон, который со стуком падает на пол. Я смотрю на телефон, пока сердце стучит в груди, как барабан. Потом медленно поднимаю голову.

Его пальцы тисками сжимают мое запястье. Его кожа обжигает мою. Его взгляд пронзает меня, как лазерный луч. Его лицо, его губы находятся близко... слишком близко. Я чувствую его знакомый запах. Мышечная память, первобытный огонь желаний прорывается сквозь страх. Меня начинает трясти.

– И что ты скажешь копам? – тихо спрашивает он, все еще пронзая меня взглядом. – Что я пришел посмотреть на мою дочь?

Мой брюшной пресс превращается в воду. Я молча смотрю на него, потеряв дар речи.

– Я знаю, Рэйчел. Знаю, что она моя дочь.

– Как?.. – хрипло выдавливаю я. – Откуда ты знаешь?

– София, – тихо отвечает он и отпускает мою руку. Он подбирает мой телефон и возвращает мне. – Твоя сестра помогала мне. Она одной из первых обратилась в проект «Невиновность». Они с Питером помогали оплачивать счета адвокатов.

У меня подгибаются колени, и я наваливаюсь спиной на дверь.

Сосновая шишка пикирует на металлическую крышу гаража, когда очередной сильный порыв ветра проносится через хвойный лес. Тени пляшут в головокружительном танце, грозя увлечь меня в темноту.

– София *сказала* тебе? – шепчу я. – Когда? Почему?

Несколько секунд он молча смотрит на меня.

– Мне очень жаль. Я думал, что, наверное, ты знаешь о нашей совместной работе. Она более пяти последних лет верила в мою невиновность. Я полагал... – Он делает паузу. – Я полагал, что она рассказала тебе об этом.

Мне нехорошо. Я не могу ясно думать.

– Значит, вот зачем ты пришел? За Куинн?

Он отворачивается, как будто решает, сколько мне можно сказать.

– Нет, – наконец отвечает он, и я чувствую, что это ложь. Он собирался сказать «Пока еще нет». К моему горлу подступает тошнота.

– Но поэтому я собирался поговорить с тобой. Я совершил промах, когда сегодня появился возле школы. Мне не следовало привлекать внимание к Куинн или к тебе. Пока что нет.

Пока что.

Но потом там случилась драка. Я видел, как ты ездила к копам. Мне нужно знать, что ты им сказала, потому что я не хотел предавать дело огласке. – Он выдерживает короткую паузу. – Ради Куинн. Ради моей дочери. И ради моего обещания Софии и Питеру.

Я соскальзываю спиной по двери и опускаюсь на холодную ступеньку, охваченная ощущением нереальности происходящего. Возможно, мне все это приснилось. Возможно, я заснула в кресле у огня.

Джеб медленно опускается на корточки передо мной. Он кладет теплую, тяжелую ладонь мне на колено.

– Боже, до чего ты хороша, – шепчет он. Его глаза влажно сияют в лунном свете. – Прошло столько времени.

На его лице появляется голодное выражение, как будто он готов проглотить меня целиком. Сильное, жилистое тело. Он такой же дикий, как эти горы и леса... и существа, обитающие там.

В нем сохранилось все, что с самого начала привлекало меня к Джебу, – животный магнетизм, свобода и необузданность. Его поэтичность, глубокая страсть к этим горам, к его родной земле. Его смелость, упорство, желание идти под бой своего барабана. Это привлекает меня и сейчас. Мое сердце и тело сражаются с моим разумом. У меня все плывет перед глазами, и меня обуревают желание прислониться к нему, оказаться в его объятиях, чтобы все эти годы вместе с давней трагедией растворились в прошлом.

Но потом я думаю о Куинн. О Софии.

– Я... Я не понимаю.

– Я невиновен, Рэйчел. И я вернулся домой, чтобы доказать это. А когда это будет сделано, я хочу получить доступ к моей дочери. Хочу сказать ей правду.

Глава 8

В лунном свете лицо Рэйчел кажется пепельно-бледным, боль и страх блестят в ее глазах. Но когда Джеб уселся на корточки перед ней, он увидел кое-что еще, темное и мерцающее. Он также ощущал это, словно разряды электричества, потрескивающие между ними, – что-то живое, еще не умершее. Атавистическая, первобытная часть Рэйчел по-прежнему тянулась к нему, и эта тяга была взаимной. Это возбуждало плотскую часть его существа, которую он привык держать глубоко скрытой внутри. И это беспокоило его. Он пришел объяснить ей причину своего возвращения и рассказать, что нужно сделать ради блага Куинн, но потом собирался отойти в сторону от них. Сейчас что-то подсказывало ему, что все гораздо сложнее, чем он думал.

– Я тебе не верю. Как я могу поверить, что София помогала тебе? Как ты можешь быть невиновным, когда Эми родила ребенка от тебя? Ее жестоко изнасиловали...

Ветер бросал ей в лицо пряди темных волос. Джеб поборол желание отвести эти локоны ей за ухо. Спросить о маленьком медицинском пластыре над глазом.

– Рэйчел, – мягко сказал он. – У нас с Эми все было по взаимному согласию. Это случилось до того, как ее похитили и избили. Я никогда не отрицал, что переспал с ней.

Его слова были как физический удар для нее. Она быстро заморгала, и ее прекрасные черты снова исказились от боли.

– Эти четверо парней подставили меня. Люк, Леви, Клинт и Зинк – по какой-то причине они все солгали, что я поехал на север. Но я ни разу не лгал в суде. И последнее, что я хотел в своей жизни – это причинить тебе боль. Если я виноват в этом, ничего не поделаешь. И мне жаль... очень жаль.

Рэйчел прижала ноги к груди и плотно обхватила колени. Она дрожала, и ее глаза были похожи на большие темные ямы. Ее губы... ему хотелось снова почувствовать их прикосновение. Всеми фибрами своего существа он внезапно потянулся к ней. Снова оказаться так близко, прикоснуться к ней... он думал, что запечатал каналы всевозможных новых чувств после того, как увидел Куинн. Но это

было другое, всепоглощающее чувство. Он почти боялся неистовости своего желания и любви к этой женщине. Джеб понимал, что его чувства к Рэйчел, которые он тщательно пестовал все эти долгие годы в тюрьме, вероятно, вышли за все разумные пределы. У него не было возможности встретиться с кем-то еще, чтобы вытеснить свою одержимость. У него остались лишь воспоминания, кем они когда-то были друг для друга, и он изо всех сил цеплялся за это. Это стало психологическим инструментом выживания.

Но здесь была реальность. Это было настоящее время. За десять лет Рэйчел прожила целую жизнь. Джеб был обязан помнить об этом и видеть вещи в перспективе. Он должен был передать свою весть, а потом держаться подальше от Рэйчел и Куинн, пока не докажет свою невиновность.

– Это была дурацкая ошибка, – сказал он. – Буйная подростковая реакция на нашу ссору, когда ты сказала, что между нами все кончено. Я не мог поверить, что это всерьез. Я думал, что когда ты протрезвеешь, то придешь в чувство. А следующим вечером я увидел тебя у костра в объятиях Трэя, где он целовал тебя и запускал руку тебе под свитер.

Джеб пристально смотрел на нее. Она сглотнула.

– Ты помнишь, из-за чего мы поссорились? – тихо спросил он.

Она посмотрела на звезды, как будто могла найти ответы в ночном небе или сила тяготения могла задавить чувства, которые он читал в ее взгляде. Темно-карие глаза были исполнены боли, которую он оставил после себя.

– Ты хотела заняться любовью со мной. Хотела, чтобы мы впервые занялись сексом. Я... – Он покачал головой. – Господи, я так сильно любил тебя. А ты была пьяна. Мне страшно хотелось обладать тобой, но я решил, что нам нужно подождать. Я хотел, чтобы первый раз был особенным, потому что... потому что ты была всем для меня. Я хотел, чтобы ты навсегда стала моей. – Он проглотил вязкий комок, вставший в горле. – У меня были планы жениться на тебе, Рэйчел. Я хотел, чтобы у нас была настоящая семья. Я хотел получить шанс на то, чтобы стать хорошим отцом.

«Каким никогда не был мой отец...»

– Ты собиралась в Европу для тренировок перед Олимпийскими играми, и я боялся, что ты навсегда покинешь меня, если мы не

разберемся в наших отношениях перед твоим отъездом. В тот вечер я приехал и нашел тебя в гравийном карьере. Я знал, что там будут наркотики и алкоголь. Я знал, чего хотели все парни. Я пришел, чтобы забрать тебя домой, чтобы уберечь тебя... а ты валялась на одеяле в обнимку с Трэем Сомерлендом. Помнишь, что он тогда сказал мне?

Она встретилась с его взглядом. Тонкая жилка пульсировала у нее на шее.

– Трэй назвал меня полукровкой, а ты рассмеялась. В тот вечер ты разорвала меня пополам.

Она опустила глаза. Ветер шевелил ее длинные волосы.

– Я была пьяна, – тихо сказала она.

– Знаю. Поэтому я собирался отвезти тебя домой.

Она резко передернула плечами.

– Прокуроры сказали, что ты взбесился из-за меня и что ты тоже начал пить как одержимый.

Она говорила так тихо, что он едва слышал ее. Джеб наклонился ближе и снова прикоснулся к ее колену. Она не отпрянула и не отодвинулась от него. Он чувствовал ее запах: цветочное мыло, шампунь, алкоголь. Он рефлекторно напрягся.

Она подняла голову и посмотрела на него.

– Они сказали, что ты взбесился из-за спиртного, потому что не привык к нему. Они сказали, что ты забрал Эми и Мэрили, чтобы сделать им больно, потому что на самом деле ты хотел избить меня. Я видела их в твоём автомобиле, Джеб. Я *видела*, как ты уезжал из карьера вместе с ними.

– К тому времени я уже переспал с Эми по взаимному согласию, – сказал он. – Я собирался отвезти ее домой, поскольку она не имела отношения к этому. Мэрили тоже захотела уехать. Но они обе вышли из моего автомобиля перед железнодорожным перекрестком на Грин-Ривер. Они увидели людей на поляне и побежали к ним. Я не знал, кто это. Только в суде мне сказали, что это были Леви, Клинт, Люк и Зинк. Тогда я впервые услышал их утверждение, будто они видели, как я уехал на север вместе с девушками.

Не было ни одного дня, Рэйчел, когда я бы не перебирал свои воспоминания о той ночи. Я старался разглядеть лица, старался вспомнить, где именно сидели те парни. Но в то время мои мысли путались; я был пьян и сильно раздражен... Остались пробелы. Но

я *точно* знаю, что меня угнетала эта внезапная связь с Эми. Я так увлекся самобичеванием, что даже не оглянулся, когда девушки вышли из машины. Я просто поехал домой. И я *не поворачивал* на север вместе с ними в моем автомобиле. Эти четыре человека – Леви, Клинт, Люк и Зинк – оболгали меня в суде. Я хочу знать, почему они лгали и защищали друг друга. Кто-то один из них совершил это? Или все они были соучастниками? Или они защищали кого-то еще? Как бы то ни было, я собираюсь выяснить правду.

Она прищурилась, изучая его лицо, ища способ оценить правдивость его слов. Решить, насколько она может доверять ему. Она боролась с собой так сильно, что ее рот приоткрылся в немом крике.

Но прежде, чем она успела что-то сказать, Джеб поднял два пальца и едва не прикоснулся ими к ее губам.

– Знаю, – прошептал он. – Улики свидетельствуют об ином. Я не собираюсь переубеждать тебя здесь и сейчас после всех этих лет. – Он помедлил. – Но я собираюсь *показать* тебе. Собираюсь показать, что они собой представляют. Именно поэтому я вернулся. Чтобы доказать мою невиновность и выяснить, кто это сделал. Найти тело Мэрили. И убедиться в том, что правосудие – настоящее правосудие – будет совершено. Мне нужна не месть, а восстановление в правах. И я имею право на это. Ради моей дочери. Ради моего дома.

Он наблюдал за ее лицом, по которому проносились мириады чувств. Вера в его слова опрокинет столпы ее убежденности, разорвет в клочья ее представления, которые она имела почти десять лет.

– Если ты этого не делал... – Она умолкла.

– Знаю, это трудно переварить. Если ты вдруг поверишь в мою невиновность, тебе придется поверить, что кто-то другой напал на Эми и Мэрили и оставил их умирать. Может быть, это даже один из тех, кого ты сейчас считаешь другом. Это значит, что уже больше десяти лет здесь существует заговор молчания с целью защиты виноватых. Это значит, что кто-то в городе знает, где находится тело Мэрили, – кто-то, кто имел свободный доступ к семье Цукановых и был готов отправить невиновного человека гнить в тюрьме за преступление, которого он не совершал.

Взгляд Рэйчер внезапно метнулся ко второму этажу дома, и Джеб заметил жесткость ее осанки.

– Да, – сказал он, словно читая ее мысли, – Когда я покончу с этим, мне понадобится общение с дочерью.

– Джеб...

– София и Питер пообещали мне, а я поклялся им, что когда без всяких сомнений докажу мою невиновность, они пустят меня в свою жизнь, и я буду свободно общаться с Куинн. Поэтому София стала помогать мне, когда она поверила в мою невиновность после знакомства с Пайпер Смит. В эту документальную драму о том, как все началось, снятую пять лет назад. София знала, что однажды ей придется рассказать Куинн о ее удочерении и что Куинн будет спрашивать о ее биологических родителях. София ни на секунду не хотела, чтобы Куинн считала себя плодом насилия, что в ее венах течет кровь убийцы и жестокого насильника. После того как все закончится, София хотела сказать Куинн, что я ее биологический отец, а дальше мы бы как-то пережили это вместе с ней.

Она тупо смотрела на него.

Джеб протянул руку и поднял флисовое одеяло, упавшее к ее ногам. Он осторожно набросил одеяло ей на плечи, снова оказавшись в непосредственной близости от ее лица. И вновь различил запах спиртного. Оставалось гадать, как часто она пьет в одиночестве. Он подумал о своем отце и обо всех дурных вещах, связанных с пьянством. Целенаправленность превратилась в пылающий уголь, продвигаемый вперед. Он должен был поступить правильно.

– Эми тоже хотела бы участвовать в этом, – сказал он. – Если бы она захотела и была готова.

Он помедлил, не желая распространяться об Эми и о ее смерти.

– Ты предлагаешь мне поверить, что Эми, ты, София и Питер собирались жить долго и счастливо с удочеренным ребенком? Эми, которая считала, что ты изнасиловал ее и убил ее лучшую подругу?

– Эми *знала* о чем-то, запертом в ее памяти. Это стало выходить наружу. Она начала бояться, что упрятала за решетку невиновного человека. Это началось после того, как Пайпер побеседовала с ней после документального фильма «Настоящее преступление»... – Он снова помедлил, осознав, что говорит слишком быстро и сбивчиво. – София пришла к выводу, что у Эми действительно сохранились воспоминания о той ночи, что она осознавала происходившее, несмотря на опьянение, но заблокировала эти воспоминания в ходе

посттравматической ретроградной амнезии. Тогда София попробовала новую методику гипноза, чтобы помочь Эми получить доступ к этим воспоминаниям. Она даже испытала эту методику на мне.

Он видел, что Рэйчел заметно напряглась. Между ними снова выростала стена. Она крепко прижала одеяло к груди и гневно нахмурилась.

– Выходит, все принимали участие в этом, кроме меня? Меня оставили в стороне? И тем не менее это я осталась вместе с Куинн! – Она сверкнула глазами. – С какой стати я должна верить тебе? Это лишь твои слова, и никто не может подтвердить их. София, Питер, Эми... все они мертвы. – В ее словах звучало горькое ожесточение. – Никто из них не может подтвердить, что ты тут наговорил!

Джеб напряженно размышлял. Меньше всего ему было нужно, чтобы Рэйчел замкнулась в себе. Он быстро достал из кармана маленький фотоальбом размером с бумажник. Раскрыл альбом и поднес к свету, лившемуся из кухонного окна.

– Вот, посмотри, – тихо сказал он.

Рейчел подалась вперед, и ее волосы упали ему на руку. Джеб медленно переворачивал страницы: новорожденная Куинн на руках у Софии; первый день рождения Куинн и ее лицо, измазанное шоколадным пирожным; Куинн с выпавшими передними зубами; Куинн в свой седьмой день рождения.

Рэйчел прикрыла рот ладонью, ее плечи опустились. Она резко втянула воздух.

– София... Она принесла тебе эти фотографии в тюрьму?

Он кивнул.

– Она не говорила мне об этом, – повторила Рэйчел. – Ни одного проклятого слова!

– Она не хотела причинять тебе боль. Она боролась за освобождение человека, которого ты помогла посадить в тюрьму. Человека, который – по твоему мнению – предал тебя самым подлым образом. Она не хотела конфликтовать с тобой по этому поводу, чтобы ты не подумала, будто она тоже предает тебя. Сначала она хотела убедиться.

– К черту Софию! – внезапно сказала Рэйчел и поднялась на ноги возле двери. – Пусть катится к дьяволу! Она не сказала мне... обо всем этом. Тем не менее она сделала меня распорядительницей своего

завещания, чтобы я узнала правду самым шокирующим образом – через документы об удочерении, – что ты являешься отцом девочки. Выходит, я была пригодна для этого, но не для всего остального?

Джеб схватил ее за плечи, и она замерла.

– Она не ожидала, что погибнет, Рэйчел! До того как успеет закончить то, что они начали с Питером.

– Убери руки, – прошипела она. – Просто уходи отсюда. Убирайся к черту из моего дома.

Ее тело вибрировало от гнева и напряжения. *Держи дистанцию, напомнил себе Джеб. Ей нужны время и место, чтобы переварить это.*

– Послушай меня.

– Ты думал, что можешь просто прийти сюда и объявить, что последние девять лет вокруг тебя существовал чей-то заговор? Те парни, которые якобы оговорили тебя... теперь они стали видными гражданами. Клинт возглавляет пожарную команду. Леви – главный управляющий лыжного курорта на Медвежьей горе. Зинк – хозяин салуна «Шэди Леди». Адам стал заместителем начальника полицейского участка Сноу-Крик. Это отцы, мужья и братья. *Порядочные* люди. Они *и есть* Сноу-Крик, если хочешь знать.

Джеб сделал долгий, медленный вдох.

– Гораздо проще перекладывать вину на чужака, не так ли? Нападать на одиночку. – Он немного помедлил. – Как те девочки, которые сегодня напали на Куинн.

Она продолжала сердито глядеть на него, но в ее глазах что-то неуловимо изменилось.

– В небольших городках вроде этого люди знают, что негласный договор о забвении может быть таким же прочным, как и обещание вечной памяти, – сказал он. – Иногда секреты находятся прямо здесь, у всех на виду, но все отворачиваются и предпочитают делать вид, будто ничего не происходило, потому что тогда им не придется сомневаться в собственной жизни, в своих детях, мужьях и братьях. Они не хотят видеть чудовище, которое сидит напротив них за обеденным столом. – Он немного подумал. – История становится предметом договоренности по взаимному согласию, а чувство вины притупляется молчанием.

Рэйчел отвернулась.

– Послушай, у меня было вдоволь времени, чтобы поразмыслить об этом. И я не прошу тебя ни о чем, кроме одного: держать Куинн подальше от этого и хранить тайну ее личности, пока я не покончу со своими делами. – Он замялся и добавил: – Что ты рассказала Адаму и другим полицейским?

Она молчала.

– Ты сказала им, что я вернулся?

Она посмотрела ему в глаза.

– Нет, не сказала.

– Почему?

Рейчел сглотнула.

– Я... не знаю, почему. Мне следовало это сделать.

Она не выдала его.

Тлеющий уголек в глубине его существа вдруг разгорелся, разбередив жаркое пламя опасной надежды и желания. Джеб уже понимал, что не сможет погасить это пламя.

– Я видел, как Трэй подошел к тебе перед полицейским участком, – тихо сказал он. – Чего он хотел?

– Весь город знает, что ты вышел из тюрьмы, Джеб. Это было в новостях. Они думали, что ты не посмеешь вернуться, но после сегодняшнего инцидента в школе... Думаю, Адам полагает, что ты уже здесь, в Сноу-Крик. Как и Трэй.

– Я совершил ошибку, когда вмешался. Теперь я собираюсь отойти в сторону, но именно поэтому я решил сначала зайти к тебе – чтобы ты поняла, что тебе не стоит бояться меня. И чтобы никто не узнал, что я – биологический отец Куинн. Пока никто не знает о моей связи с Куинн, происходящее ее не касается.

С ледникового озера подул холодный ветер.

– Они уничтожат тебя. Он освежают тебя заживо. Здесь повсюду твои враги. Ты хотя бы понимаешь, против чего собираешься выступить?

– У меня было почти десять лет на размышления о том, против чего я собираюсь выступить. – Джеб выдержал паузу. – У меня нет ничего, кроме этого. Я имею право вернуться домой. Доказать, что мое место здесь. У меня есть право выяснить, почему эти парни лгали и кого они защищали.

Она смотрела на него, пока серьезность положения доходила до нее.

– Завтра я собираюсь увезти Куинн из города на каникулы после Дня благодарения.

– Хорошо. Это очень хорошо. Я не хочу, чтобы вы принимали какое-либо участие в этом.

– Ты не сможешь долго прятаться.

– А я не собираюсь прятаться. Я собираюсь хорошенько потрясти кое-кого и посмотреть, что выпадет наружу.

Наверху загорелся яркий свет. Рейчел панически вскинула голову и посмотрела туда.

– Лучше уходи прямо сейчас. Пожалуйста.

Он что-то достал из кармана.

– Вот. – Он втиснул ей в руку листок бумаги. – Номер моего сотового телефона.

– Он мне не нужен.

– Мы хотим одного и того же, Рэйчел. Мы хотим, чтобы Куинн оставалась в безопасности.

Он наклонился вперед так быстро, что она не успела моргнуть, и мягко прикоснулся губами к ее щеке. Потом накрыл ее щеку ладонью, и их глаза на мгновение встретились.

Затем он развернулся и пошел к своему мотоциклу.

* * *

Я смотрю, как он уходит. Широкие, мощные шаги; ботинки хрустят по гравийной дорожке, пока он направляется туда, где в глубокой тени поблескивает его мотоцикл. Он поймал ниточку в моем сердце и тянет ее за собой, распуская ткань моей жизни, растворяя мой разум, размывая годы между прошлым и настоящим.

Он садится на мотоцикл.

– Как! – кричу я ему вслед вместе с ветром. – Как, черт побери, ты считаешь сделать это в одиночку?

Джеб включает зажигание.

– Публичность, – кричит он в ответ. – Под ярким прожектором СМИ, чтобы все узнали, почему я вернулся. Я хочу, чтобы они стали следить, кто и как реагирует на новости. Я хочу, чтобы они пересмотрели свои прежние мнения. Тогда откроются трещины, и свет

проникнет в трещины. Я собираюсь обратиться в газету; завтра у меня будет интервью с редактором «Лидера». Я договорился об этом еще вчера.

Я ошеломленно застываю на месте.

Он снимает мотоцикл с упора и разогревает двигатель до низкого рычания.

– Ты не можешь... я не позволю тебе это сделать. Газета – *это я!*

Но рев двигателя и шум ветра в соснах глушит мои слова. Он выезжает из-под деревьев и проносится по дорожке. Я слышу, как меняется звук двигателя, когда он выезжает на автостраду и ускоряется. Он направляется на север. Домой, на Вулф-Ривер.

Я выбегаю в носках на край дорожки и смотрю ему вслед в темноте. Ветер треплет мои волосы и одеяло, сброшенное на плечи. Время как будто растягивается, и я начинаю дрожать; это глубокий мышечный спазм, не имеющий отношения к холоду, но прямо связанный с перемещением из одного мира в другой.

Полоса желтого света неожиданно прорезает темноту у меня за спиной.

– Рэйчел?

Я оборачиваюсь. *Куинн*. Она стоит на пороге в пижаме на фоне света из коридора. Сзади выбегает Трикси и начинает обнюхивать место, где стоял Джеб.

– Что-то случилось, Рэйчел?

Я поспешно возвращаюсь в дом.

– Нет, милая, все в порядке. Давай ложиться обратно в постель.

Я зову Трикси, закрываю и запираю дверь. Домашнее тепло даже не касается моего внутреннего холода.

Куинн остается на месте и смотрит на меня. Я быстро вытираю лицо. Должно быть, я выгляжу ужасно. Меня по-прежнему трясет, и я не могу скрыть это от нее.

– Это он? – спрашивает она. – Он был здесь?

– Кто, Куинн?

– Тот мужчина.

Я опускаюсь на корточки вне себя от беспокойства.

– Здесь никого не было.

– Не ври мне! Я слышала голоса. Я слышала его мотоцикл. Трикси разбудила меня.

– Хорошо, но давай ляжем обратно в постель. – Я обнимаю девочку, но она упирается.

– Что он сказал? – требовательно спрашивает она. – Почему он приехал. Ты прогнала его?

Она обвинительно смотрит на меня.

– Слушай, я вижу, что он тебе нравится. Но почему так сильно? Ведь это незнакомый человек. Ты даже не знаешь его.

– Его прислала моя мама.

– Что?

– Она прислала его с небес, чтобы он защищал меня.

У меня отвисает челюсть.

– Почему ты так говоришь?

Ее глаза сияют, но губы начинают дрожать.

– Потому что на небе есть ангелы, которые спускаются на землю, когда... когда... – Она начинает бессвязно лопотать, и ее глаза наполняются слезами.

Ответное чувство обжигает мои собственные глаза; вес происходящего тяжело давит на меня.

– Ох, Куинни, иди сюда. – Я привлекаю в объятия мою маленькую племянницу и крепко держу ее. Оборачиваю нас одеялом, словно защитным плащом, который объединяет нас. Зарываюсь лицом в ее волосы и вдыхаю ее запах, пока капают слезы. Она ощущает мое состояние. Ее маленькие руки обхватывают мою шею, сначала медленно и осторожно. Потом она сжимает меня с такой силой, что у меня перехватывает дыхание. Еще несколько секунд мы остаемся в таком положении; одеяло вокруг нас – защитный кокон от внешнего мира. Так, как я хочу. Я буду бороться за этого ребенка. Но теперь меня беспокоит, что у Джеба больше прав на нее, чем у меня.

– Тетя Рэйчел, – бормочет она, упираясь носом мне в шею.

Тетя. Она назвала меня *тетей*.

Я быстро смахиваю слезы с лица краем одеяла и сажусь прямо.

– Ты в порядке, тетя Рэйчел?

Я быстро киваю и снова обнимаю ее. Крепко-накрепко. Ощущение любви мягким теплом разливается в груди. Это мощная энергия, желание защищать. Может быть, это и значит быть матерью? Невероятно уязвимая, но могущественная вещь – это непреодолимое желание укрывать и оберегать своего ребенка?

Насмешка судьбы бьет жестче, чем когда-либо раньше. Это не мой ребенок, а дочь Джеба. Мы с Куинн наконец установили родственную связь, а он пришел, чтобы попросить меня уберечь ее от беды. Сохранить их секрет. Но потом он хочет забрать ее у меня... а я все это время беспокоилась о том, что он узнает правду. Мой мир внезапно перевернулся вверх тормашками.

– Хочешь немного супа? – слабым голосом спрашиваю я. – Потому что я сама не отказалась бы от чего-нибудь теплого.

Куинн кивает.

Она садится на табурет за кухонной столешницей, пока я грею суп. Мы едим вместе. Мы ближе, чем когда-либо за последние полгода. И теперь Джеб угрожает разбить все это вдребезги.

* * *

Поздно вечером я сижу в постели, слушаю завывания ветра и гадаю, где может находиться Джеб и что он сейчас делает. Задаюсь вопросом, насколько я могу верить ему. Суд оправдал его, это факт. Означает ли это восстановление ранее отобранных у него родительских прав? Имеет ли это обратную силу по отношению к решению о передаче ребенка в приемную семью? И если он хочет присутствовать в жизни Куинн, где тогда оказываюсь я? Есть ли у меня законное право обратиться в суд? Нужно ли ему сначала обратиться в суд, чтобы подтвердить свои права? Чувства и вопросы роятся в моей груди и отказываются успокаиваться.

Кажется, что прошла целая жизнь с тех пор, когда я утром стояла на склоне горы во время церемонии запуска новой канатной дороги. До школьного инцидента.

«Чтобы никто не узнал, что я – биологический отец Куинн. Пока никто не знает о моей связи с Куинн, происходящее ее не касается».

Мои мысли возвращаются к Трэю у полицейского участка. Мисс Седжфилд на заднем сиденье его автомобиля, Стэйси на пассажирском месте.

«Рэйчел... Я слышал о школьном инциденте... Мне нужно поговорить с тобой...»

Меня внезапно обдает волна паники. Это Мисси получила по носу от Куинн. Значит, это Мисси сказала Куинн, что она является приемным ребенком. Откуда она знала?

Трэй! Как ты мог?

На часах почти полночь, но мне все равно. Я набираю мобильный номер Трэя. Отвечает сонный женский голос.

Шок, гнев, обида. Все это снова берет верх надо мной, и какое-то время я не могу говорить. Четыре месяца. Полагаю, этого хватило, чтобы стереть в пыль обещания о супружестве и планы совместной жизни. Наконец мне удастся прочистить горло.

– Кто это? – голос неожиданно становится тревожным.

– Мне нужен Трэй.

Пауза.

– Одну минуту.

Я слышу шуршание. Одеядло, сброшенное на пол?

– Алло? – Его голос звучит сонно и хрипло.

Мое сердце гулко стучит в груди. Мне хочется спросить, как и почему он мог сделать это. Что он увидел в Стэйси Седжфилд? Или я ничего не стоила для него?

– Это Рэйчел.

Долгая пауза.

– Господи!

Новые шорохи и шуршание. Похоже, он выбрался из постели.

– Ты знаешь, сколько сейчас времени? – резко шепчет он.

Я представляю, как он идет по коридору. Перед моим мысленным взором встает его дом; вот он заходит в кабинет и прикрывает за собой дверь.

– Ты как, в порядке? – спрашивает он. – Сегодня в школе... это был он, правда? Мисси описала его мне. Он шел за Куинн. Ты сказала Адаму, что он вернулся?

Мне становится трудно дышать.

– Это был не он, – говорю я. – И я звоню по другому поводу. Откуда Мисси знает, что Куинн – приемный ребенок? Это ты ей сказал? Ты рассказал Стэйси, что Джеб был отцом Куинн?

– Боже мой, – шепчет он. – Я бы никогда так не поступил. Мы же договорились, и я обещал...

– Да, – тихо говорю я. – Ты также обещал жениться на мне. Теперь ты делишь постель с другой женщиной, которая отвечает по твоему личному телефону. Она уже переехала жить к тебе? Откуда мне знать, что ты рассказываешь ей?

Молчание.

Я молча проклиная себя за то, что произнесла эти слова. Я чувствую себя как на русских горках, когда ты камнем устремляешься вниз и словно ухаешь в пустоту. Чтобы успокоиться, я смотрю на озеро, залитое лунным светом.

– Тогда как же Мисси и другие девочки могли узнать, что Куинн – приемный ребенок?

– Все знают об этом. Никогда не было секретом, что Питер и твоя сестра удочерили ее. Когда ты привезла Куинн в Сноу-Крик... – Он колеблется. – Мы со Стэйси поговорили... в общем, о появлении Куинн и о расстройстве наших отношений. Должно быть, Мисси подслушивала, когда мы говорили о приемном ребенке.

– Ты сказал Стэйси, что мы расстались из-за Куинн?

Молчание затягивает. Когда Трэй отвечает, его голос звучит очень устало и печально.

– Стэйси то и дело спрашивает, почему мы расстались. Она не оставляет эту тему. Ей все кажется, что у нас с тобой далеко не все кончено.

Я сглатываю.

– Я объяснил ей, что появление Куинн было лишь катализатором. Между нами накопилась масса других проблем. Это ты обозначила свою нерушимую позицию насчет Куинн. – Он тяжело вздыхает. – Хочешь знать, о чем я не рассказывал Стэйси? О том, что это ты не могла или не хотела довести до конца нашу помолвку. Что ты подсознательно пользовалась Куинн как предлогом, как буфером между нами, потому что ты так и не смирилась с Джебом и с его изменой. А с появлением Куинн в нашем доме вдруг стало так, словно призрак Джеба постоянно жил с нами и напоминал о прошлом.

Я крепче сжимаю телефон и зажмуриваюсь. Проходит несколько секунд, прежде чем я снова могу говорить ровным голосом.

– О чем ты собирался сказать мне перед полицейским участком?

– О своем подозрении, что Джеб мог вернуться в город. Как я сказал, Мисси описала того мужчину, который прекратил драку, и сказала мне, что этот мужчина сопровождал Куинн до местной бакалейной лавки. Я хотел посоветовать тебе, чтобы ты соблюдала осторожность. Если это он... Если он вернулся, то мы не знаем, чего

он хочет. Он может попытаться что-то сделать с нашими детьми – ударить по самому больному месту.

Я мысленно возвращаюсь к тому вечеру в гравийном карьере. Трэй постоянно находился рядом со мной. Он не был одним из тех четырех парней, которые, предположительно, дали ложные показания о том, что Джеб поехал на север. Он видел только то, что видела я сама: Мэрили и Эми в автомобиле Джеба, уезжавшем от карьера. В суде он дал точно такие же показания, как и я. Я хотела доверять Трэю... нет, мне было *нужно* доверять ему.

– Пожалуйста, Трэй. Что бы ни случилось, никому не рассказывай, кто ее биологический отец. Даже если Джеб вернется... даже если дерьмо попадет в вентилятор, Куинн не должна оказаться причастной к этому. Я не могу допустить, чтобы ей причинили вред. Я обязана этим перед памятью моей сестры. Нельзя портить жизнь невинному ребенку из-за того, что было раньше и что может случиться теперь. Ты понимаешь?

– Конечно, понимаю. Я... знаешь, я никогда не хотел, чтобы все так кончилось между нами. – Он колеблется. – Я старался. Я правда старался, но не смог.

Я втягиваю воздух сквозь зубы и не могу ответить, так как знаю, что это правда.

– Я собираюсь уехать из города вместе с Куинн, – говорю я. – На время каникул после Дня благодарения. Завтра меня уже не будет, если я смогу забронировать билеты на самолет. Я просто... Я хотела услышать, что ты никому не сказал – и не скажешь – о происхождении Куинн и что она больше не услышит таких откровений от школьниц. Или хуже того.

– Послушай, я очень сожалею о сегодняшнем инциденте с Мисси. Не могу сказать, как мне жаль. И если это Джеб подглядывал за Куинн... тогда хорошо, что ты ненадолго уедешь отсюда. И еще, Рэйчел... – Он выдерживает паузу. – Если он действительно появится где-то рядом с тобой, звони 911. Мы готовы поддержать тебя. Все мы.

Все мы.

Я вспоминаю слова Джеба.

«В небольших городках вроде этого люди знают, что негласный договор о забвении может быть таким же прочным, как и обещание вечной памяти, – сказал он. – Иногда секреты находятся прямо здесь,

у всех на виду, но все отворачиваются и предпочитают делать вид, будто ничего не происходило, потому что тогда им не придется сомневаться в собственной жизни, в своих детях, мужьях и братьях...»

– Спасибо, – говорю я и вешаю трубку. Тошнотворное ощущение холодным комком лежит в моем животе. Джеб добился своего. Он посеял во мне сомнение. Он начал раскачивать мою клетку.

* * *

Энни Пирелло сидела одна в патрульной машине, припаркованной в глубокой тени на другой стороне улицы от дома семьи Салонен. Констебль Лефлер, заместитель начальника участка, послал ее наблюдать за домом. Лефлер полагал, что человек, который появился на школьной территории и следовал за племянницей Рэйчел Салонен, был насильником и буйным преступником, недавно освобожденным из тюрьмы. Этот мужчина когда-то встречался с Салонен. Лефлер имел основание полагать, что этот мужчина может снова попытаться вступить в контакт с Рэйчел Салонен или с ее племянницей.

Судя по всему, заместитель начальника был прав. Мужчина в кожаной куртке на мотоцикле подъехал к дому Салонен вскоре после десяти вечера.

Энни позвонила и доложила об этом. Ей было велено оставаться на месте, продолжать наблюдение и ожидать возможного вызова по номеру 911. Но экстренного звонка так и не последовало. Она вышла из автомобиля и подкралась ближе. Из-за деревьев она видела, как Салонен разговаривает с темноволосым мужчиной. Они спорили. Прикасались друг к другу. Потом снова разговаривали.

Между этими двумя явно было неоконченное дело. Нечто очень личное, даже интимное. Он принес новости, которые, судя по всему, сильно потрясли Рэйчел Салонен.

Когда он уехал, направившись на север на своем мотоцикле, Энни снова доложила Лефлеру, но он не велел ей следовать за мужчиной. Никакие законы не были нарушены. У них на него ничего не было. Пока не было.

Свет на втором этаже в доме Салонен погас после полуночи; она могла видеть верхние окна за деревьями вдоль дороги. Энни завела двигатель и включила фары.

Она вернулась в участок, чтобы отметить время окончания дежурства в свою смену.

Глава 9

Когда Джеб въехал на старый участок, эктоплазменные пальцы бледно-зеленого северного сияния протянулись по небу, вытягиваясь, скручиваясь, наступая и отступая под безмолвную музыку космоса. За деревьями было пусто и темно, не считая громоздкой тени от избушки над серебристой рекой.

Джеб оставил мотоцикл в роще рядом со старым бревенчатым домом своей матери. Он снял шлем и глубоко вдохнул холодный воздух, наполняя легкие. Он ощущал запахи глины, сосновой смолы, лесной подстилки, – совсем не то, что чуешь за бетонными стенами и колючей проволокой. Теперь это была его земля, оставшаяся от матери, которая умерла шесть лет назад. Пять акров земли среди высоких кедров вдоль Вулф-Ривер. Поместье было уединенным; вокруг на многие мили не было ничего, кроме дикой глуши. К западу простирались бесконечные леса, реки, высокие горы и глубокие долины – всю дорогу до вершины Тилка и дальше. На востоке находился Сноу-Крик. Лыжный курорт. Туристы. Это место располагалось посередине. Как и сам Джеб, чья жизнь никогда полностью не принадлежала заповеднику в соседней долине или лыжному курорту.

Здесь прошли его самые радостные и самые грустные моменты.

Дом был расположен возле старой лесовозной дороги для более легкого доступа. Ниже и ближе к реке находился старый амбар, где они держали кур. Летом они с матерью работали в огороде возле амбара с забором от диких оленей. Медведи представляли определенную проблему. Иногда гризли спускались с высоких склонов и вламывались в курятник. Иногда пума или койоты пытались делать то же самое. Вдоль берега реки стояли восемь маленьких бревенчатых хижин, построенных для туристического сплава на плотках, – небольшого бизнеса, который завели они с матерью до его ареста и заключения. Джеб был экскурсоводом во время первых поездок.

Он слез с мотоцикла, достал фонарик из багажного короба и медленно подошел к старому дому. Его мысли обратились к матери и к ее мечтам об этом месте, о его будущем.

Одним из множества его глубочайших сожалений было то обстоятельство, что она умерла, так и не узнав о лжи. Она умерла, считая своего сына насильником и убийцей.

Джеб провел лучом фонарика по стенам дома. Тени редели, съезживались и возвращались на свои места. Обшивка была сорвана с окон, стекла давно пропали. Парадная дверь повисла на петлях. Потёки воды казались темными слезами в пустых оконных проемах. Печальный, плачущий дом.

Стены были расписаны граффити: агрессивные, угловатые буквы бросались в глаза и сталкивались с тенями, пока он водил фонариком. Неудачное предприятие, гниющее в глуши, – вот как выглядело его старое поместье. Он со скрипом открыл покосившуюся дверь. Тени запрыгали и засеменяли внутри, запах плесени ударил в ноздри. Он осветил на пол, где от его движения мягко поднималась паутина. Старые газеты, журналы и пустые банки валялись повсюду. Круг горелых углей и пепла был похож на шрам посреди бывшей гостиной: кто-то развел костер прямо на ковре и проделал дыру в крыше вместо каминной трубы. В дальнем углу валялся старый матрас.

Рот Джеба наполнился горечью, и ярость, которую он так упорно обуздывал в тюрьме, прорвалась снова, вцепляясь в него острыми когтями, призывая выйти наружу и отомстить за обиду. Джеб закрыл глаза и мерно задышал. Он вспомнил о Куинн, о Рэйчел. Гневу больше не было места в его жизни – во всяком случае, если он хотел получить их обратно. Спокойно дыша, он медленно обошел комнату. Мелкие когти заскребли по дереву; мышь спряталась под матрасом.

Когда Джеб вошел на кухню, едкий запах ударил ему в ноздри. Он задохнулся и прижал рукав ко рту, обводя лучом фонарика пол комнаты. Мертвый енот. Использованные презервативы. Бутылки из-под спиртного. Сломанный кальян для курения марихуаны. Он почти мог слышать издевательский смех подростков. Тяжелое дыхание спаривавшихся тел. Образы наполняли его разум, мелькая, как языки пламени костра в старом гравийном карьере. Секс. Кошмар, который начался той ночью. К его горлу подступила тошнота.

Он вышел наружу и глубоко задышал, очищая легкие горным воздухом. Но его сердце не успокаивалось. Он боролся с яростью, охватившей его. Но увиденное не могло отвратить его от действия. Его

не выдворят из города. Он имел право находиться здесь и восстановить свой дом.

Ему хотелось думать наперед. О Куинн. О свободе, но только не об этом.

Не о том, как его мать умерла здесь, поверив в его вину, вытесненная обществом за окраину, на которой она балансировала всю свою жизнь.

Он не мог изменить это прошлое. Эту трагедию. Но у него было будущее, достойное борьбы. И эта борьба должна быть хитроумной.

Он пошел вниз, к ряду хижин у воды, где останавливались рафтеры и рыбаки. Снова граффити и вандализм. Река плескалась и шептала свои песни. Он отвернулся от построек и посмотрел на воду.

Северное сияние призрачно отражалось над темной колеблющейся поверхностью, улавливая волны и мелкие водовороты, случайный плеск рыбы. На другом берегу черные хвойные вершины вонзались в призрачно-зеленое небо.

Чувство покоя наконец овладело им, пока он слушал тихий плеск воды. Несмотря на осквернение, это была его земля, его долины и его горы. В этом лесу он никогда не чувствовал себя потерявшимся или одиноким. А здесь, у воды, он ощущал дух своей матери. Здесь, а не в загаженных и прогнивших строениях, медленно разлагавшихся в лесу.

Джеб почти мог видеть ее лицо в световых узорах на реке – отблеск ее высоких скул, ее миндалевидные глаза, медно-коричневую кожу. Грация и сила. Красота и мудрость. Страстная любовь к наследию предков.

Все то, что отец Джеба спустил сквозь пальцы.

Первые воспоминания Джеба были связаны с Вулф-Ривер и ходом лосося. Его мать развешивала оранжево-розовые полоски рыбьего мяса на деревянных стойках для вяления и сушки в теплых летних ветрах Тихоокеанского северо-запада. Ее черные волосы были заплетены в толстую косу за крепкой спиной, вокруг вились тучи комаров, а ее собака-полуволок внимательно смотрела и ждала, когда ей бросят шкурку.

Его память омывает еще одно воспоминание о возвращении отца за рулем «Веселого Роджера». Его бесноватые глаза были цвета диких ирисов, щеки румяными и зароговевшими на ветру, когда он плыл во

главе флотилии круживших и пронзительно кричавших чаек. Радостное волнение, суета вокруг причала. Шумы его детства, когда приходят нагруженные лодки. Тревога в глазах матери, когда они встречали эти лодки.

Потом наступало время осенней охоты – только он и его отец с собачьими упряжками, странствовавшие от известной тропы в бесконечное бездорожье для охоты на карибу. На лосей. На белохвостых оленей. Треск выстрелов туманным утром. Кровь, теплая и вязкая кровь у него на руках, пар от теплых внутренностей, когда он учился потрошить и свежевать добычу, отрезать конечности, убирать ненужное и паковать нужное, пока их не нашли инспекторы охотничьей службы... потому что его отец никогда не играл по правилам.

Эти осенние убийства обеспечивали выживание зимой, когда землю укутывали густые сугробы, прежде чем лосось снова собирался у побережья и его отец возвращался в океан на «Веселом Роджере».

А когда зима становилась темной и ненастной, его отец снова начинал пить. Низкие кучевые облака и долгие темные дни погружали его отца, канадца ирландского происхождения, в глубокую депрессию. Он спасался самолечением. Это ухудшало его настроение, и начиналось насилие, такое же предсказуемое, как ежегодный ход лосося. Как прилет канадских гусей. Как возвращение колибри. Как наступление снежного сезона.

После смерти отца, когда Джеб немного вырос, он помогал своей матери наладить речной бизнес. Осенью он собирал грибы и заработал небольшое состояние на продаже лисичек. Зимой между школьными занятиями он ставил капканы и ловушки. А потом стал сопровождать ловцов на мушку к самым лучшим рыбным местам, известным ему одному. К тем местам, куда он брал Рэйчел.

Еще одно воспоминание: его руки, сомкнутые вокруг Рэйчел, когда он показывал ей, как нужно держать бамбуковое удилице и забрасывать мушку, чтобы она легко приземлялась на поверхность воды на краю глубокого и тенистого затона. Она смеялась, и он видел восторг в ее больших карих глазах, когда она держала в руке свою первую радужную форель – держала ее под водой, а потом аккуратно сняла с крючка и выпустила из рук, сложенных чашечкой.

У нее в глазах стояли слезы, когда она сделала это. Она объяснила Джебу, что такое держать пульс чужой жизни в своих руках. Он подарил ей эту связь, и это радовало его сердце.

Он набрал в грудь побольше воздуха, возвращаясь к действительности, когда разматывал спальный мешок неподалеку от своего мотоцикла. Он собирался поспать несколько часов для восстановления сил. Утром он немного поработает здесь, а завтра днем у него назначено интервью. Он принес свое снаряжение на берег реки и развернул спальный коврик под нависающими ветвями канадской ели.

Джеб залез в спальный мешок и лег на спину, закинув руку за голову и любуясь призрачными сполохами серверного сияния. Лежа на берегу, он задавался вопросом, сможет ли когда-нибудь вернуть Рэйчел. Разве такое возможно?

Мысль вонзилась в мозг, словно отравленный шип, нарушив ясность мыслей. Нужно соблюдать осторожность. Его желание увидеть дочь и встретиться с нею – желание следовать своему сердцу – уже дорого обошлось ему.

Он закрыл глаза и погрузился в неглубокий сон.

* * *

Джеб резко проснулся.

Он лежал неподвижно, пытаясь определить, что нарушило ритм его сна. Погасшее северное сияние? Новое течение реки? Ветер усилился, налетая долгими порывами со стороны океана. Резкий западный ветер.

Но было что-то еще. Холодное ощущение злонамеренности, кравшейся за деревьями и тянувшейся к нему. Он не мог это объяснить. Тем не менее охотничья интуиция подсказывала ему, что ничего хорошего ждать не приходится.

Он осторожно вылез из спальника и опустился на корточки посреди сухих иголок, напряженно вслушиваясь и вглядываясь в темноту. Луна опустилась за горные вершины, и рисунок созвездий изменился. Было гораздо темнее по сравнению с тем, когда он приехал. Джеб ожидал тихого шелеста сухих листьев, свидетельствовавших о приближении большой кошки, или знакомого треска и ломки через кусты, предвещавших появление медведя. Он глубоко дышал, слегка

приоткрыв рот и пробуя направление ветра. Когда-то он мог издали ощутить едкий запах приближавшегося медведя или лося.

Потом он услышал это. Звук двигателей. Сначала отдаленный, замаскированный ветром и лесными шорохами. Потом более громкий. Несколько автомобилей. Он напрягся, готовый к действию.

На этой дороге не было никаких построек – только это место. Сзади находилась гора, а потом другая долина, которая была индейской территорией.

Может быть, подростки решили устроить очередную ночь пьянства и вандализма?

Из своего приютия под тяжелыми еловыми ветвями Джеб увидел, как свет фар повернул на его территорию. Пикап и внедорожник прокатились по грунтовой дороге, подскакивая на колдобинах, и остановились перед бревенчатым домом.

Пикап был темно-синим или даже черным. Четыре двери, длинный кузов. Джеб смог разглядеть букву D на номерном знаке, но не более того. Внедорожник имел светлый оттенок – может быть, серебристый? Трудно разобрать в темноте.

Двери открылись, и трое мужчин вышли наружу. Лампа в салоне на короткое время осветила их: черная одежда, темные лыжные маски, плотно натянутые на голову. Они оставили двигатели на холостом ходу и переключили фары на дальний свет. Двигаясь, как ниндзя, в сиянии фар, они направились к дому. Один из них нес фонарик и монтировку. Двое других тащили канистры с бензином. Джеб напрягся всем телом.

Они быстро и слаженно полили бензином вокруг дома, плеснули на крыльцо и на веранду.

Джеб отодвинулся в глубокую тень, едва сдерживая закипавшую ярость; они даже не проверили, был ли кто-то внутри.

Один из них бросил зажженную спичку. Моментально раздался громкий хлопок и свист сжигаемого кислорода. Языки пламени, оранжевые на черном фоне, быстро поднялись по стенам и вгрызлись в старые балки; яркие искры и куски горящего дерева разлетались в ночи.

Двое мужчин зажгли концы длинных палок. С этими импровизированными факелами они побежали к старым деревянным хижинам на берегу реки, поджигая их одну за другой. Пламя вздымалось и ревело, огненный свет танцевал на поверхности воды,

словно расплавленная медь, пока догорали результаты тяжких трудов Джеба и его матери.

Он оказался не готов к силе чистейшей ненависти, пылавшей в его крови. Эти люди *знали* о его возвращении. Они пришли с вестью в виде бензина и монтировки. Поскольку стояла великая сушь, они могли сжечь весь лес вокруг.

Он ожидал, что влиятельные круги Сноу-Крик обрушатся на него с уничижительной критикой. Что люди будут очернять и поносить его. Что они попытаются выдворить его из города. Но не так скоро и не такими методами. Было ли это расплатой за его дневную ошибку? Могла ли Рэйчел предать его?

Он подавлял желание выйти из укрытия и разобраться с нападавшими: сбить их с ног, сорвать маски, закрывавшие лица. Но он был безоружен и находился в явном меньшинстве. И он отказывался от искушения ответить насилием этим безликим трускам, которые подкрались к дому под прикрытием темноты.

Терпение, Джебедея... Из темноты, рева пламени и клубов дыма он слышал голос отца. Трезвого отца во время охоты в начале зимы. До того как он снова обратился к пьянству.

«Будь терпеливым, как этот медведь на хребте... ты видишь его? Видишь, как он наблюдает за нами, ловит наш запах открытой пастью? Вот, теперь он ушел. Это опасный медведь, Джебедея. Он из тех, кто тихо подкрадывается сзади. Он будет целыми днями выслеживать нас, ходить за нами, но не нападет в открытую... Будь таким, как этот медведь, Джеб. Так ты получишь свою добычу...»

Джеб медленно выполз из-под ели. Держась в тени, он пополз к тополиной роще на дальнем конце участка. Его мотоцикл находился через поляну от рощи, на другой стороне от автомобилей и пылающего дома. Он оставался под прикрытием, ожидая своего шанса.

Языки пламени уже начали лизать окружающие деревья. Горящий мусор поднимался все выше, и сухой ветер разносил его на другие деревья. Ветви быстро вспыхивали; огонь с треском распространялся по лесу, словно злобное разрушительное существо. Люди в масках породили раскаленного монстра, который двигался с ветром и питался сухим топливом. Теперь он жадно пожирал лесистый склон горы по направлению к индейскому заповеднику на другой стороне.

Джеб был охвачен леденящим, тошнотворным предчувствием. Они должны были знать, что лес был тлеющей пороховой бочкой. Предупредительные знаки о чрезвычайной угрозе пожара были развешены по всему городу. Они должны были видеть, куда дует ветер: прочь от Сноу-Крик, к индейской земле.

– Спальный мешок! – крикнул кто-то у воды. – Он здесь!

Они нашли его снаряжение и знали, что он здесь. Теперь они активно искали его, и их передвижения стали более целенаправленными. Джебу нужно было добраться до своего мотоцикла и поднять тревогу, прежде чем огонь перевалит через гребень и застигнет врасплох малочисленную и рассеянную на большой территории индейскую общину.

Низко пригнувшись, он бросился к мотоциклу через задний двор горящего дома. Жар бил ему в лицо. Он был уже почти на месте, когда за домом раздался мощный взрыв. Это привлекло внимание злоумышленников, а новая вспышка пламени ярко осветила Джеба.

– Туда! – завопил кто-то.

Они устремились за ним.

Джеб оседлал мотоцикл. У него не было времени надеть шлем. Он включил зажигание.

Но прежде, чем он тронулся с места, брошенная монтировка врезалась ему в спину между лопатками. Воздух вылетел из его легких, а сила удара выбила его из седла. Мотоцикл пошел юзом и въехал в кусты.

Следующий удар пришелся в голову, но Джеб успел откатиться в сторону, так что опущенная монтировка лишь задела его и рассекла кожу на виске. Кровь потекла ему в глаз и в ухо. Джеб принял низкую стойку и потянулся за палкой. Противники, окружившие его, не произнесли ни слова. Он размахнулся и треснул одного из них палкой по скуле. Тот согнулся и закричал от боли. Но при этом Джеб раскрылся и получил удар в живот от другого нападавшего. Когда он попятился, кто-то ударил его по затылку. У него потемнело в глазах, потом в поле зрения замерцали спиральные точки. Он покачнулся в сторону и получил еще один жестокий удар в живот.

Он задохнулся и упал на землю, не в силах двинуться с места. Мир вокруг него расплылся в жидкую горячую патоку, подернутую едким запахом дыма. Один из мужчин пнул его в ребра ботинком со

стальным мыском. Боль пронзила его тело. Другой изготовился к удару. Джеб перекатился набок и свернулся в клубок. Через кровавую пелену, застилавшую зрение, он увидел занесенную монтировку. Мужские глаза холодно блестели в прорезях маски.

Но прежде, чем нападавший успел нанести убийственный удар, пронесся очередной фронт раскаленного воздуха, и горящая шрапнель разбросала всех в стороны. Кто-то кричал, кто-то стонал. Джеб слышал отдельные слова, плававшие в его сознании.

– Старый пропановый бак... за деревьями... взорвался... Огонь подбирается к автомобилям... сейчас все рванет...

Джеб перекатился на живот и попытался дюйм за дюймом подтащить себя на руках к рухнувшему мотоциклу. Жар был повсюду вокруг него. Медный вкус крови во рту. Его мир превратился в тошнотворный вращающийся калейдоскоп огня и дыма. Не добраться...

Он перекатился набок и упал в ложе пересохшего ручья, в сырую грязь и мокрые листья.

Он слышал рокот двигателей. Автомобили уезжали. Рев огня приближался.

И его мир почернел.

* * *

Я просыпаюсь под звук сирен и лежу на спине, слушая завывания, которые доносятся из долины и становятся все громче. Они направляются в мою сторону.

В таком городке, как наш, звук сирен отличается от большого города. Это более личное дело. Велики шансы на то, что вы знаете, какие люди попадут в беду и кому понадобится помощь, и вы всегда задаетесь вопросом, может ли это быть ваш любимый человек. Особенно если он находится на этой предательской автостраде во время зимней засухи. Но Куинн лежит в постели, и ей ничего не угрожает.

Цифры на будильнике у моей кровати горят зеленым светом: 2.02 ночи.

Примерно в это время городские бары избавляются от последних клиентов. Скорее всего, автомобильная авария с участием пьяного водителя. Я тянусь к прикроватному столику, беру радиочастотный

сканер и включаю его. Я завела привычку держать сканер под рукой с тех пор, как возглавила местную газету.

За фоновым треском помех слышны отдаленные голоса.

– Пожарная бригада... Отвечает экипаж 33... Код номер три, код номер три... Экипажу 45 подготовиться.

Я резко выпрямляюсь от выброса адреналина.

Пожар.

Это случилось. Худший из страхов с учетом засухи в долине. Дело может обернуться огненным шквалом, когда лесной пожар столкнется с городской застройкой. Весь лыжный курорт может взлететь на воздух. Я быстро встаю, набрасываю халат и подхожу к окну. За озером не видно ничего, кроме ясного ночного неба, зубчатой гряды горных вершин и призрачного сияния ледников. Судя по направлению ветроуловителя на причале, ветер дует на запад. Умеренно сильный.

В сканере прорезается новый голос.

– Вестсайд-роуд. Берег Вулф-Ривер. Участок R-114... старый дом у реки...

Я застываю, как вкопанная, когда слышу этот адрес.

Джеб.

Я разворачиваюсь, хватаю телефон и сканер и быстро бегу на другую сторону дома, где поднимаюсь в мансарду, перескакивая через две ступеньки. Одно из мансардных окон выходит на запад, и там над горами разгорается тусклое оранжевое зарево. Меня охватывает ужас. Вой сирен становится пронзительным, когда пожарные машины проносятся по автостраде над моим домом и отправляются в речную долину на севере. Туда, куда уехал Джеб.

Я быстро набираю номер, оставленный Джебом, и хожу по мансарде, слушая звонки. Вызов направляется на голосовую почту. Я пробую еще раз, с тем же результатом.

Я звоню дежурному репортеру.

– Блейк, это Рэйчел, – быстро говорю я. – Большой пожар в долине Вулф-Ривер. Ты можешь приехать туда с камерой или позвонить Холли?

Я вешаю трубку, прежде чем он успевает ответить. У меня дрожат руки, и лоб покрывается бусинами пота, пока я набираю номер Брэнди, няни Куинн.

После расставания с Трэем я обзавелась помощницами, которым могу звонить в самое безумное время из-за моей волонтерской работы в спасательной группе и газетного бизнеса, когда приходится засиживаться допоздна. От спасательно-поисковых работ в итоге пришлось отказаться; я не успевала заниматься всем сразу. Но остаются дни выпуска газеты и постоянная текучка. Брэнди отвечает мне со второго звонка.

– Брэнди, у меня срочный вызов. – Я лгу, но меня еще не исключили из состава спасательной группы. Но Леви, Клинт, Зинк и Адам, брат Люка, тесно связаны с группой, а Джеб вселил в меня достаточно сомнений, чтобы не доверять им прямо сейчас. Время и место этого пожара выглядят зловеще. Мне нужно попасть туда раньше остальных. – Ты можешь сразу приехать ко мне домой?

– Это пожар?

– Да.

Я слышу приглушенные звуки, потом шепот и закрываю глаза. Черт, она не одна.

– Послушай, мне жаль...

– Буду через пять минут, – говорит она.

Я устремляюсь вниз и распахиваю дверь шкафа. Как волонтер SAR и сертифицированный спасатель, я всегда держу наготове собранный рюкзак. Для зимы, весны и других времен года. В этом городе много таких же добровольцев, как я, и все живут полноценной жизнью, но жертвуют своим временем, а иногда и материальной выгодой ради спасения других людей. Это неповторимая команда, соединяющая ткань нашей горной общины.

Команда под руководством Трэя.

Команда, от которой я все больше отстраняюсь в последнее время.

Пока я переодеваюсь, то слышу новые сирены и мерный рокот вертолетного винта.

– Куинн! – Я стучусь в ее дверь и открываю ее. – Куинн, милая, проснись и послушай меня. Я получила срочный вызов. Пожар на западе. Брэнди уже едет сюда. Не выходи из дома, хорошо? Делай, как она скажет. Ладно, милая?

– Пожар? – Она резко выпрямляется и широко раскрывает глаза, полные ужаса.

Меня словно врезали кирпичом между глаз. Ее родители погибли во время пожара. Ее дом сгорел дотла. Я опускаюсь на корточки и откидываю темные локоны, упавшие у нее со лба.

– Со мной все будет хорошо, – говорю я. – Пожар на пустоши, далеко отсюда.

Куинн хватается за меня за руку.

– Тетя Рэйчел... ты не можешь пострадать. Тебе нельзя ехать.

Я – это все, что у нее осталось.

– Я подожду, пока не приедет Брэнди, хорошо? – Я хлопаю по подушке, приглашая Трикси забраться в кровать. Куинн немного успокаивается и улыбается при виде собаки. Очень хорошо.

– Трикси останется с тобой, чтобы тебе было уютно.

Куинн ложится обратно, а я напряженно расхаживаю по ее комнате. Как только я слышу, как Брэнди подъезжает к дому, быстро прощаюсь с девочкой и спускаюсь вниз. Я бегу к своему автомобилю, пока она выходит из своего.

– Не беспокойся, я останусь до твоего возвращения! – окликает она.

– Держи радио включенным, – кричу я и распахиваю дверь. – На тот случай, если ветер вдруг переменится!

* * *

К тому времени когда пейджер SAR подает гудок у меня на поясе, я мчусь на север по автостраде. Предполагается, что я отвечу, если могу присоединиться к группе. Я не отвечаю. Я боюсь кому-то довериться. Я ожидала, что горожане враждебно отнесутся к Джебу... но это? Господи, неужели такое возможно? Мог ли кто-то поджечь его старый дом, зная о чрезвычайной угрозе пожара, – может быть, даже кто-то из SAR? Телефон Джеба не отвечает, и мое сердце дает сбой.

Я вспоминаю слова Адама.

«Черт знает, что может случиться, если он сунется сюда. Я не уверен, что смогу управлять ситуацией».

Мое сердце обливается кровью, когда я осознаю как глубоко врезаны события того вечера в жизнь нашего города, в мою собственную жизнь.

Ветер несет по дороге мусор и тонкие ветки. Я крепко сжимаю руль, когда огибаю крутой поворот. Включаю радио, настраиваю его на

волну местных новостей и слушаю прогноз погоды. Если ветер поменяется, то мы рискуем столкнуться с огненным шквалом. Тогда лыжный курорт будет обречен. За считанные секунды миллионы долларов, вложенные в дачные дома, санатории, инвестиции в горнолыжную инфраструктуру обратятся в прах. Туристов и местных жителей придется эвакуировать. Поскольку существует лишь одна дорога в Сноу-Крик и обратно, это будет логистический кошмар.

Я чую запах дыма, когда поворачиваю на грунтовую лесовозную дорогу в долине Вулф-Ривер. Автомобиль подпрыгивает на колдобинах и проваливается в рытвины. Примерно в пяти милях от поворота лес по обе стороны дороги густеет, деревья поднимаются высоко к небу. Запах дыма усиливается, и небо становится ярко-оранжевым. Западные склоны горы полностью объаты огнем. Наверху я вижу проблесковые маячки пожарных машин и автомобилей «скорой помощи». Оранжевые конусы расставлены поперек дороги: полицейское ограждение.

Перед фарами моего автомобиля появляется полицейский и поднимает руку. Я останавливаюсь и опускаю окошко. Молодой парень, явно из новичков... я не знаю его.

– Группа SAR-1, – говорю я и предъявляю свою членскую карточку. – Остальные члены в пути с командной базы.

Он проверяет карточку, потом номерной знак моего автомобиля.

– Линия огня примерно в одном километре впереди, – говорит он и возвращает карточку. – Все началось со старых избушек для речного рафтинга. Там уже все выгорело.

Поместье Джеба.

Пот струями льется по мне, когда я направляю автомобиль дальше по ухабистой дороге и въезжаю в район пожара. От почерневших деревьев валит дым. Я не приближаюсь к мигающим огням пожарных машин и автомобилей «скорой помощи», которые стоят впереди; я останавливаюсь у подъездной дорожки к дому Джеба и выхожу наружу. Здесь никого нет, да и не должно быть. Огонь уже выжег это место, пустовавшее несколько лет. Пожарные находятся на линии огня и тушат самые опасные возгорания.

Я включаю налобный фонарь, вхожу туда, где когда-то находился речной лагерь Калленов, и пораженно замираю на месте. Это почерневшая, перекрученная масса тлеющих углей и пепла.

Последствия войны. Определенно, пожар начался здесь, с учетом направления ветра. Огонь должен был быстро сожрать это место. Ветер задует волосы мне в лицо, и я отбрасываю их в сторону, когда направляюсь через поляну по обгорелой траве, благодарная за огнеупорные ботинки. Едкий запах жжет горло. Здесь до сих пор очень жарко. Я повязываю бандану вокруг носа и рта, потом иду к дымящемуся дому, где когда-то жил Джеб со своей матерью. Страх перед тем, что я могу обнаружить, распускается у меня в животе.

Возле бывшего крыльца я замечаю расплавленную бензиновую канистру. Первобытная ярость, глубокое ощущение несправедливости овладевают мной, когда я обхожу дымящиеся руины и вижу вторую канистру. Эта не пострадала от огня и валяется рядом. Я опускаюсь на корточки, вдыхаю запах и кашляю, когда бензиновая вонь забивает мои носовые пазухи. Когда я переворачиваю канистру, несколько капель вытекает наружу. Я оглядываюсь вокруг. Повсюду видны свежие автомобильные следы.

Тот, кто это сделал, должен был знать, что начнется большой лесной пожар. Я поднимаюсь на ноги.

– Джеб?

Я обхожу руины и вижу его мотоцикл, лежащий под почерневшим деревом. Его обгорелый шлем валяется рядом. Адреналин устремляется в мои жилы, и я бегу к мотоциклу. Он разбит, бензобак взорвался. Я быстро описываю круг и вижу нечто бледное, лежащее в канаве. Кожа... человеческая плоть. Темные волосы. Я вижу полу его куртки. Во рту становится сухо, как в пустыне.

Какая-то часть меня хочет убежать и не видеть, что лежит в этой канаве. Но мои ноги движутся, а шум в ушах усиливается. Когда я подхожу ближе, то вижу его джинсы. Ботинки. Его тело. Он не обгорел. Огонь перескочил через глубокое и влажное ложе ручья, куда он свалился. Но его лицо и волосы покрыты запекшейся кровью, и он не шевелится.

– Боже мой, – шепчу я и опускаюсь на корточки над канавой, где он лежит. Протягиваю руку и прикасаюсь к его шее. *Он жив.* Я ощущаю биение пульса. Он дышит. Мое сердце выдает бешеное стаккато.

– Джеб! Джеб, ты меня слышишь?

Тихий стон вырывается из его груди, когда он поворачивает голову. Он смотрит на меня и мигает на свет моего головного фонаря. У него

зияющая рана на голове, но зрачки одинаково реагируют на свет. Хороший признак.

– Рэйчел? – хрипит он.

У меня щемит сердце от невероятного облегчения.

– Где больно? Что случилось?

– Ребра... – Он издает хриплый стон, когда пытается повернуться набок.

– Стой, не шевелись. Ты ощущаешь свои конечности, можешь двигать пальцами рук и ног?

Он сосредоточивается и шевелит руками и ногами.

– Боль в спине?

Он кривит губы.

– Везде.

Я гляжу в сторону огней «скорой помощи», красно-синих проблесков между деревьями. Мое первое побуждение – позвать на помощь. Я тянусь к рации на поясе.

– Нет. – Его рука смыкается на моем запястье.

– Мне нужно отвезти тебя в больницу.

– Они... они пытались убить меня.

– Кто?

– Трое мужчин. В лыжных масках. Они подожгли дом... Я... просто помоги мне встать. Пожалуйста.

Он пробует сесть, но задыхается от боли и опускается в сырую глину. Меня пронзает тревога.

– Тебе нужна медицинская помощь...

– Как ты попала сюда? – спрашивает он.

– На автомобиле.

– Одна?

– Да.

– Где твой автомобиль? – спрашивает он.

– Недалеко. У начала твоей подъездной дорожки.

– Отведи меня туда. – Он снова стонет, когда принимает сидячее положение.

– Джеб...

– Пожалуйста, помоги мне дойти до твоего автомобиля.

Он встает на четвереньки, потом опирается на мою руку и с невероятным усилием поднимается на ноги. Кровь снова сочится

из раны на его голове. В этом освещении он выглядит смертельно бледным. Я слышу отдаленные крики, когда очередная роща старых деревьев у реки исчезает в пламени. Люди отодвигают линию огня. Прибывают все новые пожарные команды. Вертолеты кружат над дымом, опустошая водные цистерны.

– Они были подготовлены. – Джеб кашляет. – Бензин. Они знали, что я здесь. Напали на меня с монтировкой, когда я попытался уехать. Но они сбежали, когда рванул старый бак с пропановой смесью. Если бы не это, я был бы мертв.

Ледяной холодок бежит по моему позвоночнику. Кто знал, что он вернулся? И так быстро? Адам, Трэй? Старая братва? Кто еще?

Я снова бросаю взгляд на тени, движущиеся между деревьями и дорогой. Трэй с остальными может приехать в любую минуту, установить командную базу и убедиться, что в лесу никого нет. Клинт, глава пожарной команды, тоже находится рядом. Адам, скорее всего, скоро будет здесь.

– Жди здесь, – говорю я. – Не двигайся с места. Я подгоню автомобиль.

Я бегу, задыхаясь от дыма, который обжигает легкие. Распахиваю дверь, залезаю внутрь и завожу двигатель еще до того, как успеваю захлопнуть ее. Подъезжаю к горелой поляне.

Джеб пытается приподнять свой мотоцикл. Я бегу к нему, оставив двигатель на холостом ходу.

– Не будь идиотом, Джеб. – Я хватаю его за руку.

– Нужно положить мотоцикл в автомобиль.

– Забудь об этом. Ты получил сотрясение, и у тебя путаются мысли. Мы не можем забрать мотоцикл без верхнего багажника; кроме того, он сломан.

Я кладу его руку себе на плечо и частично принимаю на себя вес его тела, пока мы бредем к моей машине. Меня снова пронзает тревога. Рану на его виске нужно зашить, но я опасаясь внутреннего повреждения мозга, возможного кровоизлияния. Его состояние может ухудшиться в любой момент.

– Залезай внутрь, – веляю я и помогаю ему устроиться на пассажирском сиденье. Потом нахожу аптечку и достаю перевязочный пакет.

– Вот, прижми бинт к ране на виске. Тебе нужно остановить кровотечение. Держи крепко.

Я обхожу автомобиль, сажусь за руль и включаю передачу. Приближаются новые сирены. Вертолет опускается ниже, его рокот становится громче. Я поворачиваю на лесовозную дорогу и еду так быстро, насколько это возможно. Когда я приближаюсь к полицейскому кордону, появляется встречный автомобиль. Серебристый внедорожник с номерной табличкой поисково-спасательного отряда. Трэй.

Проклятье.

– Ложись, – хрипло шепчу я. – Скорее!

Он подчиняется и кладет голову мне на колени. Его кровь капает на бедро моих джинсов.

Трэй смотрит на меня, когда проезжает мимо, потом ударяет по тормозам. Я замечаю Харви Зинка на сиденье рядом с ним. Но я продолжаю ехать и гляжу прямо вперед. Машу рукой полицейскому, когда объезжаю дорожные конусы. Когда кордон остается позади, я вдавливаю в пол педаль газа, виляя по рыхлому песку и гравию, и вскоре возвращаюсь на автостраду. Я чувствую стук сердца у себя в горле, и понимаю, что взмокла от пота.

Трэй и Зинк видели, как я уезжала. Как и этот новенький коп. Что это может означать для меня?

Джеб приподнимает голову.

– Лежи смирно, – говорю я, покосившись на него.

Он улыбается мне, наполовину кривясь от боли. Мое сердце дает странный сбой.

– Бонни и Клайд, – говорит он. – Как в добрые старые времена.

Против воли я улыбаюсь в ответ. Старое щегольство вернулось. Впрочем, оно никуда не уходило.

– Черт бы тебя побрал, Джебедея Каллен, – шепчу я и крепко сжимаю руль. – Черт бы тебя побрал.

Его улыбка превращается в ухмылку, а потом в гримасу, когда мы подсакиваем над дренажной трубой и мчимся дальше по автостраде.

Глава 10

Куинн выглянула из переднего окна, крепко вцепившись в подоконник. Брэнди находилась на кухне и делала горячее какао. Телевизор был включен; репортеры наперебой рассказывали о пожаре и о том, что произойдет со Сноу-Крик, если ветер переменится. Кроме того, Брэнди включила радио и слушала прогноз погоды.

У нее были длинные густые волосы, которые напоминали Куинн языки пламени, но Брэнди не разбиралась в тушении пожаров. Она была горнолыжным спасателем и мастером подъема по ледяным склонам. Зимой она сбрасывала лавинные бомбы для принудительного схода снежных лавин. Летом она работала сиделкой или инструктором в детском лагере для горных велосипедистов. Она говорила, что любит детей и когда-нибудь заведет целую кучу.

На автостраде завывали сирены, а вертолет пролетел над горными вершинами на фоне тускло-оранжевого неба. В груди Куинн теснились разнообразные страхи, которые не хотели уходить, как бы глубоко она ни дышала.

– Где она? – Даже ее голос звучал странно.

Брэнди подошла к ней и поставила на подоконник чашку какао с белыми крошками пастилы, таявшими наверху.

– С Рэйчел все будет в порядке, золотко. Она всего лишь поможет вывезти людей из опасного места.

– Что это за место?

– Долина Вулф-Ривер.

Нижняя губа Куинн задрожала. Она не хотела, чтобы что-то случилось с Рэйчел. Все, что у нее оставалось, – это Рэйчел. Она не должна была говорить тете плохие вещи. Это она виновата.

– Огонь пойдет в эту сторону, как говорят по телевизору?

– Нет. Только если переменится ветер, а метеорологи говорят, что этого не будет. К тому времени когда ветер все-таки подует в другую сторону, они возьмут огонь под контроль. – Она провела ладонью по волосам Куинн. – Эй, все будет хорошо. Тебе правда нужно немного поспать, до утра еще далеко.

– Что находится по другую сторону этих гор? – спросила Куинн, глядя на оранжевое сияние.

– Там индейский заповедник. Но если понадобится, у местных жителей будет достаточно времени для эвакуации.

– Но ведь все сгорит! Их дома...

– Надеюсь, что нет.

Куинн посмотрела на Брэнди. У девушки были глаза медового цвета.

– Мои родители сгорели при пожаре, – сказала она. – Наш дом сгорел.

– Знаю, – мягко отозвалась Брэнди. – Мне очень жаль.

– У вас есть мать?

– У каждого человека так или иначе есть мать.

– Но ваша мать жива?

Брэнди помедлила и нахмурилась. В ее глазах появилось отрешенное выражение.

– Физически она жива, но в других отношениях уже умерла. У нее болезнь Альцгеймера. Она больше ничего не помнит. Сейчас она живет в доме престарелых, в Ванкувере.

– Она не помнит вас?

– Нет. Она даже не помнит, как ее зовут. Это другой вид смерти.

Куинн довольно долго смотрела на Брэнди.

– Моя мама прислала мне ангела, – наконец сказала она.

– Правда? – Брэнди отпила глоток травяного чая.

Девочка кивнула.

– Чтобы он присматривал за мной. На тот случай, если что-то случится с Рэйчел. Я... я не хочу, чтобы с ней что-то случилось.

Слезы, эти глупые слезы вдруг снова подступили к глазам, и Куинн почувствовала, что у нее горят щеки.

Брэнди обвила ее рукой. От нее пахло ванилью и другими приятными вещами. Как от мамы. От этого у Куинн снова защипало глаза.

– С Рэйчел все будет в порядке.

Куинн оттолкнула ее руку и протопала на кухню. Ей больше ни к кому не хотелось привязываться, потому что они тоже могли умереть. Но она замерла, когда услышала звук работавшего двигателя. Она

подбежала к окну и увидела яркие фары, вынырнувшие из-за деревьев.
Рэйчел!

Куинн сорвалась с места и побежала к парадной двери. Она распахнула дверь, порыв ветра сразу ударил ей в лицо, отбросив волосы назад. Трикси последовала за ней, стуча когтями по деревянному полу.

– Куинн! – крикнула Брэнди ей вслед. – Подожди, не выходи на улицу без обуви!

Дверь автомобиля открылась, и Рэйчел вышла наружу. Куинн остановилась, глядя на нее. Лицо ее тети было очень бледным и запачканным сажей. Казалось, что ей нехорошо.

Брэнди властно положила руку на плечо девочки. Куинн оглянулась на нее. Ее няня смотрела на Рэйчел с таким видом, словно ей тоже что-то не нравилось.

Но Рэйчел бодро подошла к ним и опустилась на корточки перед Куинн.

– Привет, детка, я вернулась. Почему вы обе до сих пор не в постели?

Куинн обхватила ее руками за шею и привлекла к себе. Она дрожала, поэтому прижалась еще крепче.

– От тебя пахнет дымом, – прошептала она в шею Рэйчел.

– Все в полном порядке, Куинн. – Рэйчел отклонилась назад. – Можешь не беспокоиться.

Она улыбнулась и отвела волосы со лба Куинн, но ее лицо оставалось странно неподвижным. Ее губы улыбались, но глаза нет.

Рэйчел подняла голову.

– Брэнди, ты можешь задержаться еще ненадолго. Мне нужно отнести мое снаряжение из автомобиля в лодочный сарай и почистить его.

Брэнди посмотрела на автомобиль, и Куинн проследила за ее взглядом. Ей показалось, что она увидела какую-то тень, двигавшуюся внутри. Там был другой человек. Несколько секунд все молчали, и единственными звуками было отдаленное завывание сирен и свист ветра.

– Конечно, – сказала Брэнди. – Пошли в дом, Куинн.

– Нет. Я хочу остаться с Рэйчел.

– Куинни, тебе нужно вернуться в постель, хорошо? Я буду совсем рядом, в лодочном сарае. Брэнди побудет с тобой, пока ты не уснешь.

– Это кровь? – спросила Куинн, изучая свою ладонь, которой она прикоснулась к бедру Рэйчел.

Рэйчел сглотнула.

– Все в порядке. Я помогала нести человека, который немного поранился. Теперь иди в дом.

Куинн сжала кулачки и уставилась на Рэйчел. Она видела, что все не в порядке. Что-то было плохо, и они не хотели говорить ей об этом. Кровь на бедре Рэйчел, кто-то еще в ее автомобиле.

– Иди, пожалуйста.

Девочка опустила глаза и ушла в дом вместе с Брэнди. Но как только она оказалась внутри, то побежала к большим окнам, которые выходили в сад перед озером. Она увидела, как Рэйчел проехала дальше по садовой дорожке, а затем по траве к лодочному сараю. Она остановилась рядом с сараем, за живой изгородью.

– Куинн, пошли в постель. Пора спать.

Девочка прижала ладони к стеклу, не обращая внимания на слова Брэнди. Она видела лишь тень Рэйчел, помогавшую кому-то выйти из автомобиля. Мужчине. Он сгорбил плечи и опирался на нее. Трикси следовала за ними.

Ангел?

Сердце Куинн учащенно забилося.

Брэнди опустилась на корточки возле нее.

– Пора в постель... – Но потом она увидела, куда смотрит Куинн, и замолчала, наблюдая вместе с ней.

Куинн внезапно схватила Брэнди за руку: ей больше не хотелось смотреть на него.

– Я хочу в постель. Немедленно.

Брэнди наклонилась вперед и прищурилась, глядя в темноту, стараясь рассмотреть, кто был вместе с Рэйчел.

– Это никто, – сказала Куинн и потянула ее за руку. – Ничего интересного.

Брэнди посмотрела на нее и нахмурилась. Ее взгляд снова стал отрешенным.

– Ты можешь почитать мне в постели? Пожалуйста!

Брэнди заколебалась.

– Ну да, конечно. – Она еще раз выглянула в окно и повела Куинн наверх.

* * *

Джеб тяжело опирался на Рэйчел, пока она помогала ему дойти до лодочного сарая. Внутри было темно и холодно. Ветер захлопнул дверь за ними. Он застонал, когда она проводила его к кровати и помогла лечь.

Рэйчел положила аптечку на стол и подтащила стол к кровати. Ее движения были скованными, когда она зажигала старую керосиновую лампу. Пляшущий язычок пламени отбросил золотистый свет на стены сарая, ветхие снегоступы, удочки и резную деревянную рыбу. Старинная черная дровяная плита стояла в углу на керамических плитках; дрова были сложены рядом в аккуратную поленницу.

Джеб внезапно вернулся в свои восемнадцать лет, когда они с Рэйчел отдыхали здесь, лежа на тряпичном коврик перед горячей плитой. Трикси свернулась клубком в корзинке у огня, а снаружи, в тишине, валил густой снег. Отсюда они бегали за напитками из холодильника в жаркие летние месяцы, ныряли с причала в ледниковую воду, лежали на солнце, плавали на каноэ через озеро для исследования призрачного поселения сквоттеров в лесу на противоположном берегу.

Трикси легла на плетеный тряпичный коврик перед холодной плитой; старые привычки уходят нелегко. Некоторые из них встроены в нейронные связи мозга. Они являются частью живого существа, как дерево обрастает кусок металла, который становится частью ствола, и его нельзя извлечь, не погубив дерево.

– Здесь по-прежнему нет света? – спросил он, перекрывая свист ветра под дверью.

Рэйчел озабоченно посмотрела на него. Она быстро открыла аптечку и натянула латексные перчатки.

– Нет. Мой отец собирался провести электричество, но... – Ее голос пресекся. Она отодвинула стул, села перед ним и придвинула лампу поближе.

– Мой отец любил романтику керосиновых ламп, свечей и костровой ямы на пляже. – Она достала несколько пачек запечатанных антисептических салфеток. – После его смерти мы

собирались провести реконструкцию, но... – Она замолчала и надорвала пачку.

– Мы?

– Хм-м. – Она достала салфетку.

– Ты имеешь в виду, вы с Трэем? – настаивал он.

Ее темные глаза вспыхнули. Она на мгновение удержала его взгляд, и Джеб был вынужден заморгать и отвернуться от света ее налобного фонарика. Рэйчел вернулась к работе. Ветер снаружи завывал, как стая голодных волков. Его руки покрылись мурашками.

– Давай посмотрим. – Она подняла окровавленный перевязочный пакет, который он до сих пор прижимал к голове, и начала вытирать кровь дезинфицирующей салфеткой. Чтобы отвлечься от сильного жжения, Джеб смотрел на ее губы.

– Как давно ушел твой отец, Рэйчел?

– Десять месяцев назад. Рак.

– Так много потерь за такое короткое время. Сначала твой отец, потом София и Питер. А теперь еще и Трэй?

– Да, я теперь отверженная. – Она замолчала, очищая его рану.

– Отец оставил тебе это место?

– И газету.

Он вздрогнул и удивленно посмотрел на нее.

– «Сноу-Крик Лидер»?

– Лежи спокойно, Джеб.

Он подумал о Кэсси Руссо – редакторе, с которой он разговаривал вчера.

– Значит, ты владеешь газетой?

– Я издатель.

– Кэсси Руссо – твоя сотрудница?

Она стиснула зубы.

– Я сказала, лежи спокойно, черт побери. Мне нужно видеть, не попал ли в рану какой-нибудь мусор.

– Я не видел, – ответил он и скривился, когда она нажала на салфетку. – Значит, ты пошла по стопам своего деда и отца. – Он попытался улыбнуться. – Возглавила крестовый поход за справедливость.

Она резко отложила салфетку и разорвала пачку клейких медицинских пластырей для работы с неглубокими ранами. Ее губы

сжались в тонкую линию.

– Газетный бизнес – это не крестовый поход. Это просто бизнес в чистом виде. Крестовый поход за справедливость был делом Софии, а не моим. – Она свела вместе края раны и наложила один узкий стягивающий пластырь, потом другой. – Это София всегда говорила о равенстве и общественной справедливости. У нее была проницательная, философская натура, как у моего отца и деда. Я была больше похожа на мою мать. Я была спортсменкой, привыкшей жить одним мгновением. Любимым ребенком в семье.

В ее словах звучала горечь, и Джеб угадывал презрение к себе.

– Была? Ты говоришь о себе в прошедшем времени.

Она снова встретилась с его взглядом. Потом снова отвернулась, и волна темных волос скрыла ее лицо. Джеб глубоко сочувствовал ей; она выглядела совершенно одинокой.

Рэйчел молча закончила накладывать пластырь. Деревянные ставни дребезжали на ветру. Вертолеты продолжали летать наверху, и вдалеке слышались звуки сирен.

– Тебя нужно как следует заштопать, если не хочешь, чтобы остался шрам, – сказала она. – Но рана неглубокая. Тебе повезло.

– Да, ты все правильно поняла. Мне повезло.

Она глубоко вздохнула, выключила налобный фонарик и убрала его перед тем, как снять перчатки.

– Ты что-то говорил про монтировку?

– Да, я откатился в сторону. Зацепило острым концом.

– По-моему, это удача, иначе ты был бы мертв. Лежал с разбитым черепом. Еще остается риск слабого сотрясения и внутренней гематомы.

Повисло молчание. Ветер стонал и пытался проникнуть под дверь. Паутина в углах слегка раскачивалась. Рэйчел изучала его лицо, его глаза, и Джеб ощущал, что она старается проникнуть за пределы физической травмы. Она по-прежнему была не уверена в нем.

– Что еще у тебя болит? – поинтересовалась она.

Он криво улыбнулся.

– Ладно, где больше всего болит? Объясни.

– Ребра. Легкие. Повсюду.

– Куртку долой.

Он попробовал и скривился от боли. Она помогла ему. Ее волосы упали ему на щеку, и он почувствовал запах дыма. Ее руки были теплыми и мягкими. Рэйчел состояла из воспоминаний – из всех хороших вещей в его жизни до того, как прежняя жизнь была украдена у него.

Она набросила его кожаную куртку на спинку стула.

– Теперь давай снимем футболку, чтобы я смогла посмотреть на остальное.

Джеб со стоном попытался поднять руки. Боль вспыхнула в его груди, когда Рэйчел помогла ему стащить футболку через голову.

– О, господи, – прошептала она, когда увидела вспухшие красные полосы, быстро синевшие по краям. – Ты можешь лечь?

Она уложила его на спину. Когда он снова поймал ее взгляд, ее глаза потемнели от тревоги. Рэйчел осторожно ощупала его ребра. Он смотрел на ее серьезное лицо. Без рубашки в сарае было холодно. Снаружи бушевал ветер и тихо лязгал флагшток. Вода плескалась у причала. Он невольно задрожал.

– Скоро я разведу огонь, и здесь будет тепло, – заверила она.

– Ты помнишь, как мы прятались здесь, Рэйч? – прошептал он.

Она кашлянула.

– У тебя сломано несколько ребер. Тебя нужно отвезти в больницу. Нужно правильно заштопать рваную рану на голове, сделать рентгеновский снимок грудной клетки и наложить повязку на ребра.

– Сделай это. Наложь повязку.

– Джеб...

– Просто сделай, – тихо сказал он. – Пожалуйста.

– У меня есть только элементарная аптечка. Тебе нужен рентгеновский снимок...

– В тюрьме мне приходилось и похуже. Я как-нибудь выдержу.

– Тебя били в тюрьме?

Он не ответил.

Рэйчел отвернулась и начала разматывать катушку медицинской ленты.

– Как это случилось? – резко спросила она, сама удивляясь внезапной вспышке.

– Я приехал домой и обнаружил, что там все загажено подростками. Тогда я развернул спальник под елью на берегу реки

и решил начать уборку с завтрашнего утра. Я спал там, когда они приехали.

– *Кто* приехал?

– Не знаю. Их было трое, на двух автомобилях. Темно-синий или черный пикап с длинным кузовом. И светлый внедорожник. Может быть, серебристого цвета.

– Ты можешь поднять руку и завести ее за голову?

Он выполнил просьбу. Она ощупала его грудную клетку. Он закрыл глаза и поморщился, когда она нашла больное место.

– Тут?

Он кивнул. Она оторвала кусок ленты и начала перевязку с вертикальной линии от болевой точки.

– Ты заметил номер?

– Нет. – Он скривился, когда она провела ленту наискось через туловище. – Только букву D на номерном знаке.

– И ты уверен, что это были мужчины, а не пьяные подростки?

Он фыркнул.

– Совершенно уверен.

Она наложила еще один кусок ленты параллельно первому на другой стороне от болевой точки.

– Они были одеты в черное и в лыжных масках. Это была продуманная операция; они приехали специально для того, чтобы все сжечь и прикончить меня. Каким-то образом они знали, что я вернулся.

Ее руки на мгновение замерли, когда она что-то заметила.

– Нехороший шрам, – сказала она, кивнув в сторону выпуклой линии над его левым соском.

– Старая история.

Она пристально смотрела на него.

– Тюрьма. Не хочу говорить об этом.

Рэйчел поджала губы, пока накладывала третий слой медицинской ленты, который скрепила с остальными и плотно затянула вокруг его туловища.

– Я видела канистры из-под бензина, – сказала она.

– Тебе знакомы эти автомобили?

Она отвернулась и глубоко вздохнула.

– Это обычные автомобили для лыжного курорта. Их тут навалом.

Она встала и подошла к деревянному платяному шкафу – антикварному предмету мебели, который ее отец приобрел десять лет назад в Орегоне. Она открыла дверцу и достала футболку и короткую фланелевую куртку. Потом помогла ему надеть сначала футболку, потом мягкую фланель.

– Отцовские, – сухо сказала она. – Так и не смогла заставить себя избавиться от его гардероба. Они будут тебе впору.

Ее пальцы прикоснулись к его шее, когда она продела его руку в рукав куртки, и остановились на татуировке. Ее глаза влажно блестели.

– Мне так жаль, Джеб.

Он встретился с ней взглядом, но она неожиданно выпрямилась и отошла в сторону. Потом провела пальцами по волосам.

– Я знала, что они будут искать тебя, Джеб, но не представляла, что они пойдут на такой риск – большой пожар, поставивший под угрозу жителей соседней долины.

Он промолчал. Рэйчел тихо выругалась.

– Нужно обратиться в полицию.

– В полицию? Ты серьезно?

Она смотрела на него с растущим пониманием в глазах.

– Ты сказала, Адам был убежден, что я вернулся, – заметил он.

– Господи, ты же не можешь думать, что он... Адам *из полиции!*

– Так и есть, Рэйчел. Это его брат заявил, что я повернул на север, хотя я точно знаю, что в тот вечер я повернул на юг и отправился домой. Во время расследования его мать была главным констеблем. Это ее следовательская группа упрятала меня за решетку. Люка больше нет, но Адам все равно что-то скрывает.

Она побледнела, когда смысл ее слов полностью дошел до нее.

– Значит, ты думаешь, что это был один из тех троих парней или даже Адам?

– Они лгали не без причины. Они подставили меня, чтобы защитить себя или кого-то еще.

– А как насчет линчевателей, Джеб? В городе есть много людей, которые страстно ненавидят тебя. Они винят тебя в том, что мать Мэрили умерла от разбитого сердца. Они говорят, что ты был главной причиной самоубийства Эми. Как насчет разъяренных горожан? Как насчет отца Мэрили или ее братьев? Если они знали, что ты здесь...

– Но как они все узнали *так быстро*?

Рэйчел уставилась на него.

– Ты думаешь, это потому, что я обратилась к Адаму.

– Я этого не говорил.

Она пошла к плите и опустилась на корточки. Распахнула дверцу и стала комкать старые газеты, которые хранились в жестяной банке сбоку. Сунула комки внутрь и положила сверху растопку. Зажгла огонь, подождала, пока пламя не занялось, добавила немного дров, закрыла дверцу и накинула засов. Потом прошла по деревянному полу и засунула скрученное полотенце в щель между дверью и половицами.

– Ты скоро согреешься, – сказала она и отряхнула руки об джинсы. – Хочешь лежать там или присесть на диване, где будет потеплее?

Он поднялся на ноги, кривясь на ходу, и медленно опустился на диван у огня. Тепло от плиты пошло почти сразу, и в помещении стало уютнее. Вой ветра снаружи как будто отдалился. Трикси подошла и обнюхала его руку, прежде чем свернуться перед огнем.

Рэйчел подошла к холодильнику, достала две бутылки минеральной воды и протянула одну ему.

– Хочешь поесть?

Он покачал головой, открыл бутылку и сделал большой глоток.

– Ты по-прежнему не пьешь спиртное? – спросила она.

– Нет. А ты?

Она опустилась в кресло сбоку от него, и он догадался, что она думает о гравийном карьере.

– Иногда.

– Как сегодня вечером?

Она спокойно встретила его взгляд.

– Да, как сегодня вечером. Когда я узнала от Куинн, что темноволосый мужчина с татуировкой на шее следовал за ней от школы.

– Ты испугалась.

– Ты чертовски прав, так оно и было. – Она наклонилась вперед, положив руки на колени. – Почти десять лет я пребывала в убеждении, что ты все это сделал. Все указывало только на тебя. Естественно, когда Куинн описала тебя, я испугалась.

– А теперь?

Она молча смотрела на него. В ней происходила некая внутренняя борьба. Какой бы усталой и чумазой она ни выглядела, для него она никогда не казалась более прекрасной, чем сейчас, омытая медным блеском пламени.

– На тебя напали, – тихо сказала она. – Сожгли твой дом и бросили тебя, посчитав за мертвого. Это выглядит как факт. У меня возникает вопрос, почему это случилось. Это заставляет меня сомневаться в показаниях людей, которые свидетельствовали, что ты поехал на север. И мне непонятно, как быстро распространились новости о твоём возвращении. Это могло случиться лишь в том случае, если люди заранее созвонились друг с другом. Я вынуждена сомневаться в моей доверии к Адаму.

Она сделала глубокий вдох.

– Ты предлагаешь мне поверить, что добропорядочные горожане, мои друзья, могут нести ответственность за жестокое изнасилование и убийство? Что эти отцы, сыновья, братья и мужья все эти годы хранили преступную тайну, а теперь хотят остановить тебя, чтобы ты не разоблачил их? Как ты думаешь, Джеб, что я чувствую по этому поводу? – Её голос пресекся, глаза блеснули в отраженном свете.

– Если это правда, то ответственность лежит и на мне. Значит, я должна была верить в тебя, быть на твоей стороне и бороться за тебя. Что я с самого начала должна была доверять моему сердцу и моей интуиции. – Она ненадолго замолчала, борясь с собой, потом прошептала: – Мне жаль, Джеб. Мне очень жаль, что мы поссорились в тот вечер. Что я говорила нехорошие вещи, хотя на самом деле так не думала. Что тогда я осталась с Трэмем.

– Ты ведь спала с ним, да? Ты потеряла свою девственность в ту ночь?

Боль и раскаяние, исказившие её лицо, тронули его сердце.

– Эй, – тихо сказал он. – Тебе было восемнадцать лет. Все мы были молоды и совершали ошибки.

– Откуда такое великодушие, черт побери? – резко спросила она. – Мы посадили тебя в тюрьму. Мы украли годы твоей жизни.

– Знаешь, что сейчас имеет значение для меня? То, что ты веришь мне.

Рэйчел вскочила на ноги, подошла к окну и посмотрела на озеро, скрестив руки на груди.

– Я не знаю, что делать, – призналась она. – Все, о чем ты говорил, звучит разумно, но *тогда* их слова тоже казались разумными.

Она надолго замолчала, и внутри слышались лишь треск пламени, свист ветра, плеск волн на причале и отдаленный рокот вертолетов, боровшихся с пожаром.

– Мой дед часто говорил о банальности зла, – наконец сказала Рэйчел, глядя в окно. – Это выражение ввела в оборот Ханна Арендт, немецко-американский философ и историк, которая разработала теорию тоталитаризма. Она употребила его в своей программной статье в начале 1960-х годов, где было сказано, что все великие злодеяния в истории – в том числе Холокост – совершали не фанатики или человеконенавистники, а обычные люди, выполнявшие задания своего правительства или государства. Они участвовали в злодеяниях, считая свои поступки совершенно нормальными.

Немного помедлив, она повернулась к нему.

– Тогда я верила властям: полицейским, законникам, родителям и уважаемым людям из Сноу-Крик. Я доверяла им. Поэтому я приняла на веру их утверждения о твоей виновности. Я пошла у них на поводу. И мне тошно от того, что я... что мы могли так ошибаться.

Она подошла ближе и уселась на кофейный столик перед ним. Так близко, что он мог прикоснуться к ней.

– Ты был прав в одном, – тихо сказала она. – Мы оба хотим одного и того же. Я хочу, чтобы Куинн оставалась в безопасности. Но теперь мне нужна еще и правда. Мне нужны доказательства. Сегодня ночью кто-то пытался убить тебя и устроил пожар. Я хочу знать, кто и почему это сделал, но на этот раз я не попадусь в ту же самую ловушку. Я не поверю *ничему*, пока не смогу лично убедиться в этом. – Их взгляды встретились. – Я собираюсь помочь тебе, Джеб, но я сделаю это ради себя. Ради Куинн, ради Софии и Питера. Ради семьи Цукановых.

– Нет, – сказал он. – Ты должна отойти в сторону. Не хочу, чтобы ты участвовала в этом.

Рэйчел фыркнула.

– Я *уже* участвую в этом. Посмотри на нас с тобой. – Она отпила глоток воды из бутылки. – Ты сказал, что уже договорился об интервью с Кэсс Руссо?

– Да, вчера.

Она облизнула губы и завинтила крышку бутылки.

– Кэсс не упоминала об этом. Где и когда?

– В салуне «Шэди Леди». В час скидок, когда приходит больше всего жаждущих туристов и местных жителей. Я собираюсь публично объяснить ей причину моего возвращения. И для начала я упомяну имена четырех лжесвидетелей, чтобы они оказались у всех на виду.

– Тогда нас могут привлечь за клевету.

– Нет, если все сделать правильно. Никто не может оспорить, что Клинт, Леви, Зинк и Люк дали свидетельские показания. Это содержится в публичных документах. Есть факт, что мой приговор был отменен, так как судья посчитал, что меня осудили несправедливо. Есть факт, что я не поворачивал на север, так как я знаю, что не делал этого. Значит, те, кто утверждал обратное, солгали. Я собираюсь заявить об этом. Я дам понять, что кто-то в этом городе скрывает правду и не дает членам семьи Мэрили добиться справедливости и завершить следствие о ее исчезновении. Если среди лжесвидетелей есть невинные люди, они могут сломаться под давлением общественности и начнут закладывать друг друга, чтобы спастись самим. Это моя цель: хорошенько встряхнуть их клетки, пока что-нибудь не выпадет наружу.

– Ты должен понимать, что у меня есть право вето.

Джеб смерил ее взглядом.

– Тогда люди начнут спрашивать, почему ты тоже хочешь заткнуть мне рот. Ведь ты тоже свидетельствовала против меня и сообщила суду то, о чем я не говорил никому на свете, кроме тебя.

Ее глаза вспыхнули, на бледной шее быстро запульсировала голубая жилка.

– Джеб, я...

Он поднял руку.

– Я уже понял. Банальность зла и так далее. Ты верила им. Ты чувствовала себя обязанной рассказать им, что я сделал. Что я был склонен к насилию, и что моя мать покрывала меня.

– Они давили на меня.

Молчание, наполненное воспоминаниями о прошлом, тяжело повисло между ними. Рэйчел тяжело вздохнула и откинула со лба прядь волос, открыв полоску медицинского пластыря над бровью.

– Откуда у тебя этот порез? – спросил он.

– Куинн ударила меня, – с заминкой ответила она.

– Почему?

– Не имеет значения.

– Рэйчел...

– Я же сказала, что это неважно!

Напряжение было гнетущим; она ощущала его неистовое желание больше узнать о своем ребенке. Для него ее разногласия с Куинн имели важное значение; ему было не все равно. Но он понимал, что сейчас не время выяснять отношения. Сначала он собирался разобраться с людьми, оболгавшими его в суде.

– Расскажи мне об этой четверке, – попросил он. – Я читал в газетах, что Люк погиб в Конго. Есть что-то новое?

Она покачала головой.

– Он работал в группе по разминированию, которая подверглась нападению местных повстанцев. Никто не выжил. Адам и его мать тяжело восприняли это. Вскоре она вышла в отставку, а теперь страдает от деменции. Тем временем Адам оставил службу в конной полиции и переехал сюда вместе с семьей. Он дослужился до заместителя начальника полиции Сноу-Крик.

– Кто его начальник?

– Главный констебль Роб Макин. Думаю, он порядочный человек. Он мне нравится.

– А Макин, в свою очередь, отвечает перед управлением полиции округа.

Она раздосадованно вздохнула.

– Ладно, я вижу, к чему ты клонишь. Да, перед гражданским управлением полиции. Хол Бэнрок, отец Леви, входит в состав гражданского совета, как и мэр города.

– Леви тоже лгал на суде, – заметил он.

Она не ответила.

– Ты сказала, что Адам переехал сюда вместе с семьей. На ком он женат?

– На Лили Галлахер. Ты помнишь ее по школьному времени?

– Да. Тихая, красивая девочка.

– Какое-то время она работала в розничной торговле, но теперь сидит дома и занимается детьми. У них двое мальчиков восьми и пяти лет: Тайлер и Микки. Похоже, это счастливый брак.

– Как насчет Леви?

– Он теперь воротила лыжного бизнеса, управляет горнолыжными трассами и курортными заведениями. Тоже женат, имеет маленького ребенка.

– А Клинт стал начальником пожарной части?

– Он недавно получил это повышение. Женился на своей беременной подруге Беппи и поступил в армию примерно в то время, когда ты отправился в тюрьму. Но после миротворческой миссии в Сьерра-Леоне он вышел в отставку и вернулся в Сноу-Крик, где стал работать в пожарной службе. У них три дочери, и теперь они живут на небольшом ранчо в Пембертоне.

Рэйчел потеряла колено, встала и подошла к окну с видом на озеро. Взгляд Джеба медленно скользнул вверх по ее ногам к задку, обтянутому плотно облегающими джинсами. Несмотря на боль и на его нынешнее положение, в нижней части его живота шевельнулось желание. Нет, он отчаянно хотел ее. Медленный, тлеющий огонь желания накапливался и разгорался в глубине его существа с тех пор, как он снова увидел ее перед школой. Этот огонь никогда не угасал, но теперь жарко воспрянул к жизни.

Она оглянулась на него через плечо, и золотистый свет очертил ее профиль. У него болели ребра и пересохло во рту. Он отхлебнул ледяной воды, потом жадно допил бутылку.

– Расскажи мне о Трэе, – сказал он.

Ее плечи заметно напряглись.

– Он не был одним из этой четверки. Он видел то же самое, что и я: как ты уезжал из карьера с Мэрили и Эми в твоём автомобиле.

– Он дружит с тремя из тех, кто остался. Теперь они держатся друг за друга.

– Он не единственный, кто водит близкую дружбу с ними, – недовольно заметила она.

– Что между вами произошло, Рэйчел?

– Это не имеет отношения к делу. – Ее тон ясно показывал, что продолжения не последует. Либо она полностью доверяла Трэю, либо сохранила какие-то чувства к нему.

– А как насчет Харви Зинка?

Рэйчел глубоко вздохнула и повернулась к окну.

– Зинк... На самом деле он довольно бестолковый. С одной стороны, владеет салуном «Шэди Леди» и хорошо зарабатывает.

С другой стороны, он развелся с женой, которая сохранила опеку над ребенком. Время от времени устраивает громкие пьянки. Постоянных отношений у него нет, но вокруг все время ошиваются разные девушки.

– Зинк был толкачом и продавал травку. У него был доступ к рогипнолу, «наркотику для изнасилований».

Она развернулась к нему.

– Пустая упаковка рогипнола, кровь Мэрили в твоём автомобиле... как это могло случиться?

– Я собираюсь выяснить.

– Хочешь сказать, это могло быть спланировано заранее?

Джеб промолчал.

Рэйчел подошла и села рядом с ним. Старая кушетка закрипела. Она посмотрела на свои руки и машинально потерла большим пальцем безымянный, где больше не было обручального кольца. Медленно, словно пытаясь овладеть собой, он потянулся и накрыл ее руку своей ладонью.

– Я не делал этого, Рэйчел.

Она не пошевелилась.

– Посмотри на меня.

Он посмотрела. Его лицо находилось очень близко. Не раздумывая, он положил ладонь ей на щеку; ее веки затрепетали и опустились. Его кровь взыграла, жар распространился от груди до паха. Она почти неощутимо подалась вперед, и Джеб повторил ее движение. Он чувствовал на губах ее дыхание. Его сердце колотилось так сильно, что казалось, вот-вот вырвется из покореженной грудной клетки.

Он легко скользнул губами по ее губам – осторожно, в вопросительном жесте. Потом он крепче прижался к ее губам, и перед его закрытыми глазами полетели черные и алые клочья, когда ее рот раскрылся под его прикосновением, словно приглашая его внутрь, ее тело бессильно обмякло, ее рука скользнула по его затылку и потянула вперед, привлекая его к себе, в себя.

Она наклонила голову и тихо застонала, когда ее язык скользнул ему в рот, встретившись с его языком, поворачиваясь, ускоряя темп и напряжение, граничившее с агрессивностью. Он ощущал, как ее пульс бьется в унисон с его пульсом, все быстрее и сильнее. Он как будто умер в крошечной камере за оградой с колючей проволокой,

а теперь родился заново и вернулся домой. И теперь ничто не могло остановить его или отправить обратно.

Боль терзала его туловище и стреляла в сломанных ребрах, но ему было все равно. Стонущий звук ветра, лязг флагштока, треск дров, отдаленный рокот вертолета, спящая собака – все это ускользало прочь, растворялось в чистом удовольствии от Рэйчел в его объятиях, о чем он еще недавно не мог и мечтать.

Джеб сунул руку ей под рубашку и нашел ее грудь. Слезы радости брызнули у него из глаз, когда он нашел мягкую, но крепкую выпуклость, напряженный сосок. Жидкий огонь хлынул ему в пах, и он подумал, что сейчас взорвется. Его пенис, его тело, рана на голове, сломанные ребра – все наполнялось ноющей болью с каждым ударом его сердца.

Это было больше похоже на чрезвычайное возбуждение, чем на секс. Это была любовь: пробуждение, возрождение, распространение того огня, который жил в его сердце и теле. Джеб знал, что теперь он не остановится ни перед чем. Это была жизнь. И ничто не могло сравниться с этими теплыми руками, обнимавшими его, с чувством заботы, влечения и желания другого человека после девяти долгих лет в холоде и одиночестве.

Он почувствовал, как ее рука соскользнула с его пояса между бедер. Она накрыла ладонью его пах, и Джеб растворился в этом ощущении.

Глава 10

Он жесткий и поджарый в моих руках – раненый, но не сломленный воин. Его мышцы затвердели от боли, но он не обращает внимания, когда проводит рукой по моей спине и сжимает ягодицы. Другая его рука гладит мои волосы, хватает и привлекает к себе, когда он еще крепче целует меня.

Моя рука лежит у него между ногами. Ощущение его эрекции головокружительно. Жар приливает к моему паху, и мои соски покалывает в ответной реакции. Меня втягивает туда, где есть только ощущения. Я хватаюсь за логику, за воздух, за остатки реальности. Какая-то часть меня знает, что это неправильно. Что мы еще не готовы. Все еще может обернуться кошмаром. Но здесь есть нечто, о чем я томилась еще с тех пор, как наши отношения переросли дружбу и превратились в нечто большее, особенно после нашей ссоры. В тот вечер я хотела его. Он отказал мне, и все покатило в преисподнюю.

Я ощущаю его слезы у себя на лице. Чувствую их соленый вкус у нас на губах. Его жажда, его дикая потребность во мне вскрывает мое сердце. Он снова поглощает меня; прошлое, настоящее, будущее – все устремляется в опасный водоворот темной и притягательной страсти. Я бездыханна, я тону в нем. В этом отступнике, которого всегда любила.

Внезапно я отчаянно хочу иметь его. Быть обнаженной напротив его наготы. Я хочу обхватить его ногами и глубоко погрузить в себя. Я не могу дышать. Я начинаю возиться с застежкой его джинсов... и в ушах раздается звон.

Нет, это не звон, а мелодия. Рингтон моего телефона. Я замедляю поцелуй, и у меня щемит сердце, когда я стараюсь всплыть на поверхность. Это мой телефон, он звонит у меня в кармане. Реальность возвращается, как удар в живот.

Я отодвигаюсь, тяжело дыша. Его глаза похожи на чернильные пятна, черты его лица искажены желанием; в нем пробудилось что-то дикое и необузданное.

– Я... мне нужно ответить. – Я отворачиваюсь от него и лезу в карман за сотовым телефоном. Кажется, на это уходит целая

вечность. Мне не следовало этого делать. Мне даже не хочется думать, что это может означать в такой момент.

– Алло, – хрипло выдавливаю я.

Короткая пауза.

– Где ты, черт побери?

Трэй. Меня словно бьет электричеством. Я рефлекторно смотрю на Джеба; он смотрит в ответ со звериной сосредоточенностью во взгляде.

– Секунду, – говорю я в трубку и поворачиваюсь к Джебу. – Я должна ответить на этот звонок.

Он молчит. Я выхожу навстречу ледяному ветру, задувающему с озера. Иду в круге света, проступающего из лодочного сарая, и останавливаюсь в тени под деревом, где Джеб не может видеть меня.

– Что тебе нужно? – Я закрываю рукой живот от холода; моя куртка осталась внутри.

– Ты не ответила на общий вызов.

– Я не могла ответить.

– Я видел тебя там, и ты *знаешь* об этом. Что за чертовщина происходит?

Он говорит рублеными фразами. Я слышу очередной звук сирены. Небо на западе продолжает полыхать тускло-оранжевым светом. *Нужно быть максимально осторожной.*

– Что ты имеешь в виду?

– Каллена, черт бы его побрал. Он был там, в старом доме на Вулф-Ривер. Полиция конфисковала его мотоцикл. Он поджег все вокруг; целый горный склон находится в огне! Он вернулся, чтобы отомстить, и теперь он пытается сжечь весь курорт – вот что они говорят!

– Кто говорит?

– Копы. Адам вызвал команду экспертов-криминалистов по определению личности и причины поджога. Они прочесывают все вокруг.

– И они думают, что это *он* устроил поджог?

– Они нашли спички и канистры из-под бензина.

У меня пересыхает во рту. Меня охватывает ощущение дурного сна, повторяющегося во времени. Если они снова увезут Джеба на допрос, это будет последний раз. Он больше не выйдет на свободу.

– Послушай меня, – тихо говорю я, думая о том, как много я могу рассказать Трэю. – Джеб вернулся к себе домой. Он заночевал у реки, когда появились трое мужчин в масках. Он видел, как они подожгли старый дом. На него напали, сильно избили и бросили, когда посчитали мертвым. Эти люди не убили его *только потому*, что взорвался старый пропановый бак, и им пришлось убежать.

Короткая пауза.

– Значит, он у тебя?

– Почему ты звонишь мне, Трэй? Хочешь выяснить, здесь ли он? Это не твое собачье дело.

Его голос звучит холодно и жестко.

– Полицейский у дорожного кордона видел тебя. Зинк видел тебя. Я видел тебя. Утром копы постучатся в твою дверь. Они собираются допросить тебя как соучастницу поджога. Лучше не дури с этим.

Шок бьет по нервам. Я вспоминаю, как подняла канистру из-под бензина, и наверное, оставила свои отпечатки. Меня внезапно охватывает страх. Я видела, что сделали с Джебом полицейские и судебные следователи девять лет назад. А если Джеб говорит правду, то я не могу надеяться, что они не сделают то же самое со мной... с нами обоими. Ради сохранения этого темного и жуткого секрета, погребенного в нашем городе. Тот, кто изнасиловал Эми и убил Мэрили, теперь рисковал гораздо большим – семьей, детьми, положением в обществе. Побочный ущерб от разоблачения будет катастрофическим.

– Ты слышал меня, Трэй? На Джеба напали трое мужчин. Они подожгли дом и спровоцировали пожар. Кто эти люди? Вот о чем ты должен спрашивать.

– Он у тебя.

Я ругаюсь сквозь зубы.

– Рэйчел, – он меняет тон. – Я... беспокоюсь за тебя.

Ветер хлещет мои волосы поперек лица. Волны плещут на старые доски причала, скрипящие у меня под ногами.

– В самом деле? Или тебе не терпится прикрыть кого-то еще? Тебя беспокоит, что Джеб узнает, кто на самом деле убил Мэрили и изнасиловал Эми?

– Не делай этого. Не переходи на другую сторону. Этот человек – сладкоречивый насильник и эгоистичный лгун. Ты так и не поняла

этого, да? Ты по-прежнему неровно дышишь к нему? Ты играешь с огнем, Рэйчел, и ты можешь сильно обжечься.

Меня охватывает ярость. Я отключаю звонок, крепко сжимаю телефон в кулаке и стою, пытаюсь разобраться в происходящем и дрожа от холода. Новая волна ледяного страха окатывает меня. Трэй – единственный, кто знает о настоящем отце Куинн. И теперь он становится моим врагом. Мой бывший жених становится на другую сторону боевых порядков, которые прямо сейчас выстраиваются посреди Сноу-Крик. Воспользуется ли он этой информацией против меня... против нас?

Я отбрасываю слипшиеся волосы с лица и снова ругаюсь сквозь зубы. У меня – у нас – нет иного выбора, кроме как поверить, что независимо от его чувств к Джебу Трэй не станет причинять вреда невинному ребенку.

«Этот человек – сладкоречивый насильник и эгоистичный лгун. Ты так и не поняла этого, да?»

Я думаю обо всем, что сказал Джеб. Я думаю о прошлом. Думаю о том, что говорит Трэй. Меня одолевают сомнения. Что мне делать? Внезапно мне вспоминается житейская мудрость моего деда Яаако, как будто его голос подает совет из-за озера, вместе с ветром.

Есть два способа оказаться в дураках, *kultaseni* (мое золотце). Первый из них – поверить неправде, а второй – отказаться верить правде.

Когда он говорил это, то цитировал Серена Кьеркегора – датского философа, теолога, поэта и общественного критика. Как и Яаако, Кьеркегор был экзистенциалистом. В моей библиотеке до сих пор есть его старые книги, переплетенные в кожу.

Люди видят то, что они хотят видеть или что им внушают видеть. Когда такая картина заполняет твой разум, логика начинает искажать вещи ради соответствия. Моя работа – говорить правду, *kultaseni*. Поэтому я основал газету; я верю, что она будет помогать людям, чтобы они видели правду.

Я испытываю прилив смешанных чувств. Мне доверили управлять газетой, – семейным наследием, объединившим мечту моего деда с бизнесом моего отца. Моя сестра доверила мне воспитание ее ребенка. Моя сестра, верившая в Джеба, который боролся за чистоту

своего имени ради блага своей дочери. Моя сестра, которая умерла до того, как он успел завершить эту борьбу.

Я гляжу на небо. Я чувствую их всех, прямо здесь. Мою семью. Они смотрят на меня сверху, наблюдают за мной. Мне нужно поступить так, как поступили бы мой дед и отец. Нужно выяснить правду.

Есть два способа оказаться в дураках, kultaseni...

Я не позволю себя одурачить.

Я убираю телефон и возвращаюсь к теплему свету из окна лодочного сарая. Открываю дверь и крепко удерживаю ее, пока ветер старается вырвать ее у меня из рук. Когда я закрываю дверь, то вижу, как Джеб морщится от боли, пытаюсь надеть свою кожаную куртку.

– Что ты делаешь?

Взгляд его глаз из жидкого обсидиана встречается с моим взглядом. Его длинные волосы местами слиплись от крови, смуглая кожа в свете огня выглядит золотисто-коричневой. Внизу моего живота снова разливается приятное тепло. Это самый красивый, самый поразительный мужчина из всех, кого я знаю. Но я не позволю себя одурачить. Даже моему собственному либидо. Я собираюсь докопаться до правды. Возможно, она мне не понравится, но это единственный способ все исправить.

– Я собираюсь найти мотель, – говорит он.

– Мотель... О чем ты?

– Я не хочу, чтобы ты участвовала в этом. Не могу подвергать тебя опасности.

– Я уже участвую в этом.

Он направляется к двери. Я встаю у него на пути.

– Подожди. У тебя нет ни транспорта, ни...

– Я могу вызвать такси, снять номер. У меня есть средства, нетронутые с тех пор, как меня посадили в тюрьму. Моя мать откладывала все заработки от речной компании. Моя земля до сих пор имеет ценность. Я экономил каждый пенни, который зарабатывал. – Он пронзает меня взглядом. – Я экономил ради того, чтобы мы могли устроить достойную свадьбу.

Мне становится нехорошо. Я рефлексивно прижимаю ладонь к животу.

– И у меня есть мотоцикл...

– Полиция конфисковала его.

Он застывает на месте. Его лицо темнеет от гнева.

– Они разыскивают тебя за поджог, – говорю я.

– Что?

– Они говорят, что ты это сделал: устроил пожар на западном склоне. Они нашли спички и канистры из-под бензина.

– Кто тебе звонил?

– Не имеет значения...

– Кто? – рявкает он.

Меня пронзает моментальный страх. Я делаю шаг назад, не сводя глаз с Джебба. Вспоминаю о том, что он сделал со своим отцом.

Джебб видит мою реакцию и моментально обуздывает свой буйный нрав. Но момент остается – маленькое неприятное напоминание. Тоненький голосок сомнения.

«Ты играешь с огнем, Рэйчел, и ты можешь сильно обжечься».

– Это был Трэй, да? – более спокойно спрашивает он. – Что он сказал?

Я сглатываю комок в горле.

– Он говорит, что полиция вызвала туда группу криминалистов и что теперь они ищут тебя за поджог.

Он прищуривается и стискивает зубы.

– Ты не можешь позволить им задержать тебя, Джебб, – даже для допроса. Тебе нужно остаться здесь.

Он подходит к мне, встает рядом и кладет руки мне на плечи.

– Что еще сказал Трэй? – хрипло спрашивает он.

– Что они собираются разыскать и меня, как возможную соучастницу. Они видели, как я уезжала оттуда сегодня ночью. – Я тихо ругаюсь. – Я прикасалась к той канистре. Там остались мои отпечатки.

– Видишь? Поэтому я должен уйти.

– Нет, поэтому ты должен остаться. Здесь, в лодочном сарае. Они не могут прикоснуться к тебе на моей территории – по крайней мере, без достаточных улик и настоящего ордера. Они не имеют права. – Я делаю паузу. – Тебя опередили, Джебб. Ты больше не можешь действовать в одиночку. Тебе *нужна* моя помощь.

– Зачем ты это делаешь?

– Я хочу дать тебе шанс, чтобы ты смог рассказать свою историю репортерам, прежде чем тебя заберут. Чтобы растрясти клетки и посмотреть, что выпадет наружу. Чтобы эти трое, которые напали на тебя, не смогли прятаться за своими масками. Кто-то должен оступиться и выдать себя. Кто-то должен был видеть и запомнить определенные подробности. А я гарантирую, что *все это* выйдет наружу, начиная с интернета, социальных сетей и телевидения. – Мой голос дрожит, и я стараюсь говорить ровно. – Поэтому ты должен оставаться здесь, в лодочном сарае, – по крайней мере, до твоего интервью завтра вечером.

Его лепные губы изгибаются в кривой улыбке.

– Я тебя люблю, ты знаешь об этом?

У меня все холодеет внутри. Паника мотыльком бьется в груди. Мне вдруг нужно увеличить расстояние между нами, причем быстро.

– А пока ты здесь, – спокойным тоном говорю я, не обращая внимания на его слова, – я хочу, чтобы ты держался подальше от Куинн. Надеюсь, это ясно? Пока никто не проводит связь между вами, ни у кого нет причин беспокоить ее.

Он довольно долго удерживает мой взгляд. Паника в груди бьется еще сильнее. Но он не настаивает, а мягко напоминает:

– Я думал, что ты собираешься уехать из города вместе с ней. На каникулы после Дня благодарения.

– Сначала завтрашнее интервью. Посмотрим, что будет потом. Между тем я приглашу Брэнди, няню Куинн, побыть с ней на первое время. Первоначальный план состоял в том, что Брэнди отвезет Куинн в детский лагерь для горных велосипедистов. Она работает там инструктором и экскурсоводом. Завтра мы сделаем, как договорились. И ты останешься здесь до интервью – я не хочу, чтобы Брэнди или Куинн увидели тебя. Ты можешь взять внедорожник моего отца, чтобы приехать на встречу в «Шэди Леди». Я принесу тебе ключи... – После некоторого колебания я добавляю: – Джеб, ты должен кое-что пообещать мне.

Он беспокойно смотрит на меня.

– Не лги мне. Даже по умолчанию. Обещай, что будешь полностью откровенным со мной во всем, даже если мне будет трудно переварить это.

Это нечто вроде перчатки, брошенной к его ногам. Мне очень хочется безраздельно доверять ему. Я хочу, чтобы он *показал* мне, что говорит только правду.

– Я не буду лгать тебе, Рэйчел, – тихо говорит он. – Я никогда не лгу.

Он делает шаг вперед, берет меня за руку, привлекает к себе и шепчет; его дыхание похоже на прикосновение теплых перьев.

– Верь мне, пожалуйста. – Его губы касаются моих губ, но я отстраняюсь с сильно бьющимся сердцем. Поворачиваюсь и быстро иду к выходу.

– Поспи немного, – жестко говорю я, не в силах снова встретиться с его взглядом. – Я принесу завтрак и припасы для холодильника.

Я выхожу из сарая и бегу к дому, не оглядываясь назад. Рассвет уже скоро займется над горными пиками. Боюсь, у нас остается мало времени.

* * *

Джеб стоял у окна и смотрел, как Рэйчел бежит через сад и волосы развеваются за ее спиной спиной. Ее хромота стала более заметной. Должно быть, она устала. У него ныло в груди, и это не имело отношения к сломанным ребрам.

Он не предвидел, что она может оказаться владелицей газеты. Он никоим образом не намеревался привлекать ее к делу. Но теперь ее считали сообщницей в совершении поджога. Она столкнулась с врагами в своем родном городе.

Его охватило раскаяние, к которому примешивалось какое-то более темное и неотступное чувство. Недоброе предчувствие, пронизанное беспокойством. *Не лги мне. Даже по умолчанию...*

Он не рассказал ей о своих подозрениях насчет смерти Питера и Софии. Как и о самоубийстве Эми – о том, как все было рассчитано по времени. Сегодня это было бы слишком даже для нее.

«Обещай, что будешь полностью откровенным со мной во всем, даже если мне будет трудно переварить это».

Он глубоко вздохнул, наблюдая, как она исчезает за углом дома. Окна лодочного сарая задребезжали от нового натиска ветра, и летающий мусор забарабанил в стекла.

Но это были лишь мрачные подозрения. До сих пор ничего не было доказано, поэтому он ничего не скрывал.

* * *

Лили Лефлер не была приспособлена к роли жены полицейского. Она постоянно тревожилась. Она знала, что-то может пойти не так, и то и дело проигрывала сценарии в своем воображении. Она слушала отдаленный вой сирен, когда расхаживала по своей гостиной и постукивала пальцами правой руки по запястью левой в попытке сохранять спокойствие. Ночное небо на северо-западе отливало тускло-оранжевым светом. Западный ветер усилился: ветки скребли в оконные стекла, шишки дождем сыпались на крышу. В комнате тихо работало радио, настроенное на местную станцию. Мальчики спали – во всяком случае, она надеялась на это. Здесь, на южной оконечности долины, им ничто не угрожало. Адам, должно быть, очень устал. Он вышел на смену рано утром и даже не вернулся домой поужинать. Это было необычно.

Когда Адам работал под прикрытием в Эдмонтоне, ему приходилось надолго отлучаться из дома, иногда на целые недели. Когда он возвращался, его мысли были заняты неприятными вещами, о которых он не мог говорить. Жены других сотрудников RCMP^[3] говорили, что ему нужно выйти из стресса, что она должна отступить в сторону, позволить ему смотреть бессмысленные телешоу и делать все необходимое до тех пор, пока он не вернется к нормальному расположению духа.

Но Лили плохо умела отступать в сторону.

Она ненавидела оставаться в одиночестве, и когда Адам возвращался с работы, это он должен был разговаривать с ней, обнимать и физически утешать ее. Ей было необходимо знать, о чем он думает и что чувствует. Из-за этой потребности они иногда ссорились. Он сердился и говорил, что она слишком часто требует повышенного внимания к себе.

Поэтому они переехали в Сноу-Крик. Он вышел из RCMP и получил хорошую должность в местной полиции. Административную должность. Лили это нравилось. Уровень преступности на горнолыжном курорте был низким, – или, по крайней мере, это были преступления иного рода – главным образом кражи из

незапертых автомобилей, оставленных на стоянке беспечными лыжниками. Конечно, были наркотики, пьяные водители и происшествия с детьми, но в целом Сноу-Крик был безопасным местом для воспитания их сыновей. Для того, чтобы ее муж почаще находился дома.

Лили в очередной раз прошла по комнате и посмотрела на часы. Три часа ночи. Возможно, Адам всю ночь будет помогать в тушении пожара. Она пошла рассортировать белье для стирки, чтобы чем-то занять руки и справиться с желанием заглянуть в кабинет мужа.

Она разобрала одежду мужа, отделив светлые вещи от темных. Что-то заставило ее поднести к лицу его черную футболку. Она ощутила слабый запах духов. Лили замерла на месте, потом снова принюхалась, зарывшись носом в ткань. Тошнотворное подозрение, возникшее у нее, едва не отозвалось приступом реальной тошноты. Она осторожно разложила футболку на стиральной машине, словно криминалист перед поиском возможных улик.

Вскоре она поднесла к свету длинный волос медно-золотистого оттенка.

Лили не помнила, как вышла из прачечной комнаты и открыла буфетный шкаф. Она не остановилась, пока не выпила три порции водки и не почувствовала себя плохо, хотя этого было недостаточно, чтобы унять гнев и обиду, чувство глубокого унижения, страха и одиночества.

Когда Адам вернулся домой, она находилась в постели. Она слышала, как он пришел. Часы на прикроватном столике показывали 4.12 утра.

Она лежала тихо; комната перед ней медленно вращалась, сознание было спутанным. Он принял душ; она слушала, как льется вода. Что было хуже? Опасная работа или свидания с какой-то шлюхой? Возможно, он спал с другими женщинами, когда якобы работал под прикрытием в Эдмонтоне. Возможно, именно поэтому у него не нашлось теплых слов для нее сразу же после того, как он вернулся домой. Слезы жгли ей глаза.

Он вышел из ванной в темноте. Кровать скрипнула под его весом. Лили подумала, смывал ли он запах дыма и копоти после пожара или запах женщины, которую трахал.

Он протянул руку под одеялом и прикоснулся к ней кончиками пальцев.

– Лили? – прошептал он.

Она зажмурилась и не двинулась с места. Ей не хотелось, чтобы он ощутил запах выпитого в ее дыхании.

– Спокойной ночи, – прошептал он. Кровать снова скрипнула, когда он отвернулся от нее и перекатился на другой бок.

* * *

Энни Пирелло щелкнула клавишей мыши и раскрыла другую статью. Сегодня она уже отработала двойную смену, и ее пока что не вызывали на борьбу с огнем. Но она не могла заснуть, поэтому сидела за столом на кухне и изучала все, что могла найти о Джебедии Каллене. Ее недавно перевели в Сноу-Крик из Монреаля, так что его история была ей в новинку.

Она откинулась на спинку стула и отхлебнула глоток чая, прислушиваясь к слабым звукам вертолетов, сирен и полицейских переговоров в ее рации, пока читала текст на экране ноутбука. Речь шла о преступлении, совершенном девять лет назад. Энни отметила, что в то время расследованием руководила главный констебль Шейла Копленд Лефлер, мать Адама Лефлера. Ее младший сын Люк Лефлер был одним из главных свидетелей наряду с Рэйчел Салонен, Клинтом Рудигером, Леви Бэнроком, Трэм Сомерлендом и Харви Зинком.

Она поставила кружку на стол и раскрыла новую статью. Согласно этой статье, пять лет назад Люк Лефлер был убит в бою при выполнении миротворческой миссии. Отдельно было отмечено, что отец Люка – сотрудник RCMP, работавший под прикрытием в Альберте, погиб смертью храбрых, когда был застрелен членом банды, в которую успел внедриться. В то время Люку было пять лет, а Адаму девять. Шейла стала одинокой матерью двух сыновей. Вскоре после перестрелки они переехали в Сноу-Крик, где Шейла Копленд Лефлер поступила на работу в местный полицейский участок.

Энни потеряла лоб. В этом городке, как и во многих других небольших общинах, все было взаимосвязано и люди хорошо знали друг друга. Хотя в разгар сезона горнолыжный курорт Сноу-Крик принимал до сорока тысяч посетителей за уик-энд, постоянное население едва достигало десяти тысяч. Даже при этом многие были

временными работниками из других стран в возрасте до 26 лет, так что оставалось небольшое, тесно связанное ядро «подлинных старожилов», которые ревниво охраняли свои интересы посреди волнующегося моря сезонных перемен. Девять лет назад население было еще более малочисленным.

А теперь все говорило о том, что Каллен вернулся.

Энни встала, подошла к окну и закрыла шторы. На основании сегодняшнего наблюдения она была совершенно уверена в некой связи между Калленом и Салонен. Она размышляла, какой может быть эта связь, потому что раньше, когда Салонен приехала в полицейский участок, мысль о темноволосом незнакомце явно пугала ее.

Энни хорошо знала, как выглядят испуганные люди.

Что могло измениться между визитом Салонен в полицейский участок и визитом Каллена в ее дом?

Глава 12

Беппи Рудигер закончила работу перед рассветом. Ночью гризли вернулся и попытался добраться до ее пчелиных ульев. Теперь она устанавливала высоковольтное электрическое ограждение вокруг рощи, где находились ее ульи. Она пообещала девочкам, что у них будет кипрейный мед для продажи осенью на фермерском рынке, но до сих пор почти ничего не получалось.

Серое предрассветное небо было дымным от дальнего пожара, в воздухе ощущался привкус дыма. Клинт, вероятно, останется в своей квартире в Сноу-Крик, пока не минует худшее. Она размотала проволоку с катушки и подошла к столбу. Запустив руку в сумку с инструментами, она пробормотала проклятье. Ее ножницы для проволоки куда-то делись. Она пошарила в памяти, пытаясь вспомнить, где могла оставить их и не просила ли одна из девочек одолжить их на время. Потом посмотрела на дом в дальнем конце поля. Сарай Клинта для занятий таксидермией был гораздо ближе. Он держал там кусачки.

Она отряхнула резиновые сапоги и пошла к сараю, построенному под огромным тополем, который предстояло срубить, потому что его корневая система начала давить на фундамент.

Беппи нашла ключ под камнем и открыла сарай.

Внутри висел густой запах шкур. Головы мертвых животных пилились и скалились на нее со стены рядом с огромным морозильником, куда можно было войти. Фальшивые глаза как будто следили за ней, когда она пробиралась к рабочему верстаку Клинта.

Неудивительно, что девочки боялись заходить сюда. Беппи здесь тоже не нравилось – по причине, которую она не вполне могла объяснить. Дело не в том, что она не любила охоту. Она была умелой охотницей. Она могла разделать лося не хуже любого мужчины.

Беппи обнаружила нужные кусачки в одном из ящиков, но потом замерла, когда что-то в глубине ящика удержало ее взгляд. Женское кольцо. Клинт коллекционировал головы и рога животных: охотничьи трофеи. Он также хранил необычные безделушки, которые находил в лесу.

Беппи взяла кольцо. Оно было серебряным, с шестигранным турмалином в оправе. Она повертела кольцо в руке, охваченная странным чувством. Внутри были инициалы CL. Беспокойство глубже запустило в нее свои когти. Она положила кольцо в карман и аккуратно закрыла ящик, чтобы все выглядело точно так же, как раньше. Клинт очень не любил, когда кто-то заходил сюда без спросу.

Но когда она поворачивалась, то случайно опрокинула банку с фальшивыми глазными яблоками. Они раскатились по верстаку и частично попадали на пол.

Беппи опустилась на колени и стала быстро собирать стеклянные глаза. Один из самых больших закатился между двумя наклонными половицами и скрылся под верстаком. Она протянула руку в узкое место между полом и основанием верстака и нащупала нечто вроде плоского металлического ящика. Пошевелив пальцами, она нашла ручку и потянула, чтобы посмотреть, не закатился ли глаз в дальний угол. Это был старый ящик для инструментов с маленьким навесным замком. Размером примерно с атташе-кейс. На полу скопилась пыль, но поверхность ящика была чистой, как будто ее недавно протерли.

Любопытство одержало верх. Где-то высоко пролетел вертолет. Она попробовала навесной замок: заперто. Тогда она встала и подошла к фанерной плашке над стеной над верстаком, где ее муж держал все ключи на крючках.

Ни один из них не подошел к висячему замку.

Беппи услышала голос, принесенный с ветром. Она вскинула голову и услышала новый крик. Сьюзи, ее старшая дочь, звала ее. Беппи поспешно запихала ящик на место и аккуратно выровняла его. На ее лбу выступили бусинки пота. Клинт реально не любил, когда кто-то приходил сюда; ей не следовало этого делать. Она вернула все на место, в том числе ключи, и вышла на улицу с кусачками в руке.

– Ма-аам! – раздался крик из-за деревьев вокруг дома.

– Я здесь, Сьюзи! – крикнула она в ответ, отряхивая пыль со штанов. – Почти доделала ограду. Ты приготовила завтрак?

Сьюзи показалась из-за деревьев с широкой улыбкой на лице; ее густые светлые локоны раскачивались на дымном ветру.

– Само собой. – Она бодро кивнула. – Овсянка с черникой, которую я набрала у реки.

Ей было семь лет, и у нее только что выпали передние зубы, а ее нос и щеки были усыпаны веснушками. Сердце Беппи сжалось от любви.

– Как только я закончу здесь, то сразу приду.

* * *

Джеб лежал неподвижно.

В лодочном сарае находился кто-то еще. За ним наблюдали. Он ощущал это, и от этого волоски на руках поднимались дыбом. Должно быть, его разбудило ощущение чужого присутствия. Он держал глаза закрытыми, но каждая мышца в его теле была напряжена и готова к действию.

Проходили секунды. Он слышал, что ветер снаружи немного улегся. Он чувствовал, как на улице занимается тусклый рассвет.

Потом он медленно открыл один глаз. Его пронзило безмолвное потрясение, но он управлял собой и контролировал свое дыхание. Он открыл второй глаз и встретился с ее взглядом.

– Эй, – тихо сказал он.

Куинн с серьезным видом изучала его лицо. Она не двигалась и не говорила ни слова. Ее волосы представляли собой беспорядочную массу разметанных ветром черных кудрей; ее нос и щеки порозовели от холода на улице.

Но в лодочном сарае было тепло, и угли до сих пор мягко сияли за стеклом в старой дровяной печи. Свет за окнами был тускло-серым. Волны накатывали на причал и плескались у берега. Он услышал вдалеке звук проезжавшего поезда – ритмичный скрежещущий рокот на дальней стороне озера. Как это было раньше. Он всегда любил этот звук – ощущение путешествия в далекие места по этой огромной земле.

Его сердце учащенно билось.

«Держись подальше от Куинн. Ты сам понимаешь...»

– Ты попал в переделку, – наконец заключила она.

– Не очень-то страшную.

Она протянула руку и осторожно прикоснулась к повязке на его лбу.

– Это от пожара?

Джеб лихорадочно размышлял. Он не хотел лгать ей. Он должен был защищать ее. Сейчас эти вещи взаимно исключали друг друга. Джеб с трудом принял сидячее положение и резко втянул воздух, когда боль пронзила его туловище. Усиленное сердцебиение отзывалось пульсацией в ране на лбу.

– Нет, – ответил он. – Я укрылся от пожара. А потом просто споткнулся и упал.

Девочка прищурилась, и у Джеба сложилось впечатление, что она не верит ему.

– Это рубаха моего деда, – заявила она.

Джек посмотрел на байковую рубашку дровосека и натянул на лицо улыбку.

– Так и есть, – сказал он. – Как она смотрится на мне?

Она поджала губы.

– Нормально.

Потом она посмотрела на его кожаную куртку, надетую на спинку стула, и ее взгляд вернулся к повязке у него на голове.

– У Рэйчел на штанах была кровь. Твоя? Она спасла тебя?

Джеб непроизвольно улыбнулся еще шире. Это движение потянуло за края раны, отчего все лицо сразу заболело. Живот тоже болел в том месте, где его пинали. Он чувствовал себя так, словно его проволокли через кусты, привязав к нескольким мотоциклам.

– Да, Рэйчел спасла меня. Она мой герой.

Куинн серьезно посмотрела на него, обдумывая его слова.

– Я ударила ее моим рюкзаком.

– В самом деле?

Она кивнула.

– Почему?

Она внезапно отвернулась, избегая его взгляда. Джеб напряженно ждал, пока Куинн не подняла голову.

– О чем вы с Рэйчел ссорились вчера ночью?

– Мы просто обсуждали дела.

– Я слышала вас из-за двери. Это была ссора.

Он изобразил насмешку.

– Если ты слышала, то должна знать, о чем мы говорили, верно?

Он спустил ноги с кровати и потянулся к ботинкам.

Она смотрела, как он надевает ботинки. Он чувствовал запах кондиционера для стирки от ее розового шерстяного свитера и фруктового шампуня от ее кудряшек. Его сердце, казалось, было готово вырваться из больной груди.

– Вот в чем дело, Куинн. – Он положил руки на бедра и посмотрел на нее. – Твоя тетя беспокоилась из-за того, что я пошел за тобой в школу. Она сильно встревожилась. Я приехал объяснить ей, что все в порядке. Что я не причиняю вреда детям и вообще никому.

– Откуда ты приехал?

Черт. Она загнала его в угол.

– Из города, – ответил он. – Мне нужно здесь кое-что сделать.

– Из города? Вроде... Ванкувера?

– Ну да.

– Там я жила. Там был мой дом.

– Правда? – Напряжение нарастало, и Джеб покосился на дверь. Он нуждался в Рэйчел. Ему нужно было отстраниться от Рэйчел, пока дела не пошли вкривь и вкось. Нужно создать дистанцию.

Куинн глубоко вздохнула.

– Это она прислала тебя, правда?

Он уставился на девочку.

– Что?

– Рэйчел знает. Я сказала ей. Она знает, что моя мама прислала тебя.

Джеб был совершенно ошарашен.

– Вот как?

– Да. – Куинн кивнула кудрявой головой. – С небес, вроде ангела. Чтобы присматривать за мной... потому что у меня больше никого не осталось.

Джеб смотрел на нее, и его сердце разрывалось от боли. Молчание длилось.

Глаза Куинн влажно заблестели.

– Поэтому Рэйчел уехала, чтобы спасти тебя от огня. Она знает, что моя мама хотела бы этого.

О, Боже. Мысли о Софии наполнили разум Джеба, и горе от ее утраты внезапно стало почти невыносимым. Она была одним из немногих людей, которые продолжали верить в него. Дорогой подругой. Она вернула ему прежнюю жизнь, дала ему дочь, наполнила

его волей к жизни, к возвращению в Сноу-Крик и борьбе за свои права. Он глубоко любил и уважал Питера и Софию. Он мог лишь представить всю глубину горя маленькой Куинн. Эта сказка насчет ангела сейчас была ее орудием для выживания. Способом справиться с потерей и двигаться дальше.

Джеб знал, что это такое. Воображать разные вещи. Хорошие вещи, чтобы заблокировать плохие. Все его детство проходило в подобном самообмане.

Но сейчас он не понимал, как быть с этим. А потом она спасла его.

– Хочешь позавтракать? – спросила она.

Теплая волна облегчения разлилась в его груди.

– Да, конечно, – с улыбкой сказал он. Он понимал, что, оставив в стороне тему «ангела», лишь отложил проблему на будущее. Но сейчас это было наименьшим из зол. Потом они как-нибудь разберутся с этим.

Она застенчиво, но и решительно потянулась к его руке. Он взял ее маленькую теплую руку в свои ладони. У него перехватило дыхание.

Она потянула его за рукав.

– Пошли.

– Куда?

– На кухню.

– Ох, Куинн, это не очень хорошая идея.

Она обиженно вспыхнула.

– Я думала, что ты хочешь позавтракать.

– Я не знал, что ты имеешь в виду домашнюю кухню.

– А где еще можно приготовить завтрак?

– Твоя тетя не потерпит...

– Она спит. Моей тете наплевать на меня! – слезы вдруг затуманили ее глаза, нос покраснел. – Мой папа готовил мне блинчики каждое воскресенье и в праздничные дни.

Ощущение внутреннего конфликта медленно и опасно разгоралось в Джебе. Не удержавшись, он прошептал:

– Знаю. Твои любимые – ананасовые блинчики с мармеладом.

Она уставилась на него широко распахнутыми глазами, приоткрыв рот.

– Откуда ты знаешь? – прошептала она. Потом, словно что-то дошло до нее, ее лицо озарилось широкой щербатой улыбкой,

показавшей отсутствие двух передних зубов. – Ну конечно, ты знаешь!

С этими словами она развернулась и решительно повела его к выходу из сарая.

– У Рэйчел есть консервированные ананасы. Я видела их, – сказала она, проходя по саду вместе с Джебом и крепко держа его за руку. Ветер дул ему в лицо. Предрассветный холодок был пронизан слабым привкусом дыма, словно зловещее предчувствие.

– Лучше вести себя тихо, хорошо? – прошептал он, когда она отворила парадную дверь.

Трикси бешено завиляла хвостом в корзинке, когда увидела их. Внутри было тепло, красные угли пульсировали под пеплом в камине. Джеб быстро обвел взглядом интерьер. С тех пор как он последний раз был здесь, мало что изменилось. Чувство возвращения домой из кругосветного плавания было совершенно неземным.

Куинн смотрела на него. Он улыбнулся, и она ухмыльнулась в ответ.

– Банки стоят вон там, в буфете. – Она указала на подвесную тумбочку над микроволновкой. – Я не могу туда дотянуться.

Джеб вошел на кухню, ощущая себя чужаком. Рэйчел, конечно, убьет его, но сейчас он не мог подвести свою дочь. Рэйчел придется понять. Он открыл дверцу и осмотрел содержимое. Вещи Рэйчел, ее еда, ее покупки. Прошло уже очень много времени с тех пор, как он просто заглядывал в кухонную тумбочку. Там были продукты и этикетки, совсем незнакомые ему.

– Вот, – Куинн приподнялась на цыпочки и указала пальцем. – Ломтики ананаса в собственном соку.

– Ш-шш. – Он прижал палец к губам и потянулся за банкой. – Мы не хотим разбудить ее, правда?

Она быстро кивнула. Ее улыбка исправляла ощущение собственной неправоты, и ничто не могло сравниться с восторгом, отразившимся на лице его дочери.

Глава 13

Я перекатываюсь в постели и медленно просыпаюсь под аромат кофе и выпечки, поднимающийся с кухни. Сонно улыбаюсь и протягиваю руку на другую сторону кровати. Там пусто, простыня гладко расправлена. Я резко сажусь.

Трэя больше нет в моей жизни.

Куинн не умеет готовить кофе.

Легкая паника трепещет крылышками у меня в животе. Я слышу какой-то шум, шлепок и детский вскрик... Куинн!

Я хватаю халат и мчусь вниз по лестнице, на ходу вдевая руки в рукава. Потом резко останавливаюсь у подножия лестницы; халат скособолен и открывает гораздо больше, чем нужно. Мой разум буксует, пока я стараюсь осознать картину перед собой.

Через столовую с открытой планировкой я вижу Куинн, которая взгромоздилась на табурет у кухонной тумбочки и радостно болтает ногами в розовых носках. Джеб стоит за плитой в моем белом кухонном фартуке, повязанном на поясе. Он берет сковородку из литого чугуна и подбрасывает блинчик в воздух. Он точно падает обратно на другую сторону. Куинн смеется. Я чую запах масла для жарки и кленового сиропа. Свежего кофе в кофейнике.

Моя кухня наполнена домашними звуками и запахами. Я продолжаю смотреть, ухватившись за перила для верности.

Джеб сдвигает готовый блинчик со сковородки в тарелку Куинн и ласково улыбается.

– Дай догадаюсь: ты любишь действительно большие порции.

Она энергично кивает.

– Ага. Папа всегда делал по восемь штук.

Джеб ерошит ей волосы. Этот жест исполнен трогательной отцовской нежности, от которой у меня перехватывает дыхание. Я сглатываю и кашляю, чтобы прочистить горло.

– Что ты делаешь? – хрипло спрашиваю я.

Куинн разворачивается на табурете; Джеб замирает на месте и поднимает голову. Он обводит взглядом мое дезабилье, и на его губах медленно появляется соблазнительная улыбка.

– Спешила присоединиться к нам, да? – спрашивает он.

Я окончательно запикиваю руку во второй рукав и плотно завязываю пояс махрового халата.

– Иди наверх, Куинн.

– Почему?

– Мне нужно поговорить с Дже... с ним. – Я пронзаю его взглядом. Джеб стоит в рубашке моего отца, мой фартук комично сбился наискось; его темные волосы блестят, глаза сияют. Он принял душ и смыл вчерашнюю кровь. Он выглядит еще ослепительнее, мужественнее и соблазнительнее, чем я могла представить в самых буйных фантазиях. У меня путаются мысли.

– Он готовит блинчики. Даже для тебя. Мы собирались принести тебе кофе в постель.

Глаза Куинн потемнели от обиды и гнева на мою несправедливость. Такие же глаза, как и у него. Теперь я отчетливо вижу сходство между дочерью и отцом.

Меня охватывает смятение.

– Иди наверх, Куинн. Сейчас же.

– Блинчики с ананасами! – восклицает она. – Точно такие, как готовил мой папа!

Гнев в ее глазах превращается в ненависть, направленную на меня.

Я гляжу на Джеба. Он пожимает плечами, по-прежнему держа в руке чугунную сковородку. *Я ничего ей не сказал*, произносит он одними губами над головой Куинн.

– Это мои любимые блинчики. – Ее голос начинает дрожать.

Я отбрасываю назад волну спутанных после сна волос. Я не знаю, что делать.

Джеб тянется к кофейнику наливает кружку и подталкивает ко мне по столешнице.

– Тебе как обычно, с сахаром и молоком?

Я медленно иду вперед. С близкого расстояния я вижу тени у него под глазами, запавшие щеки. Под смуглой кожей образуются синяки. Флисовая рубашка и фартук каким-то образом придают ему более свойский, домашний вид. Но за этим я различаю боль от побоев и остаточную напряженность. Его аура – место, которое он занимает в моем доме, – неожиданно становится всепоглощающей.

Куинн притихла и наблюдает за нами, как ястреб.

Одной рукой я крепко придерживаю халат на груди. Он оставляет кружку там, где я не могу сразу дотянуться до нее, так что мне придется войти на кухню, в его рабочее пространство, чтобы взять кофе. Я колеблюсь, но потом решаю, что это нелепо. Здесь мой дом, и это он нарушает мои личные границы. Я двигаюсь с наигранной бравадой, беру сахарницу и сливки. Он ухмыляется, как будто одержал маленькую победу. Я натягиваю бесстрастную маску и ложечкой размешиваю кофе.

Он возвращается к плите и кладет на сковородку кусок сливочного масла. Когда оно начинает дымиться, он наливает тесто с кусочками чего-то желтого. Я замечаю рядом с плитой пустую банку из-под консервированных ананасов. Как только тонкий слой начинает пузыриться, он снова исполняет трюк с подкидыванием блинчика, который плюхается обратно.

– Да-аа! – кричит Куинн и выбрасывает в воздух руку со сжатым кулачком, внезапно забыв о своей враждебности ко мне. Я не видела ее такой оживленной с тех пор, как умерли ее родители. Она стала другим ребенком.

Джеб несет сковородку с новой порцией к столу, по пути делая вид, будто оступился. «Упс!» – произносит он и подмигивает, а Куинн хихикает в ответ. Его глаза весело сверкают, и мое сердце бьется быстрее. Снова подступает паника. Это неправильно. Ситуация выходит из-под контроля.

Или нет?

Он кладет новый блинчик на тарелку Куинн.

– Не забудь про мармелад. – Он кивает в сторону открытой банки возле ее тарелки.

Я подхожу сзади, когда он кладет на сковородку очередную порцию масла.

– Где ты этому научился?

– Первые несколько раз я промахнулся, – тихо отвечает он. – Потом все вернулось. Некоторые воспоминания уходят с трудом.

– Ананасы? Мармелад?

– Это ее любимое кушанье.

– Она тебе это сказала? – шепчу я. Протягиваю руку и включаю вытяжку над плитой, чтобы убрать дым от кипящего масла, но в основном для того, чтобы Куинн не могла подслушать нас.

– Ей не понадобилось это делать. – Он поворачивается и смотрит на меня. Очень близко. Крошечные волоски на моем теле как будто тянутся к его теплу, к его энергии, словно к магниту. Я ощущаю, как горят мои щеки, и вспоминаю о легкой ночнушке под халатом.

– Боже, Рэйчел, как ты хороша, – шепчет он. У меня подгибаются ноги.

– Ты не имел права вот так приходить в мой дом, – сердито шепчу я. – Ты вроде бы хотел, чтобы она оставалась в стороне от этого.

– О чем вы там спорите? – громко спрашивает Куинн.

Я разворачиваюсь. Куинн смотрит на нас.

– Ни о чем, – говорит Джеб. – Я просто объясняю Рэйчел, почему мы тайком прокрались сюда. Потому что я не хотел будить ее. – Он смотрит на дочь. – Как блинчики, нормально?

Она еще мгновение глядит на него, взвешивая свой ответ, потом кивает и возвращается к еде.

– Это она, – тихо говорит Джеб, возвращаясь к плите. – Она пришла в лодочный сарай. Я проснулся и обнаружил, что она стоит возле моей кровати и рассматривает меня, пока я спал.

Его взгляд опускается к моим губам, глаза темнеют. Мои колени превращаются в желе, и я хватаюсь за столешницу.

– Должно быть, она видела, как мы заходили внутрь вчера ночью. Я не мог отказать ей.

– Ты понимаешь, что ведешь себя эгоистично? Ты не думаешь о ней, а просто хочешь быть рядом с ней.

Он виновато качает головой.

– За кого она тебя принимает? – шепчу я и наклоняюсь ближе, когда он отворачивается, чтобы положить еще масла. – Что ты ей сказал?

Он вздыхает.

– Она считает меня неким ангелом-хранителем, которого прислала ее мама.

Я бросаю быстрый взгляд на Куинн; она деловито разрезает свой блинчик на маленькие одинаковые кусочки.

– И ты никак не разубедил ее? – сердито спрашиваю я.

Он поворачивается ко мне.

– А *ты*? Куинн сказала, ты знаешь о том, что я ангел, посланный ее матерью. Что *ты* ей сказала, когда узнала об этом? Или ты просто

ушла от ответа и спросила о чем-то другом, как сделал я, потому что так будет милосерднее до тех пор, пока мы во всем не разберемся?

Я отворачиваюсь. *Мы. Во всем разберемся.* Мы спорим, как супруги, как будто она наша общая дочь. Некоторым образом сейчас мы делим ее друг с другом. Но что будет потом?

– Я стараюсь, как могу, – тихо добавляет он. – Для таких случаев не существует учебников и руководств.

– Знаю. – Я колеблюсь и опускаю глаза. – Как ты узнал о ее любимой еде?

– От Софии, – тихо отвечает он, и по моей спине пробегает дрожь. Он знает о Куинн больше меня. От моей собственной сестры.

– Что еще ты знаешь о ней от Софии? – быстро спрашиваю я, потому что Куинн возвращается на кухню.

Он подбрасывает блинчик, исполняя очередной безупречный бросок с переворотом.

– Я знаю, что ее любимой мягкой игрушкой был мистер Гу. – Он выкладывает блинчик на тарелку и поддвигает ее к свободному табурету. – Садись, поешь немного.

Я непонимающе гляжу на него.

– Мистер Гу?

– Это была черно-белая панда, которая кричала, если нажать ей на лапу. Я знаю, что игрушку забыли в Мэннинг-парке во время поездки в город. Ее любимый цвет – багряный, а ее любимое телешоу называется «Финеас и Херб». Она любит Гарри Поттера и перечитывает «Школьные годы» Гордона Кормана. Она считает изгоем Кэпа, главного героя книги, но это заставляет его совершать героические поступки. Ее лучшей подругой в старой школе была Пенни Джеймс.

Он смотрит на сдвижную дверь, где Куинн сражается с заедающим механизмом, чтобы впустить Трикси. Наблюдая за дочерью, он сует руку в задний карман своих джинсов.

– Этот рисунок висел на стене моей камеры.

На смазанном рисунке изображены радуги над багряным единорогом. Внизу написано: *Мамочке и папочке. Я люблю вас.*

Я тщетно пытаюсь сглотнуть комок чувств, подступивший к горлу. Быстро складываю листок и возвращаю ему. Наши пальцы соприкасаются, и мое сердце бешено стучит. Джеб вдруг бросается

к плите, где забытый блинчик начинает чернеть, и от сковородки поднимается едкий дым. Он быстро переставляет сковородку.

– Эй, ты жжешь блинчики! – Куинн со смехом вбегает на кухню, но потом нервно смотрит на меня и забирается на табурет.

– Да, так и есть. – Его звучный, уверенный голос наполняет кухню и весь дом, как и его физическое присутствие. – Всегда должен быть хотя бы один жертвенный блинчик для ублажения блинного бога! – провозглашает он, когда наступает на педаль мусорного ветра и бросает туда подгоревшее жертвенное подношение.

– Или для того, чтобы порадовать Ульра, – говорит Куинн^[4].

– Думаешь, этот брюзгливый скандинавский бог любит блинчики? Я думал, он предпочитает костры и горелые лыжи. А еще австралийцев.

Я смеюсь, несмотря ни на что.

– Нет, если действует запрет на разведение костров, – с серьезным видом говорит Куинн. – Дети в школе говорят, что в этом году не будет костров в честь Ульра из-за засухи и угрозы пожара. Весь город может сделать *пуф!*

Она широко раскидывает руки и лукаво улыбается, снова превращаясь в маленькую девочку. Я не видела этого в ней уже полгода, после гибели Питера и Софии.

– Да, в таком случае Ульру приходится довольствоваться подгоревшими блинчиками.

Что-то неувлимо меняется между мной и Джебом при упоминании о кострах Ульра. Раньше в это время мы разжигали большой костер в гравийном карьере. В это время жители городка традиционно складывают и сжигают громадные кучи старых лыж и танцуют вокруг огня, словно язычники, под басовые музыкальные ритмы. Барабанщики трудятся в поте лица, чтобы умиротворить скандинавского снежного бога. Они просят его благословить предстоящий сезон изобилием снега, потому что для них снег означает деньги. Он подразумевает приключения, экскурсии, лыжные гонки, полные отели и рестораны, процветающий арендный бизнес и превосходные продажи снаряжения. Все это толкает вверх стоимость недвижимости, и экономические шестеренки маленького лыжного курорта вращаются с новой энергией. Снег – это наша жизнь в Сноу-Крик.

По большей части языческие празднества и разведение костров происходят до начала сезона. Для сезонных работников – австралийцев, японцев, британцев, уроженцев Квебека и Онтарио – это способ хорошенько напиться и выпустить пар в ожидании первых зимних бурь.

Именно в такое время две женщины пропали без вести, и наша жизнь навсегда изменилась.

Весь город может сделать «пуф»...

Я думаю о пожаре, начавшемся вчера ночью. Еще не все закончилось. Ветер может перемениться и сжечь наш город. Или придут бесснежные бури с молниями и точечными возгораниями.

– Как насчет очередной порции? – интересуется Джеб, но его веселье пронизано напряжением.

Куинн бросает взгляд на меня, хозяйку дома.

– Конечно, – соглашаюсь я, не желая играть роль злобной великанши. – В конце концов, у нас каникулы.

Я тянусь за кружкой кофе и усаживаюсь на табурет рядом с девочкой. Потягивая горячий напиток, я люблю ее аппетитом и гадаю, кому пришло в голову класть мармелад на блинчики с ананасами.

– Куинн, – тихо говорю я и наклоняюсь к ней. – Мне просто интересно... какой твой любимый цвет?

Она отрывается от еды.

– А что?

– Ты мне никогда не говорила.

– Багряный. – Она вгрызается в свой блинчик.

– А твоя любимая мягкая игрушка? – Я чувствую, как Джеб сверлит меня жарким взглядом.

По лицу Куинн пробегают тень грусти.

– Мистер Гу. – Она смотрит в свою тарелку, откладывает нож и вилку. – Папа случайно оставил его в Мэннинг-парке.

Некоторое время Куинн сидит с опущенной головой и часто сглатывает, глядя на свой наполовину съеденный блинчик, пытаясь не плакать и думая о своих родителях. Ее чувства переменчивы, как на русских горках.

Вес ответственности тяжело опускается мне на плечи. Я гляжу на Джеба. Он приподнимает бровь, как будто не советует продолжать

в том же духе.

Я беру кофе и выхожу в гостиную через стеклянную дверь. Баюкаю в руках теплую кружку и смотрю через лужайку в сторону воды. Мне страшно за хрупкое состояние моей племянницы. За жизнь, которая может быть так быстро украдена. В отсутствие Джеба произошло много разных вещей. Любовники переженились, старики умерли. Родились и выросли дети, и все это время Джеб находился за решеткой. Несправедливость кажется такой острой, что причиняет боль. Но Софии каким-то образом удалось навести мосты между Джемом и Куинн, которых у меня нет. От этого тоже больно.

Я думаю об Эми и о том, что Куинн была ее биологическим ребенком. О том, что жизнь Эми тоже была украдена той роковой ночью. Что бы случилось, если бы Эми тогда добралась домой в целостности и сохранности? Сошлись бы они с Джемом для совместного воспитания ребенка?

На кухне у меня за спиной Куинн болтает о школе и книжках. Пока что она *счастлива*. Мне отрадны ее радость и оживление, но это не может быть правильно, так? Это ненормально. Но, черт побери, что может быть хотя бы отдаленно нормальным в подобной ситуации?

Я оглядываюсь через плечо и наблюдаю за ними. За отцом и дочерью. Я вижу, как моя цель объединяется с его целью. Он прав: мы хотим одного и того же. Счастья и безопасности для Куинн, настоящей свободы для Джеба. И когда я наблюдаю за этой картиной семейного тепла в моем доме, у меня возникает острое предчувствие чего-то, что я даже не могу выразить словами. Потому что я до сих пор не уверена в нем и в том, что мы узнаем. Я не уверена в себе. Мне кажется, что будет чрезвычайно трудно распутать узлы этих отношений, если дела вдруг пойдут вкривь и вкось.

Мои размышления прерывает неожиданный лай Трикси и рычание у двери. Я быстро подхожу к переднему окну.

На мою подъездную дорожку сворачивает патрульная машина полиции.

* * *

Энни Пирелло остановилась возле гаражного навеса и припарковала свою машину под деревом. Она до сих пор была раздосадована своим внезапным партнерством с Сэмом Новаком. Он

был луддитом^[5], пожилым придурком на грани выхода в отставку по возрасту. Она выключила зажигание и посмотрела на дом Салонен. Он был большим и старомодным: эклектичная смесь старого и нового, определявшая большую часть городской архитектуры. Она вышла из автомобиля и поправила тяжелый служебный ремень на бедрах.

– Ты это делаешь для храбрости? – осведомился Новак, хлопнув пассажирскую дверь.

– Что именно? – спросила Энни и пошла по дорожке к парадной двери.

– Поддерживаешь оружейный ремень.

– Собираешься весь день стоять там и глазеть на мою задницу, Новак? Или обойдешь вокруг дома и заглянешь в лодочный сарай?

Она подошла к парадной двери, пока ее партнер вразвалочку направился вокруг дома.

Энни провела ранние утренние часы, читая историю Джеба Каллена. Она также видела конфискованный мотоцикл, монтировку со следами крови, обгорелый шлем и бензиновые канистры. Что-то было не так. Она не считала, что Каллен мог устроить пожар.

Она резко постучала в дверь костяшками пальцев и расправила плечи. Дверь открылась сразу же, но ненадолго, и она увидела девочку из школы, с подозрением глядевшую на нее. Энни улыбнулась. Что-то в этом упрямом и непокорном ребенке напоминало ее саму в том же возрасте. Буйные темные кудри, щель между передними зубами. Россыпь веснушек. Дерзкая отвага. Энни тоже поколачивала некоторых девчонок в своей старой школе, если ей предоставляли хотя бы малейший шанс. И она тоже не объясняла учителям, почему так было.

– Привет, – сказала Энни и опустилась на корточки, чтобы ее глаза оказались на одном уровне с глазами ребенка. Собака лаяла и виляла хвостом, наполовину дружелюбно, наполовину встревоженно. – Как дела, Куинн? Помнишь, как я вчера была в школе?

Девочка не ответила.

– Куинн, иди сюда! – к ним направлялась женщина.

Энни быстро достала из кармана распечатку.

– Мы ищем этого человека. Ты видела его? Это тот мужчина, которого ты видела вчера возле школы? Ты видела эту татуировку? – она указала на татуировку в виде рыбки на шее Каллена.

Девочка широко распахнула глаза.

– Нет, – ответила она и напряженно уставилась в кофейную кружку. Энни видела, что она лжет.

– Почему вы ищете его? – спросила Куинн.

Ее тетя Рэйчел Салонен в белом махровом халате подошла сзади и встала рядом с ребенком. Ее волосы были растрепаны, лицо побледнело и осунулось. Похоже, она проснулась после тяжелой ночи.

– Куинн, иди в дом. – Она взяла племянницу за руку и увлекла внутрь. Потом вышла на улицу и закрыла дверь за собой. Энни поднялась на ноги, оценивая ее защитную позицию перед дверью.

– Доброе утро, мисс Салонен.

– Констебль Пирелло. – Женщина коротко кивнула и подтянула пояс халата. – Что вам нужно?

Энни посмотрела на входную дверь. Каллен находился внутри, она была уверена в этом. А женщина и девочка защищали его. Интересная перемена после вчерашнего визита Салонен в полицейский участок.

– Мы ищем этого человека, Джебедию Каллена. – Она протянула фотокопию с ясно видимой татуировкой на шее мужчины.

Салонен даже не взглянула на фотокопию.

– Нет, я не видела его. И пожалуйста, не задавайте вопросы моей племяннице без моего ведома, – холодно добавила она. – Она переживает очень трудное время после утраты родителей.

Энни заглянула в карие глаза женщины. Нет ли там очевидных признаков страха?

– Мэм, если он находится внутри и угрожает вам...

– Нет.

– Вы не возражаете, если мы посмотрим?

– Мы? – Взгляд Салонен метнулся к патрульному автомобилю, потом она шагнула вперед и увидела Новака, огибающего дом. – Эй, прошу прощения! – крикнула она. – Это частная собственность. У вас есть ордер на обыск, офицер?

Новак вскинул руки в пародии на извинение и двинулся обратно.

– Вчера вечером вы обратились к нам по поводу школьного инцидента, – спокойно сказала Энни. – Мы полагаем, что человек, который проник на школьную территорию и следовал за вашей племянницей, – это Джебедия Каллен.

Салонен покосилась на кофейную кружку у себя в руках, потом быстро вернула взгляд к Энни и прищурилась.

– Вы ищете его из-за школьного инцидента?

– Мы ищем его как важного свидетеля по расследованию дела о поджоге.

– Пожар на Вулф-Ривер? Почему вы считаете, что он причастен к этому?

– На месте происшествия был обнаружен мотоцикл, зарегистрированный на его имя, плюс спальник и скатка с постельными принадлежностями.

Взгляд Салонен медленно вернулся к чашке.

– Дело в том, что мы видели, как его мотоцикл отъезжал от вашего дома примерно в 10.42 вчера вечером, – пояснила Анна.

Женщина пронзительно посмотрела на нее.

– Адам установил слежку за моим домом?

– Ради вашей безопасности, мэм. После вашего вчерашнего приезда в участок. У нас также есть несколько свидетелей, которые вчера ночью видели вас на месте поджога, – Энни выждала паузу. – Насколько я понимаю, вас многое связывает с Калленом.

– Весь этот чертов город многое связывает с Калленом, констебль Пирелло. Возможно, вам лучше поискать троих мужчин в лыжных масках, которые приехали на серебристом внедорожнике и темном пикапе с длинным кузовом. Потому что эти трое напали на него вчера ночью, подожгли его дом и все остальное. Возможно, вам стоит присмотреться к следам крови, которые вы могли найти на монтировке. Потому что это кровь Джеба. Если бы он на самом деле хотел сжечь Сноу-Крик, то не был бы настолько тупым, чтобы разжечь пожар на западной стороне долины Вулф-Ривер при сильном западном ветре. И он не стал бы ломать себе ребра и вышибать мозги монтировкой. А теперь, если вы не хотите арестовать меня или сделать еще что-нибудь, то будьте добры покинуть мою территорию.

В ее глазах сверкал вызов, а на скулах обозначились две красные точки.

– Трое мужчин?

– Если ваши криминалисты знают свое дело, они найдут следы от покрышек и отпечатки обуви этих людей. На номерном знаке пикапа была буква D.

Эти сведения были новыми для Энни.

– Так утверждает Каллен?

Салонен промолчала.

– Он может приехать в участок и подать заявление?

– Я не знаю, где он находится.

Энни покосилась на дверь. Потом медленно кивнула и достала из кармана визитную карточку.

– Вот. – Она протянула карточку Салонен, глядя ей в глаза. – На тот случай, если вам понадобится о чем-то поговорить со мной.

Салонен не взяла карточку.

– Пожалуйста, – Энни удержала ее взгляд еще на несколько секунд и добавила: – Вчера я много читала о деле Каллена. Я знаю всех, кто давал показания против него. – Она говорила тихо, чтобы Новак не мог услышать ее. – Я знаю, почему приговор был отменен. Все может быть не так, как кажется на первый взгляд. Я здесь новенькая, и у меня нет личной заинтересованности в деле.

Салонен сглотнула и неохотно взяла карточку.

Пирелло вернулась к патрульному автомобилю, уселась за руль и пристегнулась. Новак уже был на пассажирском месте. Она завела двигатель и покатилась по гравийной дорожке, задевая крышей за свисающие ветви.

– Мужик находился в доме, – сообщил Новак. – Я мельком увидел его в боковом окне. Это он, готов поспорить на мои новые зимние сани.

Пирелло жевала нижнюю губу и размышляла, пока возвращалась на автостраду.

Она знала, что он был там вчера вечером. Она видела некую настороженную близость в отношениях между Салонен и Калленом. Потом он расстался с ней и уехал на север. Она доложила в участок, и ей было велено отступить от него. Через несколько часов начался пожар. Его мотоцикл был поврежден и валялся на земле с выбитой подставкой. Рядом нашли окровавленную монтировку. Спальник под деревом у воды, как будто он мирно спал, когда все началось.

«Возможно, вам лучше поискать троих мужчин в лыжных масках, которые приехали на серебристом внедорожнике и темном пикапе с длинным кузовом...»

– Так почему он вернулся в город и сжег свой собственный участок? – обратилась она к напарнику. – Как думаешь?

Новак содрал обертку с батончика «Сникерс».

– Черт меня побери, если я знаю. Он психопат. То, что он сделал с теми девушками... – Он откусил кусок шоколадки и принялся жевать. – Если хочешь знать мое мнение, то, скорее всего, он напился вдрызг. Они все алкоголики...

– Прошу прощения?

Но прежде, чем Новак успел ответить, поступил срочный вызов. Голубой «Форд-Фокус» беспорядочно двигался по шоссе № 99 к северу от муниципальной вертолетной площадки.

Энни потянулась за микрофоном.

– Тридцать седьмая патрульная, вызов принят.

Она включила сирену и надавила на газ. Новак опустил защитный козырек, когда солнце ударило им в глаза. Фотокарточка, которую Энни хранила за козырьком, вывалилась наружу. Он поднял снимок с коленей.

– Что это?

Она напряглась.

– Ничего. Положи на место.

– Она похожа на тебя.

Крепко обхватив руль, Энни вписалась в крутой поворот. Горные вершины резко выросли по обе стороны ущелья, эхо сирены отдавалось от скал.

– Это потому, что она моя сестра.

– Ты держишь фотографию сестры за козырьком от солнца?

Она выругалась сквозь зубы.

– Ее больше нет, понятно?

Взвизгнув покрывками, автомобиль преодолел очередной поворот.

– Что значит – ее больше нет? Умерла, что ли?

Энни резко затормозила и ускорилась после нового поворота. Она видела впереди вихляющий корпус «Форд-Фокуса».

– Пропала без вести. Они с мужем отправились в пеший поход по горам в свой медовый месяц. Больше их не видели.

Она включила сирену на полную мощность. Потом еще раз. «Форд» наконец притормозил у обочины. Энни встала за ним, хрустя покрывками на гравийной обочине.

– Что за горы?

– Эти самые горы, возле Кэйоша. Четыре года назад.

– Вот дерьмо. Так это была твоя сестра, Клодетта Лепен? – Новак повернулся на сиденье и уставился на нее. – Значит, поэтому ты взяла эту работу и переехала на запад. Ты все еще разыскиваешь ее.

– Может, испробуешь твой длинный язык, чтобы составить протокол о нетрезвом вождении, Новак? Или хочешь, чтобы я заткнула тебе рот носками?

* * *

Я опускаюсь на кушетку перед погасшим камином. Куинн и Джеб смотрят на меня. Какую черту, какой порог мы пересекли, открыто солгав полицейским?

Я жестко тру руками лицо. Джеб подходит ко мне и кладет руку мне на плечо.

– Чего они хотят? – спрашивает он.

Я откидываю голову.

– А как ты думаешь? Они хотят забрать тебя.

– Пожар? – шепчет он.

– Да. Проверочный визит, если хочешь знать. Если у них действительно есть что-то на тебя, они вернутся с ордером на обыск. Они кружат поблизости и прослушивают нас.

– Тебя зовут Джеб? – голос Куинн пронзает нас со спины. Мы вздрагиваем о поворачиваемся к ней.

Она по-прежнему стоит у двери, бледная и несчастная.

– Куинни, – я пытаюсь изобразить радостное удивление, – иди сюда, садись со мной.

Она колеблется, потом медленно подходит к нам и опускается на краешек кушетки. Ее глаза похожи на темные колодцы. Она начинает колотить пяткой по обивке: *тумп, тумп, тумп*.

– Да, – внезапно говорит Джеб. – Меня зовут Джеб.

Она подходит и садится за кофейный столик напротив нее. *Тумп-тумп-тумп*.

Я предостерегающе гляжу на него. Это мой дом, моя территория. Но теперь это и его территория. Мы заперты здесь как неполноценная семья, пошедшая против общественного мнения, а может быть, и против закона. И обратного пути нет. Я бездумно назвала его

Джебом, когда увидела приближение полицейского автомобиля. Констебль Пирелло, разумеется, назвала Куинн его имя, когда показывала ей фотографию.

– Джеб Каллен, – говорит он.

Стук прекращается. Куинн становится пугающе неподвижной. Когда она подает голос, он дрожит.

– Зачем ты им понадобился? Это из-за меня? Потому, что я ударила Мисси Седжфилд?

– Куинн, – я быстро наклоняюсь и кладу руку ей на колено, – полицейские получили непроверенные сообщения о Джебке. Нам нужно разобраться с этим, прежде чем сообщать им, что он находится здесь. Ты не виновата, что солгала им. Иногда...

Проклятье. Что я несу? Как мне это сделать, чтобы не повредить ее психику?

– ...Иногда маленькая ложь во спасение бывает правильной в долгосрочной перспективе. Прямо сейчас это дает Джебке необходимое время, чтобы доказать всем свою абсолютную невиновность.

– Рэйчел, – он щурится и предостерегающе смотрит на меня, – остановись. Нам нужно поговорить...

– А что он такого сделал, если они ищут его? – Куинн пристально смотрит на Джебку, и я физически ощущаю его напряжение.

– Они перепутали его с кем-то еще, только и всего. – Я поднимаюсь на ноги и протягиваю руку. – Пошли. Нужно, чтобы ты поднялась наверх и переделалась до приезда Брэнди. Джеб в любом случае уходит.

Я выразительно гляжу на Джебку, но Куинн не торопится вставать.

– Его прислала моя мама. Он хороший человек. Он ангел!

Она сжимает кулаки. Я опускаюсь на корточки перед ней.

– Ты права. Твоя мама знала Джебку и очень любила его. В некотором смысле, она действительно прислала его.

– Рэйчел, – тихо рычит он у меня за спиной.

Я беру Куинн за руку. Она дрожит. Я выдавливаю улыбку, хотя мне хочется плакать от внезапно нахлынувших чувств.

– Иногда ангелам приходится сталкиваться с испытаниями на земле. Прямо как в книгах. Поэтому Джеб и приехал сюда. Если он... если мы выдержим испытание и все сделаем правильно, то...

– Тогда мы будем жить долго и счастливо?

Комок подкатывает к горлу с такой силой, что я едва не задыхаюсь. Я уверена, что совершаю ужасный грех. Что я буду гореть в аду вместо долгой и счастливой жизни.

– Да, что-то вроде этого, – шепчу я.

Ее взгляд прикован к моему лицу. Она смотрит мне в глаза, пытаюсь понять, нет ли там какого-то подвоха. Когда она ничего не находит, ее глаза наполняются слезами.

– Это будет наш секрет, ладно? – шепчу я. – До поры до времени.

Теперь она смотрит на Джеба. Она на мгновение удерживает его взгляд и кивает. По ее щекам текут слезы.

– Пойдем, – мягко говорю я, помогая ей встать и провожая к лестнице. – Мы с Брэнди погрузим твой велосипед в ее багажник. Нам нужно собраться до ее приезда.

– Я не хочу в лагерь для велосипедистов.

– Так будет лучше для тебя. И тебе станет легче. Мне нужно заняться работой, а Джеб должен разобраться со своим испытанием.

Когда я веду ее по лестнице, то чувствую жаркий взгляд Джеба у себя на спине.

* * *

Когда я спускаюсь вниз, Джеб расхаживает по комнате, словно медведь в клетке.

– Где она?

– Чистит зубы. Она спустится через минуту.

– Какого дьявола ты это сделала? – рычит он. – Доказательство моей невиновности? Ангел, который проходит испытание на земле? Боже мой, Рэйчел!

– А чего ты от меня хотел? Чтобы я сказала ей, что копы ищут тебя, поскольку считают, что ты изнасиловал ее биологическую мать?

Он вспыхивает от гнева. Я прикасаюсь к его руке.

– Слушай, нам нужно держаться так близко к правде, как только можно. В конце концов, так будет проще, когда все раскроется. Она не единственный ребенок в этом городе, которого затронут будущие события. Сегодня ты собираешься обвинить четырех мужчин в лжесвидетельстве. Трое из них имеют собственных детей, а у одного ребенок не старше Куинн. Ты знал, что это будет нелегко.

Он отворачивается.

– Джеб, посмотри на меня. Я тоже не знаю, как это сделать. Мы можем лишь двигаться ощупью, руководствуясь только нашими взглядами, нашим мировоззрением. – После некоторого колебания я добавляю: – У нас были общие взгляды на мир, помнишь? Ты научил меня по-новому смотреть на вещи.

– Тем не менее ты поверила, что я мог изнасиловать двух девушек и убить одну из них, – очень тихо говорит он.

Я опускаю глаза и чувствую, как щеки заливают горячая краска стыда. Моя рука бессильно опускается вдоль тела.

– Это из-за того, что случилось с моим отцом, верно? – спрашивает он. – Вот почему ты считала меня способным на насилие. А когда ты рассказала в суде обо мне и моем отце, все поверили, что я могу творить ужасные вещи.

Меня начинает подташнивать.

– Давай не будем об этом сейчас...

Он ругается сквозь зубы.

– Знаешь, я не должен был говорить тебе об этом.

– Послушай, я...

– Знаешь, почему я *сказал* тебе? – Его глаза сверкают. – Потому, что я нуждался в отпущении греха. Потому что я никак не мог избавиться от этой проклятой вины. Она ежедневно преследовала меня. Мне было *нужно*, чтобы ты знала, что со мной случилось в детстве. Мне было нужно, чтобы кто-то понял меня. Мне было нужно прощение... от тебя, Рэйчел. Чтобы я мог двигаться вперед вместе с тобой. Чтобы я мог с чистой совестью присоединиться к тебе.

Его слова рвут мне душу. Я подвела его девять лет назад. Тогда я даже не понимала, что ему было нужно от меня с этим признанием. А потом я предала его, и чувство вины бумерангом вернулось ко мне.

Я слышу, как Куинн выключает воду в ванной. Потом ее шаги в коридоре. Сейчас она спустится вниз.

– Тебе нужно идти, – быстро говорю я. – Нельзя, чтобы Брэнди увидела тебя, когда она приедет.

Он на мгновение удерживает мой взгляд, потом разворачивается и идет к двери, на ходу развязывая фартук.

– Ты должен оставаться в лодочном сарае до поездки на интервью, – говорю я ему вслед.

– Как преступник, – ворчит он и бросает фартук на табурет. –
Прятаться в сарае!

– Это не...

Он поднимает руку, останавливая меня.

– Джеб...

Он не оглядывается.

– Никуда не уходи до интервью. *Пожалуйста.*

Он рывком распахивает дверь и захлопывает ее за собой.

– Ты не можешь позволить им забрать тебя! – кричу я ему, но его больше нет. Не знаю, слышал ли он меня. И мне становится нехорошо.

Глава 14

Я открываю дверь помещения редколлегии и захожу внутрь. Люди, сидящие вокруг стола для совещаний, поднимают головы и смотрят на меня. За ними из панорамного окна открывается вид на лыжные трассы и линии подъемников на склонах Медвежьей горы, увенчанной снежной шапкой. Одна стена выкрашена в серовато-зеленый цвет; на ней развешаны почетные грамоты и награды от газетных объединений Британской Колумбии и Канады вместе с фотографией моего деда, который держит в руках первый номер «Сноу-Крик Лидер», только что вышедший из печати.

– Доброе утро. – Я гладу на стол ручку и блокнот и отодвигаю стул. Сегодня вторник, 9.02 утра. Я на две минуты опоздала на еженедельное собрание редколлегии. Кэсс Руссо, мой главный редактор, сидит во главе стола. Она удивленно выпрямляется при виде меня.

– Рэйчел?

Я усаживаюсь за стол.

– Сегодня утром я собираюсь присутствовать на новостном совещании.

Секундное молчание, обмен взглядами за столом. Я обычно не присутствую на еженедельных совещаниях редколлегии. Новостной контент – это сфера полномочий Кэсс. Я регулярно встречаюсь с ней в частном порядке, но теперь я хочу, чтобы все лично убедились, что я заинтересована в развитии нового сюжета.

– Значит, вы слышали, что Джебедея Каллен позвонил мне? – спрашивает Кэсс.

Я киваю.

– Продолжай, Кэсс. Какую информацию ты получила. Как вы собираетесь подать ее?

Еще один обмен взглядами – на этот раз между Кэсс и ее криминальным репортером Джонасом Толлингвортом. Я знаю, о чем думает главный редактор. Она сравнительно недавно живет в городе, но если она выполнила свою работу после звонка Джеба вчера утром, то раскопала неприглядные подробности старого дела Финдли

и Цукановой. Если раньше она пребывала в неведении, то теперь знает, что я встречалась с Джебом в школе и что я, наряду с другими добропорядочными горожанами, давала показания против него. Судя по ее настороженной позе и скрытности ее взгляда, Кэсс ожидает, что я собираюсь замять эту историю. Она готова отстаивать свои журналистские принципы.

Кэсс облизывает губы.

– Освобождение Каллена из тюрьмы – это старая новость. Новизна состоит в том, что после своего освобождения он не поспешил скрыться от внимания, как делают виноватые люди. Вместо этого он сразу направился домой, чтобы лицом к лицу встретиться со своими противниками и попытаться доказать свою невиновность. Он назвал имена некоторых видных горожан: Леви Бэнрока, Хави Хинка, Клинта Рудигера и – посмертно – Люка Лефлера, что указывает на его мать, которая возглавляла первичное расследование. По определению это также бросает тень на заместителя главного констебля Адама Лефлера. – Ее взгляд скрещивается с моим. – Кроме того, есть вы и Трэй Сомерленд, которые тоже свидетельствовали против него.

Остальные наблюдают за мной. Я чувствую растущее напряжение. Названы громкие имена. Ставки высоки, как никогда. И ясно, что для меня это личное дело.

Я делаю глубокий вдох.

– Поэтому я собираюсь дистанцироваться от этой истории. В данном случае мне понадобится нечто вроде Китайской стены между мной и твоими репортерами, Кэсс. И я хочу, чтобы все прошло юридическую проверку перед выходом в печать. Люди все равно будут недоумевать, но мы останемся с чистой совестью. Иначе тебе придется отстреливаться.

Кэсс приподнимает бровь. Остальные возбужденно переглядываются. Я читаю удивление на их лицах.

Но я доверяю журналистскому опыту Кэсс. Мне повезло нанять ее. Она была ведущим городским репортером, которая перешла на более низкооплачиваемую работу в Сноу-Крик, поскольку хотела воспитывать здесь своего единственного ребенка. Как и многие другие местные жители, она любит жизнь на природе и девственные просторы. Эта история покажет, что в любом месте есть свои темные секреты, как бы прекрасно все ни казалось снаружи.

Я наклоняюсь вперед.

– Единственное, что я хочу получить от этого сюжета, – чистая правда. Чего бы это ни стоило. С любыми опасениями по поводу нежелательных последствий прошу обращаться к нашим внештатным юристам. Я дам им знать, что вы занимаетесь расследованием.

Короткое молчание.

– Это крупное дело, – говорит Джонас. – Провинциальные СМИ подхватят эту тему, особенно если мы устроим публичное представление в «Шэди Леди». А поскольку у нас еженедельник, то ежедневные газеты и телерепортеры наводнят город еще до выпуска на следующей неделе.

– Именно поэтому мы берем дело в свои руки и гоним информационную волну. Это дело «Лидера», и права на него принадлежат нам. Когда мы закончим совещание, на нашем сайте должен появиться тизер: «Срочные новости: Каллен требует публичное интервью в общественном заведении». Назовите громкие имена. Оставьте ссылки на наши страницы в социальных сетях: Twitter, Facebook, Pinterest, Tumblr и так далее. Постарайтесь добиться вирусного распространения информации. Я хочу, чтобы все взгляды были прикованы к нашему сайту. Я хочу, чтобы люди предвкушали появление более подробной аналитической статьи, которая выйдет в печать на следующей неделе.

Члены моей команды еще не знают, что я работаю с Джебом, но я собираюсь отстраниться от расследования прямо сейчас, потому что в противном случае, едва я выйду из этой комнаты, то предстану в совершенно ином свете. Слова Трэя эхом отдаются у меня в голове.

«Полицейский у дорожного кордона видел тебя. Зинк видел тебя. Я видел тебя. Утром копы постучатся в твою дверь. Они собираются допросить тебя как соучастницу поджога...»

Я обвожу взглядом лица людей вокруг стола.

– Где Холли?

– Она была на месте стрельбы и пожара вчера ночью. Приедет попозже. Но я позвала ее на интервью с Калленом. – Кэсс что-то пишет в своем блокноте.

– Хорошо. И еще одно. – Я подаюсь вперед. – Полиция разыскивает Каллена как возможного свидетеля или подозреваемого во вчерашнем

пожаре. Это определенно похоже на поджог. Пожар начался на его территории, и копы нашли там его мотоцикл.

Широко распахнутые глаза.

– Откуда вы знаете? – спрашивает Кэсс.

– Я тоже была на месте возгорания и сегодня утром получила сведения из конфиденциального источника. Кэсс... – Я делаю паузу. – Как бы то ни было, нужно дойти до сути.

– Вы были с поисково-спасательной группой? – спрашивает Кэсс.

– Нет.

Взгляд Кэсс становится серьезным, когда она распознает подтекст моих слов.

– Значит, мы должны продолжать во что бы то ни стало, даже если ваше имя всплывет в потенциально негативном контексте?

Она испытывает меня на прочность.

– Даже в таком случае. – Я поочередно обмениваюсь взглядами с членами моей редакторской группы – с Блейком, Томасом, Пейтоном, у меня маленькая команда, дополненная несколькими фрилансерами и колумнистами. – Удачи, ребята! – Я улыбаюсь. – Джонас прав, это крупное дело. Давайте потрясем клетки и посмотрим, что выпадет наружу.

Я оставляю Кэсс заканчивать совещание. Но когда я иду к моему офису, то ощущаю серьезность того, что я привела в движение, и тонкие щупальца страха закрадываются в мое сознание. Сноу-Крик может быть похож на зимний Диснейленд для горнолыжников, который принадлежит к всемирной сети снежных развлечений. Но, как и в любом маленьком городке, под поверхностью зияют глубокие и опасные трещины, где рыскает старое зло.

Зло, которое мы могли высвободить прямо сейчас.

* * *

– Не лги мне, черт бы тебя побрал! – Лили стиснула в руках футболку Адама, которую он носил вчера. Ее лицо покраснело и заплыло от слез. – Вот, понюхай. – Она сунула воротник ему в лицо. – Это не мои духи. Кто она? Как долго это происходит? Больше года?

Адам уперся руками в кухонную столешницу, опустив голову, и сделал глубокий вдох.

– Сейчас я не могу разобраться с этим.

– Вот как, ты не можешь? А как же я, как же дети? Или все вокруг уже знают, что ты спишь с другой женщиной? Все знают, кто она такая, кроме меня? Они считают меня полной дурой? Смеются у меня за спиной?

Он слышал подступающие слезы за ее сбивчивой речью, возвращение старой паранойи.

– Нюхай! – потребовала она и сунула футболку ему в лицо.

Он развернулся и перехватил ее запястье. Его взгляд лазерным лучом пронзил ее.

– Я чую запах водки. Сейчас десять утра, ты пьяна, а мне пора на работу. – Его сердце гулко билось, на верхней губе выступил пот. – Где мальчики?

– Где ты пропадал всю ночь?

– Я о мальчиках, Лили. – Он был рассержен, сильно рассержен. Он думал, что они оставили это в прошлом.

– Стейси Седжфилд отвезла их вместе с Мисси в лагерь для велосипедистов.

– А как они вернутся домой?

Ее плечи опустились, тело обмякло.

– Ты забереешь их? – спросил он.

Она вырвалась из его схватки, отвернулась, охваченная внезапным стыдом.

– Как я могу доверить их тебе после этого?

Адам знал, что, несмотря на ее семейные проблемы и отношения с мужем, дети были самым главным в ее жизни. Она не мыслила себя без детей.

– Тогда я буду в полном порядке, – тихо ответила она, избегая взгляда Адама.

– Когда началось это дело с выпивкой?

Она на нетвердых ногах прошла через столовую и ухватилась за спинку стула. Ее лицо обмякло, набрякшие глаза слезились.

– Когда я снова почуяла ее на твоей одежде. Я... я не знаю, что делать. Мне хотелось отгородиться от этого.

Пот начал собираться у него под мышками, кровяное давление подскочило.

– Ты все еще принимаешь таблетки? Нельзя совмещать алкоголь с антидепрессантами.

Она тупо смотрела на свой ноутбук, раскрытый на столе.

– Ты перестала пить таблетки?

– От них я была как мертвая.

Адам запустил пальцы в свою густую шевелюру. Он не знал, как справиться с этим. С одной стороны, он был зажат между своей матерью с ее ранним слабоумием, а с другой – между своей депрессивной и параноидной женой. Здоровье его матери быстро покатило под уклон после того, как Люк был убит в бою. Между тем у Лили был тяжелый период после рождения их младшего сына Майка, когда она испытывала клинически подтвержденную послеродовую депрессию. Адам мог справиться с физическими проблемами. Он мог многое исправить работой мышц, грубой физической силой. Но хрупкие механизмы человеческой психики – особенно женской психики – оставались для него тайной за семью печатями. До того как Лили поставили диагноз, Адам считал депрессию некой прихотью, которой можно следовать или не следовать по желанию. Потом она занялась самолечением и втянулась в порочный круг, где выпивка чередовалась с периодами паранойи во время похмелья. И все это время она изо всех сил старалась производить впечатление хорошей матери и идеальной жены высокопоставленного сотрудника полиции. В конце концов она не выдержала, и он был вынужден обратиться за медицинской помощью. После лечения ей стало лучше. Он думал, что худшее осталось позади... а теперь это.

Вот и награда за отказ от работы его мечты и переезд в Сноу-Крик ради семьи. Все рассыпалось, как бы он ни старался удержать ситуацию под контролем.

– Тебе нужно снова обратиться к доктору Беннету, – мягко сказал он. – Запишись к нему на прием, хорошо? Ты сделаешь это для меня? Позвонишь мне на работу после того, как договоришься с ним?

Она судорожно вздохнула и крепче ухватилась за спинку стула. Ее плечи вздрагивали, но слез не было.

– Сделай это ради нас, – сказал он. – Ради мальчиков. Ты не можешь снова уйти в запой. Нужно вернуться к медицинскому лечению, и тогда мы вместе справимся с этим. Сохраним семью.

Она сглотнула. Часы на кухне громко тикали.

– Пожалуйста, скажи мне, где ты был вчера ночью, до пожара? – Ее голос был тонким и умоляющим. Адам внезапно увидел перед собой молодую Лили, – женщину, которую он полюбил. Чувствительную и уязвимую. Творческую натуру. С ней он чувствовал себя сильным мужчиной, способным защитить ее. Это было соблазнительное ощущение, особенно приятное для Адама, который всегда считал себя храбрым защитником. Бравым полицейским.

– Мне нужно было закончить кое-какую административную работу, а потом начался пожар, – сказал он. – Все экстренные службы отреагировали должным образом. Сейчас мне нужно вернуться в офис, а тебе – позвонить доктору Беннету.

– На сайте «Лидера» сказано, что пожар начался где-то между часом и двумя часами ночи. – Лили кивнула в сторону раскрытого ноутбука. Адам заметил, что она открыла страницу срочных новостей «Сноу-Крик Лидер». – Где ты был до пожара? Ты не мог все время находиться в участке.

– Эй, – он подошел ближе и взял ее лицо в ладони, – пожалуйста, не беспокойся. Да, я находился в участке. Так много всего происходит... настали дурные времена.

Она покосилась на ноутбук.

– Ты имеешь в виду возвращение Джеба Каллена?

Адам замер.

– Что?

– Это есть во всех срочных новостях. В Twitter и Facebook. Сегодня в пять вечера он дает эксклюзивное интервью в салуне «Шэди Леди». Он утверждает, что приехал сюда для доказательства своей невиновности. Он хочет выяснить, кто на самом деле убил Мэрили и где находится ее тело.

Адам устремился к ноутбуку, развернул экран к себе и быстро просмотрел статью. У него зазвенело в ушах. Каллен заявил, что Люк, покойный брат Адама, был одним из тех, кто давал ложные показания в суде. Адам выругался сквозь зубы. В пять вечера ему предстоит разобраться с настоящим переворотом в маленьком городе. Дерьмо попадет в вентилятор.

– Мне нужно на работу. Немедленно.

Он тронулся с места, но Лили положила ладонь на его руку.

– Где ты рассадил костяшки пальцев?

Он машинально взглянул на свою руку. Она приподнялась и осторожно потрогала его скулу.

– И откуда этот порез?

– Пожар, – быстро ответил он. – Я помогал переносить оборудование, и ветка хлестнула меня по лицу... Поговори с доктором, слышишь? А потом позвони мне.

Он прошел в спальню, открыл оружейный сейф, убрал пистолет в кобуру и надел бронежилет. Его китель и фуражка находились в прихожей.

Когда Адам собирался выйти из дома, Лили появилась в прихожей.

– Что имела в виду твоя мать девять лет назад, когда я слышала, как вы спорили насчет исчезновения Эми и Мэрили?

Он повернулся, держа руку на дверной ручке.

– Что?

– Она сказала, что от тебя требуется только одно: ничего не говорить. Что тебе надо думать о будущей жизни и карьере.

Между ними повисло тягостное молчание.

– Понятия не имею, о чем ты говоришь.

– Нет, ты понимаешь. Знаю, что понимаешь. В тот вечер Люк одолжил твой джип, верно?

– Слушай, лучше не болтай об этом. Сейчас не время. Если вырвать определенные вещи из контекста, то ты можешь погубить нашу семью. Меня, себя и детей. Ты этого хочешь?

Она молча смотрела на него.

– Правильно, вот и я так не думаю. А теперь иди и позвони доктору Беннету. Тебе нужно пройти еще один курс лечения. Без препаратов у тебя начинается паранойя. – Он помедлил, потом взял ее за плечи. – Послушай, Лили Лефлер, я люблю тебя. Понимаешь? У нас с тобой были хорошие и плохие времена, и теперь мы не сдадимся.

Ее глаза наполнились слезами, и она кивнула.

Адам поцеловал ее в щеку и отпрянул, когда почувствовал сильный запах водки.

Сбегая вниз по крыльцу, он снова выругался сквозь зубы. Каллен упал в этот город, как горящая спичка, брошенная в сухом лесу. И у него было предчувствие, что это только начало.

* * *

Джеб приехал на автостоянку для лыжников в 15.30. Рэйчел отдала ему ключи от внедорожника ее отца. Он выключил радио и немного посидел внутри, как воин, готовящийся к битве. Рэйчел сделала то, что обещала: она тоже отправилась в бой. Новости о его возвращении и предстоящей встрече с репортерами распространились со скоростью вирусной инфекции и были подхвачены газетами и телевизионными станциями Большого Ванкувера, сообщавшими, что их представители придут в Сноу-Крик к пяти вечера для освещения дальнейших событий. Город считался фешенебельным горнолыжным курортом, и было нечто сладострастное в намерении увидеть и продемонстрировать его грязное подбрюшье.

Когда Джеб вышел из автомобиля, то заметил, что ветер прекратился. Все казалось сухим, сумрачным и неподвижным, как в центре урагана. Он посмотрел на небо и ощутил, как усиливается давление. Вдалеке на западе небо было окутано светло-коричневым дымом.

Он убрал ключи в карман и направился к пешеходной зоне города, испытывая смутное беспокойство насчет того, что задуманное может возыметь обратный эффект.

Когда он вышел на площадь у подножия горы, в воздухе повеяло прохладой. Подростки на горных велосипедах в шлемах и защитных накладках штурмовали последний участок скейт-парка, взмывая в воздух над последним трамплином, выполняя сальто, приземляясь и тормозя юзом, – покрытые пылью и синяками, но торжествующие.

Другие стояли вокруг площади с велосипедами: указывали, смотрели, смеялись. Громкая музыка доносилась из бара «Гондола» над зданием со стартовой платформой канатной дороги. Лыжный подъемник все еще работал, но в этот час он не возил наверх велосипедистов, а доставлял их вниз вместе с зеваками и пешими туристами. Джеб немного задержался, чтобы посмотреть на велосипедиста, который разогнался на склоне, вылетел с трамплина и совершил сальто с поворотом на 360° вокруг своей оси. Джеб чувствовал себя старым и чуждым этому месту. Человеком, который слишком долго пробыл взаперти. Когда его уводили в наручниках, спуск на горном велосипеде был совсем не похож на безрассудный

спорт для рискованных парней, каким он стал сейчас, – во всяком случае, не в таком масштабе.

За его спиной тоже звучала музыка с летней веранды салуна «Шэди Леди», где люди собирались вокруг массивных деревянных столов под красными зонтами, а официанты разносили закуски и пивные кружки. Позже, когда станет темнее и холоднее, включатся внешние обогреватели.

Джеб прошел через толпу на площади к летней веранде. Он толкнул тяжелую деревянную дверь салуна и вошел в сумрачный зал. Здесь было тише; большинство клиентов предпочитали нежиться на солнце, сидя на летней веранде, хотя в это время года их блаженство будет недолгим.

Он выбрал столик в дальнем углу и уселся спиной к стене, откуда мог видеть входную дверь и большую часть помещения. Потом заказал кофе у официантки с немецким акцентом. Женщина, работавшая за стойкой бара, казалась смутно знакомой. Никаких признаков владельца салуна, Харви Зинка.

Джеб пришел пораньше, чтобы избежать любых затруднений, которые могли возникнуть снаружи, с учетом лихорадочной активности в социальных сетях по поводу его предстоящего интервью. Рэйчел позвонила ему и сообщила насчет комментариев о том, как это повредит семье Мэрили и что его нужно выгнать из города. Другие комментарии были еще хуже. Казалось, она была встревожена.

Официантка принесла кофе. Судя по манере ее движений, выражению лица и взглядам, Джеб понимал, что она распознала его. Но она ничего не сказала, а он не попытался завязать разговор. Минуты медленно тянулись одна за другой. Он потягивал кофе, не сводя глаз с двери, которая стала открываться все чаще. Каждый раз белый свет проникал в сумрачное помещение и очерчивал силуэты входивших людей. Это напоминало ему сцену из старого вестерна.

В 16.42 двери широко распахнулись, и вошли трое дюжих мужчин – пожарных, судя по униформе. Они осмотрели салун и ненадолго замерли, когда увидели его. Пульс Джеба забился быстрее.

Но мужчины не стали подходить к нему. Они расселись за большим круглым столом возле стойки бара и образовали полумесяц, направленный в его сторону. Должно быть, это были люди Клинта Рудигера, преданные своему шефу. Демонстрирующие свою силу

и сплоченность. Чуть позже к ним присоединились еще трое пожарных, в том числе женщина. Потом в салун вошел мужчина ростом около шести футов с широкой грудью борца и руками тяжелоатлета. Он уверенной поступью направился к своим коллегам. Темно-русые волосы, стриженные ежиком. Квадратная челюсть, красивый профиль. Люди подвинулись в стороны при его приближении, и он отодвинул стул от стола. Когда свет упал на его лицо, Джеб узнал Клинта Рудигера. Босс прибыл на место.

Напряжение не оставляло Джеба. Было очевидно, что сила не на его стороне. Единственным преимуществом была огласка, которую он уже приобрел; самосуд был незаконным, и другие люди уже наблюдали за этой командой.

Двери салуна снова распахнулись, и вошел Трэй Сомерленд в куртке спасательного отряда. Кровь Джеба гулко застучала в ушах. Сомерленд, его главный противник. Его старый соперник в борьбе за внимание и чувства Рэйчел. Сомерленд, заронивший в него искру ярости, которая привела его к безрассудному желанию переспать с Эми. Которая, в свою очередь, родила Куинн.

Джеб почувствовал, что у него горит лицо.

Сомерленд осмотрел салун, увидел Джеба и встретился с его взглядом. Несколько секунд он стоял неподвижно, потом за его спиной появился другой человек, которого Джеб узнал не сразу. Лысеющий мужчина с брюшком и демонстративной походкой вразвалочку. Ему понадобилось еще несколько секунд, чтобы опознать Харви Зинка. Тот выглядел не лучшим образом. Если Клинт держал себя в отличной форме, то Зинк явно перестал следить за собой.

Зинк и Сомерленд присоединились к пожарным за круглым столом.

Джеб медленно дышал, успокаивая себя. Боевые порядки были выстроены, и противник явился с силами поддержки, демонстрируя солидарность горожан. Мог ли один или несколько из этих мужчин совершить покушение на него вчера ночью? Устроить пожар в западных горах? Джеб посмотрел на часы; стрелка приближалась к пяти.

Вошел полицейский в мундире и уселся за столиком возле двери, спиной к стене. Еще один мужчина устроился за столиком рядом с Джебом. Возможно, сотрудник полиции в штатском – от него

исходило такое ощущение. Круг смыкался, его загнали в угол. Он отпил глоток холодного кофе и снова взглянул на часы.

Дверь снова открылась, и шум уличной толпы ворвался в салун вместе с музыкой; некоторые декламировали, другие кричали. Звуки стихли, когда тяжелая дверь закрылась за двумя женщинами: одна с темными волосами, заплетенными в косу, с фотоаппаратом и треногой в руках, другая с короткими выбеленными волосами, с саквояжем в руке. Джеб сразу решил, что это Кэсс Руссо, главный редактор «Лидера». Женщины почти мгновенно заметили его, но подошли не сразу. Сначала они осмотрелись по сторонам, отмечая присутствующих внутри, потом обменялись несколькими словами. Темноволосая женщина-фотограф кивнула, а Кэсс расправила плечи и направилась к столику Джеба.

– Джебедия Каллен? – без улыбки спросила она и протянула руку.

Джеб встал и обменялся с ней рукопожатием. Ее ладонь была узкой и прохладной.

– Я Кэсс Руссо, редактор «Сноу-Крик Лидер». А это Холли Шерман.

Женщина-фотограф вышла вперед. Ее рукопожатие оказалось удивительно крепким.

– Если не возражаете, я буду снимать во время интервью, – сказала Холли гортанным, хрипловатым голосом, наводившим на мысли о дорогих барах и блюзовых певицах. – Потом, возможно, мы сделаем несколько кадров на улице.

– Отлично, как скажете, – отозвался Джеб.

Кэсс отодвинула стул, скрипнув деревянными ножками по каменному полу. Джеб опустил на свое место. Она извлекла из саквояжа цифровой диктофон и аккуратно установила его на столе между ними.

– Нормально, если я буду записывать?

– Совершенно нормально.

Она нажала кнопку.

– Ладно, давайте начнем.

Глава 15

Адам заметил ее длинные волосы медно-орехового оттенка, блестящие в лучах предвечернего солнца. Даже в толпе Рэйчел Салонен выделялась среди остальных. Она пересекала площадь, обходя протестующих и направляясь к нему и к салуну. Ее хромота казалась более сильной, чем он помнил; она явно устала.

Он напрягся, когда увидел группу местных активистов, подступавших к ней. Ее толкнула женщина с плакатом, где находился лозунг о принудительной кастрации насильников. Другие начали свистеть и улюлюкать. В толпе Адам заметил Джейкоба Цуканова и его сыновей. Лицо Рэйчел побледнело, когда Джейкоб, отец Мэрили, загородил ей дорогу. Его сторонники окружили ее и принялись вопить и указывать пальцами. Один из сотрудников Адама вмешался и оттеснил их в сторону.

Но Рэйчел помедлила, прежде чем уйти. Вместо этого она наклонилась к Джейкобу и что-то тихо сказала ему. Тот застыл, а Рэйчел решительно двинулась вперед. Люди кричали ей в спину. Ее лицо было напряженным, губы побелели. Адам выругался; она устроила проклятый цирк!

Когда она приблизилась к летней веранде «Шэди Леди», их взгляды встретились, и у Адама защемило в груди от гнева и чего-то более сложного: ощущения предательства. Она была одной из них. Она была «золотой девочкой» Сноу-Крик, а теперь она все усложняла, сеяла раздор, раскапывала старые могилы. Рэйчел Салонен наделила Джебедию Каллена силой, которой он не имел бы без ее содействия, и вывела его в эфир. От Трэя и Зинка Адам узнал, что она приехала и забрала Каллена вчера ночью возле его сгоревшего дома на Вулф-Ривер после того, как начался пожар.

Рэйчел замешкалась, когда увидела его, но она не могла остановиться. Он вместе с другими полицейскими преграждал ей путь, когда они сформировали живой заслон перед верандой на тот случай, если разгоряченная толпа захочет ворваться внутрь. Потом, как будто она вдруг приняла решение, Рэйчел агрессивно подошла к нему и уставилась ему в лицо.

Ее голос был громким и звонким.

– Вы пытаетесь помешать мне пройти, Адам?

– Я пытаюсь предотвратить давку, – сердито ответил он. – В вашей газете появилось объявление, что он будет здесь. Это безответственный поступок. Мы ожидаем неприятностей.

– Таких же неприятностей, как вчера ночью? Самосуд и поджог? Попытка убийства?

– Понятия не имею, о чем вы говорите.

– Тогда моя газета поможет вам открыть глаза на это дело, поскольку Джеб не начинал этот пожар, и я тоже не имею никакого отношения к нему. Трое мужчин попытались убить его. Они оставили его на верную смерть от огня. Ему повезло, что он скатился во влажное русло ручья, иначе вам пришлось бы разбираться с убийством. Если ваш констебль Пирелло или любой другой из ваших подчиненных сунется на мою территорию, вам лучше сначала получить ордер, если вы уважаете мою частную жизнь.

Телеоператор из СТВ подошел ближе из толпы, снимая их разговор. Адам в ярости опустил голову.

– И вы называете это уважением к частной жизни, Рэйчел? – раздраженно пробормотал он. – Вы тут устроили цирк с конями! Что именно вы пытаетесь доказать?

Она удержала его взгляд. Крики и пение становились громче по мере того, как новые протестующие выходили на площадь. Работали вспышки, люди снимали на смартфоны.

– Откуда у вас этот порез на лице, Адам? – тихо спросила она.

Он проигнорировал вопрос.

– Вы помните, что сказал психиатр, который был свидетелем во время суда над Калленом? У него все признаки социопата. Он вкрадчивый лжец и махинатор, который даже в детстве совершал жуткие вещи.

– Значит, теперь вы берете уроки у Трэя? Он тоже пытался убедить меня в этом.

– Я напоминаю, что он прирожденный лжец. И всегда был таким.

– На самом деле вы никогда не знали его. Вы и остальные судили о нем по тому, откуда он родом, а не по его делам. Гораздо легче обвинить чужака, чем посмотреть в зеркало и подумать о своих

друзьях, членах семьи... – она выдержала паузу – ...и о своем брате, не так ли?

Адам стиснул зубы. Проклятый оператор из СТВ крупным планом снимал их лица и записывал спор высокопоставленного полицейского с газетным издателем в прямом эфире. А теперь Рэйчел упомянула о Люке.

– Я предупреждаю вас, Рэйчел, – гневно прошептал он, когда она начала проталкиваться мимо него.

Она резко остановилась.

– *Предупреждаете меня?* – Она поднялась на цыпочки, чтобы сравняться с его глазами. – Я хочу кое-что спросить у вас, заместитель главного констебля Лефлер. – Ее голос был громким и уверенным, перекрывая шум толпы для оператора СТВ. – Полицейские из Сноу-Крик оправдывают самосуд и беспричинное насилие? Или вас заботят поиски истины? – Объектив камеры наехал на них. – Почему вы стали полицейским, сэр? Вы когда-то верили в закон и справедливость? Если вы не собираетесь ничего предпринимать в связи с нападением на Каллена вчера ночью, люди будут думать, что вы кого-то покрываете. Это ваша мать? Ваш брат? Городские погромщики? Старые приятели? Кто это?

С этими словами она толкнула тяжелую деревянную дверь салуна и вошла внутрь.

Адам злобно выругался.

* * *

Меня трясет от адреналина, когда я распахиваю двери салуна. Но прежде, чем я успеваю войти, что-то хлюпает по деревянной панели рядом с моей головой. Я оборачиваюсь как раз вовремя, чтобы обернуться от другого летящего помидора, который разлетается в клочья на стене и брызгает теплым соком мне в лицо. Мое сердце дает сбой.

– Это она! «Золотая девочка»! Издательница, которая покрывает убийцу! Предательница!

Запущенное яйцо ударяется в дверь, скользкая жижа стекает по дереву.

– Где этот извращенец? Где Мэрили Цуканова? Где ее тело? – гомонят истеричные голоса.

Откуда, черт побери, взялись эти люди?

Я быстро вхожу внутрь, когда из толпы вылетает очередное яйцо. Дверь тяжело захлопывается за мной, отрезая от бессмысленного клетота. Я останавливаюсь, на мгновение ослепшая в сумрачном интерьере, и вытираю томатный сок со лба и щеки. Мне нехорошо.

Когда мое зрение приспособливается, я вижу Джеба и Кэсс за столиком в дальнем углу. Джеб поднимает голову, и наши взгляды встречаются. Я нервно сглатываю и направляюсь к табурету возле стойки бара. Мне не следовало приходиться сюда.

Когда я приближаюсь к стойке, то ощущаю на себе чужие взгляды. Клинт Рудигер со своей бравой командой пожарных, включая помощницу Керриган Кейл, занял позицию за большим круглым столом у дальнего конца стойки. Харви Зинк и Трэй Сомерленд тоже с ними. Они враждебно смотрят на меня. Они бросают мне вызов. Мое сердце бьется еще сильнее. Я хорошо знаю Керриган; мы вместе катались на горных лыжах. Я знаю их всех. Теперь мы стали врагами.

Я расправляю плечи, поднимаю подбородок и сажусь за стойкой.

Оливия Бэнрок, менеджер «Шэди Леди», сегодня сама работает барменшей. Я заказываю у нее джин с тоником. Обычно я не пью днем, но сейчас не помешает.

– Жаль, что ты это сделала, Рэйчел, – говорит Оливия, когда приносит мою порцию. Ее глаза сверкают от сдерживаемого гнева. – Такая реклама в соцсетях не принесет нам ничего хорошего. Мне не нравится общее настроение – как внутри, так и снаружи. Слава богу, приехали полицейские, не то я бы сама их вызвала.

Я делаю глоток и стараюсь успокоить сильно бьющееся сердце.

– Мне жаль, Лив. Я не ожидала... таких бурных страстей.

– А чего ты ожидала, черт побери?

Я удивленно моргаю. Мы давно знакомы с Оливией и всегда хорошо ладили друг с другом.

– Моя газета должна освещать городские события. Джебу пришлось выступить публично, потому что в частном порядке на него уже напали в темноте. Трое мужчин в масках. – Я бросаю взгляд в сторону круглого стола, где Зинк напряженно смотрит на меня.

Она презрительно фыркает.

– Поэтому ты выбрала наш бар?

– Он скоро закончит. – Я делаю очередной глоток.

– Могу представить выражение лица моего папаши, когда он узнает об этом. Он сразу прищучит тебя.

– Прошу прощения?

Она вспыхивает.

– Я имею в виду, он наполовину владеет газетой, верно? Это повредит его бизнесу.

Адреналин снова разливается у меня в крови.

– Сорок девять процентов, – мрачно говорю я. – И это *газета*, Оливия, а не его рекламный проспект насчет недвижимости и горнолыжных трасс.

Оливия приподнимает бровь. Она поворачивается спиной ко мне, чтобы наполнить большое блюдо кукурузными чипсами из раздаточного автомата, которое затем относит к большому круглому столу. И я начинаю понимать, в какую цену мне лично обойдется эта борьба. Я поднимаю бокал к губам. Лучше бы доказательства появились как можно скорее. И лучше пусть это будут доказательства, которые мне понравятся.

Краешком глаза я замечаю, как Зинк доверительно беседует с Оливией. Оба смотрят в мою сторону. Она одергивает свой передник и направляется на кухню. Зинк подходит ближе и занимает место у стойки бара. Напряжение сковывает нас невидимыми кандалами. Я не хочу переглядываться с Зинком, а тем более разговаривать с ним. Вместо этого я смотрю на Джеба и Кэсс за угловым столиком.

Мелодия старого музыкального автомата переключается на старое кантри из вестерна, и Трэй поднимается посреди шайки, засевшей за круглым столом. На какой-то момент у меня перехватывает дыхание. Я делаю еще один глоток, не глядя в его сторону.

– Как думаешь, что ты делаешь? – тихо спрашивает он у меня за плечом.

– Пью джин с тоником.

– Боже, Рэйчел, эти ребята за столом... Они твоя команда, они всегда прикрывали твою спину на миссиях SAR и в повседневной жизни. А теперь ты защищаешь преступника, который собирается вдребезги разнести этот город. Отстань от него.

Гладкость снаружи, жесткость внутри. Добрый старый Трэй. У меня жжет глаза, но я отказываюсь смотреть на него.

– Мы все знаем, что он это сделал.

– Вот как? – Я соскакиваю с табурета, разворачиваюсь и гляжу на него. Меня пронзает шок: его губа глубоко рассечена. Синяк под глазом, подбитая скула. Мое сердце камнем падает вниз, когда я думаю о нападении на Джеба вчера ночью.

Я гляжу на его синяки, и меня начинает трясти.

– Чего *ты* здесь хочешь, Трэй? – Я указываю на группу людей за круглым столом. – Чего *они* хотят? Снова избить Джеба? Убить его, чтобы настоящий насильник и убийца навсегда ушел от наказания? Почему ты вообще идешь поперек этого, если тебе нечего скрывать?

Его лицо мрачнеет, напряжение волнами расходится от него. Я испугана. Я еще не видела Трэя в таком состоянии. Это не тот человек, за которого я едва не вышла замуж.

Но я продолжаю, несмотря на растущий страх.

– Я уже сказала тебе, в чем состоит *мое* намерение. Мне нужна правда, любой ценой, даже если он виновен. И я хочу, чтобы мы наконец нашли Мэрили. Мне нужно завершить это дело. Пока все здесь очерняют меня как врага, который сеет раздоры, я хочу лишь того, чего хотят все остальные. Чего хочет Джейкоб Цуканов и его сыновья, чего они заслуживают. Я сказала об этом Джейкобу.

Прежде чем мой голос ломается и я начинаю дрожать, я круто разворачиваюсь и направляюсь к выходу. С моей стороны было непростительной глупостью прийти сюда. Да, я могу быть тупой не хуже остальных. Особенно когда речь идет о сексе. Я надеюсь, что защищаю Джеба не потому, что мое либидо снова владеет мною.

Трэй бросается вперед, хватая меня за руку и заставляет повернуться к нему. Я резко втягиваю воздух от удивления.

Джеб моментально встает со своего места. Кэсс поворачивается и смотрит. Весь салун умолкает под тихую мелодию кантри.

Трэй привлекает меня ближе, сжимая мою руку, словно тисками. Он понижает голос до громкого шепота.

– Если он добрался до тебя, если тебе нужна помощь...

– Знаешь, какая помощь мне нужна? – нетвердым голосом спрашиваю я. – Знать, что ты не имел ничего общего с нападением на Джеба вчера ночью.

– Что ты имеешь в виду?

– Откуда эта рассеченная губа? Джеб ударил тебя?

Он моргает. Ему явно есть что скрывать. Холод пробирает меня до костей.

– Не знаю ни о каком нападении.

– Тогда почитай об этом в «Лидере». Он подробно описывает, как трое мужчин в лыжных масках подожгли его дом, а потом постарались убить его.

Он сверлит меня взглядом и не отпускает мою руку. Я чувствую, как шевелятся его мысли в черепной коробке.

– Это была Стэйси, – наконец говорит он. – Она ударила меня.

Я тихо фыркаю.

– Неплохой вариант. А теперь отпусти меня, если не хочешь затеять драку в баре твоего приятеля Зинка, потому что Джеб уже собирается отделать тебя, а двое полицейских наблюдают за нами.

Он медленно отпускает мою руку, и я ковыляю к выходу. Потом распахиваю двери. Яркий свет заходящего солнца бьет мне в глаза.

– Ты падальщица, Салонен! – вопит кто-то из толпы.

– Кастрировать ублюдка!

– Пусть скажет, где закопал Мэрили!

Я иду вперед, не глядя по сторонам. Полицейские сдерживают вопящую орду. Во рту пересохло, сердце стучит, как басовый барабан. Я жду, когда в меня запустят гнилым помидором.

Вырвавшись из объятий толпы, я бегом поднимаюсь по бетонной лестнице, ведущей на улицу, и нахожу свой автомобиль на горнолыжной стоянке. Кто-то засунул скомканную записку под стеклоочиститель на лобовом стекле. Я вырываю ее.

«Сука! Предательница!»

Я сажусь за руль со скомканной запиской в кулаке. Я ожидала этого, и теперь мне придется проглотить это. Я наклоняюсь вперед, включаю зажигание и вижу внедорожник моего отца, припаркованный в нескольких машинах от меня. Джеб не сможет выбраться отсюда без сопротивления. Я уже не верю, что полиция может воспрепятствовать этому.

* * *

Энни Пирелло смотрела, как Рэйчел Салонен бегом поднимается по лестнице. Потом она посмотрела на своего шефа Адама Лефлера, стоявшего на другой стороне площади у дверей салуна. Как

и остальные, он был в мундире и носил бронежилет. Хол Бэнрок по прозвищу «Скала» подошел и заговорил с ним. Их жесты выдавали взаимную напряженность. Энни нахмурилась, наблюдая за ними.

Леви Бэнрок, сын Хола, числился среди четырех человек, которых Джеб Каллен только что обвинил в лжесвидетельстве, и похоже, что Хол был глубоко раздосадован этим обстоятельством.

К телевизионному фургону СВС присоединились репортеры из СТВ и Global. Назревающий скандал привлекал жадное внимание. То обстоятельство, что обвинения Каллена затрагивали самых видных членов городской общины, лишь повышало ценность новостей.

Энни загрузила и просмотрела документальную драму о старой трагедии, созданную Пайпер Смит. Это была захватывающая история в духе «Твин Пикс». Теперь, с возвращением Каллена, прошлое возвращалось к жизни, и это было не менее увлекательно, чем второй сезон популярного сериала. С точки зрения Энни, между ее боссом и Салонен определено существовала какая-то неразрешенная проблема. Потому ли, что Люк Лефлер был младшим братом Адама? Потому ли, что его мать возглавляла расследование и выдвинула обвинение против Каллена? Какой интерес в этом деле имел «Скала» Бэнрок? Как далеко они могли зайти, чтобы старый секрет остался нераскрытым?

Раньше она видела, как Каллен вошел в салун «Шэди Леди». Как и утверждала Салонен, он выглядел не лучшим образом. Тугая повязка со следами крови у него на лбу соответствовала истории об избиении монтировкой. Версия о том, что Каллен совершил поджог и уничтожил собственное имущество, выглядела бессмысленной.

Она подумала о порезе на лице ее босса. Трэй Сомерленд тоже выглядел так, словно участвовал в потасовке, причем совсем недавно.

– На что ты смотришь, Пирелло? – Это был Новак.

Она повернулась к нему.

– На симпатичную задницу Салонен. А ты?

* * *

Куинн отставала от основной группы велосипедистов, спускавших вниз по узкой тропе между деревьями. Ветер задувал ей в уши, глаза слезились, а ноги дрожали после того, как ей приходилось вставать на

педалях для торможения. Сегодня они проделали спуск по всему склону Медвежьей горы.

Когда группа вошла в крутой поворот на горном серпантине, педаль Куинн зацепилась за выступающий корень. Девочка слишком быстро ударила по тормозам и вылетела из седла. Она совершила переворот в воздухе над рулем велосипеда и с глухим стуком приземлилась на спину. Боль была такой сильной, что она не могла дышать. Она смотрела на темные еловые ветви с кусочками неба в промежутках и беззвучно плакала. Постепенно ее дыхание восстановилось; она перекатилась набок и встала на четвереньки. Потом замерла, когда услышала шум в лесу. Ее сердце затрепыхалось в груди; она была совершенно одна.

Бурундук с возмущенным писком юркнул в подлесок.

Потом Брэнди прикатила обратно на велосипеде.

– Эй, детка! – Она положила свой велосипед. – Ты в порядке? Давай-ка посмотрим на твою коленку.

Только тогда Куинн заметила, что она до крови ободрала колено. Брэнди усадила ее на замшелый валун и раскрыла походную аптечку у себя на поясе. Она очистила колено Куинн и наложила бактерицидный пластырь.

– Теперь порядок?

Куинн поджала губы и кивнула. Ей хотелось вернуться к Рэйчел.

Брэнди подобрала велосипед Куинн, проверила его и прислонила к валуну. Она немного помедлила, странно глядя на девочку.

– Ты видела, кто был в лодочном сарае, Куинн? – тихо спросила она.

Сердце Куинн учащенно забилося. Она подумала о полицейских, которые приехали искать Джеба.

– Нет.

Брэнди довольно долго смотрела на нее. В лесу верещал бурундук.

– Ты уверена?

Куинн опустила глаза и быстро кивнула.

– Потому что полицейские захотят это узнать, понимаешь?

Куинн промолчала. Она услышала в голове голос своей тети: «Иногда маленькая ложь во спасение бывает правильной в долгосрочной перспективе. Прямо сейчас это дает Джебу

необходимое время, чтобы доказать всем свою абсолютную невиновность».

– Есть человек, который специально устроил пожар на Вулф-Ривер вчера ночью, – тихо сказала Куинн, по-прежнему глядя на Куинн. – Полиция ищет его, потому что он мог сжечь индейский поселок в соседней долине. Он мог убить людей.

Пожар.

Куинн внутренне сжалась, к глазам подступили слезы. Ее ангел никогда бы не устроил тот пожар. Но Брэнди пугала ее. Куинн подняла голову.

Брэнди ласково улыбнулась, протянула руку, и странный блеск в ее глазах куда-то пропал.

– Поехали, пора возвращаться.

Они вместе приехали в лагерь, расположенный рядом с деревянным навесом, где лыжники могли греться зимой. Когда они остановились и слезли с велосипедов, Брэнди сказала:

– Полицейские – хорошие люди, Куинн. Ты можешь им доверять. И ты можешь доверять мне.

Куинн кивнула и крепче обхватила руль своего велосипеда. Ей не хотелось встречаться с взглядом Брэнди.

– Знаешь, когда-то я сама хотела поступить в полицию. Даже прошла курс подготовки на базе в Реджине, чтобы стать сотрудницей Королевской конной полиции.

Куинн искоса взглянула на лицо Брэнди. Любопытство одержало верх над осторожностью.

– Что же случилось?

– Иногда люди не распознают хорошего, когда оно у них под носом. – Брэнди широко улыбалась, но ее глаза оставались холодными, а голос звучал глухо и сдавленно. – Видишь ли, это еще один жизненный урок. Даже взрослые, даже власти, даже твои собственные родители и члены семьи могут принимать неправильные решения. – Она наклонилась и заговорила более ласковым тоном. – Но ты можешь доверять мне. Ты можешь рассказать мне об этом человеке. Если твоя тетя оказывает давление на тебя, у меня есть добрый друг, который может помочь.

* * *

Лили Лефлер ожидала на базе возле хижины для лыжников, когда вернутся ее сыновья с группой младших мальчиков. Она побывала у доктора Беннета – он принял ее без очереди, в экстренном порядке, и она испытала большое облегчение после разговора с ним. Он дал понять, что ей нечего стыдиться. Это расстройство, которому она была подвержена вследствие стресса. Когда некоторые люди сталкиваются со стрессом, им приходится иметь дело с расстройством желудка, бессонницей, шейными болями или высоким кровяным давлением. Ее слабостью, ее ахиллесовой пятой была депрессия. Ей нужно быть более бдительной и осторожной. Вчерашняя порция алкоголя, когда она тревожилась насчет связи Адама с другой женщиной, была ошибкой.

Она стояла рядом с Беппи Рудигер, женой Клинта, матерью-одиночкой Стэйси Седжфилд, которая теперь встречалась с Трэм, и Вики Сент-Джон, личной ассистенткой Леви Бэнрока. Сегодня они собрались вместе, поскольку разделяли нелегкое бремя своих мужчин, чья жизнь подверглась беспощадному разбирательству в прессе и социальных сетях. Джебедея Каллен вернулся и сразу начал причинять неприятности.

– Это девочка, которая напала на Мисси в школе. – Стэйси указала подбородком на худую девочку с темными кудрями, выбивавшимися из-под шлема, пока она ехала рядом с Брэнди, инструктором детской группы велосипедистов. Стэйси пребывала в дурном расположении духа. Она повредила руку, которая была перевязана, но не сказала, как это произошло.

– Это правда, что Джеб Каллен вмешался и прекратил драку между ними? – спросила Вики, наблюдая за девочкой.

Лили нахмурилась.

– Кто говорит, что это был Джеб?

– Так мне сказал Леви, – ответила Вики. – Он также сказал, что копы разыскивают Джеба, так как подозревают его в поджоге.

– Адам не рассказывал мне об этом, – пробормотала Лили. Каким-то образом она снова чувствовала себя преданной. Казалось, все в городе знают вещи, о которых ей ничего не известно, а ведь ее муж был заместителем начальника полиции. Она должна была первой узнавать о таких вещах.

– Это потому, что Адам ведет себя как профессионал, – дружелюбно заметила Беппи.

– Если хотите знать мое мнение, Джеб вернулся ради возмездия, – сказала Вики. – Он хочет отомстить людям, которые отправили его в тюрьму.

– Но тогда почему он следовал за племянницей Рэйчел и вмешался, чтобы выручить ее? – спросила Лили.

– Да, мне тоже было бы интересно узнать об этом. И почему Рэйчел теперь защищает Джеба и мутит воду со своей газетой, если раньше она помогла упрятать его за решетку? – поинтересовалась Вики. – Здесь творится что-то странное.

– Может быть, так она хочет отплатить Трэю за то, что он разорвал их помолвку, – предположила Лили. – Люди иногда ведут себя так, что диву даешься. Хотя это вроде бы не похоже на Рэйчел.

Они немного постояли в молчании, глядя на других детей, которые возвращались в лагерь на велосипедах. Между женщинами, выросшими в этом городе, образовалось молчаливое согласие. Существовало невысказанное понимание, что им нужно держаться вместе перед лицом наступающих невзгод.

Стэйси, однако, по-прежнему была странно сосредоточена на племяннице Рэйчел. Она потирала перевязанную руку, когда глядела на девочку с отрешенным выражением лица.

– Стэйси, твоя рука в порядке? – мягко спросила Лили.

Стэйси вдруг резко повернулась к остальным. Несколько секунд она молча смотрела на них, словно принимая трудное решение. Потом набрала в грудь воздуха и сказала:

– Девочки, вы не поверите, что я слышала. Это... это все меняет.

* * *

Мобильный телефон Джеба зазвонил.

– Отвечайте, не стесняйтесь, – сказала Кэсс. – У нас есть чем заняться.

Он принял звонок.

– Джеб.

– Это Рэйчел. Я припарковалась в разгрузочной зоне за салуном. Если ты пройдешь по коридору за твоим столиком, потом мимо мужского туалета, в конце есть пожарный выход. Обычно он открыт

изнутри в соответствии с противопожарными инструкциями. Оливия пользуется им как входом для доставки продуктов, поэтому днем сигнализация отключена. – Она помедлила. – Джеб, у парадного входа творится светопреставление. Тебе не следует идти туда.

Джеб наклонился вперед и прошептал Кэсс и Холли, что он собирается уйти через черный ход. Холли кивнула.

– Отлично. У нас уже есть все, что нужно. Я собираюсь выйти на парадное крыльцо и сделать несколько снимков бушующей толпы.

Отвлекающий маневр. Очень хорошо.

Холли взяла сумку с камерой и направилась к выходу из салуна. Мужчины в зале смотрели, как она уходит. Джеб воспользовался моментом, чтобы встать и выйти в задний коридор, как будто он собрался в мужской туалет. Кэсс осталась сидеть, словно ожидая его возвращения.

В коридоре за туалетом было темно. Он нашел дверь в конце и толкнул рычаг пожарного выхода. Дверь открылась, тревога не прозвучала.

Рэйчел находилась снаружи. Она развернулась за мусорным баком с работающим двигателем и открытой пассажирской дверью. Джеб быстро забрался внутрь, и она тронулась с места еще до того, как он успел захлопнуть дверь.

Он обратил внимание на ее побелевшее лицо и стиснутые зубы.

– Ты вся дрожишь.

Она закусила губу и сверкнула глазами, покосившись на него. Джеб протянул руку и похлопал ее по колену.

– Что случилось с Бонни и Клайдом?

– Бонни нужно выпить чего-то покрепче, вот что. Она была не готова к этому.

Он тихо фыркнул.

– Теплый прием, правда?

– Это еще мягко сказано. С Кэсс все прошло нормально?

– Я сказал все, что хотел сказать. Посмотрим, как она разберется с этим.

– Она знает свое дело, – сказала Рэйчел и быстро взглянула на него. – Ей нужна правда, Джеб.

Он кивнул.

Какое-то время оба молчали. Весомость происходящего и неизбежные последствия – понимание этого тяжело повисло между ними.

– Лучше бы они нашлись, Джеб Каллен, – наконец сказала она. – Доказательства. Поскольку теперь мне *крайне необходимо*, чтобы ты оказался невиновным.

– Не знаю, сколько еще раз мне придется говорить тебе об этом, но я не причинял вреда этим девушкам. В тот вечер я приехал в карьер потому, что хотел защитить тебя.

Рэйчел стиснула рулевое колесо и не ответила. Они проехали перекресток и повернули на север. Но потом она неожиданно свернула налево и направила автомобиль на травянистую полосу перед рядом деревьев. Там она ударила по тормозам.

– Что...

Она наклонилась, обвила рукой его шею, притянула к себе, прижалась губами к его губам и принялась жадно целовать. Другая ее рука скользнула вниз по его животу и остановилась между ног. Его член мгновенно затвердел до почти болезненного, пульсирующего состояния.

Джеб не мог дышать. Она как будто выпустила ему в грудь пулю двенадцатого калибра с близкого расстояния.

Нагнув голову, она с силой просунула язык ему в рот и агрессивно принялась шарить там, словно пыталась дотянуться до чего-то недостижимого.

Потом она вдруг отпрянула; ее глаза были темными и дикими, как у разъяренной львицы. Ее волосы сбились в мягкий клубок, припухшие веки опущены. Она тяжело дышала, и он мог прочесть смятение у нее на лице.

Впрочем, он тоже не мог ясно думать.

– Что это было? – хрипло прошептал он.

– Это то, что ты делаешь со мной, паршивец. Лучше говори мне правду. Обо всем. Потому что ты ломаешь мою жизнь.

Она выпрямилась, одним движением застегнула ремень безопасности и поставила автомобиль на передачу.

– Я тоже не просил, чтобы мне ломали жизнь, Рэйчел.

Она не ответила и поехала гораздо быстрее, чем раньше. И Джеб понял, что обратного пути больше нет. Они были вместе на этой

дороге, что бы ни случилось впереди.

Глава 16

– Езжай помедленнее, Рэйчел.

Я вздрагиваю, смотрю на спидометр и только сейчас понимаю, с какой скоростью мы едем.

– Не давай им повода остановить нас. Ничего им не давай.

Я сбрасываю скорость, хотя бушующий в крови адреналин подгоняет меня. Мне по многим причинам *необходимо*, чтобы Джеб оказался невиновным. Мое сердце открыто нараспашку, и я боюсь отдаться своим чувствам, снова влюбиться в него. Я хочу знать, кто это сделал. Я хочу знать, где находятся останки Мэрили, прежде чем все пойдет вразнос, однако я не могу остановиться.

– Не думаю, что тебе больше нужно встречаться с Куинн, – внезапно говорю я, когда мы поворачиваем к моему дому. – Пока все не успокоится.

Он молча смотрит на меня; напряжение волнами исходит от него.

– Думаю, я тоже имею право на решение, – говорит он.

Я удивленно гляжу на него. Что-то изменилось в его отношениях с Куинн. Я снова задаюсь вопросом, какое значение будут иметь юридические тонкости. Теперь, когда он оправдан, будет ли он автоматически восстановлен в родительских правах? Или нам придется нанять юриста, чтобы разобраться в этом?

– Ты собираешься забрать ее у меня, да? – невольно спрашиваю я.

– *Забрать* ее у тебя?

Я поворачиваю на мыс, заросший лесом. Он смотрит на мой профиль. Лучше бы я не задавала этот вопрос. Потом, когда я выезжаю на подъездную дорожку, то вижу темно-синий побитый автомобиль Брэнди, стоящий перед гаражным навесом.

– Брэнди уже здесь, вместе с Куинн. – Я проезжаю мимо навеса и качусь по траве к лодочному сараю, за кусты, где я остановилась вчера ночью, откуда нас нельзя увидеть из дома.

– Ладно, – говорит он. – Пожалуй, мы обсудим это попозже.

Какой-то момент мне не хочется смотреть на него. Мне ненавистна мысль, что ему приходится прятаться в лодочном гараже, когда его

дочь находится в доме вместе со мной. Мне ненавистны собственнические чувства, которые я испытываю к Куинн.

– Скоро я принесу ужин, – говорю я. – Как только провожу Брэнди и накормлю Куинн.

Он изумляет меня, когда наклоняется и проводит губами по моей щеке возле рта. Я смотрю на него, и он на мгновение удерживает мой взгляд.

– Джеб...

Но он уже вышел из автомобиля и захлопнул дверь за собой. Я смотрю, как он идет через лужайку. Высокий, сильный, одинокий. Его черные волосы блестят, как вороны перья, в вечернем свете, и мое сердце сладко ноет.

* * *

– Ты хочешь поговорить насчет вчерашнего дня, Куинни? – спрашиваю я и ставлю на стол тарелку макарон. – Об... удочерении?

Куинн опускает глаза.

– Нет.

– Иногда бывает хорошо поговорить о том и о сем.

– Почему он не может прийти на ужин? Почему он сидит в лодочном сарае, пока мы едим здесь?

Нет смысла что-то скрывать от нее. Она видела мой автомобиль, она видела, как в сарае зажегся свет. Я облизываю губы. Мне сильно не по себе. Воздух снаружи неподвижен и потрескивает от статического электричества. Я хочу включить радио, послушать новости о лесном пожаре, послушать прогноз погоды. Мне не терпится увидеть, что появится на телевидении после нашей очной ставки в салуне «Шэди Леди» сегодня днем. Но я пытаюсь сделать так, чтобы жизнь Куинн продолжалась как обычно, и постараюсь, чтобы никакие новости не дошли до нее раньше времени.

Я разрешила ей понежиться в ванной и наложила новый бактерицидный пластырь на ее колено. Я спросила ее о спуске с горы на велосипеде, и мы немного поболтали о ее аварии и о том, как ей повезло, что велосипед не превратился в кучу бесполезного хлама. Я показала ей свою золотую медаль и рассказала о моем падении на Олимпийских играх и о том, как будет здорово, когда она научится кататься на лыжах этой зимой. Я пообещала научить ее, если ей

понравится, и это вызвало у меня приступ тоски по ощущению лыж под ботинками. Я не спускалась по склонам после той катастрофы, оставившей глубокий провал в моей душе. Я понимаю, что этот ребенок – как и возвращение Джеба – глубоко изменяет мое отношение к жизни.

Но Куинн заинтересована тем, что происходит в лодочном сарае.

– Он находится там, потому что ему там уютно, – говорю я. – Он наш гость, и ему тоже бывает нужно побыть одному.

– Это потому, что полиция ищет его? Он прячется?

Я глубоко вздыхаю.

– Пожалуйста, поешь, пока не остыло.

– Ты сама ничего не ешь, – укоряет она.

Я наматываю макароны на вилку и без особого желания отправляю в рот. Я не голодна. Скорее меня немного подташнивает, как будто я переборщила с кофе. На самом деле мне хочется включить телевизор и немного выпить.

Куинн неожиданно отталкивает свой стул от стола, хватая тарелку и идет на кухню. Там она соскребает остатки еды в миску Трикси.

Я цепенею, но воздерживаюсь от резкого замечания.

– Я устала, – заявляет она и кладет тарелку в раковину. – Иду в постель.

Я отпускаю ее и мою посуду. Сверху не доносится ни звука.

В восемь вечера я поднимаюсь в ее комнату. Куинн делает вид, что спит. Я включаю лампу возле кровати.

– Хочешь, я почитаю тебе?

Она молчит, но я знаю, что она слышит. Я просматриваю книги у нее на полке и нахожу «Школьные годы» – книжку, о которой говорил Джеб. Мне тоже хочется войти в ее жизнь. Я тихо присаживаюсь на краю кровати, раскрываю книгу и начинаю читать вслух.

Ее глаза медленно раскрываются, и она двигается на подушке, внимательно глядя на меня. Я читаю целый час, пока ее веки не начинают опускаться. Теперь она действительно устала и готова ко сну.

– Спокойной ночи, милая. – Я наклоняюсь и целую ее в лоб.

Она на мгновение удерживает мой взгляд и говорит:

– Моя мама любила читать мне на ночь.

– Знаю, – шепчу я через комок, подкативший к горлу. Но на самом деле я не знаю. Даже сейчас я очень мало знаю о моей племяннице. Мне хочется как можно скорее изменить это. Я осознаю, что начинаю привязываться к ней.

Я спускаюсь вниз и разогреваю еду для Джеба, когда меня поражает мысль, что сегодня я поставила на карту все, что у меня есть. Буквально все. И я сделала это по велению сердца, а не ума. Останется ли от меня хоть что-нибудь, когда все это закончится? Я снова думаю о ряби на поверхности воды, о том, где все начинается и заканчивается.

* * *

Воздух на улице холодный и сухой, как старая бумага. Снежные вершины отливают зловещим блеском, когда над хребтом восходит луна. Поверхность озера похожа на черное зеркало, и есть ощущение электрического напряжения, которое давит на землю.

У меня еда в корзинке, которую я несу вместе с сумкой, где лежит мой ноутбук и еще кое-какая отцовская одежда для Джеба. По пути к лодочному сараю я втыкаю вилку удлинителя, которым обычно пользуюсь для рождественской иллюминации, во внешнюю розетку под гаражным навесом. Хотя в сарае есть водопровод, там нет электричества. Я разматываю удлинитель на ходу. Когда он заканчивается, я соединяю его со вторым удлинителем, достаточно длинным для сарая.

Я стучусь в дверь, но никто не отвечает. Тогда я открываю ее. Внутри очень жарко, и дрова трещат в старой плите. Керосиновые лампы зажжены, и три толстые белые свечи мерцают в подсвечниках на кофейном столе. Я достаю из корзинки с едой бутылку каберне, бокалы и макароны, которые разогрела для Джеба. Наливаю себе вина и делаю добрый глоток. Тепло и приятная расслабленность медленно растекаются в груди. Долгожданное облегчение.

Я ставлю ноутбук на кофейный стол, подключаю удлинитель и включаю аппарат, когда Джеб выходит из ванной, вытирая волосы полотенцем. Он обнажен выше пояса; только джинсы, низко сидящие на поджарых бедрах. Мое тело как будто цепенеет, и я могу только смотреть на него.

Он медленно опускает полотенце и смотрит на меня. Его волосы влажными прядями падают на плечи. Его смуглая кожа мягко сияет. Татуировка с рыбкой контрастно выделяется в колеблющемся свете свечей, как и его безупречные грудные и брюшные мышцы. На левой стороне груди виден зазубренный шрам, который я заметила раньше. На правом боку наклеен синий медицинский пластырь, которым я временно скрепила его ребра. Он хорошо держится после душа, но скоро будет нужно заменить его.

Я чувствую, как горят мои щеки, и выпиваю глоток вина, чтобы избавиться от внезапной сухости во рту. Ненавижу себя за то, что я так предсказуема.

– Откуда этот шрам? – спрашиваю я в попытке отвлечь внимание от его голой груди и румянца на моих щеках.

– От сокамерника.

– Он... порезал тебя?

– Хорошо заточенной ручкой. Мы как-то не поладили. – Он бросает на стул белое полотенце. – Такое случается, когда тебя считают насильником и убийцей юных девушек.

– Я... я думала, ты сидел в одиночной камере.

– Он был подсадной уткой. Копы посадили его, чтобы он выудил из меня, где я закопал Мэрили.

Меня пробирает озноб.

– Боже мой, Джеб.

Он неопределенно пожимает плечами.

– Что ты принесла? Я голоден как волк.

Я встаю и быстро подхожу к столу.

– Спагетти, домашняя паста болоньезе. Я разогрела остатки. Извини, что так задержалась. – Я колеблюсь. – Куинн никак не хотела засыпать, поэтому я почитала ей перед сном. Я не могу подвести ее; только не сейчас.

Он смотрит мне в глаза, и наш предыдущий разговор безмолвно всплывает между нами.

– Спасибо, – говорит он. – Ты будешь отличной матерью, Рэйчел.

Может быть, таким образом он дает мне понять, что не хочет забирать у меня Куинн? Я отворачиваюсь от этой мысли; я еще не готова обсуждать это с ним. Потому что единственный способ для нас обоих сохранить Куинн – это стать одной семьей, а я боюсь даже

думать об этом сейчас, когда мы можем все потерять, когда так много брошено на чашу весов.

Я достаю тарелку из корзины и снимаю крышку.

– Где ты будешь есть?

Он смотрит на мой бокал вина на кофейном столе.

– У огня будет лучше.

Я беру ложку, вилку и нож из кухонного ящика и выкладываю их на салфетку рядом с его тарелкой на кофейном столе. Сажусь на диван, беру свой бокал и отпиваю еще глоток.

Он садится на коврик со скрещенными ногами. Огоньки свечей тянутся вслед за его движением.

– Ты присоединишься ко мне?

Я снова гляжу на него. Мой разум уходит в темные и глубокие места: свечи выглядят слишком интимно, его обнаженный торс – слишком соблазнительно.

– Рэйчел?

– Э-ээ... я уже поела. – Я снова вспыхиваю. – Хочешь посмотреть новости? Давай я включу прямо сейчас.

Я начинаю стучать по клавиатуре, чтобы вывести на экран сайт СВС.

– Позже. – Он наматывает макароны на вилку. – Я хочу насладиться трапезой.

– Ты серьезно? Хочешь подождать?

Я не могу в это поверить. Мне не терпится увидеть, чего мы достигли и как люди отреагировали на это.

– Мне хочется есть, Рэйчел, – просто говорит он. – И мне хочется, чтобы ты получила удовольствие от вина. Расслабься ненадолго; тебе это нужно.

Он отправляет еду в рот, закрывает глаза, опуская густые черные ресницы, и тихо стонет от удовольствия.

– Боже, как хорошо. – Он открывает глаза и быстро наматывает на вилку новую порцию. – Я уже много лет не ел ничего подобного!

Тогда до меня доходит, что эта возможность просто сидеть и поглощать домашнюю пищу, это простое удовольствие должно многое значить для него после стольких лет заключения. Мне вдруг становится стыдно за то, что я подгоняла его. Я смущена его состраданием ко мне и моим собственным слабостям.

Джеб провел почти десять лет в крошечной камере и лишь недавно вышел на свободу. Время может иметь совершенно иное значение для него. И в этот момент – здесь, в уединенном и теплом месте, отрезанном от остального мира, – я понимаю, почему он хочет насладиться скоротечным промежутком до столкновения с грубой реальностью, пока хаос, который мы сегодня выпустили на волю, еще не вмешался в нашу жизнь.

Я подгибаю ногу и пью вино, пока смотрю, как он ест, пока алкоголь расслабляет мои напряженные мышцы и успокаивает разум. Он так и не надел рубашку: в комнате очень жарко. Мышцы гладко перекачиваются по его телу при каждом движении. Я позволяю себе любоваться чертами его лица: безупречными дугами бровей, миндалевидными глазами, наполненными жидким обсидианом. Длинными ресницами, которым могла бы позавидовать любая женщина. Красивому рту со скульптурно вылепленными губами.

Губами, которые я недавно целовала.

Его вкус, ощущение его тела, прижатого к моему, вдруг воскресает в моей памяти и теплой волной устремляется вниз. Когда я делаю очередной глоток, он смотрит на меня и видит желание в моем взгляде... как он может не видеть? Краска вновь заливает мне шею и щеки.

Его темные глаза пронзительно смотрят на меня.

– Тебе не стоило так горячо заступаться за меня, Рэйчел.

Я тяжело вздыхаю.

– Это едва не привело к крупному скандалу. Надеюсь, его еще можно избежать.

– Ты все поставила на кон ради меня: твою газету, твоё положение в обществе.

За его словами скрывается чувственное напряжение – темное и многослойное, хрупкое и опасное. Я думаю о том, готовы ли мы к ущербу от взрыва информационной бомбы, сброшенной сегодня на жителей Сноу-Крик. Смотрю на ноутбук и почти боюсь заглядывать туда.

– Нет, не только ради тебя, – говорю я. – Ради чего-то большего, чем мы с тобой. Ради правды и справедливости. Ради Куинн, Софии и Питера. Город должен исцелиться, а семья Цукановых – завершить свои поиски. А я наконец пользуюсь газетой по ее прямому

назначению – так, как поступил бы мой дед. – Я отбрасываю прядь волос, упавшую на глаза и тихо смеюсь. – Как ни странно, при этом мы выставляем себя в самом невыгодном свете. И хотя в итоге справедливость может восторжествовать, не обойдется без побочного ущерба. Это плохо, потому что никому не хочу портить жизнь.

– Кто бы ни совершил это преступление, он испортил жизнь многим людям. А не ты. Это он привел в движение темные силы.

– Все верно.

Круги на воде, которые расходятся от брошенного камня. Иногда они достигают дальнего берега. Иногда они усиливаются со временем и превращаются в мощный прилив.

Несколько секунд он молчит, потом уголки его красиво вылепленных губ изгибаются в улыбке. В его глазах танцуют отблески свечей.

– Мы еще сделаем из тебя крестоносца. София бы гордилась тобой.

Я показываю ему язык, и мы вдруг снова превращаемся во влюбленных подростков. Зрелость пересекается с юностью. Эта сила так велика, что я резко встаю и подхожу к окну. С бокалом в руке я смотрю на озеро, освещенное луной.

– Ты правда думаешь, что это был один из них? – спрашиваю я. – Один из тех мужчин, которые сегодня были в «Шэди Леди», убил Мэрили и изнасиловал Эми?

Джеб молчит. Я оглядываюсь через плечо. Он смотрит на меня со звериной напряженностью. Я знаю, о чем он думает и чего он хочет. Я вижу, как желание хищно обостряет черты его лица. Я вижу это в глубокой черноте его глаз. Мое тело тоже хочет его. Внутренний жар, жажда его ласки туго скручивается в моем животе, как пружина, готовая лопнуть. Я отвожу глаза и смотрю на озеро, но мое сердце бешено стучит, а ноги превратились в студень.

– Это единственное, с чего я могу начать. – Джеб отодвигает пустую тарелку и откидывает голову на скрещенные руки. Свет пламени играет на его груди, на изогнутом шраме. – Один из них или все сразу. Я надеюсь, что если кто-то из них окажется невиновным, он сломается и расскажет о других, чтобы спасти свою шкуру. Члены его семьи или друзья тоже могут дать слабину.

Он выпрямляется и похлопывает по дивану рядом с собой.

– Иди сюда. Давай посмотрим, что мы натворили.

Я сажусь рядом с ним и целую минуту не могу сосредоточиться из-за его близости. Я чувствую запах мыла и шампуня, которыми он пользовался. Я наклоняюсь вперед, чтобы включить ноутбук, но он кладет ладонь мне на руку и останавливает меня.

– Подожди, Рэйчел. Сначала я хочу кое о чем спросить тебя.

Мой пульс резко учащается.

– О чем?

Он отворачивается, потом говорит:

– Ты расскажешь мне о моей матери? Как это случилось, ты знаешь?

У меня перехватывает дыхание.

– Ты не знаешь, как она умерла?

– Только то, что у нее случился сердечный приступ. София сказала мне, что ее нашли мертвой на своем участке. Но я даже не знаю, кто именно нашел ее.

Неистовая энергия его взгляда каким-то образом сочетается с нежностью. Память возрождает всю былую любовь, которую я испытывала к нему, когда он был мальчиком, потом юношей. Я вспоминаю тот день, когда он спас раненую малиновку, какими ласковыми были движения его рук. И другой день, когда он взял меня на охоту, и я в последний момент попросила его не стрелять в оленя. Он опустил ружье и не задал никаких вопросов. Он был чутким и сочувственным человеком, но скрывал это от большинства людей под личиной крутого парня. Я вспоминаю о том, как глубоко ранила его, когда рассказала суду о его откровении насчет своего отца. Чувство вины настолько острое, что я на несколько секунд теряю дар речи.

– Рэйчел? – мягко окликает он.

У меня пересыхает во рту. Я глубоко дышу.

– Она умерла у реки.

– Она была на берегу? У воды?

Я прочищаю горло.

– Похоже, она развешивала лосося... – Я заставляю себя посмотреть ему в глаза. – Ее нашли только через две недели.

– Две недели? Откуда ты знаешь? Поисково-спасательный отряд?

– Первые, кто обнаружил ее... Они рассказали, только в конфиденциальном порядке.

Его взгляд пригвозждает меня к месту. Я вижу биение пульса в его сонной артерии, прямо под татуировкой. Рыба кажется живой, как будто у нее тоже появилось бьющееся сердце.

– Продолжай, – говорит он.

– Там побывали дикие звери. Медведь. Возможно, его привлек запах рыбы.

Он делает медленный, глубокий вдох, словно готов превратиться в опасного зверя. Воздух в сарае дрожит от его тихой ярости.

– Целых две недели, и никто не навестил ее? Никто не проверил, как она там? Никто не вспомнил о ней? Они позволили медведю сожрать ее?

Я молчу.

Он вскакивает на ноги, запускает пальцы в волосы и начинает расхаживать. Бугры бронзовых мышц переливаются на его спине и груди. Он внезапно становится похож на зверя в клетке, слишком тесной для него. Я с трудом сглатываю слюну. Не могу представить, как он сидел в крошечной камере все эти годы.

Он останавливается перед окном с видом на озеро и стоит спиной ко мне. Сломленный, но не склонившийся. Сострадание к нему почти невыносимо для меня.

Я встаю, подхожу сзади и прикасаюсь к его плечу. Его теплая, упругая кожа подрагивает под моими пальцами.

– Я сделал это с ней, – говорит он. Его голос звучит странно – хрипло и отрешенно. – В ту ночь я стал отверженным, а ее отвергли из-за меня.

– Нет, – шепчу я. – Если ты говоришь правду, кто-то другой сделал это с тобой и с ней тоже.

Он поворачивается ко мне. Его глаза сверкают.

– *Если...* Всегда это *если!*

– Поэтому нам нужны доказательства. Чтобы ни у кого не оставалось и тени сомнений.

– Но ты до сих пор говоришь «если», Рэйчел.

– А что еще я могу сказать?

Его лицо мрачнеет от сдержанного гнева.

– Ни один человек на этой проклятой земле не верил в меня, кроме нее, моей матери. Ты это знаешь? Даже ты не верила. Ты не верила, когда это действительно имело значение.

Его слова ощущаются как удар в живот, такой мощный, что я отступаю и задыхаюсь.

– Мне было восемнадцать лет. Это было... Я... – Но объяснения бесполезны. Мы это уже проходили, и подозреваю, это еще не раз повторится, потому что даже в собственном сердце я не смогла примириться со своей ролью в его осуждении.

Он тяжело дышит. Жилка пульсирует у него на виске под шовными пластырями, которые я наложила раньше. От этого резаная рана кажется воспаленной.

– Извини, – наконец говорит он. – Господи, мне жаль. Я... – Он отходит в сторону, потом разворачивается и указывает в сторону моего дома. – Но именно поэтому мне нужно все исправить, прежде чем Куинн узнает, кто я такой. Я не могу допустить, чтобы то же самое случилось с моей дочерью, чтобы она стала отверженной, как я. Как моя мать. Ты понимаешь? Она будет вынуждена носить мою историю, как позорное клеймо, от которого ей будет трудно избавиться до конца жизни. Вот что происходит, когда вы сажаете невинного человека на скамью подсудимых, Рэйчел. Вы судите его. Вы заставляете его носить клеймо. Вы заставляете его считать, что он каким-то образом является неполноценным, а потому сделал неправильный выбор в своей жизни. Вот что пыталась исправить София. Вот почему они с Питером помогали...

Я прикасаюсь к его руке. Его кожа горячая и влажная. Электрическая связь между нами мгновенно останавливает его. Он смотрит на мою бледную руку, лежащую на его смуглой коже. Потом медленно поднимает голову и смотрит на меня. Жар устремляется мне в пах, соски мгновенно твердеют. У меня перехватывает дыхание.

Он хватает меня и жестко привлекает к себе. Его рука бесцеремонно скользит по моей шее, пальцы врезаются в мои густые волосы и оттягивают их назад. Он запрокидывает мне голову и прижимается губами к моим губам. Я таю в его объятиях, становлюсь влажной и бескостной, когда открываю рот. Его язык сплетается с моим, и я чувствую, как его другая рука скользит по моей талии, залезает под бедро и обхватывает ягодицы. Одним рывком он прижимает мой таз к своему бедру. Его напряженный член жарко прижимается к моему животу.

Мой разум пропадает, пожираемый невидимым огнем. Я отчаянно вожусь с пуговицей его джинсов, пока он целует меня. Раскрываю ширинку, и его твердый член ложится мне в руку. Тихий стон удовольствия вырывается из моего горла, пока я массирую его.

Джеб оттесняет меня ближе к дровяной печи и стонет в ответ на мою ласку. Он опускает меня на тряпичный коврик перед огнем. Прерывает наш поцелуй и заглядывает мне в глаза.

– Контрацепция, – хрипло шепчет он.

– Шкафчик в ванной, – хрипло шепчу я в ответ. – Закрой занавески.

Он оставляет меня лежать на коврике, когда уходит в ванную, где Трэй оставил презервативы. Когда в доме появилась Куинн, наши физические отношения пошли вкривь и вкось. Мы пытались проводить романтические свидания в лодочном сарае, но это не помогло. Я слышу, как Джеб возится в ванной. У меня еще есть время передумать, но я не могу: я жаждала этого еще с тех пор, когда была подростком.

Тогда он тоже хотел меня. Теперь я знаю это. Но он отказался, потому что я была пьяна и слишком молода, а еще потому, что он сильнее хотел получить от меня обещание быть с ним до конца жизни. Он хотел, чтобы наш первый раз был особенным, с подобающими церемониями. Он был более рыцарственным и благородным, чем любые местные парни, но поэтому его и оклеветали.

Он выходит из ванной. Обнаженный, с блестящим презервативом на эрегированном члене. У него мускулистые бедра. Я тщетно пытаюсь сглотнуть, пока он задергивает занавески на окнах, обращенных к дому. Без одежды он почему-то кажется еще более могучим. Самый красивый мужчина, которого я когда-либо видела.

Он опускается на колени передо мной. Годы нашей разлуки уносятся прочь, когда он берет за край моего свитера и стягивает его через голову. Я расстегиваю лифчик, и он падает на пол. Он смотрит на мои груди. Мои соски так напряжены, что это причиняет боль, такую же сладостную, как желание, пульсирующее между бедер. Каждая молекула в моем теле вопиет о желании. Я хочу его. Целиком. Мое зрение затуманивается, когда он укладывает меня на спину, берет в рот мой сосок, сосет и покусывает его. Безмолвный крик зарождается в грудной клетке, когда я выгибаюсь ему навстречу, желая и требуя большего. Жидкая лава пульсирует у меня в паху. Кажется, я вот-вот

взорвусь. Он расстегивает мои джинсы, спускает их вдоль бедер и стонет от удовольствия, когда видит мои кружевные трусики.

Он запускает руку в трусики и проводит мне между ног теплой ладонью. Мне кажется, что я сейчас кончу просто так. Я пытаюсь дышать, пытаюсь отсрочить неминуемое. Один его палец проникает в меня, потом другой. Ритмично двигая пальцами внутри меня, он опускается сверху и начинает снова целовать меня. Его язык сплетается с моим, его пальцы шевелятся внутри, а большой палец потирает мой клитор. Я начинаю дрожать. Я шире раздвигаю ноги и изгибаюсь навстречу его прикосновениям, желая ощущать его еще глубже, целуя его еще агрессивнее, кусая его губы. И тут в нем что-то ломается.

Он сдергивает с меня трусики, и мы катимся, переплетаясь на тряпичном ковре перед огнем. Он у меня между бедер, его колено еще шире раздвигает мои ноги... а потом он погружается в меня. До конца. Твердый, горячий, пульсирующий во мне. Я ахаю, и впиваюсь ногтями в его спину, пока мое тело подстраивается под его размер. Я ощущаю мягкое прикосновение его яичек. Потом он начинает двигаться, скользить, входить в меня и выходить обратно. Чаше, сильнее, быстрее. Я изгибаюсь, потею и дрожу от желания еще более глубокого проникновения, еще более сильного ощущения внутри меня. Чего-то большего, чем секс. Я хочу обрести свою целостность. Я хочу освободиться.

Я снова ахаю и задыхаюсь, когда он вдруг отстраняется разворачивает меня и ставит на четвереньки перед дровяной плитой. Я широко развожу руки и колени, прогибаю спину и подставляю ягодицы, демонстрируя свое желание. Он оседлывает меня сзади и крепко сжимает мои груди, когда входит в меня с хлюпающим звуком. Его член задевает самую чувствительную точку глубоко внутри меня. Мои мышцы сокращаются все сильнее, влага изливается наружу, пока он скользит внутри меня. Я дышу все чаще... и внезапно застываю. Меня словно сдавливают в невидимых тисках. Я не могу дышать, даже мое сердце как будто остановилось.

Я испускаю неземной крик, который исходит от кого-то еще, только не от меня. Хватаю ртом воздух, когда волна судорожных сокращений прокатывается по моему телу снаружи и внутри, стискивая его член. Он крепко прижимает меня к своему паху и удерживает, пока

я распадаюсь на части вокруг него. Когда я вяло опускаюсь вперед, опустошенная после оргазма, он выходит из меня, переворачивает на спину, и я безвольно шлепаюсь на коврик с раскинутыми ногами и набухшей промежностью, которая продолжает пульсировать. Он смотрит мне в глаза. Звериная агрессия еще не покинула его лицо. Его волосы, рассыпанные по плечам, блестят в огненных отблесках, пульс бьется на шее под татуировкой. Он медленно проводит взглядом по моему телу.

Глава 17

Обнаженная Рэйчел была расprostерта на полу перед ним. Это была реальность, а не сон. Реальность, полная теплой и пульсирующей жизни. Ее темные волосы спутанными волнами разлеглись вокруг лица, пока она глядела на него сияющими глазами. Ее щеки порозовели, кожа была бледно-золотистой в свете свечей. Ее темно-розовые соски по-прежнему были твердыми. Джеб медленно провел глазами по ее телу к треугольнику темных волос между ног, влажному и заманчивому. Ее бедра отливали кремовым цветом. Длинный хирургический шрам тянулся от паха к верхней части бедра. Еще один шрам опоясывал другое бедро. Он читал в газетах, что в результате горнолыжной аварии ее ногу едва не оторвало от туловища. Он содрогнулся от прилива чувств, которые мог описать только как любовь.

Она улыбалась ему медленной, соблазнительной улыбкой, которая приглашала его войти, поглощала годы разлуки и прочие ужасные вещи. Она потянулась, обхватила его за талию и развела колени, раскрываясь перед ним. Поле зрения Джеба моментально сузилось и взвилось алыми сполохами по краям, когда он опустил и медленно ввел свой член обратно. Она была горячей и напряженной, ее мышцы вибрировали. И когда он погрузился в нее, то почувствовал, что вернулся домой. Туда, где ему было самое место.

Она крепко обхватила его ногами, сцепив лодыжки над его задом, и подняла таз, отвечая ему ударом на удар, вращая бедрами, массируя его, усиливая мощность и частоту фрикций. Свирепость ее желания и интенсивность его удовольствия были ослепительными. У него болели ребра. Он чувствовал биение крови в ране на лбу. Но боль не имела значения; она была даже приятной. Он приветствовал боль и принимал ее реальность.

Джеб погружался глубже и еще глубже, пробивая ее до самого средоточия, куда он не мог дотянуться. Внезапно он кончил. Содрогнувшись, он излился в нее и рухнул в ее объятия. Они крепко обнимали друг друга, и в его глазах стояли слезы от невероятной боли и радости облегчения.

После Эми он ни разу не занимался любовью с женщиной. После девятнадцати лет. И тот случай не был приятным. Ничто не могло описать, что это означало для него сейчас. Иметь Рэйчел, обнимать ее – единственную женщину, которую он физически любил. И всегда хотел.

Пока он обнимал ее, она целовала его шею, слезы у него на глазах, отодвинула влажные волосы с его лба. Когда их взгляды встретились, что-то безмолвно проскользнуло между ними.

Наступил момент хрупкого равновесия. Он держал будущее в своих руках. Свои мечты. Она была открыта перед ним. Она хотела его. Это могло случиться, и это случилось. Но в то же время Джебу стало ясно, как много он может потерять.

Ставки взлетели до небес. Рэйчел. Его дочь. Его невиновность.

Дом.

Он едва мог дышать.

Джеб перекатился набок и стянул одеяло с дивана, чтобы накрыть себя и Рэйчел. Они молча лежали вместе с переплетенными пальцами, слушали, как потрескивают дрова, и смотрели на лунный свет за голыми древесными ветвями в оконном переплете. Даже внутри он ощущал гнетущую тишину и безмолвие, предвещавшее сильную бурю.

– О чем думаешь? – спросил он.

Она повернула лицо к нему и улыбнулась.

– Думаю, так могла бы спросить замужняя женщина.

Замужняя женщина.

– Я боюсь, – наконец сказала она. – Боюсь снова любить тебя. Теперь я не знаю, как прекратить это. Я тоже люблю Куинн. Я... все кажется таким хрупким.

Он наклонился и поцеловал ее.

– Ты веришь в судьбу, Рэйчел? – прошептал он у нее над губами. – Ты веришь, что все заранее вписано в ткань нашей вселенной и мы не можем изменить это?

Она посмотрела на стропила сарая.

– Не знаю, чему и верить.

– Может быть, так было предназначено для нас. Но предопределение было нарушено. Нужно найти способ вернуть все на свои места.

Она втянула воздух сквозь зубы.

– Я чувствую, что надвигается что-то плохое.

Джеб откинул волосы с ее лица. Ему тоже было страшно. То, что случилось, было всем для него. Он собирался и дальше ускорять развитие событий в Сноу-Крик, но надеялся, что разверзнутые трещины не поглотят их обоих.

Они еще долго лежали рядом, и Джеб тоже испытывал ощущение приближающегося зла. Сейчас они находились в самом центре урагана, и удары со всех сторон посыплются после того, как минует буря.

* * *

Куинн стояла на коленях на своей кровати в полной темноте и смотрела на лодочный сарай. Занавески были задернуты со стороны, выходящей на главный дом, но за ними трепетал свет, и она знала, что Рэйчел находится там. Вместе с ним. Ее переполняла странная ревность. Она так сильно тосковала по отцу и матери. Она тосковала по запаху мамы, по прикосновению прохладной руки к ее лбу, к ее утешительному голосу. По звуку ее смеха. Она тосковала по медвежьему кряхтению своего отца, когда он слушал ее рассказы о школе. Ей как будто снова засунули в горло жесткий носок, и ее глаза горели. Она нырнула в кровать и натянула на голову пуховое одеяло. Лежала там, свернувшись в тугой комок и отказываясь плакать. Сердиться было гораздо легче.

* * *

Ровная предрассветная серость распространилась по небу. Рэйчел заворочалась, потом вдруг села и потянулась к своей одежде за часами.

– Боже, только посмотри на время! – Она вскочила и взяла одну из теплых байковых рубашек, принесенных для него.

– Нам нужно скорее просмотреть новости – я не хочу, чтобы Куинн проснулась, когда меня не будет дома.

Она надела рубашку и торопливо застегнула пуговицы над обнаженной грудью.

Джеб оперся на локоть и улыбался, наблюдая за тем, как она ищет и натягивает кружевные трусы на свои длинные ноги. Он снова ощутил сладостное давление в паху. Она была самой привлекательной женщиной, какую он когда-либо видел.

Рэйчел опустилась на диван.

– Поехали.

Он присоединился к ней в просмотре последних новостных сводок CBC, CTV и Global Television. Рэйчел заметно напряглась, когда слушала клип своего спора с Адамом.

Она открыла сайт «Лидера», и они вместе прочитали, что написала Кэсс. В выносной цитате содержалась суть статьи.

«В эксклюзивном интервью для «Сноу-Крик Лидер» Джеб Каллен утверждает, что четверо мужчин, свидетельствовавшие против него в суде около десяти лет назад, дали ложные показания, это была попытка оговорить его и обвинить в изнасиловании и убийстве. Каллен обвиняет Харви Зинка, Леви Бэнрока, Клинта Рудигера и Люка Лефлера в лжесвидетельстве, потому что либо они что-то скрывали, либо защищали настоящего убийцу Мэрили Цукановой. Каллен вернулся в город, чтобы доказать это».

– Отличная работа, – сказала Рэйчел. Она раскрыла ветки комментариев на Twitter и Facebook. Контент получил вирусное распространение. Было много комментариев на сайтах CBC, CTV и Global Television. А также в газетах *Sun* и *Province*. Сотни комментариев, несколько лагерей. Ярость и ненависть, направленная на нее и Джеба, но и мощная поддержка со стороны общества гражданских свобод, групп защиты прав заключенных, Ванкуверского сообщества реабилитации и проекта «Невиновность». Встречались злобные комментарии в адрес гордских копов и полиции в целом. Другие призывали «лгунов и лжесвидетелей» выступить с покаянием и сказать правду. Но еще больше комментариев пришло от жен и членов семей тех людей, которые якобы избили Джеба и теперь требовали доказательств. Другие требовали справедливости для семьи Цукановых.

Джеб присвистнул. Она повернулась к нему.

– Ты получил, что хотел, Джеб?

– Я не смог бы сделать лучше – по крайней мере, без твоей поддержки.

Она провела рукой по его волосам, и они какое-то время сидели в молчании на маленьком диване в теплом сарае, стараясь осмыслить пройденное.

– Интересно, когда наступит второй акт. – Она взглянула на часы. – Мне нужно вернуться домой, пока не проснулась Куинн.

– Рэйчел...

Она обернулась. Он неожиданно обхватил ее лицо ладонями и крепко поцеловал.

– Спасибо тебе.

Ее ресницы затрепетали, и Джеб догадался, что она поняла: он благодарил ее не только за газетную статью.

– Что теперь? – спросила она. – Будем ждать?

– Я хочу увидеть дом, где застрелилась Эми.

– Почему?

– Просто хочу увидеть его.

Она слегка нахмурилась.

– Ты правда рассказал мне обо всем?

– Я не лгу, Рэйчел. – Он ощутил острый укол вины, когда произносил эти слова. Но он не собирался оглашать свои подозрения – во всяком случае, до тех пор, пока не будет абсолютно уверен. Рэйчел и без того многое пережила после его возвращения.

Она молча смерила его взглядом с непроницаемым выражением на лице.

– Я поеду с тобой.

– Нет. Ты уже достаточно сделала.

Она поднялась на ноги.

– Я поеду, нравится тебе это или нет. Когда Брэнди увезет Куинн в лагерь велосипедистов, я найду к тебе, и мы отправимся туда. А пока что я оставлю тебе мой ноутбук.

– Я серьезно хочу, чтобы на этот раз ты осталась в стороне. Ты и так глубоко увязла.

Она нахмурилась сильнее, и в ее глазах появился холодный блеск подозрения.

– Ты прав: я увязла слишком глубоко, чтобы отойти в сторону. Теперь это и моя борьба. Я поеду с тобой, и точка.

Повисло короткое молчание. Джеб глубоко вздохнул.

– Ты о чем-то умалчиваешь – верно, Джеб? Это потому, что я однажды предала твое доверие, и теперь ты не можешь...

– Ладно, – отрезал он; воспоминания об отце внезапно и болезненно закружились у него в голове. Вместе с ними пришло

знакомое тошнотворное чувство раскаяния. – Поезжай, если хочешь. После этого я собираюсь встретиться с Пайпер Смит.

– С Пайпер? Это еще зачем?

– Потому что Пайпер была катализатором. Она первой добилась, чтобы та сотрудница криминалистической лаборатории заговорила об уликах, не представленных на суде. Это она убедила Софию, что Эми может что-то помнить о событиях той ночи. Она вдохновила Софию устроить Эми сеанс гипноза. Эми... она начала кое-что вспоминать.

Джеб не стал продолжать свои рассуждения. Он встал и вошел в миниатюрную кухню, чтобы приготовить кофе. Рэйчел смотрела ему вслед.

– Джеб, – тихо и сурово сказала она, – ты обещал, что будешь откровенным со мной. Я хочу... нет, мне *нужно* полностью доверять тебе.

Сложная смесь решимости и чувства вины только усилилась. Он кивнул и наполнил кофейник.

– Хочешь кофе?

– Нет. Я же сказала, мне нужно вернуться домой, пока не проснулась Куинн.

Когда она потянулась за джинсами, он спросил:

– Куинн объяснила, почему она ударила ту девочку?

Рэйчел замерла с джинсами в руке. Джеб повернулся к ней. По выражению ее лица он понял, что ей известна причина драки между девочками.

– Доверие должно быть обоюдным, – заметил он.

– Девочка сказала Куинн, что она выросла в приемной семье, – после небольшой заминки сказала Рэйчел.

Его словно окатило ледяной водой. Он медленно поставил кофейник на столешницу.

– Почему ты мне не сказала?

– Я только что это сделала, Джеб.

– Только назвала ее приемной дочерью, и все?

– Да, больше ничего, – слишком быстро ответила она. – Ничего о том, что ты являешься ее отцом. Никто не знает об этом.

– Сядь, – сказал он. – Расскажи мне обо всем. Что именно случилось в школе? Кто эта девочка?

На какой-то момент она отвела взгляд в сторону. Потом медленно села с напряженным лицом, скомкав джинсы в руках.

– Мисси Седжфилд.

– Седжфилд? Как Стэйси Седжфилд, когда мы учились в школе?

– Да. Стэйси – это мать Мисси. Мать-одиночка. Она была уже беременна во время вечеринки в карьере. Отец так и не появился на сцене. – Рэйчел помедлила и тихо добавила: – Трэй и Стэйси встречаются друг с другом. Они живут вместе.

Джеб прищурился.

– Мисси узнала от Трэя, что Куинн попала в приемную семью?

– Многие люди в городе знают о том, что моя сестра удочерила новорожденного ребенка, Джеб. Это само по себе никогда не было тайной.

Джеб внезапно понял сдержанность Рэйчел в разговорах на эту тему, смешанное выражение тревоги и вины в ее глазах.

– Трэй знает, да? Он знает, что я биологический отец Куинн. Боже, я даже не думал об этом. Ведь вы были обручены и собирались пожениться. Вы вместе привезли Куинн домой... и ты рассказала ему.

– Мне пришлось это сделать.

Почему это так сильно задевало его? Потому что речь шла о Трэе, его главном противнике еще со школьных времен. О его сопернике за внимание Рэйчел. О придурке, который спьяну назвал его полукровкой, когда запустил руку под рубашку Рэйчел. О человеке, который сидел на свидетельской скамье и говорил судье, что видел, как Джеб уехал вместе с Мэрили и Эми, что Джеб угрожал ему и Рэйчел.

– Выходит, он знает, – тихо сказал он. – И это значит, что Стэйси, скорее всего, тоже знает.

– Он пообещал мне, что никому не скажет. Трэй не причинит вреда ребенку, как бы сильно он ни презирал тебя. Он не такой.

– И ты ему доверяешь? До такой степени? Ты все еще равнодушна к нему?

Гнев жарким пламенем вспыхнул в ее глазах, и она вскочила на ноги, скатав джинсы в комок у бедра.

– Теперь ты говоришь, как он. У меня нет времени на такие глупости. Это не ты, Джеб.

– Я видел, как Трэй подошел к тебе возле полицейского участка. Его серебристый внедорожник стоял поблизости. Точно такой же

автомобиль с мужчинами в масках подъехал к моему дому. У меня, черт побери, есть веские основания для вопросов!

Повисло хрупкое молчание.

– В городе есть много автомобилей, которые выглядят точно так же, – сказала Рэйчел. – Ты... у тебя паранойя.

– Как мило с твоей стороны. Я скажу, что у меня такое. У меня есть желание защитить моего ребенка. Это наш секрет, а он *знает*. Откуда Мисси вообще узнала об удочерении? Подумай об этом: они просто беседовали о Куинн в присутствии Мисси, и этого было достаточно. О чем еще ты мне не рассказала? Ты до сих пор держишь свечу за него, да?

Она решительно направилась к двери, взяла резиновые сапоги и надела их на босу ногу, заодно предоставив ему возможность увидеть ее зад, обтянутый кружевными трусиками.

– Как я и сказал, доверие должно быть взаимным, – крикнул он.

– Это была ошибка. – Она отбросила волосы за плечо и указала на коврик перед плитой, где они недавно занимались любовью. – Быть с тобой, и... к черту! – Ее глаза влажно блестели. – Все еще может пойти в мусорную корзину.

Она взялась за дверную ручку. Он пошел к ней.

– Рэйчел...

Она вскинула руку.

– Нет. Не прикасайся ко мне. – Ее голос пресекался. – Я... я совершила ошибку, вот и все.

Она распахнула дверь и остановилась на пороге.

– И не смей уходить отсюда, Джеб, пока Куинн не уедет до вечера. Даже не думай, что ты отправишься к дому Эми и встретишься с Пайпер без меня.

– Может, тебе все-таки стоит позволить мне...

– Думаешь, ты сможешь справиться в одиночку? Или даже вместе со мной? Ты хотел растрясти их, чтобы что-нибудь выпало наружу. Залезть в их головы. Посеять сомнения. Так вот: вчера мы сделали даже больше этого. Мы сунули в тихий пруд палку с динамитной пашкой, а потом взорвали ее. Теперь вся дохлая рыба будет плавать на поверхности, если ты говоришь правду.

Если. Она снова сказала это. Он рефлекторно сжал кулаки.

– Теперь на кону стоит мой бизнес. Моя репутация. Будущее Куинн. Поэтому да, черт побери, я поеду с тобой.

Она вышла на улицу и захлопнула дверь. Джеб выругался и поспешил к заднему окну. Он распахнул занавески и посмотрел, как она идет через сад в предрассветных сумерках: длинная клетчатая рубашка, босые ноги в резиновых сапогах, спутанные волосы. Она по-прежнему держала в руке скомканные джинсы. И он знал, что любит ее больше всего на свете. Он понимал, почему она сорвалась. Она была испугана и растеряна. Теперь, когда Джеб испробовал вкус ее любви и понял, *что* он может получить, он тоже боялся. Ставки были слишком высокими.

Ему было нужно найти способ простить ее за то, что она рассказала копам и прокурорам о случившемся с его отцом, иначе эта тема будет снова и снова возвращаться в неожиданные и самые неподходящие моменты – пусть даже он использовал ее лишь в качестве аргумента в разговорах о доверии.

Умом он понимал, почему Рэйчел сделала это, но это причинило ему непоправимый ущерб. Он распахнул перед ней свое сердце, а она вырвала его. Его воспоминания обратились к той роковой ночи, когда ему было девять лет.

Он проучился в начальной школе Сноу-Крик около четырех месяцев. Ему было трудно приспособиться. Снег уже укутал долину, и приближалось Рождество. Но только не в его доме. Там его отец как раз отправился в очередной запой. Джеб смутно понимал, что в этом году у них не будет никакого Рождества. Его мать стала болезненной и слабой; он не понимал, что с ней происходит. Она сильно исхудала, и у нее появились темные круги под глазами. Он видел ее синяки, а ее губы иногда были распухшими и рассеченными. Она не говорила об этом с Джебом, и он перестал спрашивать, потому что боялся услышать правду.

Однажды, незадолго до начала рождественских каникул, она не приехала забрать его из школы. Ему пришлось доехать до Грин-Лейк на желтом школьном автобусе, а потом восемь миль идти пешком по лесовозной дороге вдоль Вулф-Ривер. В то время года дни были короткими, а снежный покров – очень плотным. Пока он тащился по дороге через темный и заснеженный лес, предчувствие чего-то ужасного отзывалось в каждой частице его существа, поскольку мать

почти никогда не оставляла его таким образом. Она опустила руки. В то утро она даже не приготовила ему ленч, и в последнее время она редко обращалась к нему. Она ускользала от него, и он не знал, что можно поделаться и к кому обратиться за помощью.

Он самостоятельно дошел до дома, а в ту ночь началась метель. Он проснулся от звука глухих ударов. Сначала он подумал, что это слезавшийся снег, падающий с ветвей на крышу. Но потом он услышал тонкий крик. Тяжелое дыхание и громкие проклятия. Звук удара, от которого желчь подступила к его горлу. Джеб на цыпочках вышел из своей комнаты.

Его родители находились в гостиной. Лицо его отца было багрово-красным и блестело от пота. Он стоял со спущенными штанами, а его мать лежала на диване. Ее лицо было залито кровью.

– Сука! – Его отец занес руку и отвесил ей затрещину. Она беззвучно плакала. Отец задрал юбку матери ей до бедер. Она застонала и попыталась отползти в сторону. Тогда он накрутил на пальцы ее волосы, рванул, выпрямил ее и снова ударил с такой силой, что ее голова отлетела в сторону, а зуб выпал изо рта.

– Прекрати! – завизжал Джеб и ворвался в комнату. Он схватил отца за руку и начал дергать. – Перестань! Прекрати это!

Отец поднял мясистую руку и отшвырнул его в угол комнаты, как надоедливую мошку.

– Ты! – он указал на Джеба. Его глаза безумно блестели, волосы сбились в колтун. У отца была эрекция. Джеб знал, что это такое. Ему стало нехорошо; казалось, его вот-вот стошнит.

– Вернись в комнату, а не то я выпорю тебя, понятно? Давай!

– Оставь его... оставь, – простонала его мать.

Она пыталась уползти с дивана. Его отец снова повернулся к матери и ударил ее кулаком в лицо.

Ярость, о которой Джеб и не подозревал раньше, захлестнула его. Он обеими руками схватил тяжелую железную кочергу, стоявшую у камина, и устремился к отцу с воплем: «Прекрати, прекрати, прекрати это!» Он взмахнул кочергой и треснул высокого мужчину по спине.

Его пьяный отец опрокинулся от удара, потом быстро перекатился на спину и уставился на Джеба. Его глаза полыхали нечеловеческим

огнем. Этот зверь не был его отцом; отец превратился в животное. Зверь оттолкнулся от дивана и набросился на сына.

Джеб поднял кочергу.

– Нет, папа, нет! Пожалуйста, нет!

Но его отец не остановился. Охваченный ужасом, Джеб ударил его кочергой, которая с хрустом врезалась поперек его носа и виска.

Его отец замер, как лось, подстреленный в сердце. Он шагнул вбок, качнулся, и его лицо странно обмякло. Потом его ноги подкосились, и он рухнул вперед, ударившись лицом об пол. Темная кровь вытекла из-под его головы.

Паника парализовала Джеба. С кочергой в руке он смотрел на своего отца и мелко дрожал всем телом. Его взгляд метнулся к матери, которая лежала неподвижно. Он выронил кочергу и подбежал к ней.

– Мама! Мамочка! – Он встряхнул ее, но она не пошевелилась.

Джеб оставил ее на диване и вернулся к отцу. Перевалил его на спину и заглянул в его широко распахнутые, пустые глаза. Джеб много охотился и знал смерть, когда видел ее.

В ту ночь он убил собственного отца.

Джеб глубоко задышал, мысленно возвращаясь к настоящему. Он отошел от окна и опустился на диван. Когда его мать пришла в себя, она защитила его. Она солгала, когда сказала, что ударила мужа, пока он избивал ее, что он упал и ударился головой, потому что был сильно пьян. Полицейские поверили ей; истории о пьяных индейцах были притчей во языцех.

Сотрудница социальных служб приехала проверить состояние Джеба, но тот не стал говорить с ней. Он никому ничего не сказал.

Он рассказал об этом только Рэйчел много лет спустя.

Джеб уткнулся лицом в ладони. Переживание причинило ему физическую боль. Чувство вины... оно никогда не покидало его. Как бы он хотел поговорить с матерью прежде, чем она умерла! Он жалел о том, что она не дожила до его формального оправдания и освобождения.

Он поднял голову, смаргивая слезы.

«Я все равно собираюсь доказать это, и для тебя тоже. Я знаю, что ты там. Знаю, что ты увидишь...»

Но слезы все равно покатались по его щекам. Кого он хотел обмануть? Было слишком поздно.

«Мужчины не плачут, придурок...»

Отец говорил ему эти слова. Это было частью его наследия.
И с этим ему теперь придется жить дальше.

Глава 18

Я захожу в дом и сразу же останавливаюсь. Куинн сидит у кухонной тумбочки с бледным лицом. В доме холодно и пусто.

– Куинн? Что ты тут делаешь в такую рань? Еще даже не рассвело.

В угрюмом молчании она смотрит на мои голые ноги, обутые в резиновые сапоги. Меня охватывает чувство вины.

– Хочешь позавтракать? Овсянка, бекон и яйца?

Взгляд Куинн переходит от моих ног к копне спутанных волос у меня на голове.

– Французские тосты? Блинчики? – Мой голос звучит слишком пронзительно.

Она соскальзывает с табурета и бегом поднимается по лестнице. Хлопает дверью так сильно, что картина внизу сползает набок. Трикси жалобно скулит.

Я чувствую себя выпотрошенной.

И меня одолевает раскаяние из-за ссоры с Джебом. За то, что все эти годы я не верила ему. За то, что я предала его доверие и разгласила ужасную историю из его детства. У меня перехватывает дыхание от тяжести моих проступков. Все люди подвержены постепенному износу, и, по правде говоря, я в полном ужасе. По поводу моих чувств к нему. По поводу того, чем это может обернуться. Я переключаю радиоприемник на метеорологическую станцию. Диктор говорит о массивном снеговом фронте, о зимнем циклоне, который приближается к горам с севера. Сноу-Крик находится прямо на его пути.

Я быстро усиливаю громкость. Метеоролог объясняет для непосвященных, что это наиболее распространенный вид снежных буранов с грозами, существующий в нашем регионе. Зрелые грозы обычно находятся в центре циклона, а рассеянные грозовые фронты – с подветренной стороны. Эти грозы приносят с собой чрезвычайно обильные осадки, град, частые молнии и шквалы, достигающие ураганной силы.

Я гляжу в окно на мертвенно неподвижные воды Грин-Лейк. На сухие кусты и груды палой листвы, на побуревшие верхушки хвойных

деревьев. Нам нужен дождь. Нам нужно, чтобы склоны покрылись снегом. Но молнии могут быть настоящими убийцами. А если ветер будет беспорядочно меняться, то пожар на Вулф-Ривер может в считанные минуты агрессивно разрастись и повернуть сюда. Если от ударов молний начнутся другие возгорания и соединятся с этим пожаром, то мы столкнемся с идеальным огненным штормом. У меня дурное предчувствие насчет этого.

Прежде всего я поднимаюсь по лестнице, чтобы убедиться в надежности упаковки наших рюкзаков и проверить корзинку, миску с водой и еду для Трикс.

* * *

Беппи готовила завтрак. В пятницу у Клинта был выходной день. Пожар на Вулф-Ривер наконец удалось остановить водяными бомбами, но лес все еще горел, и неподвижный воздух снаружи потрескивал от статического электричества, что предвещало сильную грозу. Снаряжение Клинта было упаковано и находилось в полной готовности, и он взял с собой пейджер и рацию, пока работал в сарае.

Внизу с приятным и знакомым звуком вращался барабан стиральной машины. Беппи читала роман, помешивая на плите овсянку в кастрюле. Пар, валивший оттуда, затуманивал стекла ее очков; она так и не смогла носить контактные линзы. Это досаждало ей в школе, но не теперь. Она сняла очки и посмотрела на Сьюзи, которая мучилась с вязанием за старинным деревянным столом. Ее средняя дочь Дженис читала наверху, а Холли играла со своими куклами. Беппи старалась выращивать как можно больше домашних продуктов. Ей нравилось знать, что попадает в умы и организмы ее детей, и она хотела учить их в духе Господа.

Окна тоже затуманились. Их лабрадор по кличке Блэстоун спал перед очагом, где Беппи утром развела огонь. Когда зажужжал таймер, она отложила книгу и поставила исходившую паром кастрюлю на стол, где уже стояли свежие фермерские сливки и фруктовые консервы. Метеоролог в маленьком телевизоре рядом со столом теперь говорил о возможной перемене ветра, который раздует пожар на Вулф-Ривер и повернет его в сторону роскошных арендных поместий на Сноу-Крик.

Телевидение было слабостью Беппи.

Хотя она ограничила просмотры в доме, но не могла совершенно обойтись без телевизора. Это было почти болезненное пристрастие, и она особенно любила новости. Она привыкла к бесплатному подключению с тех пор, как Клинт уезжал в армейские командировки, а она самостоятельно растила их дочерей.

– Кстати, о Сноу-Крик, – продолжал диктор, – на популярном лыжном курорте назревает другая буря, которая имеет отношение к жестокому изнасилованию десятилетней давности, к загадке пропавшей девушки, которую так и не удалось найти.

Беппи замерла, держа кастрюлю в кухонных рукавицах. Диктор начал пересказывать историю о вчерашнем скандале, разразившемся после публичного выступления Джеба и Рэйчел в «Шэди Леди». Когда сцена съемки переместилась на площадь, заполненную протестующими, Беппи увидела, как ее муж выходит из салуна с группой пожарных.

Ведущий программы говорил, что Джебедея Каллен обвинил ее мужа в лжесвидетельстве наряду с другими людьми. Камера сфокусировалась на побитом жизнью лице ее мужа. Сердце Беппи учащенно забилося, и она придвинулась ближе. Оператор быстро переключился на Адама, чье лицо было искажено гневом, когда он спорил с Рэйчел перед салуном. На заднем фоне раздавались крики и пение, но шумоподавитель сработал как следует.

«Я предупреждаю вас, Рэйчел».

Она резко остановилась, развернулась, и камера запечатлела ярость в ее глазах.

«Я хочу кое-что спросить у вас, заместитель главного констебля Лефлер, – сказала она, как будто произносила эти слова специально для оператора СТВ. – Полицейские из Сноу-Крик оправдывают самосуд и беспричинное насилие? Или вас заботят поиски истины? – Объектив камеры наехал на них. – Почему вы стали полицейским, сэр? Вы когда-то верили в закон и справедливость? Если вы не собираетесь ничего предпринимать в связи с нападением на Каллена вчера ночью, люди будут думать, что вы кого-то покрываете. Это ваша мать? Ваш брат? Городские погромщики? Старые приятели? Кто это?»

– Горожане возмущены, – сказал один из протестующих в репортерский микрофон. – Опасный человек, насильник выпущен на свободу.

Кадр перескочил с записанного фрагмента на репортера, стоявшего на площади.

– Ясно, что раны от события десятилетней давности по-прежнему кровоточат здесь, в Сноу-Крик...

Ведущий влез с вопросом:

– Вы можете подробнее рассказать о предполагаемом нападении на Джебедию Каллена?

Женщина-репортер на секунду прижала наушник, чтобы выслушать вопрос. Потом кивнула.

– Да, вчера Каллен заявил, что ночью на него напали трое мужчин в лыжных масках. Он не говорил непосредственно с нами, но, согласно «Сноу-Крик Лидер», эти мужчины приехали на двух автомобилях. Серебристый внедорожник и темно-синий пикап с расширенной кабиной и удлиненным кузовом. По словам Каллена, ему удалось рассмотреть букву *D* на номерном знаке. Предположительно, эти трое мужчин сожгли его собственность и напали на него с монтировкой. По его словам, они бы точно убили его, если бы не взрыв пропанового бака рядом с их автомобилем, после чего они сбежали и оставили его на верную смерть от огня. Каллен сказал репортеру, что он отбивался и попал в лицо одному из мужчин в масках. Он советует горожанам обратить внимание на автомобили, совпадающие с этим описанием, на возможные следы от побоев и даже на лыжные маски со следами крови, которые пахнут дымом.

– Он создает атмосферу подозрительности, охоты на ведьм? – поинтересовался ведущий.

– Да, и это выводит из равновесия многих людей. Но Каллен утверждает, что кто-то из жителей Сноу-Крик скрывает правду и готов убить его, пока он не раскопал что-то опасное.

– Тяжелый удар для лыжного курорта, – произнес ведущий.

Кастрюля вдруг обожгла ей руки даже через кухонные рукавицы. Беппи быстро поставила ее на стол; ее сердце учащенно билось.

– Кто такой насильник? – спросила Сьюзи, оторвавшись от вязания.

Беппи протянула руку и выключила телевизор.

– Иди и скажи отцу, что завтрак готов. Он у себя, в рабочем сарае.

– Почему я? – заныла она.

Беппи смерила ее *тем самым* взглядом. Сьюзи театрально вздохнула.

– Он *всегда* торчит в своем сарае, – сказала она и поплелась к двери. – Я ненавижу этот сарай!

Лабрадор по кличке Блэкстоун поднял большую квадратную голову, но тут же опустил ее на лапы, решив остаться у огня.

Хлопнула входная дверь.

Беппи быстро включила новости по телевизору. Шокирующие откровения Стэйси о том, что она услышала, вертелись у нее в голове. Она посмотрела в запотевшее окно и увидела, как ее дочь идет по дорожке к сараю. Сьюзи была лишь на один год младше Куинн.

На что она готова ради собственных детей?

Возможно ли, что кто-то другой, а не Джеб Каллен, увез тех девушек и надругался над ними? Нет, не может быть. Это будет означать, что Клинт и остальные лгали на суде, что они преднамеренно отправили в тюрьму невиновного человека. Конечно же, Джеб лжет. Он пытается посеять раздор между ними. Это какое-то извращенное возмездие.

* * *

Сьюзи поспешно шла по тропинке. Волнистые завитки тумана поднимались над речной долиной, и солнце только что озарило вершины гранитных гор. Оно было необычного оранжевого оттенка, и в воздухе ощущался запах дыма. Безмолвное пугало стояло на краю огорода. Черные вороны, сидевшие на проводах между телефонными столбами, лениво наблюдали за ним. Деревья почти сбросили листву после недавних ветров, и их ветви напоминали Сьюзи пальцы скелетов, указывавшие в небо. Большие оранжевые тыквы усеивали соседское поле.

Она внезапно застыла, когда что-то увидела. *Призрак*. Он двигался через тополиную рощу на соседней ферме. Паника стиснула ей горло, пока она не сообразила, что это был мистер Дэвис в защитном комтюме пчеловода, окуривавший ульи дымом, чтобы успокоить пчел. Речной туман подшучивал над ее восприятием. Она передернула плечами и пожалела, что не взяла с собой Блэкстоуна. Потом стиснула опущенные руки и прошла последние метры до сарая, хрустя палой листвой под ногами.

Она открыла дверь, скрипнувшую на петлях. Ее отец поднял голову.

– Привет, золотко.

Взгляд Сьюзи сразу же скользнул к огромной медвежьей шкуре с выпущенными когтями, распятой на стене. Потом, как бывало всегда, ее взгляд остановился на банках и бутылках на верхней полке с жуткими вещами, плававшими в формальдегиде. У нее заурчало в животе. Это было ненавистное место.

А ее сестра Дженис любила этот сарай. Она считала клевым, что у их отца был промышленный холодильник с развешанными тушами и морозильник, набитый внутренними органами животных, которые попадали в кухонные кастрюли и на сковородки, вроде лосятины, которую ее мать собиралась потушить сегодня вечером. Джен также очень нравилось, что отец имел хобби таксидермиста и иногда продавал чучела животных за хорошие деньги.

Но от этого у Сьюзи возникло ощущение, которое она не могла определить. Она заставила себя посмотреть на отца, который возился с тушкой енота.

Она слабо улыбнулась. Отец не любил, когда она выглядела расстроенной или испуганной. Он учил ее быть как дома в таежной глуши, чувствовать себя уверенно. И она хотела, чтобы он был доволен.

Сьюзи кашлянула.

– Мама говорит, завтрак готов.

– Отлично, потому что я голоден.

Ее отец мыл руки в глубокой металлической раковине в углу. Костяшки пальцев на его правой руке были красными и ободранными. Он закатал рукава, так что были видны его мощные бицепсы. Она частично видела одну из его татуировок; у него было несколько, даже со школьных времен. Он тщательно вычистил ногти щеточкой и вытер полотенцем, висевшим рядом с раковиной.

– Тогда пошли завтракать, моя куколка!

Сьюзи крепко ухватила за руку отца, когда они направились к дому. Она украдкой взглянула на мглистые деревья, но мистер Дэвис в своем призрачном облачении уже куда-то ушел. А отцовская рука была теплой и сильной. Он надежно защищает ее. Она споткнулась и заскользила по траве, но тут же выправила с его помощью. Мама обещала, что сегодня испечет ее любимые сдобные булочки.

– Пап, когда ты отправишься на осеннюю охоту? – Каждый год он несколько раз уезжал охотиться на два-три дня. Поздняя осенняя охота не была исключением. Он привезет домой достаточно мяса, чтобы протянуть зиму.

Отец улыбнулся ей. Она обожала эту улыбку и россыпь мелких морщин вокруг его голубых глаз.

– Как только закончится вся эта возня с пожаром и пойдут настоящие дожди, – ответил он, когда они подошли к крыльцу.

* * *

Беппи оторвала взгляд от телевизора, когда вошел ее муж.

– Он назвал твое имя, – сообщила она. – Он утверждает, что на него напали и избili воинственно настроенные горожане, которые затеяли этот пожар.

Клинт подошел к супруге и поцеловал ее в щеку.

– Он не заслуживает эфирного времени. – Он взъерошил волосы Сьюзи. – Пахнет вкусно. Давай поедим?

– Сьюзи, позови Дженис и Холли.

Когда Сьюзи засеменила вверх по лестнице, Беппи понизила голос.

– Думаешь, это какое-то возмездие? Он хочет настроить нас друг против друга, или что-то еще?

– Он настоящий психопат. Не волнуйся, он совершит какую-нибудь глупость, и тогда копы вернут его за решетку.

– Он очерняет твое имя. И других людей.

– Когда это вообще беспокоило тебя, Беппс? – Его широкая улыбка отразилась в глазах, и он поцеловал ее в губы, обхватив щеки большими мозолистыми ладонями. Все в нем было прочным. Надежным. – Расслабься, это пройдет. Вообще не о чем волноваться.

– Но как это пройдет?

– Я же говорил, Каллен совершит ошибку. Парни Адама внимательно наблюдают за ним. Он может даже поехать туда, где закопал Мэрили, и тогда они прищучат его задницу. Тогда его посадят пожизненно за убийство первой степени.

Как обычно, они расселись за столом.

Стиральная машина внизу закончила цикл отжима. Все было в порядке, но каким-то образом все изменилось. Клинт наблюдал за

ней. Беппи испытывала растущее неудобство. Она снова думала о том, что услышала от Стэйси.

Пока девочки умывались, Беппи пошла за стиркой. Она поднялась наверх с тазом влажного белья.

– Как думаешь, почему Рэйчел помогает ему?

Клинт вытер руки кухонным полотенцем и подошел к ней. Она покосилась на рассеченные костяшки на его правой руке. Он сказал, что поранил руку рано утром во вторник, когда боролся с огнем.

– Не знаю, – ответил он. – Ребята думают, что у нее сохранились какие-то чувства к нему.

Беппи сглотнула. Ее взгляд скользнул в сторону девочек, смеявшихся возле кухонной раковины. Сьюзи стояла на специальной подставке, которую Клинт смастерил для нее; остальные вытирали руки и подшучивали над ней.

– Ты знаешь, что Куинн Маклин – дочь Джеба? – прошептала она. – Ребенок, рожденный от изнасилования.

– Что?

– Ты не знал?

– Откуда ты это слышала?

– В среду около полуночи Стэйси Седжфилд подслушала, как Трэй говорил с Рэйчел по телефону. Сестра и деверь Рэйчел удочерили ребенка от Джеба и Эми. Трэй обещал Рэйчел, что никому не скажет об этом.

Клинт смотрел на нее. На его шее вдруг часто запульсировала голубая жилка.

– Трэй *знал* об этом?

– Так мне сказала Стэйси, а Лили и Вики в детском лагере подтвердили ее слова. Они думают, что потому Джеб и вернулся в город. И может быть, поэтому Рэйчел помогает ему.

Ее муж заметно помрачнел.

– И как долго Трэй знает об этом?

Беппи испытала легкое беспокойство.

– Не знаю. Наверное, с тех пор, как Рэйчел стала ее опекуной после того, как ее приемные родители погибли при пожаре. В конце концов, они были обручены.

– Твою мать, – процедил он. – Трэй даже не обмолвился об этом. И ты говоришь, что он дает обещания Рэйчел?

– Не надо, – тихо предупредила она. – Я не потерплю таких слов в нашем доме. Только не перед девочками.

Он накрыл ее лицо ладонями.

– Послушай: что бы они ни задумали, это не наша забота. Хорошо?

– Но он втянул нас в эту историю.

– Он втянул весь город в эту историю. Он махинатор, который просто играет с людьми. Не давай ему власть над твоими мыслями, потому что тогда он победит. Как я и сказал, он совершит какую-нибудь глупость, и его снова упрячут за решетку.

Он приподнял подбородок Беппи и посмотрел ей в глаза.

– Все будет хорошо. Иди вешать белье, а я помогу девочкам вымыть тарелки после завтрака.

Беппи пошла к бельевой веревке с тазиком в руках. Она начала развешивать отдельные предметы и закреплять их деревянными защепками, хотя в воздухе пахло дымом. У нее не было сушилки для белья, и она презирала эти автоматы.

Встряхнув тяжелые черные джинсы, она повесила их и достала из таза влажную лыжную маску. Она внутренне похолодела, но не стала ничего говорить. Когда она оглянулась, то увидела Клинта, который наблюдал за ней из кухонного окна над раковиной.

Беппи закрепила маску одной защепкой. Она ощущала перемену в воздухе: ветер поворачивал в другую сторону. Наклонившись, она достала плотную черную футболку с длинными рукавами.

Ее взгляд переместился на синий пикап, который Клинт одолжил в среду, когда его автомобиль находился в автомастерской. Ее сердце учащенно забилось.

Глава 19

Керриган Кэй, помощница начальника пожарной команды, посматривала на маленький телеэкран над ее рабочим столом, где она составляла табели рабочего времени. Шел выпуск новостей, в основном посвященный обзору скандала, разразившегося вчера вечером вокруг Джеба Каллена. Она вместе с другими пожарными пришла в «Шэди Леди», чтобы поддержать шефа Рудигера, но гнев и откровенная враждебность к Каллену со стороны ее коллег вызывали у нее смутное беспокойство.

На экране снова появились кадры перепалки между Рэйчел и Адамом Лефлером. Керриган отложила работу, наблюдая за ними. Она хорошо знала Рэйчел и Адама. С Адамом она часто общалась по работе, а с Рэйчел входила в состав лыжной команды Британской Колумбии. Сейчас она с тревогой следила за происходящим. Мнения раскололись пополам, и это вызывало дополнительные трения в пожарном депо.

Керриган даже рассмотрела возможность, что кто-то из ее коллег мог участвовать в нападении на Джеба, но быстро отвергла ее. Никто из пожарных не пошел бы на риск поджога в таких условиях... или нет?

В том-то и заключалась трудность с подобными инцидентами: они порождали охоту на ведьм. Люди начинали сомневаться друг в друге. Если Джебу и Рэйчел удалось чего-то достигнуть своим эффектным появлением на публике, – так это посеять сомнения. Возможно, и страх. Теперь не только окружающие леса превратились в пороховую бочку. Казалось, весь город был готов взорваться.

Керриган посмотрела на пожарный календарь, висевший рядом с ее столом. Дата ее отлета была обведена красным кружком: оставалось два дня. У нее было гнетущее предчувствие, что с учетом последних событий ее большой отпуск в Мексике не состоится. Как и в прошлом году.

Когда выпуск новостей сменился рекламой, она вернулась к табелям рабочего времени. Сегодня была пятница, реулярный выходной день у Клинта. В ближайшие дни планировалась

сверхурочная работа по тушению лесных пожаров. Хотя пожар на Вулф-Ривер удалось сдержать с помощью тяжелой техники, летающей цистерны, пяти вертолетов и огнезащитных средств, прогноз погоды выглядел угрожающе. Керриган должна была убедиться в том, что у них будет достаточно штатных сотрудников и резервистов на тот случай, если все полетит в тартарары.

* * *

Марго Ритман смотрела новости и поливала свой бонсай в эркерном окне с видом на отдаленные воды бухты Беррарда. В такие дни Ванкувер превращался в сияющий самоцвет. Ради этого они и купили дом в западной части города – здесь открывались потрясающие виды.

Она замерла, когда ведущий начал говорить о событиях в Сноу-Крик. Их соседи, София и Питер, были родом из этого городка. Она смотрела, не обращая внимания на тонкую струйку воды из кувшина, на лица в толпе протестующих, собравшихся перед салуном «Шэди Леди» у подножия Медвежьей горы. Вспышка узнавания пронеслась у нее в голове, когда она увидела мужчину, надевавшего бейсбольную кепку. Камера на секунду показала его лицо крупным планом.

Она поставила кувшин на подоконник и резко потянулась за ПДУ; ее кошка испуганно шарахнулась в сторону. Она поставила видеомэгнитофон на паузу, отмотала назад и остановила кадр.

– Гарри! – позвала она. – Иди сюда?

Ее муж поспешно вошел в комнату.

– Что случилось?

– Этот человек... – Она указала на экран. – Куда ты положил его карточку из пожарно-технической экспертизы?

– Она лежит в ящике моего стола.

– Принеси ее мне.

– Зачем?

– Это он. – Она снова указала. – Тот самый тип, который шатался посреди толпы перед горящим домом Софии и Питера. Помнишь, как копы спрашивали, кто видел что-то необычное или кого-то подозрительного? Я упомянула об этом парне, потому что раньше никогда не видела его здесь. Но никто из допрошенных полицейскими не знал, кто он такой.

– Ты уверена?

– У него такой же профиль, Гарри, такая же походка. Такой же рост и телосложение. Здоровяк в бейсболке.

Гарри вернулся к ящику стола и достал карточку.

* * *

Пока мы с Джебом едем забрать автомобиль моего отца с автостоянки для лыжников, между нами устанавливается напряженное молчание. Джеб ведет отцовскую машину обратно к моему дому, а я следую за ним. Когда мы ставим внедорожник в гараж, я разрешаю Джебу сесть за руль моего автомобиля, и мы отправляемся к дому, где умерла Эми.

Я смотрю на его профиль, на аристократические линии носа и лба, высокие скулы. Мое тело непроизвольно теплеет, когда я вспоминаю о нашей любовной сцене перед дровяной плитой, но на сердце беспокойно. Я снова ощущаю себя чрезвычайно уязвимой. Я опять так глубоко и сильно влюбляюсь в него, что мне становится страшно. Еще я боюсь, что он что-то скрывает, и это только больше нервирует меня.

Я вздрагиваю, когда мобильный телефон начинает вибрировать у меня в кармане. Быстро проверяю входящий номер. *Хол «Скала» Бэнрок.*

– Хол, – говорю я, и меня охватывает дрожь.

– Что ты делаешь, во имя Господа?

Я уже задавалась вопросом, сколько пройдет времени, пока он позвонит. Я гляжу на Джеба и одними губами произношу: *Хол Бэнрок.*

– Эта история уже появилась в *National*, как раз перед началом зимнего сезона! Тебе лучше немедленно заткнуть эту течь, пока город не провалился в преисподнюю!

– Хол, – я стараюсь говорить спокойно, – если мы сейчас уьем этот сюжет, то разразится гораздо более крупный скандал. Журналисты начнут спрашивать, о чем мы умалчиваем и почему мы это делаем.

Кровь стучит у меня в ушах, когда я выступаю против патриарха Сноу-Крик. Он обладает властью и влиянием не только в городе, но и в провинции, и на общенациональном уровне. Он держит политиков в своих карманах. Он окормляет власти и бизнес со своей мозолистой ладони. Он может потопить меня, и глазом не моргнув. Но я думаю

о моем деде Яакко и о том, почему я с самого начала ввязалась в эту историю.

– Ты вообще не должна была выкидывать этот идиотский фокус! Это...

– Это то, что сделал бы Яакко, – говорю я. – Он основал газету на своих философских и журналистских принципах, и я...

– Боже мой, Рэйчел! Это грязные городские сплетни. Не читай мне проповедей об этике и моральных принципах. Речь идет не о мировом заговоре или кризисе демократии. Ты забыла, что я владею половиной твоей газеты?

Меня охватывает холодный гнев, от которого проясняется в голове.

– Сорок девять процентов, – спокойно говорю я. – Газета все еще принадлежит мне.

Джеб бросает быстрый взгляд на меня.

– Послушай, дитя мое, – тон Хола становится мягким и покровительственным, – как издатель в маленьком курортном городе, ты несешь ответственность за баланс между экономическими нуждами местных жителей и редакторскими решениями. Сколько тебе сейчас лет: двадцать пять или двадцать шесть? Тебе нужна направляющая рука. То, что ты делаешь, плохо для бизнеса. Это плохо для состояния городских нравов.

Я указываю на дорожный знак, когда Джеб приближается к кварталу, где находится дом на две семьи, где жила Эми. Он крутит руль.

– Дом двадцать семь, – шепчу я Джебу и говорю в трубку: – Вы ошибаетесь. Внимание СМИ превосходно сказывается на нашем бизнесе. Мы получили такую известность, которую нельзя купить. Сегодня утром я говорила с нашим менеджером по продажам и узнала, что рекламодатели резко увеличили спрос на размещение своих материалов. – Я делаю паузу, когда вижу дом, где умерла Эми. – Скажите честно: вы хотите замять эту историю не потому, что защищаете Леви?

– Бог ты мой, Рэйчел...

– Это вы наняли адвоката, который помог собрать нас вместе для свидетельских показаний в суде. Это ваш адвокат заставил меня рассказать то, что я знала о детстве Джеба и о его отце. – Мой голос

звенит от гнева. Я чувствую, как напрягается Джеб при упоминании о его отце. – У Леви есть что скрывать?

– Черт бы тебя побрал! – рычит он. – Лучше не делай из меня врага, девочка...

Я прерываю звонок на середине фразы; адреналин бушует в моей крови. Я сделала шаг к исправлению зла, причиненного Джебу, когда я выдала его откровение. Я дала орудийный залп в сторону Хола Бэнрока. Теперь он слопаёт меня с потрохами, но мне все равно.

– Вот этот дом, – говорю я Джебу. Он выгибает бровь и останавливается на травянистой обочине. Я откидываюсь затылком на подголовник; у меня шумит в голове и не хватает воздуха.

– Я только что сделала Бэнрока моим врагом.

Уголок его рта приподнимается в странной улыбке.

– Кто сказал, что Рэйчел Салонен – не крестonosец?

– Ох, заткнись ты. Что тебе здесь понадобилось? – Я указываю подбородком на мрачный бурый дом.

Несколько секунд он удерживает мой взгляд, а потом говорит:

– Я люблю тебя, Рэйчел.

Шум у меня в голове становится громче. Я не могу дышать. Но прежде, чем я успеваю придумать хоть какой-то ответ, он выходит из автомобиля и хлопает дверью.

– Твою мать, – шепчу я себе под нос. Он уже второй раз говорит, что любит меня, и я не знаю, что с этим делать.

Он стучит в окошко.

– Ты идешь, или как?

* * *

Старший констебль полицейского участка Сноу-Крик Роб Макин положил телефонную трубку и откинулся на спинку стула. Сначала звонок от Хола «Скалы» Бэнрока с требованием положить конец этому безумию. Потом звонок от мэра Томпсона с заявлением о необходимости скорейшего заседания полицейского совета. Теперь звонок из Западного Ванкувера от следователя пожарно-технической экспертизы, расследовавшего пожар, унесший жизнь сестры и деверя Рэйчел Салонен. Последний только что сообщил, что собирается приехать в Сноу-Крик с какими-то новыми свидетельствами, записанными на видео. Он хотел уже завтра встретиться с Макином.

Женщина по имени Марго Риман, которая присутствовала на пожаре, узнала мужчину в кадрах новостей, снятых вчера вечером перед салуном «Шэди Леди». Она утверждала, что этот мужчина подозрительно вел себя в толпе перед горящим домом Маклинов.

Макин жестко провел ладонью по губам, размышляя о дальнейших действиях. Адам Лефлер, его заместитель. Сцена перепалки между Лефлером и Рэйчел Салонен в выпуске новостей крутилась у него в голове. Брат Лефлера был связан с этим делом. Мать Лефлера девять лет назад занимала это самое место в его кабинете. Она возглавляла расследование против Джеба Каллена. Кто бы ни стоял за этим, личное восприятие определяло все остальное.

Он снял трубку и позвонил Лефлеру. Когда Адам вошел в его кабинет, Макин предложил ему сесть и закрыть дверь.

– Это насчет Каллена? – осведомился Лефлер, продолжая стоять.

– Дверь, пожалуйста.

Лефлер ощетинился, но закрыл дверь и встретился со взглядом своего начальника, по-прежнему отказываясь сесть на стул.

– Я собираюсь предложить, чтобы вы отстранились от этого дела, Лефлер.

Тот открыл рот, но старший констебль поднял руку.

– Сейчас все определяется личным отношением к делу. Каллен обвинил вашего брата в лжесвидетельстве. Вы вступили в досадную перепалку с Рэйчел Салонен перед камерой. Ваша мать занималась расследованием этого дела, а судья недавно отменил приговор на основании полицейской ошибки, допущенной под ее руководством. Вам нужно отойти в сторону. Лучше возьмите несколько недель оплачиваемого отпуска, начиная с этого дня.

У Лефлера заметно отвисла челюсть.

– Каллен делает публичные заявления, возводит ложные обвинения на моего брата, граничащие с клеветой, и теперь я должен *отойти в сторону*?

Макин твердо опустил ладонь на распечатку интервью из «Лидера», лежавшую у него на столе.

– Каллен заявил, что трое мужчин в лыжных масках пытались убить его и устроили этот пожар. Я так понимаю, что вы разыскиваете за поджог именно его, а не этих мужчин?

Лефлер заметно напрягся; его лицо помрачнело.

– Вы не можете говорить серьезно.

– Откуда у вас этот порез на лице? – спросил Макин.

– Я помогал на пожаре, меня хлестнуло веткой. Господи, вы же не можете...

– Адам, – Макин обратился к собеседнику по имени, чтобы вернуть его в чувство и завладеть его вниманием, – личное восприятие определяет все остальное. Вопросы, только что заданные мною, *будут* заданы репортерами. Пусть расследование продолжится без вашего участия. Вам пора немного отдохнуть.

– Вы говорите о восприятии? Так вот: это повредит публичному мнению *обо мне*. Если меня отодвинут в сторону, это будет выглядеть, как будто мне есть что скрывать.

– Вам нужен отпуск. Возьмите с собой вашу чудесную жену и детей и отправьтесь в развлекательную поездку; по крайней мере, на время каникул после Дня благодарения.

Лефлер смерил его пылающим взглядом. Несколько секунд оба молчали, потом он повернулся, собираясь уйти.

– Ваше оружие, Адам.

Лефлер круто развернулся.

– Вы шутите?

Молчание.

Адам Лефлер достал из кобуры свой «Смит энд Вессон» и положил на стол начальника.

– Вы понимаете, что делаете? Вы отдаете инициативу Джебедии Каллену. Вы играете ему на руку, все вы – Бэнрок, мэр, полицейский совет, муниципалитет, совет по туризму. Именно этого он и добивается.

– Дайте нам доказать, что он не прав.

Лефлер с силой захлопнул за собой стеклянную дверь, когда вышел из кабинета.

Начальник подождал, пока не увидел, как Лефлер покидает территорию участка. Тогда он подошел к двери, распахнул ее и громко позвал:

– Пирелло! Новак!

Двое констеблей обменялись взглядом, встали и поднялись в офис начальника полиции. Когда они закрыли дверь и уселись за столом, Макин сказал:

– У нас уже есть полный комплект следователей, которые занимаются поджогом на Вулф-Ривер. Но я хочу, чтобы вы взяли это дело с Калленом под особый контроль. И чтобы все было тихо.

Макин выразительно посмотрел на констеблей, а потом рассказал им о недавнем звонке из Ванкувера.

– Вы хотите сказать, что пожарные следователи из Ванкувера верят, будто кто-то из *местных* мог устроить пожар, погубивший сестру Салонен и ее деверя? – спросила Энни.

– Я говорю, что мне нужен особый и ненавязчивый контроль над этим делом. – Макин сделал паузу и пронзительно посмотрел на них. – Заместитель старшего констебля Адам Лефлер отправляется в краткосрочный отпуск. Отчитывайтесь лично передо мной.

– Вот дерьмо, – прошептала Энни.

* * *

Адам сидел в автомобиле перед полицейским участком Сноу-Крик. Двигатель работал вхолостую, пока слова Лили эхом отдавались у него в голове.

«Что имела в виду твоя мать девять лет назад, когда я слышала, как вы спорили насчет исчезновения Эми и Мэрили?.. Она сказала, что от тебя требуется только одно: ничего не говорить. Что тебе надо думать о будущей жизни и карьере».

Адам поставил машину на передачу и поехал в кооперативную квартиру своей матери на горной террасе.

Глава 20

Я жестоко тру ладнями лицо и выхожу из автомобиля. Джеб ждет меня у вывески «Продается», криво прибитой к столбику на краю травы.

– Похоже, ее тетя старается продать дом, – говорю я, приближаясь к нему. Он внимательно смотрит на меня. Его слова эхом отзываются в моем сознании, и где-то в животе вновь зарождается паника.

Я люблю тебя, Рэйчел...

Я откашливаюсь.

– Ее тетя живет рядом. – Я указываю на соседний участок. – Она владеет и этим домом на две семьи. Эми всегда могла пользоваться левой половиной дома, если приезжала в Сноу-Крик. Другая половина сдавалась в аренду.

Он кивает с таким видом, как будто все это уже известно ему. Мои подозрения усиливаются.

– Что именно ты хочешь здесь увидеть, Джеб?

– Сегодня утром, пока ты была с Куинн, я позвонил жильцу. Это молодой сноубордист из Торонто. Теперь он и его приятели занимают обе стороны дома. Я спросил, можем ли мы заглянуть в дом Эми и поговорить с ним. Он ждет нас. Я также позвонил Пайпер Смит. Она сказала, что мы можем встретиться с ней сегодня утром в любое время.

– Откуда ты получил номер жильца?

– Если помнишь, ты оставила мне свой ноутбук. Я просмотрел статьи «Лидера» о самоубийстве Эми. Там было имя этого жильца: Дуг Толлет. Он обнаружил ее тело.

Меня воротит от того, что я этого не знала. Я пытаюсь вспомнить, что было опубликовано в моей газете о том самоубийстве. Но когда Эми застрелилась, я была издательницей лишь четыре месяца. Когда это произошло, я была с Треем на Бали, где мы и отмечали нашу помолвку. Кэсс лишь недавно приступила к работе, и я оставила ее заведовать редакцией и редакционной политикой. Я находилась на Бали, когда получила известие о гибели Софии и Питера. Потом

в нашу жизнь вошла Куинн. Неудивительно, что у меня все спуталось в памяти.

Я гляжу на дом. Австралийский флаг вывешен в окне на половине Эми. Место имеет прискорбный вид. Но меня отвлекает сосущее беспокойство – тот факт, что Эми покончила с собой как раз перед пожаром в доме моей сестры.

Парадная дверь со стороны жильца открывается, и молодой человек выходит наружу.

– Хэй! – окликает он через лужайку. – Это ты Каллен?

– Пошли. – Джеб берет меня за руку.

Когда мы приближаемся к двери, белый универсал «Субару» выкатывается на соседнюю подъездную дорожку. Водительская дверь распахивается, двигатель на ходу.

– Что вам здесь нужно? Это частная собственность!

– Иди, – тихо говорю я Джебу. – Я разберусь с этим.

Я быстро подхожу к женщине.

– Мисс Виндлей, я Рэйчел Салонен, подруга Эми...

– Я знаю, кто вы такая. Видела вас в этих чертовых новостях. Вы мутите воду, снова загоняете нашу семью в ад. Что вы творите, в конце концов? Разве вы не знаете, сколько боли этот... – она указывает на Джеба дрожащим пальцем, – этот человек причинил моей семье? Он *убил* нашу Эми. Она застрелилась из-за него, потому что не могла жить с таким бременем на душе, потому что он высосал жизнь из нее, украл все доброе и хорошее. Что вы здесь делаете?

– Мы только хотели поговорить с жильцом об Эми.

Она отшатывается с побагровевшим лицом и подносит руку к горлу.

– Поверить не могу! Какое нахальство! Убирайтесь немедленно, это моя собственность.

– Миссис Финдлей... Ребекка, нам нужно...

– Я вызываю полицию. Звоню 911.

Она возвращается к автомобилю и роется в своей сумочке.

– Миссис Финдлей!

Но женщина садится в «Субару», закрывает и запирает дверь. Я вижу, как она наклоняет голову и набирает номер.

Я трусцой направляюсь к Джебу. Он стоит у двери и беседует с высоким поджарым юношей с длинными светлыми дредами,

облаченным в полосатые шаровары.

– Нам лучше управиться побыстрее, – шепчу я и накрываю ладонью его руку. – Она вызвала кавалерию. Полиция может быть здесь в любую минуту.

Дуг Толлет представляется как диджей Мирумид. Когда он проводит нас в дом, то сообщает, что работает в подпольном ночном клубе «База».

– Какая-то херня, парень. Я видел вас обоих по телевизору. – Он смотрит на Джеба, словно на какую-то кинозвезду. – Мы с восемью ребятами теперь живем во всем доме. Эта дама... хозяйка, она не хотела сдавать нам левую половину после стрельбы. Но мы такие, типа – «Нет проблем, если дать хорошую скидку с арендой, то нам по барабану, что там кто-то умер». Сейчас она пытается продать дом. Она выставила его на продажу сразу после стрельбы, но покупателей пока нет. Пока она не продаст дом, аренда обходится в сущие копейки.

Он провожает нас до двери на другую сторону дома.

– Когда у меня была только одна половина, она держала эту дверь запертой. Хотя это всего лишь фанера. Никакой звукоизоляции за смежными стенами. Эта хибара была построена в семидесятых из дешевой фигни, пока на Медвежьей горе не появился горнолыжный курорт. До строительства новомодных коттеджей.

До прихода денег от Бэнрока...

Я бросаю взгляд в сторону окна; вой полицейских сирен может раздаться через считанные секунды.

– Значит, в тот вечер вы были дома, – говорит Джеб. – Вы услышали выстрел за стеной?

По лицу диджея Мирумида пробегает тень. Смерть Эми подействовала на него, несмотря на молодежную браваду.

– Да. Она приехала из Ванкувера за два дня до того, как это случилось. Видел, как она входила в дом с чемоданами и прочим барахлом. Потом снова видел ее на следующий день, когда она несла пакеты из бакалейного магазина. Она побывала в винной лавке; это было ясно по логотипу на одном из пакетов и по горлышкам бутылок, выглядывавших наружу. А вечером она врубил музыка на полную громкость.

– Какую музыку?

– Регги. Какую-то старую дрянью. Сейчас поищу... – Он подходит к полке и перебирает стопку CD-дисков, пока не находит нужный. – Вот. Хозяйка сказала, что он ей не нужен.

Джеб хмурится и читает название вслух:

– «Филистимляне: лучшие композиции Дамани Джакиль».

– Да. Старое ямайское регги. Эми снова и снова играла эту музыку, с каждым разом все громче. Как будто обкурилась травкой. Кстати, можете взять себе. – Он указывает на диск. – Это все равно не мое.

Диджей Мирумидр провожает нас за дверь на другую половину дома.

– Вот здесь я нашел ее. У стены стоял стул, и она почти сползла оттуда. Пистолет валялся на полу, ее рука свисала над ним. Она выстрелила себе в рот. – Он указывает подбородком на стену. – Там была разбрызганная кровь... пополам с мозгами. Из дыры в затылке.

Меня подташнивает, но я смотрю на стену. Очевидно, что краску отскребли дочиста.

– Вы слышали выстрел, – говорит Джеб.

– Да. – Мирумидр чешет лоб. – Как я и говорил, здесь можно все слышать сквозь стены. Даже когда никого нет дома и включается автоответчик на телефоне, можно услышать сообщение и ответ. Перед выстрелом Эми приглушила музыку и сделала два звонка. Во время первого разговора она кричала и ругалась на какого-то мужика.

– Мужика? – повторяю я.

Он пожимает плечами.

– Судя по всему, она разговаривала с мужчиной. Она называла его гребаным ублюдком. Сразу же после этого к ней зашел какой-то парень.

Мы с Джебом обмениваемся быстрым взглядом.

– Вы сообщили об этом в полицию? – спрашивает Джеб.

– Послушайте, я был практически в ауте после выпивки. Копы... я не знаю. Они не считали мои показания достоверными из-за моего состояния. Но да, я рассказал им.

– Что это были за копы? – спрашиваю я.

Диджей Мирумидр смотрит на меня.

– Один высокий и темноволосый – тот, с которым вы недавно спорили по телевизору. Густая шевелюра, профиль, как у кинозвезды. Он самый.

– Заместитель начальника полиции лично занялся этим?

– Да. Он приехал и взял дело в свои руки от двух копов, которые первыми прибыли на место. Как-то странно видеть его и вас в теленовостях, а теперь вы еще и приехали сюда.

Он по-прежнему озадаченно смотрит на меня. Я могу лишь догадываться, что думает диджей Мирумид, но тут движение за передним окном отвлекает меня.

Полицейский автомобиль встает за моим на противоположной стороне улицы. Ребекка Финдли бежит к нему через лужайку. Темноволосая женщина и ее напарник выходят из машины.

– Нам нужно поторапливаться, – шепчу я Джебу.

– Мы находимся в своем праве, Рэйчел, – говорит он, но я вижу, как напрягаются его шейные мышцы. Он поворачивается к Мирумиду. – Вы видели того парня, который зашел к ней после телефонного звонка?

– Здоровый мужик. Наверное, выше шести футов, в синей куртке и бейсболке, натянутой по самые глаза. Тогда было уже темно, и я не разглядел его лицо.

Мое сердце учащенно бьется.

– А когда этот парень ушел? – спрашивает Джеб.

Мирумид чешет затылок.

– Вот здесь все как-то туманно, дружище.

– Туманно?

Пирелло идет к нам по садовой дорожке, держа руки на оружейном поясе. Ее партнер разговаривает с миссис Финдли у автомобиля.

– На самом деле я не видел, как он уходит, прежде чем Эми застрелилась. Может быть, я на минуту отрубился и все пропустил. Но выстрел точно разбудил меня. Музыка не было, только мертвая тишина. Я заколотил в дверь, потом вышел на улицу и заглянул в переднее окно на другой стороне дома. Рядом со стулом стояла маленькая лампа, и я мог видеть ее. Эми... – Он невольно передергивает плечами и бледнеет. – Я побежал к хозяйке, начал колотить в ее дверь. Она вышла с ключами. Мы вошли туда вместе, а потом она позвонила 911.

– Выходит, тот мужчина, который посетил Эми, мог уйти *после* выстрела? Скажем, через заднюю дверь на кухне? – спрашивает Джеб, изучивший планировку дома.

Мирумид кивает.

– Полагаю, что да.

– Она оставила какую-то записку? – спрашивает Джеб.

– Только листок бумаги с телефонными номерами. Вот на этом круглом столике, который тогда находился возле ее стула.

Констебль Пирелло находится у двери.

– У ее ног еще лежала раскрытая газета. «Сноу-Крик Лидер».

Раздается стук в дверь. Джефф оглядывается и быстро спрашивает:

– Газета была раскрыта на определенной странице?

– На рекламной странице фандрайзинга для пожарной команды. Там были фотографии из их нового календаря.

– Вы это запомнили?

– Черт побери, дружище, – с того момента когда я увидел ее на стуле с дыркой в голове, вся эта сцена врезалась мне в голову. Я не могу избавиться от нее.

Стук в дверь становится громче. Я гляжу на Джеба, и он кивает. Тогда я иду к парадной двери.

– Вы упоминали, что Эми позвонила кому-то еще до появления того парня, – быстро говорит Джеб.

– Да, сразу же после первого звонка, когда она ругала кого-то, был второй звонок, но очень короткий. Как будто она хотела оставить сообщение. Я не помню слова, но запомнил одно имя. София. Потом Эми сказала что-то вроде: «Я говорила с ним. Теперь я знаю, кто это сделал».

Я замираю на ходу.

– София?

Снова стук в дверь.

– Откройте, полиция!

– В какое время это было? – спрашивает Джеб, глядя на меня. Где-то глубоко внутри меня начинается дрожь. У меня горит лицо.

– Наверное, около семи вечера.

– Тот парень появился после того, как Эми оставила сообщение?

– Да. Они стали разговаривать, потом заспорили.

– О чем?

Он опускает глаза.

– Я был пьян и принял тонну кислоты. Ничего не помню. Как я сказал раньше, выстрел привел меня в чувство.

– Полиция! Откройте, будьте добры!

Я сглатываю, направляюсь к двери и открываю ее.

Щеки констебля Пирелло покраснелись, ее фиалковые глаза сверкают. Ее взгляд устремляется на диджея Мирумира поверх моего плеча.

– Здесь все в порядке?

– Спасибо, констебль Пирелло, – говорю я. – Мы приехали сюда по приглашению жильца.

Она внимательно изучает мое лицо.

– Мы получили жалобу о незаконном проникновении от хозяйки дома.

– Клевая шутка, – говорит Мирумид, который подходит сзади. – Я на самом деле пригласил их. Я имею право приглашать гостей, так написано в моем договоре аренды.

– Все абсолютно нормально, – говорю я. – Мы так или иначе собирались уходить.

Пирелло отступает в сторону, и мы выходим. Джеб идет вперед, но я задерживаюсь, вспоминая слова Пирелло, когда она вручила мне свою визитную карточку.

«Я знаю всех, кто давал показания против него. Я знаю, почему приговор был отменен. Все может быть не так, как кажется на первый взгляд. Я здесь новенькая, и у меня нет личной заинтересованности в деле...»

– Это Адам Лефлер подписал решение о том, что смерть Эми была самоубийством, – неожиданно говорю я. Я понимаю, что вступаю в рискованную игру, но надеюсь заронить сомнение в ее голове. – Все абсолютно уверены, что это было самоубийство?

– Прошу прощения, мэм?

– Вам известно, что перед выстрелом Эми посетил крупный мужчина в синей куртке и бейсболке? И что никто не видел его ухода до того, как прозвучал выстрел?

Ее лицо остается бесстрастным. Ее взгляд не колеблется, но мне кажется, что я замечаю огонек интереса в этих красивых глазах.

– Вы знали, что перед визитом этого мужчины Эми совершила два телефонных звонка?

Она молча ждет продолжения.

– Сначала она, возможно, позвонила тому, кто приехал к ней. Второй звонок остался без ответа. Но она оставила сообщение для абонента. – Я начинаю дрожать от усилий, которые трачу на то, чтобы передать ей нечто важное. – Знаете, кому она оставила это сообщение? *Моей сестре*. Она работала в социальной службе помощи жертвам насилия и с самого начала помогала Эми после ее изнасилования девять лет назад. Как вы думаете, какое сообщение она могла отправить моей сестре? Кто-то разбирался в этом, пытался восстановить это сообщение?

– Это не входило в мои обязанности, мэм, – невозмутимо отвечает она. – Я лишь три месяца назад поступила в отдел полиции Сноу-Крик.

Я удерживаю ее взгляд.

– Все верно. Это было делом Адама Лефлера. Заместитель начальника полиции взял на себя ответственность за расследование.

Я поворачиваюсь и оставляю констебля Пирелло стоять на крыльце.

Ее партнер прислонился к патрульному автомобилю и смотрит, как я иду к моей машине. Джеб уже сидит за рулем. Я забираюсь на пассажирское место.

– Что это было? – спрашивает он.

Я игнорирую вопрос. У меня в голове полная каша. Я знаю, что Эми и моя сестра умерли, пока я находилась на Бали, но я была сосредоточена только на собственном прошлом. Эми была для меня захороненным фрагментом старой истории, не имевшей отношения к моей тогдашней утрате. Но теперь...

– Какое число?

– Число?

– Да, черт побери! Точная дата смерти Эми!

Он со свистом втягивает воздух сквозь зубы.

– Восьмого апреля.

– За день до пожара у моей сестры?

Он не отвечает. У меня такое ощущение, что я готова сблевать.

– И Эми позвонила Софии? Сказала ей, что знает, кто это сделал?

Он по-прежнему не отвечает. Я тихо закипаю от гнева.

– Знаешь, – очень тихо говорю я. – Ты не верил, что смерть Эми была самоубийством. Ты был убежден в связи между ее смертью

и гибелью моей сестры.

– Я не знал. У меня было ощущение.

– *Ощущение?* – Я сердито гляжу на него. – У тебя было ощущение, что Эми убили, – ощущение, что это было как-то связано с моей сестрой, – и ты мне ничего не сказал?

Он заводит двигатель и выезжает на дорогу. Тетя Эми наблюдает за нами из окна. Ветер снова разошелся, и на ее лужайке кружатся опавшие листья.

Джеб едет к дому Пайпер и не обращает на меня внимания.

– Поговори со мной, черт побери. Я же сказала: никаких секретов. Как я могу тебе доверять, когда ты так ведешь себя? Мы... это же моя сестра!

Я вся дрожу.

Джеб избегает моего взгляда. Он делает медленный, глубокий вдох.

– София позвонила мне в тюрьму вечером после того, как Эми оставила это сообщение.

Я холодею. Рефлекторно тянусь к дверной ручке и стискиваю ее. Я боюсь того, что будет дальше.

– В тот вечер София с Питером ужинали в ресторане, поэтому они пропустили звонок, – говорит он. – Когда они приехали домой, то выслушали сообщение. София сказала, что Эми казалась очень пьяной. Но, по ее словам, она знала, кто это сделал.

– Остановись.

Он вопросительно смотрит на меня.

– Останови машину, немедленно!

Он тормозит, сворачивает на обочину и останавливается. Я разворачиваюсь на сиденье лицом к нему. Гнев, страх, обида смешиваются у меня в голове и пульсируют в крови.

– Теперь с самого начала. Со всеми подробностями. Ты все расскажешь мне прямо сейчас или выйдешь из моего автомобиля и будешь держаться подальше от меня и Куинн.

Его лицо каменеет, взгляд мрачнеет. Даже когда я говорю это, то понимаю, что он имеет родительские права на Куинн, что бы я ни утверждала. Мне плохо. Мы связаны, нравится мне это или нет.

– Рэйчел...

– С самого начала.

Он выключет зажигание и проводит ладонью по лицу.

– Все началось с Пайпер. Пять лет назад. Она опрашивала людей для документальной драмы СВС «Настоящее преступление»...

– Это мне известно. Она пыталась взять интервью у меня, но я отказалась.

Он кивает и смотрит мне в глаза.

– Тогда ты должна знать, что Пайпер умеет распознавать вещи, которые пугают людей – особенно тех, кто пережил тяжелую психологическую травму.

Я грубо фыркаю.

– Да. Так называемый медиум.

– Что бы ты ни думала о ее способностях, когда Пайпер встретила с Эми и взяла ее за руку, она увидела яркий образ нескольких молодых мужчин, нападавших на кричащую женщину. Пайпер рассказала ей об этом видении и спросила Эми о возможности того, что насильников было несколько. Тогда Эми полностью замкнулась в себе.

– Откуда ты знаешь? – Мой голос становится пронзительным, и я ненавижу себя за это.

– От Софии.

У меня все сжимается внутри. Я каким-то образом ощущаю себя обойденной и преданной. Собственной сестрой.

– Сначала бытовало мнение, что Эми была тяжело одурманена и не сохранила никаких воспоминаний о происшествии. Но после того, как Пайпер получила видение от Эми, она убедилась в том, что воспоминания были заперты в ее мозге и подсознательно возвращались к ней.

Он кашляет и поднимает руку, как будто собирается прикоснуться ко мне. Но я отстраняюсь от него. Сейчас я нахожусь в опасном состоянии, и мой разум может обрушиться внутрь себя.

– Продолжай.

– Пайпер встретила с Софией и рассказала ей о своем видении после того, как она прикоснулась к Эми. София решила спросить Эми, хочет ли она попробовать новую разновидность гипнотерапии для высвобождения этих запертых воспоминаний.

– И все это было основано на ее видении?

– На толстовке также имелись следы ДНК, подразумевавшие участие другого мужчины. Эми согласилась. Они с Софией провели

несколько сеансов, и Эми начала вспоминать некоторые вещи...

– Самовнушение. От Пайпер, разумеется.

– Такое возможно. Однако те немногие вещи, которые вспомнила Эми, побудили Софию навестить меня в Кентской тюрьме. Сначала она связалась со мной под предлогом того, что проводит исследование нескольких показательных дел. Она хотела поговорить со мной о той ночи.

– И ты согласился.

– Я был готов рассказать мою историю любому, кто мог выслушать ее. Да, я согласился.

– Значит, связь между тобой и Софией началась пять лет назад из-за какого-то медиума. А потом она рассказала тебе о Куинн?

– Потому что специалист из криминалистической лаборатории обнаружил неопределенный профиль ДНК. И потому что у Эми появились собственные сомнения из-за того, что память начала возвращаться к ней. И конечно, из-за меня. После нескольких визитов София начала склоняться к тому, что я говорю правду. Она взялась за мое дело ради Куинн. Ради правды и справедливости. И она связалась с юристами из программы «Невиновность».

Я тихо ругаюсь сквозь зубы.

– И что якобы вспомнила Эми во время этих сеансов гипноза?

– Несколько насильников. Группу мужчин. Монотонную музыку. Холодное место с запахом плесени, темноту, низкий потолок или ощущение тяжести наверху. Запах почвы и марихуаны. Звук текущей воды, словно у реки.

– Хижина старого траппера, где они нашли следы Эми, после того как обнаружили ее, стояла у реки. Там была низкая крыша.

Он кивает.

– Эми также вспомнила странную фразу, которая вращалась у нее в голове. *Теперь похотливый щенок окончательно свихнется.*

– Что?

– Не знаю, что это значит. София предполагала, что контекст появится в ходе следующих гипнотических сеансов. Но Эми испугалась и прекратила общение. София не стала давить на нее; с показаниями криминалиста и анализами ДНК у нас было достаточно свидетельств, чтобы подать апелляцию на мой приговор. София считала, что Эми расхрабрится после того, как судья примет решение

в мою пользу. И когда стало понятно, что он на самом деле собирается решить в мою пользу, Эми согласилась попробовать еще раз. Это было полгода назад. Но она пропустила свою встречу с Софией, а через два дня позвонила из Сноу-Крик и оставила это сообщение на ее домашнем телефоне. Но прежде, чем София успела услышать его, Эми была мертва.

Он на какое-то время оставляет меня в покое, потом тихо накрывает ладонью мою руку. Я позволяю ему это сделать. Я нуждаюсь в этом. Как бы я ни сопротивлялась, мне нужен Джеб. Я люблю Джеба. Я хочу его. Мне ненавистна мысль о его тесных взаимоотношениях с моей сестрой. О том, что я не принимала участия в этом. Логически я понимаю, почему это так, но это не успокаивает боль обиды и одиночества. К глазам подступают жгучие слезы.

– Не могу поверить, что ты не сказал мне об этом.

– Это было бы слишком, Рэйчел.

– Не тебе решать.

Она снова ненадолго замолкает, потом тихо говорит:

– София также сказала мне, что Эми вспомнила изображение дракона. Извивающегося дракона.

Я медленно поднимаю голову.

– Дракона?

– Это все, что я знаю. Каждый раз, когда появлялся образ дракона, ее воспоминания угасали.

Я вынимаю руку из-под его ладони и потираю лоб.

– София обращалась в полицию с этими сведениями?

– Она не доверяла копам, которые вели расследование, как и первому адвокату защиты. Вместо этого она предоставила информацию юристам из проекта «Невиновность». У них накопилось достаточно свидетельств, чтобы на прошлой неделе судья постановил, что мое прежнее осуждение было несправедливым.

На прошлой неделе.

Прошла неделя после того, как его выпустили из тюрьмы. Мне кажется, что за эти дни прошла целая жизнь.

– София погибла полгода назад, – шепчу я. – Она так и не услышала окончательный вердикт. Она умерла до того, как увидела, что ей удалось сделать.

– Шестерни правосудия вращаются медленно. Судья не торопился. Но полгода назад мы были полны оптимизма и думали, что дело решится в нашу пользу.

– Наверное, это был настоящий ад. Оставаться в тюрьме эти последние шесть месяцев и ждать решения. Особенно после смерти Софии.

– Это были самые долгие дни в моей жизни. Ты не представляешь, как я тоскую по ней.

Я удерживаю его взгляд.

– Мне очень жаль, Джеб.

– Мне тоже очень жаль. Она оставила большой пробел в жизни многих людей.

Я отворачиваюсь и гляжу в окно.

– Когда она позвонила тебе в тюрьму вечером перед пожаром, то сказала что-то еще? – хрипло спрашиваю я.

– Только насчет сообщения Эми, что она находится в Сноу-Крик и знает, кто это сделал. Когда София получила сообщение, она сразу же перезвонила, но не получила ответа. Она сказала, что завтра утром первым делом поедет в Сноу-Крик, чтобы встретиться с Эми. Когда она позвонила мне, то была очень взволнованна. Она сказала, что мы можем наконец узнать, кто это сделал. Но на следующее утро она погибла в огне.

Моя кровь обращается в лед.

– Джеб, – тихо, очень тихо говорю я. – Если... если Эми убил тот мужчина в бейсбольной кепке, думаешь ли ты, что он мог узнать от нее насчет звонка и сообщения для моей сестры? Думаешь, мою сестру тоже убили?

Он молчит.

– Проклятье! – Я лезу в карман, достаю смартфон и звоню моему криминальному репортеру Джонасу Толлингворту. Он писал статьи о самоубийстве Эми.

Когда он отвечает, я не трачу время на обмен любезностями.

– Джонас, это Рэйчел. У тебя сохранились первичные материалы для апрельской статьи о самоубийстве Эми Финдли?

Он просит подождать, пока разбирается в своих записях. Я слышу шелест бумаги.

– У меня есть копии коронерского отчета, – говорит он. – И полицейский отчет.

– Пистолет Эми был на кого-то зарегистрирован?

Он медлит с ответом, просматривая записи.

– Серийный номер был сточен напильником. Полицейские решили, что она приобрела оружие на черном рынке.

– Есть упоминание о телефонных звонках, которые она сделала вечером перед смертью?

Джонас снова листает записи.

– Да, в отчете упоминается о двух исходящих звонках по номерам, совпадающим с теми, что были на листке бумаги, лежавшем на столе. Сначала она позвонила в пожарное депо Сноу-Крик. Потом своему психотерапевту, доктору Софии Маклин в Западном Ванкувере. – Следует короткая пауза. – Вашей сестре.

У меня пересыхает во рту.

– Она позвонила в пожарное депо? – Я смотрю на Джеба. – Есть сведения, с кем она разговаривала? Как долго?

Снова шелест бумаг.

– Нет данных о том, с кем из пожарных она разговаривала. Только набранный номер.

– Можешь передать его мне?

– Ты имеешь в виду номер пожарного депо?

– Да.

Он диктует номер, включая дополнительный внутренний код из четырех цифр. Мое сердце готово выскочить из груди.

– Чей это внутренний номер?

– Не знаю. Я не проверял, потому что полицейские пришли к выводу о самоубийстве. Дело было закрыто.

– И ты не стал развивать эту тему?

– У меня не было никаких причин для этого. В то время на руках было много других горячих дел.

– Спасибо, Джонас.

Я отключаюсь и сразу же набираю номер пожарного депо вместе с внутренним номером. После двух гудков звонок переключается на общую голосовую почту.

Я вешаю трубку и пытаюсь успокоить сильно бьющееся сердце.

– Мне нужно туда, – говорю я. – После того как мы закончим с Пайпер.

– В пожарное депо?

– Да. Керриган Кэй работает по пятницам; она моя старая подруга – *или была подругой*. – Я могу спросить у нее, кому принадлежит внутренний номер. Я хочу знать, кто имеет доступ к этому телефону и кто находился на дежурстве в тот вечер, когда позвонила Эми.

* * *

Когда Энни Пирелло вернулась в участок, она взяла архивную папку с делом о самоубийстве Финдли. Инсинуации Рэйчел Салонен пробудили ее интерес.

В папке она нашла два номера, по которым звонила Эми Финдли перед смертью. Один номер принадлежал городскому пожарному депо и включал дополнительный внутренний номер. Второй номер принадлежал Софии Маклин. Энни внимательно проверила дату и время. Салонен была права; пожар в доме Маклинов начался на следующее утро после смерти Финдли.

Она задумчиво откинулась на спинку стула.

Такие женщины, как Эми Финдли, не стреляют себе в рот, если хотят покончить с собой. Они принимают смертельную дозу снотворного. Энни достала фотографии, сделанные на месте, и разложила их на столе. Она поджала губы, тщательно изучая их. Потом вдруг наклонилась вперед, когда увидела на одной из фотографий развернутую газету, лежавшую у ног Финдли. Газета была раскрыта на рекламной странице с объявлением о сборе средств для пожарного депо. Там были две фотографии, сделанные для нового календаря пожарной бригады. На первой из них была изображена мускулистая спина мужчины, работавшего у старомодной водокачки. Она знала этого человека, поскольку у нее дома имелся такой же календарь, и она прочитала подпись под фотографией, сделанную мелкими буквами.

Энни быстро повернулась к компьютеру и устроила короткую проверку биографических данных, испытывая неожиданное предвкушение.

Она встала и потянулась за своей курткой.

– Новак!

Ее партнер, сидевший за соседним столом, поднял голову.
– Нам нужно съездить в Пембертон.

Глава 21

Пайпер носила длинное свободное платье и мягкие угги, а ее волосы медового оттенка мягкими волнами окружали овальное лицо. Джеб подумал, что она очень красива, что эта красота сильно отличалась от внешности Рэйчел. Здесь он ничего не мог поделать с собой.

– Заходите, – сказала Пайпер глубоким хриловатым голосом, приглашая Рэйчел и Джеба в свой дом на западной стороне Пайнкон-Лейк.

Импозантный темноволосый мужчина с угловатыми чертами лица, оливковой кожей и сильно изогнутыми бровями встал из-за стола у окна с видом на озеро. Перед ним находились включенный ноутбук, записная книжка и россыпь бумаг; посетители застали его за работой. Рядом на высоком стульчике восседал малыш, еще не умеющий ходить. Девочка лет четырех на вид занималась рисованием перед камином, где тихо потрескивали дрова. Она быстро поднялась на ноги и прильнула к матери, с любопытством поглядывая на Джеба и Рэйчел.

Сердце Джеба невольно сжалось, когда он представил, как Куинн в этом возрасте прижималась к ногам Софии. Ощущение было острым и болезненным.

– Это мой муж Дрейкон, «писатель ужастиков», как его здесь называют, – с улыбкой сказала Пайпер. – Он также читает лекции в новом частном университете Сноу-Крик.

От нее исходило ощущение довольства и семейного счастья. В этом доме царил покой. Здесь было все, чего жаждал Джеб, и даже более того. Он встретился взглядом с Рэйчел. Она видела то же самое, что и он, но выглядела смущенной.

Джеб вышел вперед и пожал руку, протянутую Дрейконом. Глаза писателя были черными как ночь. В его волосах, образовывавших «вдовый треугольник» на лбу, имелась седая прядь, но Джеб решил, что это связано не с возрастом, а с генетикой. Он выглядел таким же зловещим и загадочным, как книги, которые он писал: историческую готику и романы ужасов, действие которых происходило на северо-

западном побережье Тихого океана. Джеб прочитал два его романа, когда сидел в тюрьме.

– Мы наконец встретились, – сказал Дрейкон, обменявшись с ним крепким рукопожатием. От него исходила небрежная уверенность и ощущение непринужденности, обычно связанное с богатством.

– Вы сводный брат Мэрили, – сказал Джеб.

– Да, я ее *старший* сводный брат, – с улыбкой ответил Дрейкон. – Поэтому у нас разные фамилии.

– И у вас нет враждебности ко мне? – с любопытством спросил Джеб.

Дрейкон посмотрел на свою жену.

– Я на собственном опыте научился доверять интуиции Пайпер. Уже довольно давно я полагаю, что вы не тот человек, который это сделал и знает, где находится тело Мэрили.

Джеб уставился на него. Такая откровенность была совершенно обезоруживающей.

– А это Кристал, – сказала Пайпер и погладила по голове девочку, цеплявшуюся за ее платье. – Сэйдж – это маленький монстр, который рассматривает вас с детского стульчика, забыв о каше во рту.

Рэйчел приняла руку Дрейкона.

– Мы знакомы.

– Несомненно. Спасибо за поддержку в прессе и критические обзоры в вашей газете.

– Ваши книги говорят сами за себя, – сказала она с улыбкой, маскировавшей тревогу в ее глазах. – Я ваша преданная читательница.

– И разумеется, я знакома с вами, – обратилась Рэйчел к Пайпер. Джеб заметил, что Рэйчел не взяла ее протянутую руку. Она держалась на почтительном расстоянии от медиума.

– Я попыталась взять интервью у Рэйчел для документальной драмы, – пояснила Пайпер, повернувшись к Джебу. – Но я понимаю, почему она отказалась.

– Боюсь, я не сторонница художественных интерпретаций настоящего преступления. – Рэйчел нервно потерла руку; Джеб заметил у нее эту привычку. – Но я понимаю, что в данном случае ваш фильм послужил чему-то действительно ценному. Освобождению Джеба. Мы надеемся, что все это так или иначе приведет к раскрытию истины.

Пайпер смягчила улыбкой растущее напряжение.

– Пойдемте сядем в гостиной. Кто-нибудь хочет чаю?

Джеб и Рэйчел вежливо отказались.

Они расселись на чрезмерно мягких диванах посреди довольно вычурной художественной обстановки. Вид на озеро из панорамных окон гостиной был потрясающим. Полки, забитые книгами и журналами, выстроились от пола до потолка вдоль одной стены.

– Чем мы можем помочь? – спросила Пайпер.

Джеб подался вперед, упершись руками в колени.

– Несколько лет назад, когда вы впервые прикоснулись к Эми, у вас было видение. Можете рассказать нам, что именно вы увидели? Вы до сих пор ясно помните, что случилось тогда?

Пайпер кивнула.

– Отлично помню. Две четкие мужские фигуры...

– Вы видели их лица? – перебила Рэйчел.

– Это так не работает, – объяснила Пайпер. – Я видела не лица, но скорее туманные силуэты двух мужчин; на самом деле это было воспоминание Эми, которое я извлекла из ее подсознания. Но у меня было ощущение, что еще двое или несколько других мужчин находились на периферии зрения.

Рэйчел плотно сжала губы и прищурилась. Джеб чувствовал ее сомнение.

– Как вы можете быть уверены, если не видели их лица?

– Я уверена в смысле того, что это были отдельные души. Человеческие личности.

– Понятно, – сказала Рэйчел.

– Знаю, что некоторым людям трудно осознать подобные вещи. – Пайпер наклонилась и тихо сказала дочери: – Кристал, ты можешь сходить на кухню и принести банку с печеньем?

Она подождала, пока девочка не вышла из комнаты, и продолжала:

– Двое мужчин на переднем плане нападали на кричащую женщину и насильвовали ее. Я видела нечто похожее на пистолет, и один из них... – Она покосилась на дверь, за которой исчезла ее дочь. – Он пользовался стволом, чтобы насильзовать ее.

Рэйчел тяжело сглотнула и побледнела. Джебу стало нехорошо. Сколько бы раз он ни слышал эту историю, она производила

физическое воздействие на него. На суде выяснилось, что Эми насильвовали инородным предметом, спереди и сзади.

– Женщиной, на которую нападали двое мужчин в вашем видении, точно была Эми? – сдавленным голосом спросила Рэйчел.

– Я считаю, что уловила подавленные травматические воспоминания Эми, которая видела, как ее подругу Мэрили насильвовали как минимум двое мужчин.

Дрейкон отвернулся к окну с суровым выражением на лице. Пайпер положила руку ему на колено.

– Так это случается со мной. Я могу видеть человеческие кошмары, призраков и воспоминания, которые терзают их. Эти яркие образы часто оказываются запертыми в подсознании. Иногда я могу выводить их на поверхность, если сажусь и беру за руку другого человека. Это как будто открывает канал связи в моем сознании.

Когда она говорит, то смотрит на Дрейкона. Кристал бегом возвращается в комнату с красной жестяной банкой, разрисованной белыми сердечками.

– Предложи их гостям, – ласково сказала Пайпер и сняла крышку.

Девочка застенчиво посмотрела на Рэйчел, потом на Джеб. Потом медленно подошла к ним, держа банку обеими руками. Джеб взял печенье.

– Большое спасибо.

Он снова невольно подумал о Куинн. О времени, потраченном впустую. О том, каким чуждым было ощущение дома, где тебя радушно принимали и позволяли уйти куда угодно. Но он напомнил себе, что, хотя Пайпер и Дрейкон принимали его, остальные были настроены враждебно. Он не был по-настоящему свободен. И не будет, пока не получит доказательства, которые можно будет использовать в суде.

– Вы еще что-то запомнили из этого видения? – спросил он и откусил кусочек печенья. – Что-нибудь насчет обстановки?

– Эми передала мне ощущение гнетущего веса наверху. Как будто это преступление произошло где-то глубоко – возможно, под землей. У меня было ощущение, что я нахожусь под землей.

– Но не в хижине? – спросила Рэйчел.

– Нет, это было не похоже на хижину.

Джеб кашлянул.

– София упоминала, что во время гипноза Эми испытывала ощущение холода и темноты, чувствовала запах сырой земли и дыма марихуаны. Как вы думаете, могло ли это преступление произойти... возможно, в какой-то пещере? Это совпадало бы с вашими образами и ощущениями?

– Да, совершенно верно.

Рэйчел вдруг выпрямилась на диване.

– Шахта, Джеб! – Ее глаза заблестели. – Старая медная шахта над гравийным карьером, возле перевалочного пункта тропы на гору Монтруж. Рядом со входом в шахту находится водопад Руж. Ты сказал, что Эми слышала шум воды. Тогда ты еще ездил по деревянному мосту над водопадом, так что автомобиль можно было подогнать прямо к входу. – Она немного помедлила. – Все могло случиться прямо там, над гравийным карьером. Музыка, которую слышала Эми, – та самая ритмичная музыка, – могла доноситься из автомобиля снаружи, особенно если двери остались открытыми.

Джеб испытал моментальный прилив энергии. Да, это было возможно... Но это не объясняло, почему Эми нашли бредущей по железнодорожным путям почти в двадцати милях к северу.

– Пайпер, – сказал он, – перед смертью Эми слушала музыку с компакт-диска под названием «Филистимляне: лучшие композиции Дамани Джакиль». Судя по всему, при этом она курила травку. Как вы думаете, было ли это попыткой воссоздать события той ночи с помощью стимулов, которые она начала вспоминать, включая запах марихуаны? Потому что София пробовала такие вещи во время ретроградного гипноза.

– Это имеет смысл, – сказала Пайпер. – Что еще Эми вспоминала на сеансах гипноза?

– Одну странную фразу: *Теперь похотливый щенок окончательно свихнется*. София говорила, что эти слова постоянно вращались в сознании Эми. Потом возникал образ извивающегося дракона, и все пропадало. Она называла это «качающимся драконом».

Пайпер нахмурилась и посмотрела на своего мужа.

– Дрейкон, твое имя означает «дракон». Ты видишь в этом какой-то смысл? Это что-то значит для тебя? Могло ли это означать что-то важное для Мэрили, так что Эми знала об этом?

Его губы сжались в тонкую линию.

– Когда Мэрили училась в старших классах, мы практически не общались друг с другом. В таком возрасте разница в несколько лет может быть непреодолимой преградой. Когда она пропала, я уже четыре года как закончил школу, жил в Виктории и готовился к поступлению в докторантуру. – Он слегка пожал плечами. – Слово «дракон» ничего не значит для меня, кроме формального перевода моего имени. Это семейное имя. Моего прадеда звали Дрейконом. – Он повернулся к Джебу. – Какую там фразу она вспоминала?

– «Теперь похотливый щенок окончательно свихнется».

– И вы говорите, что она слушала диск Дамани Джакиля?

– Вы знаете, кто это?

Дрейкон встал и подошел к полке с рядами компакт-дисков. Он достал один и показал всем. Это был такой же диск, как полученный от диджея Мирумира.

– Эти диски продавались на ежегодном музыкальном фестивале в Сноу-Крик в прошлом апреле. Дамани Джакиль и группа «Тутс» в этом году давали живые концерты на фестивале: это одна из старейших ямайских групп, выступающих в стиле ска и рокстеди, какие еще остались. Самому Джакилю недавно исполнилось семьдесят лет, и весенний концерт в Сноу-Крик был частью их финального тура. Группа образовалась в начале 1960-х годов, когда стиль ска находился в большой моде. Их первое выступление в Сноу-Крик состоялось тринадцать лет назад, во время первого местного фестиваля. Для организаторов было блестящим ходом снова пригласить их сюда. Я ходил на концерт в память о старых временах. И купил вот этот диск. Взгляните на стихи из этого трека. – Дрейкон указал на песню под названием «Грубый парень» на задней стороне коробки.

Джеб открыл коробку, достал вложенный буклет и нашел песню «Грубый парень». Пока он читал, то чувствовал, как вдоль позвоночника стекает холодный пот.

Давайте, незваные гости...
Давайте, все грубые парни и девки
Поезд грубых парней крушит все вокруг
Он уже прибывает
Тики-тики-тик
Поезд грубых парней крушит все вокруг
Поезд грубых парней крушит все вокруг
Танцуйте, незваные гости
Вы все лицемеры, все грубые парни и девки...

Он поднял голову. Кровь тяжело пульсировала у него в ушах.

– Так бывает со всеми песнями, где слова ритмично повторяются, – сказал Дрейкон. – Они очень прилипчивые. Я могу представить, как эта мелодия постоянно крутилась в голове у Эми, особенно если она сопровождала какое-то травмирующее событие.

– «Грубый парень», а не «похотливый щенок». Должно быть, Эми ослышалась.

– Это не первый раз, когда человек слышит одно, а запоминает другое. Со мной так бывало. «Грубый парень» – это сленговое выражение, возникшее в ямайской уличной культуре 1960-х годов. Оно ассоциировалось с буйной молодежью, с музыкой в стиле ска и рокстеди. Во многих песнях того периода авторы либо критиковали, либо поддерживали насилие «грубых парней». Как и в этой песне Джакиля.

Наступило короткое молчание, потом Рэйчел сказала:

– Но кто мог слушать такой компакт-диск девять лет назад, когда все это случилось? Кто тогда любил старую музыку регги 1960-х годов? Я имею в виду, что молодежи обычно нравятся современные хиты.

Дрейкон фыркнул.

– После первых гастролей Джакиля и «Тутс» в Сноу-Крик там был как минимум еще один поклонник их музыки, кроме меня. В то время у нас были общие музыкальные интересы. Он учился в школе и был на год младше меня.

Все взгляды обратились к нему.

– Кто это? – быстро спросил Джеб.

– Адам Лефлер.

Рэйчел приоткрыла рот от изумления.

– Вы шутите, – сказал Джеб.

– Адам стал верным поклонником старого ямайского регги. И все это началось с того концерта в Сноу-Крик тринадцать лет назад.

– В какой день Джакиль выступал в прошлом апреле? – спросила Рэйчел.

Дрейкон нахмурил лоб.

– Фестиваль всегда проводится во время весенних каникул, которые приходятся где-то на второй уик-энд апреля. Минутку... – Он достал из кармана смартфон и включил календарь. – Это выступление состоялось седьмого апреля, в среду.

– Джеб, – Рэйчел внезапно охрипла от волнения, – это было за день до смерти Эми. Она застрелилась восьмого апреля. Думаешь, она поэтому приехала сюда и пропустила назначенную встречу с Софией? Потому что она узнала о выступлении Джакиля и захотела что-то вспомнить? Думаешь, она начала вспоминать, потом купила этот диск, вернулась домой и продолжала слушать, пока не вспомнила?

Джеб уставился на нее.

– Боже мой. Это возможно.

– Нам нужно вернуться в гравийный карьер. – Она вскочила с места. – А потом нужно подняться вверх и проверить шахту. Что, если это случилось прямо там, в старой угольной шахте над карьером? Кто-то мог увезти Эми на север и бросить ее в трапперской хижине *после* изнасилования, чтобы отвлечь внимание от шахты.

– Это значит, что Мэрили по-прежнему может находиться там, – тихо сказал Джеб. Он тоже встал. – Нам нужно идти. У нас была запланирована еще одна остановка в городе.

Они поблагодарили Пайпер и Дрейкона. Джеб заметил, что Рэйчел снова предпочла не трогать руку Пайпер. Когда они возвращались к автомобилю, Пайпер остановила его легким прикосновением руки.

Измученный электрическим покалыванием на коже, он заглянул ей в глаза. Ее взгляд был пронизывающе интенсивным.

– Вы видите меня насквозь? – поинтересовался он.

Пайпер улыбнулась.

– Я вижу, что вас гложет, Джеб. Для этого не нужно быть экстрасенсом.

– Ну да. – Он оглянулся на Рэйчел, которая уже открывала дверь автомобиля. – Со мной так всегда бывает в ее присутствии. – Он

хмыкнул. – Впрочем, как вы понимаете, в тюрьме я не мог встречаться с другими женщинами для сравнения.

– Я хочу, чтобы вы знали, почему Рэйчел прячет от меня свою внутреннюю сущность, – сказала Пайпер. – Пять лет назад, когда я впервые встретила с ней и попыталась взять интервью, мы обменялись рукопожатием. – Пайпер выдержала паузу. – И я мысленно увидела вас. Меня словно треснули кирпичом по голове. Ясно как день. Я знала, что это вы, – по фотографиям из газет и по моим исследованиям для документальной драмы. Энергия этого образа была ошеломительной. Вы были как призрак, обитавший в сознании Рэйчел.

– Пять лет назад?

Пайпер кивнула.

Взгляд Джеба переместился на Рэйчел, которая уже сидела в автомобиле. Она наблюдала за ними. У него вдруг сперло в груди. Она не отпустила его от себя, даже после приговора. Нет, она продолжала удерживать его в своем сердце и в своей душе.

– Вы – часть ее существа, Джеб. А она – часть вашего существа. Я просто хотела, чтобы вы это знали.

Джеб сглотнул. Он не знал, что сказать.

– Я верю в судьбу, – продолжала Пайпер. – Вам обоим нужно сражаться за это, что бы ни случилось. Иначе ваша жизнь не будет правильной или целостной. Поверьте, я знаю.

– У вас с Дрейконом было то же самое?

Она сокрушенно улыбнулась.

– Однажды я расскажу эту историю. Когда у вас будет больше времени.

Джеб удержал ее взгляд.

– Спасибо вам. За все. Если бы не вы, то меня бы здесь не было.

– Поезжайте, – сказала она. – Доведите дело до конца.

Джеб повернулся и пошел к автомобилю, где ждала Рэйчел.

– Что она тебе сказала? – спросила она, как только он уселся за руль.

– Ничего особенного.

Рэйчел изогнула бровь.

– Это все ее экстрасенсорные штучки, да?

Он включил зажигание.

– Эти ее экстрасенсорные штучки спасли мою задницу. Они направили ко мне Софию. Они вернули мне Куинн. Они помогли мне быть здесь, рядом с тобой, поэтому я не собираюсь отмахиваться от них.

Он включил передачу, проехал по крутой подъездной дорожке и выехал на шоссе вокруг Пайнкон-Лейк.

– Знаешь, это как-то не укладывается в голове, – сказала Рэйчел через несколько минут.

– Что не укладывается?

– Адам. Думаешь, эти парни могли защищать *его*, когда давали ложные показания в суде? Я хочу сказать, тогда он уже был копом и служил в Королевской конной полиции в Эдмонтоне. Он уже три года проработал в RCMP и вернулся домой только ради отпуска на День благодарения. Поэтому я не понимаю... Нет, только не Адам.

– Легче поверить, что это был я?

Она возмущенно посмотрела на него. Дальше они ехали вокруг озера в молчании, возвращаясь в город, где собирались посетить пожарное депо.

Палая листва кружилась на дороге, и ветви раскачивались от крепавшего ветра. Ощущение перемен сгущалось вокруг них, как потрескивание грозового электричества в воздухе.

* * *

– Она в лоджии, – с улыбкой сказала Рубелла, открывшая дверь Адаму. – Сегодня у нее хороший день. Проходите, я принесу чай.

– Я сам могу приготовить чай, Рубелла, – сказал Адам домашней сиделке своей матери. – Если хотите чем-то заняться в городе, то я пробуду здесь около часа.

– Вы уверены?

– Да, разумеется. Вы можете идти.

Адам предпочитал какое-то время побыть здесь вместо того, чтобы явиться к Лили с сокрушительной новостью, что его отправили в принудительный отпуск. Он нашел свою мать в застекленной лоджии перед гостиной. Она сидела в плетеном кресле-качалке, согнутая, как вопросительный знак, с шерстяным одеялом на коленях. Ее светлые волосы были собраны в косу, куда Рубелла вплела розовую ленточку.

Это выглядело абсурдно, по-девичьи. Его мать была несгибаемым копом, начальницей полицейского участка, а не хрупкой девицей.

Но старческая деменция была неумолима: она лишала людей гордости и достоинства, снова превращала их в беспомощных младенцев. Не в чудесных малышай, которых хотелось ласкать и носить на руках, а в престарелых младенцев, от которых воняло, которых нужно было кормить с ложечки и менять им подгузники. Адам скорее покончил бы с собой, чем умер в таком состоянии.

Он вышел в лоджию через стеклянные створчатые двери. Здесь царил тихая красота; застекленный альков был увит клематисом, и сухие соцветия по-прежнему висели на осенних лозах, словно хрупкие призраки. Птицы подлетали к кормушке, подвешенной снаружи, и вылетали оттуда. Его мать наблюдала за ними. Здесь считалось, что кормушки для птиц привлекают медведей, но у Адама не хватило сил убрать их. Его мать любила птиц, особенно колибри.

– Мама?

Она подняла голову и растерянно нахмурилась. Она по-прежнему была красивой; отголоски сильной и прекрасной женщины все еще читались в линиях ее лица. Шейла Копленд Лефлер была не настолько старой, но болезнь лишила ее разума. Врачи называли это «ранней деменцией» и объясняли, что это наследственное. Расстройство усугубилось из-за инсульта, из-за которого одна сторона ее лица двигалась отдельно от другой. Опять же врачи говорили, что исчезновение Люка ускорило развитие болезни.

– Рейф, – сказала она, и в ее глазах вдруг зажегся огонек узнавания. – Где ты был?

Он опустил на плетеную кушетку рядом с ней.

– Это Адам, мама.

Она нахмурилась еще сильнее и начала похлопывать рукой по колену. Нервный тик. Страх. Боязнь непонимания.

– Знаю, я очень похож на отца, – добавил он, чтобы успокоить ее.

– Где он? Рейф уже должен был вернуться домой. Я начинаю беспокоиться.

Сколько раз она могла терпеть боль, когда ей говорили, что ее муж больше никогда не вернется, что он умер в возрасте тридцати двух лет? Почти в том возрасте, в котором находился Адам. Каждый раз она получала новую рану, как будто впервые слышала об этом.

– Он вышел, – наконец сказал Адам. – Вернется попозже.

Он подождал, пока не услышал, как входная дверь закрылась за сиделкой. Потом наклонился ближе и спросил:

– Мама, ты помнишь дело Цукановой – Финдли о пропавших девушках?

Ее лицо исказилось, попеременно принимая разные выражения, когда вопросительные сигналы, направленные по нейронным цепям, встречали пустоту или попадали в тупик. Это было все равно что наблюдать за лицом человека с вживленными в мозг электродами, когда ученый специалист наугад проверяет связь электрических импульсов с активизацией мышц.

Юристы проекта «Правосудие» из Британской Колумбии пытались привлечь его мать к свидетельским показаниям в связи с протоколом улик и новой ДНК, обнаруженной на окровавленной рубашке. Но медики сочли ее физическое и психическое состояние нестабильным. Адаму оставалось лишь гадать, пыталась ли она скрыться за болезнью, уже начавшей разрушать ее мозг, или на самом деле впала в почти бессознательное состояние. Возможно, правда находилась где-то посередине.

Он положил ладнь на ее руку, чтобы она перестала похлопывать себя по колену.

– Мама? Шейла?

Ее глаза блеснули, когда она услышала свое имя.

– Помнишь, когда девушки пропали, у нас вышел спор из-за маленького золотого медальона с изображением святого Христофора. Я нашел медальон в моем джипе после того, как Люк одолжил машину у меня в тот вечер, когда пропали девушки. Я положил медальон в конверт и спрятал в верхнем ящике стола. Через два дня кто-то забрал конверт. Я думал, что это сделал Люк, он отрицал это, и мы крупно поссорились. Ты слышала эту ссору. Потом ты пришла ко мне и сказала, чтобы я оставил это дело в покое. Ты это помнишь?

Она посмотрела в окно.

– Когда вернется Рейф?

Адам раздосадованно вздохнул и задумался. Теперь можно было задавать прямые вопросы, не опасаясь последствий. Чем дольше он не будет упоминать об этом, тем больше она забудет.

– Мама, Мэрили носила этот медальон в тот вечер, когда ее увезли из гравийного карьера.

– Уже поздно. Рейфу пора бы вернуться домой.

– Окровавленная толстовка с пустой упаковкой рогипнола в кармане... твои сотрудники нашли ее не в автомобиле Джебедии Каллена, так? Это была толстовка Люка? Она лежала у нас дома. Ты внесла ее в протокол улики и записала, что ее нашли в машине Каллена, верно?

Мягкая, отрешенная улыбка озарила ее лицо; ее глаза затуманились.

– Адам такой хороший мальчик, Рейф. Он пойдет по твоим стопам. Когда-нибудь он станет отличным полицейским. А Люк... – Она грустно покачала головой. – У Люка не такая сильная воля, как у нашего Адама. Иногда он связывается с дурной компанией, вот и все. Но в нем нет настоящего зла. Этого больше не случится. Он сразу отправится в армию, когда его приведут в чувство и будут держать в форме.

Она крепко ухватила Адама за руку и вдруг подалась вперед.

– Понимаешь, Рейф, я не допущу, чтобы Люк разрушил карьеру Адама и испортил ему жизнь, которая еще не началась по-настоящему. Видишь ли, той ночью Люк одолжил джип у Адама. Кровь той девушки осталась на рубашке Люка, и в конце концов это было доказано в лаборатории.

Сердце Адама бешено стучало, спина взмокла от пота.

– Мама... *Шейла*...

– Да, Рейф, – отозвалась она с задорной улыбкой.

– Ты говоришь, что следы мужской ДНК на толстовке совпадали с ДНК Люка?

Ее лицо болезненно сморщилось. Она выдернула свою руку и начала быстро постукивать по колену.

Адам выпрямился и запустил пальцы в волосы. Его рубашка промокла на спине и под мышками, но в рту было сухо, как в пустыне.

– Так тяжело быть одинокой матерью и растить двоих сыновей, Рейф! Я... я хотела защитить моих мальчиков. Когда Люк попадет в армию, все будет в порядке. И у Адама будет чистый послужной список. Я не могла допустить, чтобы эта грязь прилипла к нему. Я так и сказала ему, Рейф: оставь все в покое. Потому что он должен был

сделать выбор. Либо он молчит, либо восстает против своего брата и матери. А какие улики у него были, чтобы обвинить собственного брата? Эти мальчишки уже договорились друг с другом. Адам не может предъявить им ничего конкретного. Так лучше для всех. – В ее глазах снова появилась отрешенность. – Джеб был злым мальчиком, он убил своего отца, – прошептала она. – Я поступила правильно. Я сделала то, что любая мать сделала бы для своих детей.

К горлу Адама подступила тошнота. Ему пришлось резко встать, чтобы проглотить комок желчи.

– Что случилось с медальоном? – холодно спросил он.

Его мать потеряла висок и облизнула губы. Огонек в ее глазах вспыхнул и погас.

– Да, – сказала она. Потом ее лицо снова омрачилось грустью по утраченным воспоминаниям, и она растворилась в себе, где-то в прошлом.

Адам подошел к окнам и посмотрел на птиц, что-то клевавших среди палой листвы. Иногда, если родители не находили то, что хотели видеть в своем ребенке, они закладывали в него семена будущего развития. Они пытались создать для своих детей то, чего им самим не хватало в жизни. А его мать пыталась превратить Адама в его отца.

Он вспомнил слова Рэйчел:

«Почему вы стали полицейским, сэр? Вы когда-то верили в закон и справедливость?»

– Рейф?

Он вздрогнул и обернулся.

– Это ты? Где ты был?

– Рейф ушел, мама. Это я, Адам. Твой сын.

– Адам? – Ее черты странно исказились. – Пожалуйста, принеси шкатулку из моей спальни. Ту, с раковинами на крышке. Мою последнюю ювелирную шкатулку. Она стоит на туалетном столике.

– Что там, мама?

– Пожалуйста, Рейф, просто принеси ее.

Адам пошел в комнату, взял шкатулку и вернулся обратно. Он протянул шкатулку матери.

Она медленно откинула крышку, и маленькая балерина поднялась на пружинке со своего пьедестала. Забренчала музыка, и балерина начала поворачиваться перед внутренним зеркалом. Изнутри шкатулка

была обита красным бархатом и наполнена серебряными и золотыми ювелирными украшениями. Его мать, перебивавшая их, внезапно стала похожа на маленькую девочку. Она достала маленький плоский золотой медальон с филигранью по краям, похожий на золотое кружево. Ее рука слегка дрожала, когда она протянула медальон Адаму.

Его сердце дало сбой, когда яркая вспышка узнавания пронеслась в его сознании. Он встретился с взглядом матери. Она смотрела на него и сквозь него.

Это была подвеска Мэрили Цукановой.

Медальон с изображением святого Христофора, традиционного хранителя путешественников. Он не сохранил жизнь Мэрили Цукановой.

Адам медленно взял медальон у матери и положил его на ладонь.

– Ты взяла его? – прошептал он. – Из моего ящика?

Молчание.

Все эти годы он думал, что медальон забрал Люк. Он был уверен, что Люк стер GPS-маршрут в его джипе. Все эти годы он считал совпадением, что окровавленная толстовка, якобы найденная в автомобиле Джеба Каллена, была точно такой же, какую носил Люк, когда вернулся домой на рассвете после той роковой ночи.

В бледно-голубых глазах его матери стояли слезы.

Адам смотрел на нее.

– Ты заварить чай, Рейф? Я бы с удовольствием выпила чаю с имбирным печеньем.

Адам убрал медальон в карман и пошел в уборную, где его стошнило. Потом он пустил холодную воду, пока она не стала ледяной, и умыл лицо, на мгновение замерев, когда увидел свое отражение в зеркале. Ему показалось, что он увидел лицо своего отца. «Подобное тянется к подобному», – подумал он. А теперь, когда он почти достиг того же возраста, что и отец, когда его убили, то мог видеть его подобие на собственном лице.

Адам вспомнил тот вечер, когда они получили известие о гибели отца. Он помнил выражение материнского лица. Ему было восемь лет, а Люку всего лишь пять. Почти тот же возраст, как и у его сыновей, Тайлера и Микки.

Его мать пыталась защитить своих сыновей.

Как далеко он может пойти, чтобы защитить собственных сыновей?

Это было сделано ради любви. Ради семьи. И вот до чего все дошло.

Его мать оставила RCMP ради того, чтобы возглавить полицейский участок Сноу-Крик, где – как она считала – ей будет легче и безопаснее вырастить детей. Адам помнил, как она гордилась тем, что стала первой женщиной, занявшей эту должность в их маленьком городе. Но в тот день, поздно вечером, он услышал, как она плачет в своей комнате. Он открыл дверь и увидел, что она держит перед собой обрамленную фотографию их отца. Она взбесилась на него за то, что он обнаружил ее в таком состоянии.

Адам обхватил края раковины и свесил голову.

Он тоже вышел из рядов RCMP ради воспитания своих мальчиков в Сноу-Крик. Чтобы Лили была довольна и счастлива.

«Почему ты стал полицейским, Адам? Потому что ты когда-то верил в закон и справедливость?..»

Он вытер лицо и отправился на кухню, где приготовил чай и положил на тарелку песочные пирожные, потому что не нашел имбирного печенья.

Он сидел рядом с матерью, пока она отхлебывала из чашки, и вытирал ей рот. После инсульта она роняла слюну и еду. Его мать всегда заботилась о нем и его брате; теперь он ухаживал за ней. И присматривал за своей женой. Его мир рушился вокруг него.

Адам подождал возвращения Рубеллы, потом вернулся в свой автомобиль и завел музыку: старое ямайское ска. Он глубоко дышал. Его другое «я» хотело побывать на Ямайке. В детстве вместо катания на сноуборде он хотел заниматься серфингом под ярким солнцем. Поэтому после визита на острова он все эти годы хранил гавайский стикер, приклеенный к заднему бамперу его джипа.

Он должен был сделать выбор.

Его мать ушла в свои воспоминания.

Его брат ушел навсегда.

Он не мог причинить им вред.

«Почему ты стал полицейским...»

Он стал полицейским, потому что его родители были полицейскими и потому что оба они хотели, чтобы их сыновья стали

полицейскими. Они заронили в них эти семена и тщательно поливали всходы рассказами о легендарном Сэме Стиле из конной полиции Северо-Запада. Образцовый викторианец, герой империи, громадный мужчина с бочкообразной грудью и роскошными усами, который очищал от грязи салуны золотоискателей, бордели и игорные притоны дикого Северо-Запада Тихого океана, который держал в узде американских торговцев виски.

Адам по-мальчишески верил в справедливость и возмездие. В закон.

До той ночи, когда девушки пропали без вести.

До тех пор, пока он не прикрыл глаза, и все вокруг не распалось на тысячу оттенков серого.

Он думал, что эта серость была частью его взросления, восприятия жизни во всех ее тончайших нюансах. Но потом пришла убежденность в осуждении и заключении невинного человека. Адам понимал, что его бездействие сыграло определяющую роль. Он был точно так же виновен, как и другие, кто дал ложные показания. Глубоко внутри он еще тогда знал, что они это сделали. А теперь он вернулся в Сноу-Крик с собственными сыновьями. Круг замкнулся. Теперь он встретился лицом к лицу с преступными действиями своего брата и матери... чтобы встретиться с собственной виной.

Адам достал свой телефон и набрал номер.

Она ответила после третьего звонка, немного задыхаясь.

– Нам нужно встретиться сегодня вечером, – сказал он. – Мне просто нужно... быть с тобой, поговорить с тобой. Можно приехать?

Она рассмеялась и нашептала ему на ухо всякие непристойности. Она была живительным бальзамом для него, его растущим пристрастием. Благодаря ей он справлялся с Лили, с работой в Сноу-Крик, со всем остальным.

Адам повесил трубку и включил зажигание. Это было начало конца, но ему было все равно. Он должен был сделать это, ради своих сыновей.

* * *

Энни проехала по ухабистой дорожке к дому Рудигера.

– Обрати внимание, – сказала она Новаку кивая головой, когда они проходили мимо бельевой веревки. – Черный плащ. Черный мужской

свитер. Черные джинсы.

С другой стороны дома был припаркован синий пикап.

– По возможности осмотри этот автомобиль, пока я буду говорить с жильцами.

Энни поднялась на крыльцо к парадной двери и постучалась, пока Новак обходил вокруг дома.

Дверь открыла полноватая женщина с покрасневшимися щеками. На ней был белый кухонный фартук, пальцы испачканы в муке.

– Беппи Рудигер? – сказала Энни. – Я констебль Пирелло, полицейский отдел Сноу-Крик.

– Что такое? – Взгляд женщины непроизвольно метнулся к сараю в глубине заднего двора. Энни повернулась, следуя за ее взглядом, потом медленно спросила:

– Ваш муж дома, миссис Рудигер?

– Нет. Его... его здесь нет. А что?

– Он не в сарае?

– Нет?

– И не в автомобиле с открытым кузовом возле вашего дома?

На лице женщины промелькнула секундная гримаса. Возле нее появилась светловолосая девочка.

– Сьюзи, ступай к себе, – сказала Беппи Рудигер и вышла наружу, закрыв дверь за собой. – Это мой автомобиль. Клинт ездит на «Додж Рэме» красного цвета.

– Он ездил в среду на работу на своем «Додже»?

– К чему этот вопрос?

– Мэм, ваш пикап соответствует описанию автомобиля, обнаруженного на месте поджога.

Кровь отхлынула с ее щек. Она принялась нервно озираться по сторонам.

– Возможно, ваш муж в среду одолжил ваш автомобиль, Беппи?

Беппи ухватилась за перила крыльца.

– Я... я не помню. Вам нужно поговорить с ним.

Энни кивнула, продолжая удерживать ее взгляд. Тем временем Новак вынырнул откуда-то сбоку, и Бетти Рудигер вздрогнула от удивления.

– На номерной табличке есть буква D, – сообщил Новак.

– Мисс Рудигер, вы не возражаете, если мы осмотрим автомобиль?

– Возражаю. Мне не нравятся ваши инсинуации. Я... вам лучше уйти. Немедленно.

Энни повернулась спиной к Беппи и сделала вид, будто любуется пейзажем.

– Приятное место. Сельская атмосфера. Я тоже выросла на ферме в Квебеке, и моя мать сушила белье на веревках. – Она повернулась к Беппи. У женщины был такой вид, будто ей нехорошо. – Когда вы последний раз занимались стиркой, миссис Рудигер?

– Какое вам дело до этого?

– Черный плащ. – Энни кивком указала на бельевую веревку.

– Сейчас уже холодно, – отрезала Беппи. – Люди носят плащи, когда на улице холодно.

Пульс Энни слегка участился от такой агрессивной реакции. Она была уверена, что тут что-то есть.

– Что находится в том сарае, мэм?

– Это сарай моего мужа. Там он занимается таксидермией.

Энни приподняла бровь.

– Таксидермией. Он заядлый охотник?

– Два раза в год он отправляется на большую охоту. Мы храним мясо в большом холодильнике.

– Можно посмотреть?

– Нет. – Беппи внезапно вытерла руки о фартук, как будто они вспотели. – Я хочу сказать, это личное место Клинта. Я не знаю, что там происходит. Знаете, если вам нужен мой муж, вы можете найти его в пожарном депо. Он начальник пожарной службы Сноу-Крик.

Энни снова кивнула и широко улыбнулась.

– Да, но сегодня у него выходной.

Беппи промолчала.

– Вы уверены, что его здесь нет? Может быть, он вышел погулять?

– Он покупает сено на одной из ферм в долине. Собирается укутать фруктовый сад на зиму.

– Он держит охотничье оружие в этом сарае?

– Нет, только в сейфе. У нас дома.

– Ружья, винтовки?

Губы Беппи сжались в прямую линию.

– Это его оружие для охоты.

– Здесь есть пистолеты или револьверы?

Она сглотнула.

– Я не знаю.

– Большое спасибо за потраченное время, миссис Рудигер. – Энни начала спускаться по лестнице к Новаку, но потом остановилась и снова повернулась к Беппи Рудигер.

– Ваш муж был уволен из армии. Это правда?

– Он ушел из армии, чтобы проводить больше времени со своей семьей.

– Увольнение за недостойное поведение с лишением прав и привилегий, так?

Беппи Рудигер побледнела еще сильнее.

– Это было связано с обвинением в сексуальных домогательствах, – сказала Энни. – Но потом, насколько я понимаю, обвинение было снято?

Молчание.

– Мэм, где был ваш муж девятого апреля этого года?

Беппи открыла рот и тут же закрыла его.

– Я понимаю, что полгода – это долгое время для запоминания конкретных вещей. Не беспокойтесь. Мы сами спросим, когда свяжемся с ним.

– Она религиозна, – тихо пробормотала Энни, когда возвращалась с Новаком к патрульному автомобилю. – Носит распятие на шее.

– Это не говорит о религиозности.

– Но есть высокая вероятность. – Она открыла дверь. Беппи по-прежнему стояла на крыльце, как часовой, и наблюдала за ними.

Когда они повернули на сельскую дорогу, Новак сказал:

– Черт, я начинаю думать, что в болтовне Каллена и впрямь что-то есть.

Энни тихо хмыкнула, глядя на отвесные горные склоны и веерные следы от оползней на коре Карри. Недалеко от этого места пропала ее сестра.

– Пресловутая лиса в курятнике, – сказала она.

– Что?

– Я сказала, что Каллен похож на кота в голубятне.

Новак уставился на нее.

– Разве не понимаешь: поднять шум, взбудоражить их, чтобы они забегали от страха. Господи, Новак, ты как будто вчера родился!

Новак немного помолчал.

– Можно кое о чем спросить тебя, всезнайка?

– О чем?

– Как ты думаешь, почему начальник полиции Макин сделал нас напарниками в этом деле? Только посмотри на нас: мы тут копаем под городских боссов, хотя уже существует официальное следствие по делу о поджоге.

Энни посмотрела на него.

– Ты здесь новенькая. Тебя проще всего назначить паршивой овцой, если все полетит к чертям. Если дерьмо по-настоящему попадет в вентилятор, Макин немного пораньше отправит меня пастись на травке, а тебя вытурят отсюда со скандалом. Он заявит на совете, что ты слишком много на себя взяла и стала неуправляемой. Он заявит, будто не знал, что мы совали нос, куда не следует. Как бы то ни было, к воскресенью Макин будет держать свою задницу прикрытой со всех сторон.

Энни сглотнула.

– Ну, кто теперь большой умник? – спросил Новак и достал из кармана надкушенный батончик «Сникерс».

Глава 22

– Рэйчел? – Керриган резко поднимает голову, когда я вхожу в ее кабинет. Она быстро встает и закрывает дверь за мной.

– Полагаю, мне здесь не рады?

– Мне очень жаль, Рэйчел, но после той эффектной сцены в «Шэди Леди» ребята довольно разозлились.

– После какой сцены?

– Ты понимаешь, что я имею в виду. Это... это твоя газета дала ему голос, верно? Он обвинил нашего начальника в лжесвидетельстве. Ты знаешь, как устроены дела у спасателей и пожарных. Мы держимся вместе и прикрываем друг друга. – Керриган как будто хочет что-то добавить, но сдерживается. – Что я могу для тебя сделать?

Я делаю глубокий вдох и решаю сразу перейти к делу.

– Перед тем, как застрелиться, Эми Финдли звонила в пожарное депо.

– Правда?

– Вот телефон. – Я кладу на стол Керриган листок с номером. – Ты знаешь, кому принадлежит внутренний номер?

Она смотрит на листок, потом на меня. Молчание затягивается.

– Слушай, Керри, ты меня знаешь. Я хочу неприятностей не больше, чем остальные, но речь идет о человеческой жизни.

– О человеческой жизни? Не преувеличивай, Рэйчел. Он больше не в тюрьме. Он свободный человек. Не знаю, почему ты это делаешь.

Она пододвигает листок бумаги обратно.

– Он *не* свободен, пока не сможет доказать, что не совершал это преступление. Посмотри, как горожане отреагировали на его возвращение. Посмотри на собственную реакцию.

Она сверкает глазами на меня.

– Это из-за твоей газеты! Из-за того, что он назвал имена.

Я наклоняюсь к ней.

– Трое мужчин попытались убить его еще до того, как он обратился в газету. Они сожгли его дом, и я не верю, что они бы остановились на этом, если бы он не был *вынужден* обратиться в прессу и припугнуть их. Ты ведь правда не думаешь, что Джеб сжег свою собственность,

а потом каким-то образом избил себя монтировкой? Пожалуйста, скажи мне, чей это внутренний номер.

Керриган стискивает зубы. Я радосадованно качаю головой.

– Ладно. Ты можешь хотя бы сказать мне, кто находился на дежурстве вечером восьмого апреля?

– Не уверена, что это публичная информация.

– Разумеется, она публичная. Вы работаете на муниципалитет Сноу-Крик. Налогоплательщики – это ваши работодатели.

– Тогда обратись в мэрию.

Я гневно гляжу на нее.

– Послушай, Рэйчел, ты решила сделаться нашим врагом. Мне и без того достаточно трудно наладить нормальное общение с ребятами. Я не собираюсь выдавать эти сведения.

Я провожу пальцами по волосам.

– Ладно, как насчет тебя? Ты была на дежурстве вечером восьмого апреля?

Она глубоко дышит и продолжает смотреть на меня.

– Пожалуйста.

Она ругается сквозь зубы, снимает со стены пожарный календарь и кладет его на стол. Перелистывает обратно до апреля.

Я замираю, когда вижу фотографию.

– Подожди. – Я опускаю ладонь на календарь. – Там была фотография... Перелистай немного назад.

Она изумленно смотрит на меня и отдает календарь. Я быстро листаю страницы, пока не вижу ту самую фотографию, заставившую меня остолбенеть.

Пожарный стоит, повернувшись мускулистой спиной к фотокамере. Его намасленная кожа блестит, штаны сидят низко на бедрах, открывая верхнюю часть ягодиц. Он работает за водокачкой, но мое внимание привлекает татуировка, которая змеится вверх от обнаженной части ягодиц. Это драконий хвост со стреловидным кончиком.

– Кто это? – шепчу я.

Керриган странно смотрит на меня.

– Многие ребята позировали для этих снимков. Это благотворительный календарь для сбора средств на нужды пожарного депо. Его выпускают каждый год.

– Я о драконьей татуировке.

Извивающийся дракон. Эми, смотревшая, как насилуют Мэрили.
Качающийся дракон.

– Да, дракон поперек задницы; эта татуировка у него осталась со школы.

– У кого?

– У шефа Рудигера.

Глухой рев нарастает у меня в голове.

– Ты в порядке, Рэйчел? Что с тобой?

Я кашляю, чтобы прочистить горло.

– Клинт... Рудигер был на работе вечером восьмого апреля? – Я беру листок бумаги с ее стола. – Это *его* внутренний номер?

До нас доносятся смех и мужские голоса из соседней комнаты.

Керриган заметно бледнеет. Она быстро встает, обходит вокруг стола и открывает дверь.

– Думаю, тебе лучше уйти. Немедленно.

Я гляжу на нее. Ее реакция была подтверждением для меня. Внутренний номер принадлежит Клинту Рудигеру. С татуировкой в виде дракона. Керриган замкнулась в себе; она неподвижно стоит у двери. Но за ее холодным взглядом я различаю нечто еще: шепоток неуверенности и даже страха.

Я медленно поднимаюсь и иду к двери.

– Я не враг, Керри. Мне просто нужна правда.

Она не отвечает. Я ухожу, и она плотно закрывает дверь за мной.

Я быстро иду туда, где оставила Джеба в припаркованном автомобиле. Сажусь на пассажирское место и встречаюсь с его озабоченным взглядом.

– Что случилось?

Я объясняю насчет фотографии Клинта, драконьей татуировки и реакции Керриган.

– Боже мой, – шепчет он.

Я поворачиваюсь к нему.

– Восьмого апреля был четверг, Джеб. Каждую пятницу у Клинта традиционный выходной день, поэтому Керриган всегда работает по пятницам. Если он придерживался своего расписания, то имел возможность быть в Ванкувере в пятницу, когда сгорел дом моей сестры.

Он прищуривается, и жилка у него на лбу над шовными пластырями начинает быстро пульсировать.

– Клинт также соответствует физическому описанию человека, который посетил дом Эми после телефонных звонков.

– Проклятье, – тихо говорит он. Какое-то время мы сидим в молчании, оглушенные новым открытием. Я вспоминаю, как после пожара в доме Софии полицейские из Западного Ванкувера сказали мне, что масса улики была уничтожена службами экстренного реагирования.

– Кто лучше пожарного мог устроить пожар, а потом скрыть факт поджога? – хрипло говорю я. – Он мог забрать из автоответчика кассету с голосовым сообщением, которое Эми отправила Софии. Он мог заткнуть рот Софии. – Внезапно я вспоминаю кое-что еще. – Они так и не нашли ее сотовый телефон, Джеб. А ее ноутбук был безнадежно испорчен.

– Это косвенные улики, – говорит Джеб.

– Но правдоподобные.

– Нам нужны доказательства. Мы ни черта не сможем сделать *без доказательств*.

– Тогда поехали на карьер, – говорю я. – Мы можем снова посмотреть на место и провести тебя через события того вечера. Возможно, когда ты окажешься там, то вспомнишь что-то еще – как музыка, запах марихуаны и даже рекламное объявление о календаре для пожарных помогли Эми вспомнить, что с ней было.

Пока мы едем на север, я вижу темные облачные массы над горами. Ветер усилился, и на дороге валяются сломанные ветки. Приближается первый грозовой фронт.

* * *

Продолжая думать о Клинте Рудигере и о вновь открывшихся обстоятельствах, Джеб свернул с шоссе, переехал через мост и старые железнодорожные пути. Когда внизу забурлили воды Грин-Ривер, его охватило необычное ощущение, как будто они пересекли некий порог и теперь возвращаются назад во времени. Вещи смыкались вокруг них, прошлое сливалось с настоящим.

Он проехал через большую поляну, которая когда-то использовалась в качестве поворотного круга для грузовиков,

вывозивших дробленый базальт из карьера. Именно здесь девушки вышли из его автомобиля девять лет назад и побежали через поляну к тополиной роще. Тем временем он повернул на юг, когда выезжал на автостраду, и направился домой. Джеб включил полный привод в начале узкой и неровной лесовозной дороги, которая огибала лес с обеих сторон. Примерно через милю дорога расширилась у въезда в широкий гравийный карьер. Когда-то здесь была каменоломня.

Они остановились и вышли наружу.

Электрокабели линии ГЭС находились поблизости, и воздух гудел и потрескивал от статического электричества. У Джеба сильно забилось сердце, на коже выступил пот.

Ничего не изменилось. Каменный выступ, обрамленный валунами, выглядел как раньше. Повсюду были остатки маленьких костров, разбитые бутылки, мятые пивные банки. Дети по-прежнему приезжали сюда и занимались тем же самым.

Он медленно двинулся по кругу, хрустя гравием. Солнце нагревало его кожаную куртку и черные волосы. Высоко в небе раздавался орлиный клекот.

Рэйчел взяла его за руку. Ее ладонь была прохладной, сильной и надежной. Он заглянул ей в глаза, где калейдоскоп событий превратился в спираль, увлекавшую их в тот вечер, когда все изменилось.

– Знаешь, она пыталась сделать это и со мной, – сказал он. – Ретроградный гипноз. В тюрьме.

– София?

Он кивнул.

– По крайней мере, так она это называла. Она несколько раз возвращала меня в тот вечер. Выгуливала меня, чтобы посмотреть, смогу ли я вспомнить какую-нибудь полезную подробность. Мы не нашли ничего нового. Тогда она говорила, что возвращение сюда и попытка воссоздать события того вечера может подтолкнуть меня к чему-то важному.

– Как она это делала?

– Она вводила меня в гипнотическое состояние, потом шаг за шагом провожала меня в прошлое, как в реальном времени, чтобы воссоздавать и исследовать яркие образы.

Пока Джеб говорил, он подвел Рэйчел к черному кострищу, окруженному горелыми бревнами.

– Здесь был наш большой костер, – сказал он. – Вы с Треем сидели на спальном мешке возле того небольшого возвышения.

Она крепче сжала его руку. Кровь бросилась ему в голову. Звуки того вечера начали возвращаться к нему. Музыка. Кто-то играл на барабане. Рэйчел и Трэй смеялись и насмехались над ним. Эми мелкими шажками приблизилась к нему – силуэт на фоне оранжевого пламени, ее сапоги с высокими каблуками застревали в гравии. Эми взяла его за руку. Свет костра причудливо танцевал на ее лице.

– Мне так жаль, – вдруг прошептала Рэйчел, возвращая его к настоящему. – Это я виновата.

Он повернулся к ней и взял ее лицо в ладони, глубоко заглянул ей в глаза. Они были ясными, широко распахнутыми и уязвимыми, как будто ей было нечего скрывать. Хрупкость того, что он держал в руках, застывшего между прошлым и настоящим, никогда еще не была такой очевидной.

– Нет, Рэйчел, – прошептал он. – В ту ночь мы все совершили поступки, которые имели последствия.

Он наклонился и поцеловал ее в губы, нежно и медленно, сдерживая яростное желание своего сердца. Рэйчел слилась с ним, растяла в нем. Так должно было случиться в тот вечер. Так он должен был поступить.

Возможно, было хорошей идеей вновь посетить это место и вернуться в прошлое, как сейчас. Завершить круг.

Она отодвинулась и посмотрела на него.

– Давай вернемся к переправе, где они якобы видели, как ты выехал на шоссе и повернул на север.

* * *

Джеб остановил автомобиль в том самом месте, где он остановился подождать поезда перед переездом через мост. Он опустил окошко, как тогда. Он чувствовал запах дыма, доносившийся с Вулф-Ривер после перемены ветра. На западе небо было затянуто бурой дымкой.

– Думай о прошлом, Джеб, – тихо сказала она. – Проведи меня через это.

Он закрыл глаза и сделал глубокий вдох.

– Я чую запах дыма, как и сейчас. Но это дым от костра в карьере. Мой автомобиль стоял здесь, у переезда. Я был разгорячен. Зол на тебя. И на себя – из-за того что переспал с Эми на заднем сиденье. – Он тяжело сглотнул. – У нас был пьяный секс в автомобиле, прямо перед карьером. Я почти не помню этого. Потом, когда я собрался отвезти Эми домой, она увидела Мэрили у входа в карьер и предложила ей вернуться с нами. У меня кружилась голова, и я не мог сосредоточиться. Мне не следовало ехать, но я поехал.

Какое-то время он сидел в молчании.

– Пока мы трое сидели в автомобиле перед мостом на автостраду, мимо прошел поезд. Очень громко. Стук и скрежет колес на рельсах. Эми сидела рядом со мной и смотрела назад; она разговаривала с Мэрили. У нее была четвертинка бренди, и они передавали бутылку друг другу. – Джеб посмотрел в зеркало заднего вида. – Я видел Мэрили в зеркале. Она причесывалась, и золотая подвеска качалась у нее на шее.

– Поэтому они нашли ее волосы в твоём автомобиле – потому что она причесывалась.

Он кивнул.

– Думаю, пока она причесывалась, то могла случайно выдернуть сережку, которую потом нашли полицейские. Девушки хихикали и что-то говорили, но звук их голосов потонул в грохоте поезда. Тепловоз дал пронзительный гудок. Вода под мостом громко плескалась. У меня все смешалось в голове.

Он снова закрыл глаза и задумался, пытаясь придать какое-то подобие ясности своим пьяным воспоминаниям. Запах дыма бередило нечто очень глубокое внутри него. Он вдруг снова увидел лунное сияние над пенистыми гребнями речной воды. Он снова ощущал, как стискивает рулевое колесо, напрягая шею и плечи. Он снова слышал звук приближающегося поезда. Он ощущал запах алкоголя, сигаретного дыма и женских духов. Пот струйкой бежал по его спине. Он ощущал вкус Эми у себя во рту, вкус ее помады. Стыд и раскаяние волнами окатывали его.

Он услышал громкий гудок приближавшегося поезда. Потом еще один. Тряска и скрежет. Он ощущал вибрацию автомобиля.

С некоторым опозданием Джеб осознал, что это настоящий поезд. Рейчел прикоснулась к его бедру.

– Иди вместе с ним, Джеб. Не открывай глаза. Смотри в заднее зеркало твоего разума.

Лязг колес на рельсах стал оглушительным. Он ощущал ветер на лице, чувствовал запах металла, гудрона и деревянных шпал.

– Музыка, – вдруг произнес он с закрытыми глазами. – Там была музыка, приглушенная грохотом поезда, но она доносилась до меня. Девушки смеялись, и Эми сказала Мэрили, что нужно посмотреть назад.

Джеб замолчал. В зеркале заднего вида он различал сумрачную тополиную рощу на дальней стороне поляны. Внезапно появился свет. Это был свет в салоне частично скрытого автомобиля. За короткий момент Джеб различил силуэты нескольких людей в автомобиле. Он увидел оранжевый огонек прикуренной сигареты. Потом все снова почернело.

Диалог двух девушек просочился в его память.

«Это они.

Хочешь пойти к ним?

Он там?

Думаю, да. У них есть хорошая травка...

Лучше так, чем с Джебом. Эй, Джеб...»

Смех. Пьяный смех.

В его голове сформировались слова. *О ком вы говорите? Кто там за нами? Я должен отвезти вас домой.* Он так и не произнес эти слова, потому что другая часть его существа не хотела знать, кто там за ними. Он просто хотел, чтобы девушки ушли. Он был рад их уходу.

Джеб немного напрягся, когда двери его автомобиля распахнулись. Девушки вышли наружу и почти бегом направились к силуэтам возле полускрытого за деревьями автомобиля, где играла музыка. Он преехал через пути, повернул налево и больше не оглядывался.

Глаза Джеба распахнулись. Он круто развернулся, посмотрел в заднее окно, и память разлетелась на миллион зеркальных осколков у его ног. Его сердце гулко колотилось в груди, подмышки взмокли.

– Рэйчел, – хрипло произнес он. – Там, за деревьями, стоял автомобиль.

Он вышел из машины и быстро пошел к роще. Рэйчел побежала за ним.

– Вот здесь. Он стоял прямо здесь, частично скрытый, но салон на секунду осветился, и я увидел... – Он развернулся к ней. – Эти четверо сказали на суде, что они сидели в роще и курили, когда увидели, как я повернул на север по автостраде. Я помню, как девушки бежали куда-то назад, но никто не упоминал об автомобиле. Почему?

– Ты уверен?

Он провел пятерней по волосам, глядя на деревья. Сомнение закрадывалось по краям его нетвердой памяти.

Подул ветер, разворошив сухие листья. Несколько листьев прицепилось к ним.

– Закрой глаза еще раз, Джеб. – Она накрыла ладонью его руку. – Посмотри и проведи меня через это.

Он закрыл глаза и глубоко задышал.

– В какую сторону был развернут автомобиль?

Он представил силуэт машины, высвеченный в темоте.

– Туда. – Он раскрыл глаза. – Рэйчел, он был развернут туда, к старой дороге, ведущей к деревянному мосту и к медной шахте. – Он замер, когда вспомнил еще что-то. – Джип. Это был джип.

– Откуда ты знаешь?

– По форме окон.

Новый порыв ветра прошелестел среди кустов и деревьев. Он принес слабый запах дыма. Рэйчел посмотрела на небо, и Джеб проследил за ее взглядом. Буро-оранжевая дымка быстро надвигалась с запада, а горы пурпурных облаков громоздились над вершинами гор на востоке. Небо потемнело.

В горах тихо прогремел гром.

– У Адама был джип, – тихо сказала она. – С гавайским стикером позади, возле заднего фонаря. Белый, со значком радуги сбоку и руки серфера, подающей знак «не паникуй». Я видела его раньше тем вечером... – Рэйчел потерла лоб. – О, господи. Я помню: Люк вел этот джип, когда я увидела его. Больше я не думала о нем... Джеб, я даже не думала, чей это джип или куда он делся. Тогда это не имело значения для меня. – Ее глаза возбужденно блестели. – Мне следовало бы запомнить это.

– Вот так и работает этот метод. Он помогает тебе видеть фрагменты, ранее ускользавшие от внимания. Ты не виновата. До сих пор я тоже не помнил об этом джипе, пока не почувал дым и не услышал звук поезда... вместе с тобой.

Она отвернулась, но Джеб взял ее за руку.

– Пошли. Давай проедем по лесовозной дороге до перевалочного пункта возле шахты. Туда, куда поехал этот джип. Возможно, он задержался там на всю ночь.

* * *

Они подъехали к перевалочному пункту экспедиционного маршрута, где проселочная дорога разделялась надвое. Правая часть поднималась по склону горы Монтруж к леднику, питавшему водопад. Левая часть вела к деревянному мосту и старой шахте, но она была забаррикадирована огромными валунами. Там им пришлось оставить автомобиль. Большой желтый знак предупреждал о том, что дорога опасна и выведена из эксплуатации. «МОСТ НЕНАДЕЖЕН. ДОСТУП ЗАКРЫТ».

Рэйчел и Джеб пошли пешком по травянистой тропе. Стайка куропаток вылетела из подлеска, мягко хлопая крыльями; звук был похож на совиное уханье. Когда они приблизились к мосту над водопадом, воздух стал влажным и прохладным, привкус дыма растворился в плеске воды.

Они подошли к краю ущелья, где старый деревянный мост на козловых опорах пересекал бездну над бушующим водопадом. Туман поднимался целыми облаками. Крошечные капли заблестели в их волосах. Девять лет назад они смогли проехать по этому мосту на другую сторону, к старой шахте. Теперь часть нижних опор провалилась, перекрестные балки зияли разломами.

Как джип мог проехать через мост ко входу в старую медную шахту? Они видели вход на другой стороне: черный провал в рыжей поверхности скалы.

Рейчел потеряла ладони.

– Эми запомнила звук текущей воды.

– И запах сырости, холодной земли. Пайпер упомянула о тяжести над головой.

Она поежилась. Джеб обнял ее и привлек к себе.

– Думаешь, что Мэрили может быть где-то там – возможно, на дне шахты? – спросила она. – Потому что если это так, то улики нам обеспечены.

Джеб облизнул губы, глядя на зияющую черноту входа в шахту. Он почти ощущал незримое присутствие, вызвавшее к нему из темных недр горы.

– Любой контакт оставляет след, – прошептал он. – Это как прокладка пути. Куда бы ты ни ступал, к чему бы ни прикасался – все может послужить безмолвным свидетельством против тебя.

– Мы можем перейти на ту сторону по поперечным балкам, – сказала Рэйчел. – Боковое ограждение выглядит надежным.

– Рискованно, – возразил он. – Мы не знаем, насколько могли прогнить деревянные балки. Лучше всего будет подойти к шахте пешком, с другой стороны ущелья. Нам понадобится скалолазное снаряжение.

– Снаряжение и опыт поисково-спасательной команды, – добавила Рэйчел. – Но они едва ли станут помогать нам. Как мы сделаем это?

Джеб посмотрел на темнеющее небо. Ветер дул еще сильнее, чем раньше. Вдалеке снова прогремел гром, эхом отдаваясь от горных склонов.

– Пока не знаю. Нам нужно забрать Куинн; погода не предвещает ничего хорошего.

Он видел, что Рэйчел чувствует то же самое: у них оставалось немного времени. Атмосферное давление росло, и гроза уже почти накрыла их.

Они быстро вернулись к автомобилю. Молнии сверкали в лиловато-коричневом небе на востоке. Гремел гром, и с неба закапали первые капли дождя.

Когда они спускались со склона горы, Рэйчел наклонилась вперед, включила радио и настроила его на канал местных новостей.

Там по-прежнему говорили о лесном пожаре на Вулф-Ривер. Огонь снова вышел из-под контроля и направлялся в сторону Сноу-Крик, подхлестываемый новым юго-восточным ветром. Другой маленький пожар от удара молнии под вершиной Маунт-Баррен охватывал южный склон. Ожидались новые точечные возгорания от молний по мере продвижения грозового фронта.

– У нас нет времени сначала отвезти тебя домой, – сказала Рэйчел. – Мы отправимся прямо в детский лагерь и заберем Куинн.

Джеб кивнул. Это означало, что люди увидят их вместе в автомобиле, но ему не нравился треск пожара на южном склоне Маунт-Баррен. Дела могли быстро обернуться к худшему.

Когда они достигли шоссе, Джеб увеличил скорость. Теперь он беспокоился о своем ребенке. Пора собраться вместе.

Глава 23

Дождь начался по-настоящему: крупные капли падают на сухую землю и катятся в пыли, словно шарики ртути. Я накрываю голову курткой, пока бегу к площадке ожидания перед детским лагерем Куинн. Джеб припарковался невдалеке, чтобы попытаться сохранить инкогнито в моем автомобиле. Ветер дует неожиданными и непредсказуемыми порывами из-за нисходящих воздушных потоков на склонах гор и поперечных ветров в долине.

Мысль о том, что Мэрили может находиться где-то в шахте, не дает мне покоя. Ее семья разрывается на части и мучительно страдает, ее мать умирает от горя, пока изломанное тело ее дочери лежит в шахте недалеко от дома. Мы точно не знаем, что она там, но все совпадает. Когда мы стояли перед остатками старого моста и смотрели на черный зев шахты, я костями почувствовала, что ее призрак обитает в этой горе.

Когда я направляюсь в лесную рощу у хижины для отдыха зимних лыжников, то понимаю, что больше не испытываю никаких сомнений в невиновности Джеба. Во мне закипает слепая ярость и ненависть к людям, которые сделали это с ним. К тем, кто лгал, хранил этот чудовищный секрет, – к тем, кто все эти годы закрывал глаза на очевидное и крал его жизнь, пока строил свою собственную. К жестоким, себялюбивым трусам, которые привели в движение цепочку взаимосвязанных событий, которые могли даже привести к гибели моей сестры и деверя. К появлению Куинн в моем доме.

Я снова задаюсь вопросом: когда все начинается и заканчивается? Можно ли точно установить тот момент, когда вы берете курс на столкновение с теми, кто обречен оказаться на вашем пути?

Я узнаю группу женщин в дождевиках, собравшихся под ветвями огромной канадской ели. Они тоже ждут своих детей. Грохочет гром, и в воздухе сильно пахнет дымом. Дети уже должны были вернуться.

Они вскидывают головы при моем приближении: Лили, Беппи, Стэйси, Вики. Вид у них откровенно враждебный. Я замедляю шаг; что-то изменилось. Но потом я крепко стискиваю зубы и агрессивно выставляю подбородок. Будь что будет.

Беппи с побелевшим лицом злобно смотрит на меня. Стэйси высокомерно прищурилась. Лицо Лили выражает отвращение, а Вики, личная помощница Леви, заметно напрягается при виде меня.

– Как ты могла так поступить, Рэйчел? – с ходу спрашивает Лили. – Как ты посмела рассорить весь город и снова заставила бедную семью Цукановых пережить этот ад? Тебе не следовало привозить сюда его ребенка. Это отродье дьявола!

Я застываю как вкопанная.

– Что ты сказала?

– Мы знаем, – отвечает Стэйси. – От Трэя. Нам известно, что Куинн – его отродье.

– *Отродье?* – Я едва не задыхаюсь. Мои руки автоматически сжимаются в кулаки. Теперь я знаю, что такое психический срыв, когда человек может кого-то убить, не владея собой. Испытывать чистую ненависть. Стремиться к насилию всеми фибрами своего существа.

– Мы все знаем, – мрачно говорит Беппи.

– Если бы ты не привезла сюда его ребенка, то он бы остался в стороне, – говорит Лили. – А теперь посмотри, что ты наделала.

Над нами гремит гром, и они вздрагивают, но я ничего не чувствую. Дождь льет сильнее.

– Трэй? Он рассказал тебе?

Стэйси ухмыляется.

– Не могу поверить. – Меня начинает трясти. – Вы обвиняете невинного ребенка в городских раздорах? Вы обвиняете *меня*?

Они холодно смотрят на меня.

– Тогда давайте разберемся, кто виноват на самом деле. Вы правда считаете, что ваши мужчины все эти годы говорили вам правду? А что, если... – Я подхожу ближе, прямо к ним, и по очереди пронзаю взглядом каждую из них. – Что если не было никакого преступления на севере? Что, если кое-кто одолжил джип у старшего брата, чтобы в тот вечер отправиться на вечеринку в гравийном карьере? – Мой взгляд останавливается на Лили. – Что, если на этом джипе была гавайская наклейка и он был припаркован в тополиной роще рядом с железнодорожным переездом у Грин-Ривер, когда Джеб остановился там, чтобы пропустить поезд? Что, если в том джипе играла старая ямайская музыка в исполнении Дамани Джакиля?

Лили с трудом сглатывает слюну. Ее мокрые волосы липнут к щекам.

– Что, если девушки вышли из автомобиля Джеба и побежали к тому джипу, который отвез их в старую медную шахту?

Лили начинает дрожать.

– Девушки были жестоко изнасилованы в той шахте, и одна из них умерла. Возможно, это была случайность, но насильники ударились в панику. Они сбросили ее тело в шахту. Наверное, они не знали, что им делать с Эми, которая была еще жива, и они не могли хладнокровно прикончить ее. Они отвезли ее на этом джипе на двадцать миль к северу, а потом бросили в старой хижине траппера. Возможно, один из парней попытался задушить ее веревкой. Как бы-то ни было, они сговорились между собой, в том числе о лжесвидетельстве. Они заявили, что девушки не выходили из автомобиля Джеба и что они видели, как он увез их на север. А когда Эми наконец обнаружили живой, поиски Мэрили начались в двадцати милях к северу от того места, где она действительно находилась. На дне медной шахты. Кровь с толстовки не принадлежала Джебу; так чья это была кровь?

Над нашими головами гремит гром, и отраженный свет молнии пульсирует в темных облаках. Небо чернеет.

– Куда ты клонишь, Рэйчел? – резко спрашивает Беппи.

– Ты пугаешь меня. – Лили бледна, как выстиранная простыня. – Ты хочешь разрушить нашу жизнь.

Беппи протягивает руку, собираясь успокоить ее. Но Лили напряженно смотрит на меня со странным блеском в глазах.

– Нет, – говорю я. – Это не я, не Джеб или моя племянница разрушает вашу жизнь. Другие люди сделали это девять лет назад. До вас доходит лишь рябь от этих событий, последствия этой лжи.

Меня выкручивает от внутренней борьбы. В каком-то смысле я понимаю, что сдаю позиции. Я отправилась по пути, где нет возврата назад. Но они уже знают, что Куинн – дочь Джеба. Из-за Трэя. Из-за *проклятого* Трэя. Теперь об этом знает весь город, так что все кончено. Я вглядываюсь в дождь через темные деревья, отчаянно желая увидеть, как Куинн возвращается в лагерь на велосипеде... вместе с Брэнди.

– Ты сошла с ума, – говорит Вики. – Совсем свихнулась.

– Да. Правда, я свихнулась. – Я продолжаю глядеть на деревья; моя одежда промокла, волосы липнут к лицу. – Свихнулась от злости на людей, которые это сделали, которые закрывали глаза и отправили в тюрьму невиновного человека.

– Никто из ребят не мог сотворить такое, – говорит Вики. – Я знаю Леви, и он...

Я разворачиваюсь лицом к ней.

– Точно. Легче поверить, что это сделал парень по другую сторону реки. Гораздо проще, чем столкнуться с правдой. Потому что одна из вас должна кое-что знать. По меньшей мере одна из вас нашла черную лыжную маску в тазу для стирки, черную одежду, от которой пахло дымом, – может быть, даже со следами крови. Чей-то босс, муж или любовник утром в четверг получил удар в лицо, и у него есть синяки и ободранные костяшки пальцев после драки с Джебом. У кого-то из ваших мужчин есть серебристый внедорожник или синий пикап.

Я поворачиваюсь к Беппи.

– Может, кто-то из вас потерял пистолет, из которого застрелили Эми полгода назад. Может быть, чей-то муж оказался в Ванкувере в то утро, когда дом моей сестры сгорел дотла. Может быть, чей-то муж имеет татуировку в виде дракона поперек задницы! Потому что это одна из подробностей, которую вспомнила Эми, когда ее застрелили полгода назад: извивающийся дракон между ног ее подруги, пока ее насиловали!

Лили ахает. Беппи отшатывается назад. Вики и Стэйси смотрят на меня широко распахнутыми глазами.

– Ладно, не беспокойтесь. Потому что когда у нас будет скалолазное снаряжение для спуска в шахту, мы узнаем все наверняка.

Лили делает яростный выпад в мою сторону.

– Лучше бы ты умерла! Уходи, оставь нас в покое! Я не позволю тебе так поступить с Адамом, не позволю...

Беппи хватает ее за руку и оттаскивает от меня.

– Не знаю, о чем ты говоришь, Рэйчел, – со странным спокойствием говорит она. – Но тебе нужна помощь. Ты все портишь, и твои обвинения причинят вред нашим детям.

Внезапно появляются дети, поочередно вылетая на велосипелах. Они покрыты грязью и промокли от дождя. Женщины шарахаются

в панике. Они как будто попали в ловушку между мною и своими детьми.

Я вижу Куинн и бегу к ней, хватаюсь за руль ее велосипеда, прежде чем она успевает остановиться. Я выдавливаю улыбку.

– Эй, как ты?

Куинн спешивается и снимает шлем. Она озадаченно смотрит на меня.

– Давай уйдем от дождя. – Я начинаю тихо подталкивать ее велосипед, и мы направляемся к автомобилю. Мое сердце бешено стучит в груди, в горле пересохло. Куинн приходится бежать, чтобы удержаться вровень со мной.

– Сука! – кричит кто-то нам вслед. – Отправляйся в ад, Рэйчел.

Краем глаза я вижу, как Брэнди направляется к группе женщин с девочками Беппи позади нее. Они сближают головы и о чем-то шушукуются. Брэнди смотрит в нашу сторону. Должно быть, она удивлена, что у меня не нашлось времени побеседовать с ней и сказать, что я забираю Куинн, но мне все равно. Я просто хочу увести девочку подальше от этих кликуш.

– Почему они так вопят? – ошеломленно спрашивает Куинн, вышагивая рядом со мной. – Почему они так назвали тебя?

Я изображаю очередную фальшивую улыбку.

– Ты имеешь в виду то слово, которым назвала меня раньше?

– Я не хотела! – протестует Куинн.

– Уверена, что и они не хотели. Давай быстрее.

Дождь превратился в ливень. Я промокла до костей.

Когда мы подходим к автомобилю, Куинн замечает Джеба на месте водителя и останавливается.

– Он здесь? Ты привезла его?

– Он хотел посмотреть, где ты катаешься.

– Правда?

– Да.

Она радостно улыбается, и я вдруг хочу, чтобы все закончилось хорошо. Я хочу видеть ее счастливой и радостной. Я хочу, чтобы мы все наконец могли жить в мире и покое.

Мы подходим к автомобилю. Джеб выходит наружу, берет у меня велосипед и загружает в багажник.

– Что случилось? – спрашивает он. Его глаза потемнели от тревоги. – Похоже, ты поссорилась с этими женщинами.

– Они обозвали Рэйчел... плохим словом, – шепчет Куинн.

– Эй. – Он ерошит ее влажные кудри и открывает заднюю дверь. – Забирайся внутрь.

Она лезет на заднее сиденье. Джеб закрывает дверь.

– Что там случилось? – снова спрашивает он.

Я протягиваю руку к пассажирской двери.

– Потом. Давай уедем отсюда. Я не хочу, чтобы Куинн услышала об этом.

Он выезжает на дорогу, но продолжает коситься на меня. Я откидываю со лба промокшие волосы. Мои руки мелко дрожат. Я наконец понимаю, что значит выйти из себя и испытать слепую ярость, действовать без всякой логики. Теперь я могу понять, почему маленький Джеб набросился на своего отца.

Грохот раздается прямо над нами, зазубренный желтый зигзаг пронзает небо. Стеклоочистители работают на предельной скорости, но едва справляются с дождем.

– Джеб, – произносит Куинн на заднем сиденье.

Он напрягается и смотрит на меня.

– Ты придешь на ужин?

– Да, – отвечаю я. – Да.

Он едет молча, но энергия волнами исходит от него. Время от времени он поглядывает на мои руки, которые я прижимаю к мокрым джинсам, чтобы скрыть дрожь.

* * *

Пока я снова варю спагетти, поскольку никто не позаботился о других продуктах, Куинн расставляет тарелки. Джеб подходит к мне сзади. За шумом вытяжки, втягивающей пар от кипящей кастрюли, он шепчет мне на ухо:

– Что ты сказала этим женщинам? Что случилось в детском лагере для велосипедистов?

– Они знают, – тихо отвечаю я, помешивая макароны. – Все в городе знают, что ты ее отец. Лили назвала ее «дьявольским отродьем» мне в лицо.

Он застывает на месте. Я нервно гляжу на него.

– Трэй. Он это сделал?

Я не отвечаю. Меня пугает ярость, сверкающая в его глазах.

– Господи. Я же сказал тебе, этот парень...

– Хватит. Она услышит тебя.

– Ты не сказала мне сразу, что он знал о ней, – рычит он мне на ухо.

– А ты не спрашивал, правда? Ясно, что он знал. Я собиралась выйти замуж за него, а ты сидел в тюрьме и предположительно не знал даже пол твоего ребенка, уже не говоря о том, к кому она попала.

Я сердито размешиваю макароны, не обращая внимания на горячий пар, бьющий в лицо.

– Кроме того, *ты* не сказал мне о своих подозрениях, что Эми была убита, и о том, что, что пожар в доме моей сестры был умышленным поджогом. Ты мог бы сообщить мне, что настоящий убийца находится где-то здесь.

– О чем это вы? – спрашивает Куинн, подошедшая сзади. Мы оба вздрагиваем.

Девочка смотрит на нас, и озадаченность на ее лице сменяется тревогой.

– Ничего особенного, Куинни, – оживленно говорю я, передаю ложку Джебу и веду ее к столу. – Мы спорили о том, стоит ли добавлять острый соус.

– Я ненавижу острый соус в спагетти.

– Вот и я ему сказала.

– Ты говоришь неправду. Вы ссорились.

– Садись. – Я отодвигаю стул. – Джеб принесет макароны.

Радио работает, и отовсюду поступают срочные сообщения о пожарах. Южный склон Маунт-Баррен агрессивно пожирает огонь. Надвигается второй грозовой фронт, и, похоже, положение может только ухудшиться. Я беру на заметку включить полицейский сканер и настроиться на каналы экстренных служб, как только мы покончим с едой. Всегда есть шанс, что ветер снова переменится, а мы находимся в хорошем месте, под защитой ледникового озера. Надеюсь, все будет в порядке. Дождь барабанит по металлической крыше, смывая грязь на стены.

Джеб приносит спагетти и тяжело опускает кастрюлю на стол. Кажется, у него вот-вот пойдет дым из ушей. Я почти вижу, как мелькают его мысли.

Я наполняю тарелку и ставлю перед Куинн.

– Почему мои настоящие родители отказались от меня? – спрашивает Куинн.

Я цепенею. Мой взгляд перескакивает с нее на Джеба. Он клацает вилкой.

Теперь *она* хочет поговорить об удочерении?

– Что со мной было не так? Кем они были?

Над домом раздается раскат грома. Я морщусь, когда свет начинает мигать. Электричество может отключиться в любую минуту.

– Наверное, сейчас не лучшее время говорить об этом, – начинаю я.

– Ты сама говорила, что нам полезно беседовать друг с другом.

А теперь ты не хочешь ничего рассказывать?

Мы с Джемом обмениваемся паническими взглядами. Я откашливаюсь и говорю:

– Неправильно называть их «настоящими родителями», Куинн. Они называются «биологическими родителями». София и Питер точно так же были твоими настоящими родителями, как и биологические родители. Просто немного по-другому.

– Почему меня отдали в приемную семью? – Ее голос начинает дрожать.

– Есть много причин для удочерения или усыновления. Иногда отец и мать могут находиться в тяжелом положении, а иногда они просто слишком молоды, чтобы самостоятельно воспитывать ребенка.

– Как насчет моих биологических родителей? Они тоже были слишком молодыми?

Дело наконец дошло до этого. Информация просочилась наружу. Размышляя о своем происхождении, Куинн достигла некой точки кипения и теперь не хочет отставать от меня.

Я обмениваюсь очередным нервным взглядом с Джемом. Мы еще не готовы рассказать ей... пока нет. Только не так. Это противоречит всему, что он обещал Софии.

– Почему мои мама и папа не сказали, что удочерили меня? Почему они *притворялись*?

– Я же говорила. – Я наклоняюсь к Куинн. – София и Питер, твои мама и папа, хотели еще немного подождать с этим. Пока ты не подрастешь.

– Почему?

– Они считали, что тогда ты лучше поймешь, почему это произошло, и не будешь никого винить.

– Тогда откуда Мисси узнала, что меня удочерили?

Я напряженно размышляю и покашливаю для вида.

– Думаю, Мисси подслушала, как Стэйси и Трэй беседовали об этом. Как ты помнишь, мы с Трэм собирались пожениться, поэтому он знал, что ты жила в приемной семье. И наверное, он упомянул об этом в разговоре со Стэйси, потому что теперь они встречаются друг с другом.

– Значит, другие люди тоже знают?

Мы вступаем на опасную территорию. Я сразу вспоминаю о женщинах. *Дьявольское отродье...*

Гнев приходит быстро, и я чувствую, что краснею.

– Возможно, кто-то еще знает, Куинн. Это не так уж плохо.

– Я когда-нибудь узнаю, кем были мои биологические родители?

Ты знаешь?

Мышцы Джеба туго натянуты, как струны. Он так и не прикоснулся к еде. Я буквально чувствую его энергию над столом и избегаю его взгляда, потому что если я снова посмотрю на него, то Куинн все поймет. Она узнает, что мы скрываем от нее.

– Это секрет? – Она щиплет обтрепанный край своей салфетки.

Я снова откашливаюсь.

– В определенных случаях такие вещи могут храниться в секрете, а в твоем случае все еще сложнее, но я хочу тебе кое-что пообещать. Прямо сейчас. Посмотри на меня, Куинн.

Она поднимает голову.

– Сейчас я стараюсь выяснить все подробности про тебя. Всю правду о том, что привело тебя в дом Софии и Питера... а потом ко мне. И когда я все выясню, то скажу тебе. Только правду и ничего, кроме правды. Ты должна мне верить; я не буду лгать об этом.

Куинн вскакивает со стула и крепко обнимает меня. Я прижимаю ее к себе и глажу ее волосы.

Джеб встает и начинает расхаживать взад-вперед перед залитыми дождем окнами. На улице почти совсем стемнело.

Когда я чувствую, что Куинн расслабляется у меня в руках, то беру ее за плечи и заглядываю в глаза.

– Ты в порядке?

Она жестко закусывает губу. Ее сухие глаза покраснели, на скулах выступили красные пятна.

– Думаю, нам стоит подняться наверх и принять короткую ванну – как насчет этого? Напустим туда пены, хорошо?

Я не уверена, что разумно купаться в такую грозу, но больше ничего не могу придумать. Это что-то конкретное и утешительное.

* * *

Я сижу рядом с Куинн, пока она отмокает в ванне, потом растираю ее большим махровым полотенцем. Все это время она остается молчаливо и странно отрешенной, отчего я снова начинаю нервничать. Оставляю ее переодеться, чтобы не казаться навязчивой, и спускаюсь вниз.

Джеб подходит и берет меня за плечи.

– С ней все нормально?

– Надеюсь, что да. Это займет какое-то время. – Я колеблюсь. – Наверное, нам будет нужно найти профессионального терапевта, который поможет разобраться в этом, поскольку сейчас я сама не знаю, что делаю.

Пока я говорю, понимаю, что мы уже образуем некое подобие неблагополучной семьи. И мы не готовы. Все происходит помимо нашей воли, несмотря на любые попытки замедлить развитие событий. Несмотря на цель Джеба и желание Софии, чтобы он сначала восстановил свое доброе имя.

– Что еще случилось возле детского лагеря? – тихо спрашивает Джеб. – Там было что-то еще, да? Я видел, как ты набросилась на этих женщин, Рэйчел. Что ты им сказала?

Ослепительная белая вспышка молнии озаряет небо над озером, и почти сразу же гремит гром. Я вздрагиваю, когда свет снова начинает мигать. Грохот отдается грозным рокотом со стороны горных вершин.

– Я рассказала им все, что мы думаем. О Мэрили в медной шахте, о джипе, о музыке регги.

– Ты все рассказала?

Я не отвечаю.

– Зачем?

– Я вышла из себя. Извини, Джеб, но я взбесилась, когда они назвали ее «дьявольским отродьем». Все вывалилось наружу, прежде

чем я успела подумать об этом.

– Что именно ты сказала?

Я убираю волосы, упавшие на лицо.

– Все. Я сказала, что нам известно, как Люк одолжил джип Адама и как девушки побежали к парням возле этого джипа. Я предположила, что они могли увезти девушек к шахте, что Мэрили могла умереть там. Я сказала, что они попытались отвезти Эми на север, чтобы отвлечь внимание от шахты. И что они сговорились о лжесвидетельстве против тебя. – Я с трудом сглатываю. – Я сказала им, что Эми запомнила татуировку в виде дракона.

Он резко отворачивается и смотрит в черное, залитое дождем окно.

– Проклятье, – тихо произносит он.

– Ты хотел хорошенько встряхнуть их, Джеб. Я это сделала.

– Да, но... – Он поворачивается ко мне. – Боже, если Беппи расскажет Клинту...

– Думаешь, он сразу явится за нами?

– Я думаю, что он сразу же пришел за Эми, а потом за Софией и Питером. Он не терял времени даром. Я уверен, что это был он. – Внезапно Джеб хватается за плечи. – Слушай, тебе нужно собрать вещи. Когда Куинн закончит с переодеванием, я увезу вас отсюда.

– А как насчет доказательств, Джеб?

– Доказательства захоронены на дне шахты, Рэйчел. Они никуда не делись за последние девять лет и не денутся теперь, несмотря на пожар. Моя первоочередная задача – обеспечить безопасность для тебя и Куинн, укрыть вас от этих людей, вывезти из города. Мы узнали, что можем сделать здесь. Мы получили массу информации и возможностей для продолжения работы. Теперь мы можем действовать издалека. Мы можем привлечь внешнюю помощь. Этот город слишком испорчен, слишком погряб в прошлом, чтобы справиться с делом изнутри. Здесь становится слишком опасно для тебя. И для моей дочери. Я вывезу вас отсюда.

– Джеб...

– Мне также не нравятся эти пожары и эта погода. Мы уезжаем. Поднимайся наверх и собери свои вещи.

* * *

Когда Лили вернулась домой вместе с сыновьями, то увидела, что Адам побывал дома, но снова ушел. Его мундир лежал на кровати, зато туристические ботинки исчезли вместе с курткой. Она пробовала дозвониться на его мобильный телефон, но он не отвечал.

Лили поставила замороженную пиццу в духовку и велела мальчишкам поскорее принять душ и переодеться. Она включила радио и послушала новости о пожаре. Пожар на Маунт-Баррен быстро распространялся вниз по южному склону. Нисходящие воздушные потоки были достаточно сильны для того, чтобы огонь мог перескочить через дренажную зону Кайбер-Крик и перекинуться на Медвежью гору. Если это произойдет, то город окажется в опасности. На всякий случай она уже упаковала вещи первой необходимости перед тем, как поехала забирать детей из лагеря.

Лили расхаживала взад-вперед, снова и снова пытаюсь дозвониться до Адама. Ответа по-прежнему не было. Она подумала о джипе, который принадлежал ему еще в то время, когда он ухаживал за ней. О музыке ска и регги, которую он любил. Наклейка на бампере... как она выглядела? Где-то была фотография.

Лили вошла в кабинет Адама и порылась на полках в поисках старого фотоальбома. Она нашла альбом, перелистала страницы и замерла, когда увидела нужную фотографию. Они с Адамом стояли в обнимку; к тому времени он уже три года проработал в полиции. Они стояли перед его джипом с гавайской наклейкой на бампере, точно такой же, как описывала Рэйчел. Лили положила альбом на полку и быстро перебрала стопку компакт-дисков. Много ямайского ска и регги, включая Дамани Джакиля.

Она подумала о его давнем споре с матерью. Об окровавленной толстовке.

Что знала или скрывала Шейла? Пыталась ли она вместе с Адамом защитить Люка? Если об этом станет известно сейчас, с карьерой Адама будет покончено. Это погубит их семью. Ее имя смешают с грязью. Ее сыновья подвергнутся незаслуженному осуждению.

Когда Лили двинулась с места, чтобы положить обратно компакт-диск, она задела мышку Адама, и монитор его настольного компьютера осветился. На экране появился документ в формате Word. Это было

письмо, адресованное начальнику полицейского участка, старшему констеблю Рою Макину.

Лили наклонилась вперед, и горечь подступила к ее горлу, когда она увидела, что написал ее муж.

«С глубоким сожалениями я вынужден представить вам некоторые факты, связанные с делом Джебедии Каллена девятилетней давности...»

У нее зазвенело в ушах.

Это было признание. Полноценное признание, компрометировавшее Адама и его мать. И автоматически обвинявшее группу из четырех человек – Люка, Клинта, Харви и Леви – в групповом изнасиловании девушек и в убийстве Мэрили.

Она поднесла руку ко рту, когда прочитала о том, что система GPS в его джипе отследила маршрут автомобиля к шахте и обратно к железнодорожному переезду у Грин-Ривер, а потом на север от гравийного карьера. О том, как на следующий день маршрут оказался стертым. О том, как Адам нашел золотой медальон с изображением святого Христофора в своем джипе, после того как Люк пригнал машину домой. О том, что Люк приехал домой в окровавленной толстовке. О том, что его мать добавила толстовку к списку улик, якобы обнаруженных в автомобиле Джеба.

В своем признании Адам написал, что он положил в конверт медальон с изображением святого Христофора, принадлежавший Мэрили Цукановой, и маршрут GPS, который он скопировал на флэш-карту до того, как показания были стерты. Он добавил, что его мать не знала об этом.

Что значит «положил в конверт»?

Лили порылась в ящиках Адама, но не нашла ничего, кроме стопки пустых конвертов из плотной коричневой бумаги. Тогда она посмотрела на принтер.

Оказывается, Адам уже распечатал признание; огонек принтера до сих пор горел. Он положил документ в конверт вместе с медальоном и флэш-картой и, скорее всего, унес с собой.

Или хуже того.

Дрожащими руками она снова вызвала номер своего мужа. Звонок был переадресован на голосовую почту.

Она смотрела в залитое водой окно. Становилось темно.

Она быстро позвонила старшему констеблю Макину. Ее соединили без единого вопроса.

– Лили, мы очень заняты. Готовимся поднять уровень опасности до обязательной эвакуации. Вам и Адаму с мальчиками нужно поскорее...

– Вы видели Адама?

– Да, сегодня утром, – ответил он после небольшой заминки.

– И с тех пор вы не видели его? Он принес вам конверт?

– Что?

– Где он?

– Лили, разве он не сказал вам?

– О чем? – Ее голос звучал пронзительно.

– Я отправил Адама в вынужденный отпуск до тех пор, пока мы не разберемся с делом Каллена.

– Когда?

– Сегодня, рано утром.

Она повесила трубку.

– Мама! Пицца горит!

Она бросилась на кухню, на ходу постукивая пальцами по запястью, чтобы успокоиться, как посоветовал доктор Беннет. Вытащила дымящуюся пиццу из духовки и поставила на плиту. По ее лицу катились слезы.

– Что такое, мам? – спросил Тайлер.

Это Рэйчел во всем виновата. Джеб и его отродье. Зло, настоящее зло.

– Я... Мне нужно отвезти вас обоих к Вики. Она заберет тебя и Микки в Ванкувер вместе с вещами, если выйдет приказ об эвакуации. Я последую за вами. Позже, но очень скоро.

– Почему? В чем дело, куда ты уходишь?

Лили быстро вытерла лицо кухонным полотенцем.

– Ничего страшного. Мне нужно найти вашего отца и кое-что исправить. Поднимайся наверх, возьми Микки и ваши рюкзаки. Потом идите к машине.

Лили налила себе неразбавленной водки, выпила залпом и снова наполнила рюмку. Когда она выпила во второй раз, то едва не

задохнулась. Она вернулась в кабинет, уничтожила все файлы и стерла последнюю историю. Потом направилась к оружейному сейфу в спальне, но запасного пистолета там не было.

С бешено бьющимся сердцем Лили сняла с вешалки свое пальто и поспешила на улицу.

Она так и не заметила маленький белый конверт, который лежал на столе и был адресован ей лично.

* * *

Беппи ехала домой под проливным дождем. Она покрылась холодным потом и включила стеклоочистители на полную мощность. В каньоне стоял густой дым, а дорога была скользкой после нескольких месяцев без дождя. Она слишком быстро вписалась в поворот на своем темно-синем пикапе с буквой D на номерной табличке. Завизжали покрышки.

– Мам! Ты в порядке?

Она притормозила и подождала, пока сердце не перестало выскакивать из груди.

– Все нормально, девочки, все хорошо. Я просто тревожусь за папу из-за этой грозы и пожаров.

Еще из-за того, что сказала Рэйчел. Из-за того, что она услышала от этой женщины-полицейского. Беппи пыталась глубоко дышать, чтобы успокоиться.

В такой ситуации Клинт должен был вернуться в пожарное депо. Она включила радио и прислушалась к новостям. Обсуждался вопрос о принудительной эвакуации Сноу-Крик. Их ранчо находилось гораздо дальше на севере, в другой долине, но это не означало, что они могли не беспокоиться из-за молний и пожаров.

Когда Беппи подъехала к дому, деревья гнулись и раскачивались, а дождь лил косой стеной. Она чужла сильный запах дыма от другого пожара, где-то дальше на севере.

– Идите в дом, соберите рюкзаки и необходимые вещи, – обратилась она к девочкам. Я скоро буду.

Когда девочки вошли в дом, она побежала к сараю под дождем и достала ключ из-под камня рядом с дверью.

Беппи приоткрыла дверь и ошупью нашла маленький выключатель на стене. Ветви скрипели и скреблись в маленькое окно. Когда

лампочка над верстаком мигнула и зажглась, головы животных мгновенно ожили и ощерились на нее. Прогремел гром.

Беппи опустилась на четвереньки и нашарила под стойкой металлический ящик. Она вытащила его наружу, взяла монтировку, сунула край под дужку замка и дернула изо всех сил. Ей понадобились две попытки, чтобы отрегулировать угол рычага, прежде чем замок хрустнул и раскрылся.

Беппи встала на колени и откинула крышку.

Весь ее мир отступил куда-то далеко, когда она увидела, что находится внутри. Она как будто открыла дверь в подвал преисподней, захороненный в ее собственной душе. Она никогда не хотела думать об этом месте, а тем более соваться туда. В этом заключалась причина ее подспудной ненависти к содержимому сарая.

Дрожащими руками она перебирала кольца и сережки в верхнем отделении металлического ящика. Там были пряди женских волос, перевязанные проволокой. Человеческие зубы. Трофеи. Вещи, которые он, по его словам, находил в лесу и любил коллекционировать. Она посмотрела вверх, на медвежью голову и на чучело рыси. Трофеи его многочисленных охот. Воспоминания об убийствах.

Беппи подавилась и сглотнула желчь, подступившую к горлу, когда она подняла верхнее отделение коробки. Внизу лежали три фотографии со штампом даты и времени. Как будто их сделали мобильным телефоном, а потом распечатали.

Время замедлило свой ход, а звуки грозы и ветра совершенно исчезли, когда она подняла первую фотографию. Согласно штампу, снимок был сделан девять лет назад. В ту ночь, когда исчезли девушки. Он немного выцвел, цвета были искаженными. Снимок сделали в каком-то темном месте. Лилово-белые женские ноги и мужчина, вставляющий между ног свой пенис. Его пальцы вцепились ей в плечи, удерживая на месте. На верхней части его ягодиц извивалась татуировка в виде дракона. На двух других фотографиях он совал ей в вагину ствол пистолета. Вокруг была кровь.

Беппи рывком выпрямилась и дотянулась до раковины, где ее стошнило. Она вцепилась в металлические края, пока комната вращалась у нее перед глазами. Потом открыла кран и подождала, пока вода не стала ледяной. Она несколько раз плеснула себе в лицо. Ее тело затряслось, когда очередная волна мощных желудочных

конвульсий прошла через нее. Она еще раз сблевнула, умылась, вытерла лицо и бросила полотенце в раковину.

Тяжело дыша, она достала пластиковый пакет из ближайшего ящика и запихала туда зубы, волосы и ювелирные украшения. Взяла пакет и побежала к дому.

– Девочки, берите рюкзаки и садитесь в автомобиль! – крикнула она, когда вбежала в кабинет через гостиную и дрожащими пальцами принялась открывать замок оружейного сейфа. Она достала оттуда ружье двенадцатого калибра и несколько коробок патронов.

Когда все пристегнулись, Беппи дала газ и с ревом выехала на сельскую дорогу, где повернула налево.

– Куда мы едем? – спросила Дженис.

– Я отвезу вас к миссис Дэвис. Она пока присмотрит за вами, а мне нужно кое-что сделать. Если пожар пойдет в эту сторону, уезжайте вместе с Дэвисами. Слушайте, что они говорят.

– Мне не нравится мистер Дэвис, – сказала Сьюзи на заднем сиденье и начала всхлипывать.

– Это потому, что ты боишься костюма, в котором он ухаживает за пчелами, – поддразнила Дженис.

– А вот и нет!

– А вот и да.

– Тихо! – отрезала Беппи. Девочки вздрогнули.

– Я хочу к папе, – захныкала Сьюзи. – Где папа?

«Господи, защити нас. Пусть Господь будет последним судьей. Он убережет моих детей от зла. Иногда нам приходится принимать трудные решения, ибо это путь Господа. Мы не всегда понимаем Его неисповедимые пути, но нам нужно очиститься от зла...»

Беппи повторяла про себя эти мантры, когда повернула на подъездную дорожку к дому Дэвисов.

Глава 24

Его телефон звонил где-то в комнате, далеко от его мыслей, погребенный под кучей его одежды на полу. На каком-то уровне Адам был уверен, что это его жена. На другом уровне он не мог этого постигнуть. Он приподнял любимую женщину и резко прижал ее спиной к стене. Она ахнула от удара. Тяжело дыша, она обвила его ногами и скрестила лодыжки над его ягодицами. Она выгнула спину, бросая свой таз навстречу его эрекции, все жестче и быстрее. Фрикции довели обоих до неистовства.

Он качнулся вбок и задел ее сноуборд, загремевший на деревянном полу. Она обхватила его яички, буквально выдаивая его напряженный член сильными вагинальными мышцами. Он разгорячился, отвечая ей ударом на удар, кряхтя и погружаясь так глубоко, как только мог. Она так крепко сжала его волосы в кулаке, что у него горели глаза. Потом откинула его голову и поцеловала, кусая губы, втискивая свой язык ему в рот, пока он не ощутил вкус крови... но ему было все равно. Внезапно она застыла. Потом с криком откинула собственную голову, обнажив длинную кремовую шею, сокращаясь и содрогаясь вокруг него, утратив контроль над своим телом. И он кончил в нее – сладостное, жаркое, пульсирующее освобождение от мыслей и чувств.

Ясность понемногу начала возвращаться к Адаму, пока они лежали на матрасе под световым люком, смотрели на дождь и слушали ветер. Прохладный воздух ласкал его влажную разгоряченную кожу. Его телефон снова зазвонил. Он позволил, чтобы звонок был автоматически переадресован на голосовую почту, и ощутил лишь слабый укол вины. На столе в гостиной он оставил письмо с инструкциями для Лили. А теперь пришло время покинуть женщину, которую он любил. Она дала ему новый толчок, помогла ему с надеждой встречать каждый следующий день. Она заставила его снова ощутить себя живым. Благодаря Брэнди Адам успешно справлялся со своей жизнью последние два года.

Он перекатился набок и провел пальцем по ее гладкой алебастровой коже, восхищаясь ее безупречным телом. Она была молода. Ее огненно-рыжие волосы пленяли его.

Его жена могла искать спасение в водке. Его спасением была Брэнди.

– Тебя что-то беспокоит, – сказала она. – Что это? Дело Джеба Каллена?

– Я посетил мою мать, – сказал он. – Она отдала мне подвеску, которую носила Мэрили Цуканова в ночь своего исчезновения.

На ее лице появилось странное выражение. Она села напротив него со скрещенными ногами; ее волосы волнами падали на бледные плечи. Ее темно-розовые соски указывали на него. Его взгляд скользнул вниз по ее плоскому животу, по завиткам рыжих волос между раскрытыми бедрами, еще влажными и блестящими после секса. Он коснулся кончиком пальца ее пупка и медленно скользнул по животу к промежности, а потом он внезапно погрузил палец в нее. Она ахнула и тихо застонала от удовольствия, когда он стал шевелить пальцем внутри; ее веки затрепетали, когда он достиг заветной точки. Адам почувствовал, что его член снова затвердел. Он мог целыми сутками заниматься сексом с этой женщиной и каждый раз достигать оргазма. С Лили у него никогда не было ничего подобного.

Брэнди находилась в мире с собой – со своей женственностью, силой и сексуальностью. Он медленно вынул палец из ее вагины, наблюдая за ее лицом. Она томно улыбнулась.

– Осторожнее, заместитель начальника полиции, а не то я заставлю вас страдать. – Но улыбка не достигла ее глаз цвета золотистого меда. Она была встревожена. Она читала его, как книгу, и она понимала, что обстоятельства сильно изменились. К худшему, а не к лучшему. Адам откинулся на матрас.

– В ту ночь Люк одолжил мой джип, – сказал он. – У меня были отгулы от службы в RCMP в Эдмонтоне, и я вернулся домой на День благодарения. Я отправился посмотреть кино на квартиру к Лили, недалеко отсюда, и разрешил брату взять мой автомобиль на вечеринку в карьере. Я рано вернулся домой.

Брэнди потянулась к своей джинсовой рубашке, надела ее и зябко поежилась. Она ничего не сказала, но ждала продолжения со странным выражением во взгляде.

– Люк приехал домой около трех утра. Я проснулся, когда услышал глухой стук, словно кто-то врезался в парадную дверь. Это был Люк, он вырубился прямо у входа. Он носил серую толстовку, покрытую

кровью. Я спросил насчет крови, и он ответил, что, должно быть, порезался в карьере. Там было много битых бутылок, стекло валялось повсюду. Меня жутко раздражало, что он управлял моим джипом в таком состоянии, но он сказал, что за рулем был Клинт, который отвез его домой, а потом направился к себе пешим ходом. Люк сказал, что он, Клинт, Леви и Харви были на вечеринке, но отправились домой к Харви около десяти вечера, где напились до чертиков. Я спросил Люка, где ключи от джипа, и он ответил, что не знает, – возможно, они остались у Клинта. Я помог ему войти в дом и снять толстовку, но у него не было никаких порезов. Я оставил толстовку в ванной, бросил в таз с бельем для стирки. Даже не проверил карманы. Потом взял запасные ключи и вышел проверить мой джип.

Брэнди вдруг скривилась.

– Почему ты мне это рассказываешь?

– Я должен кому-то рассказать.

Она сглотнула и тихо сказала:

– Продолжай. Что было в джипе?

– Немного крови на заднем сиденье. И золотой медальон. Джип был покрыт черной грязью, особенно покрышки. Рядом с карьером нет такой грязи. Бензобак почти опустел. У меня на приборной доске был датчик GPS, который я оставил включенным. Я взял GPS с собой и загрузил маршрут за прошедшую ночь. Мой джип выехал из карьера через старый деревянный мост к перевалочному пункту возле старой медной шахты. Потом он вернулся и проехал около двадцати миль по шоссе № 99 до дренажного канала Резерфорд.

– Где стояла старая трапперская хижина, – тихо сказала она. – Где была Эми.

Адам кивнул.

– После этого джип сразу пригнали ко мне домой. А не к Харви. Временные метки не совпадали с рассказами Люка. Я сохранил файл маршрута на моем компьютере, вернул GPS обратно и пошел спать. Вообще-то я не особенно задумывался над этим. Мне показалось, что Люк пьян в стельку и просто не понимает, что он говорит.

Адам провел ладонью по лбу.

– На следующее утро, примерно в 9.30, я вышел на улицу и обнаружил, что мой джип вычищен и отмыт снаружи и изнутри. Грязь пропала. Кровь соскребли и отмыли; на заднем сиденье осталось

только влажное пятно. Оперативная память моего GPS тоже была стерта.

Брэнди отвернулась. Окна задрожали от ветра, а над световым люком блеснула молния. Небо быстро темнело.

– Но у тебя остался медальон, – тихо сказала она.

– Да.

– А эта чертова толстовка?

– Она исчезла из прачечной комнаты. Я подумал, что ее отправили в стирку.

– А потом ты узнал о пропавших девушках.

– Да, на следующий день.

– Вот дерьмо, – произнесла она.

Оба некоторое время сидели в молчании, слушая вой ветра, гнувшего деревья снаружи, и глядя на вспышки молний наверху.

– Что было потом?

– Я увидел плакаты о пропавших без вести. Они почему-то взяли самые последние фотографии девушек, перед тем вечером. Мэрили носила медальон. Тогда я устроил Люку очную ставку и заявил, что нашел ее медальон в моем джипе. Он обозвал меня засранцем, потом заявил, что я ничего не знаю и что все они видели, как Джеб Каллен уехал на север с этими девушками.

– И ты ему поверил?

– Не знаю, во что я поверил. Наверное, я одурачил самого себя, поскольку мне не хотелось думать, что еще это может означать. Мой брат был неплохим парнем, просто иногда вел себя, как скотина. Следственная группа моей матери опросила всех, кто был на вечеринке в карьере. У этих четырех ребят были совершенно одинаковые показания. Все они заявили, что Джеб уехал на север вместе с девушками. Трэй и Рэйчел тоже видели девушек в автомобиле Джеба, прежде чем он уехал из карьера. Ну да, я подумал, что Джеб тоже имеет какое-то отношение к этому. Я положил медальон в конверт и убрал в ящик стола.

– Почему?

– Потому что... – Он с силой провел пятерней по волосам. – Потому что иначе я тоже оказался бы причастным к этому. В то время мои данные о маршруте GPS не имели особого значения. Но через неделю Эми нашли на железнодорожных путях в двадцати милях

к северу: именно в том районе, куда указывал мой GPS. В сточном канале, забитом черной грязью. Бог знает, как ей удалось выжить, но люди могут быть очень живучими, даже в снегу на диких пустошах. А Эми была бойцом. Она пила воду из реки и от снега, а в трапперской хижине были старые теплые штаны, которые она напялила на себя. На ее шее остались следы от веревки, и она была жестоко изнасилована. Но прошло слишком много времени, чтобы собрать достоверные улики о принадлежности мужского семени. Она забеременела. Полицейские арестовали Джеба и конфисковали его автомобиль. Потом я слышал, что они нашли там серую толстовку с кровью Мэрили, а в кармане лежала пачка из-под рогипнола.

– Думаешь, это была та самая толстовка, в которой приехал Люк?

– Не знаю, что я тогда думал. Это могло быть совпадением. Тогда многие ходили в серых толстовках с капюшоном. У Джеба и Люка был почти одинаковый размер. Я спросил Люка, что случилось с его толстовкой, и он сказал, что выкинул ее. Я спросил, почему мой GPS показывал, что они ездили на север. Он заявил, что я несу околесицу. Мы крупно поссорились, и он вышел из моей комнаты, но моя мать подслушивала за дверью. Потом она пришла ко мне и посоветовала заниматься собственными делами. Пусть все идет своим чередом. Она хотела, чтобы я промолчал.

– Ты сказал ей про маршрут GPS, про окровавленную толстовку Люка и медальон?

– Да. Я сказал ей, что сохранил медальон, который нашел в моем джипе, и что видел маршрут, записанный GPS. Но не стал упоминать, что я сохранил этот маршрут на компьютере. Сначала я думал, что она ушла в отказ и не верит, что Люк мог быть причастен к преступлению. Но она изумила меня, когда сказала, что я должен сделать выбор. Я могу промолчать, вернуться в Эдмонтон и строить полицейскую карьеру, оставаясь в стороне от этого происшествия. Или я могу поднять вонь и устроить скандал с разоблачением собственного брата и матери, но у меня все равно нет веских доказательств. Сразу после этого я пошел за медальоном, но тот уже исчез из моего ящика. Я думал, это сделал Люк.

– Это была она.

Адам кивнул.

– Одинокая мать, защищающая своих сыновей. И я бы добавил, что она защищала память о моем отце как о герое, павшем на боевом посту. В результате моя мать стала полицейской, которой было наплевать, что человек отправится в тюрьму за преступление, которого он не совершал. И она подбросила ему улики. Фактически она похоронила его заживо. Она была уверена, что он плохой человек, которым можно пожертвовать... черт бы ее побрал.

– Она подбросила толстовку?

– Полагаю, она добавила ее в перечень улик и задним числом изменила дату. Когда эта неувязка в протоколе была оглашена на слушаниях о пересмотре приговора Джебу, адвокат заявил, что это всего лишь полицейская ошибка, что кто-то забыл внести толстовку в протокол, а потом небрежность была исправлена. К тому времени моя мать уже находилась в такой глубокой деменции, что не имело смысла лично допрашивать ее.

– А другая ДНК на толстовке?

– Я могу лишь догадываться, что она принадлежала Люку.

В глазах Брэнди мелькнула тревога.

– Люка больше нет, Адам. У него нельзя взять ДНК на анализ или наказать его.

– Это можно установить по семейному сходству. Профиль ДНК с той толстовки послужит образцом для сравнения. Я такой же сын моей матери, как и он. – Адам замолчал, а потом тихо добавил: – Вот вещи, которые мы делаем ради любви. Ради наших детей.

– Тогда где же тело Мэрили? Что с ней случилось?

– Полагаю, мы обнаружим ее останки в медной шахте.

– Что, если никто не будет заглядывать туда?

– Джеб дойдет до моих выводов, и Рэйчел тоже. Это лишь вопрос времени.

Брэнди отвернулась и прижала ладонь к животу.

– Но если никто никому не скажет, что в шахту...

– Брэнди, посмотри на меня. – Он взял ее лицо в ладони. – Все кончено.

Ее лицо исказилось от паники.

– Что ты имеешь в виду?

– Сейчас я должен поступить правильно. Мне нужно сделать выбор. Мне следовало сделать этот выбор девять лет назад.

– Почему ты рассказываешь мне об этом? Тебе не нужно это делать. Тебе не нужно говорить *никому*.

Адам встал и начал одеваться. Он ощущал странное умиротворение. До сих пор он не понимал, каким тяжелым было бремя мрачной тайны и какую дань ему пришлось заплатить за все прошедшие годы. А его признание было очищением и освобождением.

– Я уже рассказал, Брэнди. Я написал подробное признание и приложил к нему медальон и флеш-карту с маршрутом GPS.

Несколько секунд она молча смотрела на него.

– Тогда что случится с *нами* и с твоими мальчиками? – Она не хотела упоминать имя Лили, которая была ей глубоко безразлична. – Что это будет значить для нашего будущего?

Ее голос стал пронзительным, глаза неистово сверкали.

– Мои мальчики вырастут с убеждением, что их отец в конце концов поступил правильно и совершил достойный поступок. Лучше так, чем быть осужденным и оказаться за решеткой, оставив их расти без отца. Это лишь вопрос времени. К тому же меня отстранили от расследования.

– Что ты имеешь в виду?

Он протянул ей руку, помог встать и нежно поцеловал в губы. Ее тело было жестким, как доска, в его руках.

– До свидания, Брэнди, – прошептал он и быстро поцеловал ее еще раз... последний раз.

Он направился к выходу.

– Куда ты?

Он остановился, положив руку на дверную ручку.

– Я люблю тебя. Ты знаешь об этом.

– Ты собираешься оставить ее, правда? Как ты и сказал, однажды мы будем вместе, когда мальчики немного подрастут. Ты говорил, у нас будут собственные дети. Мы... мы когда-нибудь поженимся!

Ее голос прерывался, глаза фанатично сияли.

– Я люблю тебя и всегда буду любить.

– Адам, не отдавай никому твое признание!

Но он уже ушел и закрыл дверь за собой. Брэнди подбежала к окну. Она видела, как он легко сбегает по крыльцу под проливным дождем. Паника ударила, как кинжал, и Брэнди распахнула окно.

– Адам! Нет!

Но он уже садился в автомобиль. Хлопнула дверь, а потом он уехал.

Проклятие!

Если Джеб и Рэйчел не будут искать в шахте, Адам может остаться в безопасности. Тогда они будут вместе. У них появится будущее. Отчаяние сдавило грудь Брэнди, и новый приступ паники подкатил к горлу. Все, чего она хотела от жизни, рушилось у нее на глазах.

Она грубо выругалась и запустила пальцы в волосы. Ее глаза горели. Она дрожала всем телом.

Брэнди подумала о группе матерей, стоявших возле школьного лагеря для велосипедистов, когда она привела детей после горной экскурсии. Они сказали ей, что Куинн была дочерью Джеба. Что после того, как Рэйчел привезла Куинн в Сноу-Крик, это привлекло Джеба, и теперь их жизнь пошла вкривь и вкось.

Что мы делаем ради любви...

Внезапно Брэнди приняла решение. Она знала, что нужно сделать.

Она развернулась, подхватила джинсы и натянула их резкими, раздраженными движениями. Завязала волосы в конский хвост, надела бейсболку и куртку. Плотно зашнуровала турботинки, потом опустилась на корточки и достала свой аварийный рюкзак из нижнего отделения шкафа. Она проверила веревки, заряд батареи, рацию и осветительные ракеты. Набросив рюкзак на плечо, она заперла дверь и побежала вниз по деревянной лесенке. Ветер гнул ветви деревьев, в воздухе стоял густой запах дыма. Вертолеты кружили за облаками в потемневшем небе, в долине завывали сирены. Она уселась за руль своего старенького автомобиля.

Брэнди дала по газам и выехала на улицу, скрипнув покрышками. Не снижая скорости, она позвонила на мобильный телефон Адама. Вызов ушел на голосовую почту. Она яростно выругалась и попробовала снова. На этот раз она оставила сообщение: «Адам, пока ничего не предпринимай. Не надо: у меня все под контролем». Она отбросила телефон как раз вовремя, чтобы уйти от столкновения, так как проехала на красный свет. Ее сердце бешено стучало.

* * *

Адам чувствовал невероятное спокойствие. Коричневый конверт с его признанием и уликами лежал на пассажирском сиденье рядом

с ним. Сначала он заехал к своей матери, чтобы убедиться в том, что Рубелла готова эвакуировать ее.

Потом он поехал в участок. На улицах царил хаос; спасатели и полицейские спешили в разные стороны. Он заметил Энни Пирелло, пробежавшую мимо. Адам опустил окно и окликнул ее, а потом передал ей конверт. Ему не хотелось входить в здание участка, где он мог быть задержан. Он не испытывал ни малейшего желания глядеть в глаза Макину и отклоняться от поставленной цели.

– Убедись, что шеф Макин получит это.

– Что там?

– Нечто очень важное для него. Это срочно.

Она удержала его взгляд.

– Вы в порядке, сэр?

– Ты хороший коп, Пирелло. Я видел, как ты наблюдала за мной, была на подхвате, ничему не верила на слово. – Он помедлил. – Никогда не забывай, почему ты пришла в полицию. Будь хорошим копом.

Адам поднял окошко и уехал, оставив ее глядеть ему вслед. Его телефон снова зазвонил, но он дождался, пока вызов не уйдет на голосовую почту.

* * *

Пирелло смотрела ему вслед, обуреваемая противоречивыми чувствами. Она услышала, как ее вызывают по рации, и поспешно включила микрофон.

– Пирелло.

– Первый этап обязательной эвакуации вступает в действие. Тебе понадобится организовать работу экстренных социальных служб и идти от двери до двери, начиная с северных кварталов и продвигаясь к югу. Раздели обязанности с Новаком. Стучитесь в каждую дверь. Полицейский участок закрывается. Вспомогательная командная база будет основана дальше к югу.

Она побежала к патрульному автомобилю, бросила коричневый конверт на пассажирское сиденье и выехала с автостоянки, на ходу включая стеклоочистители и сирену.

* * *

Мобильный телефон Клинта Рудигера зазвонил. Люди окликали его со всех сторон. Он был занят разговорами по рации, помогая координировать реакцию государственных и общественных учреждений, устанавливать передвижную командную базу на юге. Наземные телефонные линии уже были отключены. Одна из радиовышек рухнула. Мобильная связь пока что продолжала работать. Связь с южными районами города могла превратиться в проблему.

Вдобавок ко всему начался другой лесной пожар, приближавшийся к более крупному городу, чем Сноу-Крик. Его раздували сильные ветры и питали измученные засухой леса, и он угрожал сомкнуться с предыдущими возгораниями. Он отвлекал ресурсы и усилия пожарных и лесников из Сноу-Крик.

Густой дым, низкая облачность и молнии перекрывали большую часть подходов с воздуха. Теперь им приходилось полагаться на местные чрезвычайные службы и оборудование, которое можно найти.

В настоящий момент список участников включал управление по борьбе с пожарами Британской Колумбии, «скорую помощь», спасательно-поисковый отряд, полицию, гидросамолеты и вертолеты, компании по добыче природного газа плюс добровольцев их экстренных социальных служб, которые сейчас совершали обход жителей с помощью полицейских.

Между тем Клинт распорядился установкой так называемого «Устройства структурной защиты первого типа», или гигантского разбрызгивателя, у основания Медвежьей горы. Сейчас происходил интенсивный полив зданий, ближайших к огню. Пожар на склоне Маунт-Баррен приближался к дренажной зоне Кайбер-Крик. Огонь без труда мог перекинуться через ручей.

Три вертолета и воздушных танкера находились в ожидании на муниципальной вертолетной площадке. Задача состояла в создании контрольных линий по периметру огня и в их увязке с природными скальными формациями. Сильно пересеченная местность в дренажной зоне Кайбер-Крик и других гористых районах тоже представляла проблему.

Клинт лучше всего работал именно в таких чрезвычайных обстоятельствах. Его военная подготовка немало помогала в этом. Он входил в зону поражения с холодной головой, сосредоточенный

и лишенный обычных эмоций, поэтому члены команды любовно называли его «социопатом». Он находил это забавным, поскольку действительно не находил места и времени для сопереживания.

Его мобильный зазвонил снова. Он проверил исходящий номер: Беппи. Черт с ней. Она знала, что делать. Его жена была способной фермершей с опытом выживания в горах. Его дочери будут под надежной защитой.

Его помощница Керриган Кэй поспешила к нему с очередным рапортом. Когда он взял бумагу, Беппи позвонила снова.

Клинт повернулся спиной к остальным и принял звонок.

– Бепп, я очень занят...

– Клинт, она знает.

Он сунул палец в другое ухо.

– Что ты сказала?

– Рэйчел Салонен знает, что произошло.

– Она знает... *что?* О чем ты?

Ни слова в ответ. Только учащенное дыхание и шум двигателя, как будто она управляла автомобилем. Недоброе предчувствие было похоже на удар обухом топора. Клинт застыл, и все вокруг – время, запах, звуки – стало вязким и темным, как патока.

– Беппи, где ты? Ты за рулем? Что с тобой такое?

– Рэйчел сказала, что Эми все вспомнила. Татуировку с драконом... – Прерывистое дыхание. – Эми вспомнила, как ты... терзал Мэрили. Ты и другие... Ты насилуешь ее... вместе с остальными. – Его жена издала сдавленный звук, как будто подавилась. Ты убил ее... в шахте. Все это время она пролежала в шахте. Это главная улика.

Наступила тишина. Мысли Клинта беспорядочно метались, когда он старался понять услышанное и осознать последствия.

– Шеф Рудигер!

Клинт рефлексивно поднял руку и остановил мужчину, который обратился к нему. Его мир неправдоподобно сузился, в ушах зазвенело, а во рту появился медный привкус крови. Он вышел в маленькое подсобное помещение и закрыл дверь.

– Она лжет. Что бы она ни сказала, они с Калленом лишь нажимают кнопки. Пытаются напугать всех. Они опасны, и у них нет

никаких доказательств. Каллен влез Рэйчел в голову, а теперь она шарится в твоих мозгах.

– Они получают доказательство из шахты. После того как прекратится пожар и все остальное. Мэрили там, верно? На дне шахты. Она там?

В дверь застучали. Клинт моментально вспотел; он больше не был таким собранным и невозмутимым, как раньше. Дерьмо попало в вентилятор. Если он и мог о чем-то думать, то лишь о самосохранении.

– Все это грязная ложь, – резко сказал он. – Мы поговорим, когда...

– Бог защитит моих детей. Бог очистит город от зла. Бог...

– Беппи, послушай меня!

– Мы должны поступать, как должно, во имя Господа...

Его мозг работал на предельных оборотах. Шахта. Улики. Без улик останутся только обвинения Джеба, его теории. Эми была мертва. Ее врачихе заткнули рот. Люк пропал без вести и числился погибшим. Зинк и Леви будут держать рты на замке, а не то им конец.

Он еще может управиться с этим.

– Где ты?

– Еду в автомобиле. Возле поворота к гравийному карьеру.

– Успокойся и внимательно выслушай меня. Поверни к гравийному карьеру. Переезжай через железнодорожный мост и остановись у перевалочного пункта. Подожди меня. Ты понимаешь?

– Зачем? Что ты собираешься сделать?

– Я собираюсь остановить это. А ты мне поможешь.

– Я не могу, Клинт, не могу!

– Нет, можешь. Подумай о девочках. Сделай это ради девочек. Скоро все закончится, и все недоразумения исчезнут. Ты меня понимаешь?

Она издала приглушенный стон, перебивший шум двигателя. Он взвился от тревоги.

– Беппи, ты понимаешь?

– Да. – Она шмыгнула носом. – Да, я понимаю. – Ее голос звучал глухо и странно. – Я делаю это ради девочек... Я должна это сделать ради девочек...

Клинт отключился, распахнул дверь и направился к выходу.

– Куда вы? – позвала Кэй.

Он не ответил. Он побежал на базу поисково-спасательного отряда.

* * *

Беппи свернула с шоссе и пересекла железнодорожный мост над Грин-Ривер. Потом она покатила по ухабистой лесовозной дороге к перевалочной базе у подножия горы Монтрюж. Дождь хлестал в ветровое стекло, и стеклоочистители работали без передышки. Покрышки облепила густая грязь, колеса иногда прокручивались вхолостую. Трудно было отличить дым от облаков, и фары почти не помогали в сгустившейся темноте.

Она знала своего мужа. Глубоко, глубоко внутри она знала, что это за человек, но не хотела думать об этом. Он был бойцом и ставил выживание на первое место. Она знала, что он приедет сюда, если она позвонит ему. И она понимала, что он попробует избавиться от нее.

Покайся. Покайся, во имя Господа... избавься от зла.

Ружье лежало на заднем сиденье, рядом с коробками патронов и пакетом с безделушками и «трофеями» из человеческих зубов и волос.

* * *

Трэй въехал на автостоянку возле штаба поисково-спасательной службы. Штатные сотрудники и добровольцы были повсюду. Шоссе встало в пробках: плотный поток машин направлялся на юг.

Трэй подбежал к зданию штаба и распахнул дверь. Он собирался разобрать любительскую радиостанцию, снять антенну с крыши и отвезти все на временную южную базу.

Но когда он вошел в комнату, то услышал, что внутри кто-то есть.

– Кто тут?

Топот и стук. Кладовая? Потом хруст. Кто-то находился в «арсенале», где они держали взрывчатку для профилактического вызова снежных лавин.

Трэй открыл дверь, и Клинт Рудигер сразу же повернулся к нему. Он держал в мускулистых руках ящик динамита. В его взгляде было нечто странное.

– Рудигер?

Он поставил ящик на стол.

– Что ты делаешь?

Рудигер сунул руку за голенище сапога и вытащил нож; лезвие холодно блеснуло в его руке. Он медленно помахал ножом взад-вперед, не сводя глаз с Трэя.

– Назад, Сомерленд. Просто отойди в сторону и выпусти меня отсюда.

Трэй отступил назад.

– Какого хрена ты задумал?

Рудигер принял низкую бойцовскую стойку.

Трэй потянулся за своей рацией и с опозданием понял, что оставил ее в автомобиле.

Рудигер бросился вперед. Трэй отшатнулся в сторону, врезавшись в край стола. Ящик свалился вниз, динамитные шашки рассыпались по полу. Рудигер поскользнулся на одной из них, и Трэй с ходу боднул его головой. Рудигер закричал, но мышцы его брюшного пресса были твердыми, как камень. Он нанес Трэю апперкот; тот отлетел назад и жестко приземлился среди динамита. Несколько секунд он не мог дышать и вообще двигаться из-за резкой боли в спине и груди.

Рудигер склонился над ним. Его глаза были похожи на осколки льда. Он занес нож и резко ударил Трэя в живот рядом с печенью. Потом вытащил клинок и вытер его об штаны противника.

Трэй не мог поверить в происходящее. Это было невозможно, но случилось на самом деле. Его закололи, и кровь вытекала у него из живота. Он пытался дышать и двигал руками, чтобы зажать рану, остановить поток крови. Невероятная боль – тупая, всепоглощающая боль – наполнила его изнутри.

Рудигер быстро собирал динамитные шашки и складывал их в ящик.

– Это... был ты... – хрипло пробормотал Трэй. Он быстро слабел. У него кружилась голова. – Стэйси передала мне, что сказала Рэйчел... в детском лагере. Я... это была правда. Она лежит в шахте. – Он покосился на ящик с динамитом. – Ты собираешься взорвать... медную шахту.

– Зря ты позволил ей привезти сюда эту девчонку, Сомерленд. – Рудигер подхватил ящик. – Иначе он бы не вернулся сюда. Ты помог заварить эту кашу.

Трэй пытался ответить, но не мог. Его тело обмякло, и он закрыл глаза. Какой-то отдаленной частью сознания он понял, что Рудигер

пихает его сапогом. Когда он не отреагировал, Рудигер вышел за дверь, и Трэй услышал, как щелкнул замок.

Голова кружилась все сильнее, появилось ощущение парящей легкости. Титаническим усилием Трэй открыл глаза и дюйм за дюймом потащился по полу, оставляя за собой кровавый след. Он попробовал дотянуться до мобильного телефона, который выпал у него из кармана и закатился под стол.

Кончики его пальцев прикоснулись к телефону. Мир вокруг потемнел. *Нет, нет, еще нет.* Он попытался еще раз.

* * *

Я всегда держу аварийные сумки наготове, но теперь собираю дополнительные вещи. Куинн все еще наверху: она одевается, тоже собирает вещи и любимые книги. Я уже поставила в багажник коробку Трикси и еду для нее. На столе рядом с ноутбуком и другими необходимыми мелочами стоит компактный огнеупорный сейф с документами. Все это я тоже забираю с собой. Я позвонила на работу и распорядилась перевести все материалы на удаленный сервер. Сотрудники забрали с собой, что могли увезти.

Джеб заколачивает окна.

Мой телефон звонит. Я изумленно гляжу на входящий номер.

Трэй.

– Алло. – Я подношу телефон к уху.

Шорох и хрип.

– Алло... Трэй, это ты?

– Рэйчел. – Слабый шепот, а не голос. Меня пронзает тревога.

– Что происходит? Где ты, с тобой все в порядке?

Джеб быстро подходит ко мне.

В трубке слышен только влажный сипящий звук.

– Трэй? – Я прижимаю ладонь к другому уху. – Ты еще там?

– Клинт... пырнул меня ножом... в арсенальной комнате. У него динамит. Собирается... – Сиплый кашель и хрип заглушают остальные слова.

О, Господи.

– Скажи... Джебу. Он... может остановить. Клинт уже в пути. Хочет уничтожить... Мэрили... в шахте. Джебу нужна эта улика.

Снова хриплый кашель. Я поворачиваюсь к Джебу.

– Это Трэй, он ранен. Говорит, что Клинт собирается взорвать шахту. Он взял динамит из арсенала поисково-спасательной группы. Сейчас он едет к медной шахте. Он... кажется, он зарезал Трэя.

– Я... пытался остановить его.

– Ты получил помощь? Тебе помогут?

– Слишком поздно... Мне... очень жаль. Стэйси... она подслушала наш разговор и узнала, что Куинн родилась от Джеба. Мы поссорились. Мое лицо... она ударила меня.

– Больше ничего не говори. Я повешу трубку и вызову подмогу.

– Не... сможешь. Каналы заняты... наземные линии не работают.

– Я уже еду!

– Нет... присмотри за ней... за Куинн. За собой. Я... всегда любил тебя.

Тишина.

Я вся дрожу. Джеб смотрит на меня.

– Его пырнули ножом. Ему нужна помощь.

Я пытаюсь набрать 911, но Трэй прав: звонки не проходят. Стационарный телефон на кухне тоже не работает. Я иду к парадной двери, потом останавливаюсь. Меня раздирает пополам.

– Он собирается взорвать шахту, – снова говорю я.

Джеб хватает меня за плечи.

– Послушай меня. Сосредоточься. Забери Куинн и езжай на юг, прочь из города. Попробуй еще раз вызвать помощь по пути, но сначала позаботься о ребенке.

Он решителен и настойчив. Отец. Мужчина, которого я люблю.

– Я собираюсь остановить его, – говорит он.

– Нет, ты поедешь с нами. Он убьет тебя, Джеб.

– Послушай еще раз. Вы с Куинн дали мне все, ради чего стоит жить, но нам нужна эта улика, и я не позволю ему уничтожить ее. Я не могу допустить, чтобы моя дочь сомневалась во мне. Я обещал Софии, что не раскроюсь перед Куинн, пока не получу убедительного доказательства моей невиновности. Я должен это сделать. А ты должна присмотреть за Куинн.

– Ты никому ничего не должен.

– У тебя сохранилось отцовское охотничье ружье?

Мне нехорошо. Нерешительность парализует меня.

– Где ружье? Оно по-прежнему здесь? – Он направляется в кабинет, где всегда стоял – и до сих пор стоит – оружейный сейф.

– Джеб! – Я бегу за ним.

– Где ключи от сейфа?

– Я... в верхнем ящике стола. Умоляю тебя...

– Слушай, я не собираюсь геройствовать. Но я точно не собираюсь стоять в стороне и ничего не делать. Клинт выехал из Сноу-Крик. Мы уже на десять миль ближе к шахте, чем он. Если я выеду сейчас, то могу перехватить или даже опередить его.

Он находит ключи, отпирает сейф и забирает ружье и патроны. Бежит на кухню и хватает ключи от внедорожника, принадлежавшего моему отцу. Потом останавливается и крепко целует меня.

– Поверь, у меня есть *все*, чтобы вернуться к тебе. Все основания для победы, во что бы то ни стало.

Он выходит и хлопает дверью.

Я дрожу как осиновый лист. Не могу поверить, что это происходит на самом деле. Я снова пробую набрать 911, но все линии заняты. В моей голове звучит голос Трэя. Тошнота перемежается с отчаянием. Внезапно мне в голову приходит идея. Я роюсь в сумочке и нахожу карточку с мобильным номером констебля Энни Пирелло.

Я набираю номер, шевеля пересохшими губами. В доме уже чувствуется запах дыма. Нужно поскорее уезжать отсюда.

– Куинн! – кричу я, пока идут гудки. – Нам нужно ехать, спускайся с вещами. Прямо сейчас!

– Пирелло, – звучит отрывистый голос в телефоне.

– Констебль Пирелло, Энни Пирелло, это Рэйчел Салонен. – Я говорю очень быстро, косясь на лестницу в ожидании Куинн. – Клинт Рудигер пырнул ножом Трэя Сомерленда и оставил его умирать в арсенальной комнате поисково-спасательной группы. Клинт забрал динамит для профилактического схода лавин. Он собирается взорвать вход в старую медную шахту на перевалочном пункте у горы Монтруж. Тело Мэрили – главная улика – находится в одном из стволов этой шахты. Это он изнасиловал Эми и убил Мэрили. Он и другие трое.

– Когда он уехал?

Меня охватывает невообразимое облегчение.

– Думаю, несколько минут назад. Трэю нужна помощь, он тяжело ранен. Он в арсенальной комнате.

– Уже еду. – Она вешает трубку.

– Куинн! – кричу я. – Я выношу Трикси и последние вещи. Пора ехать!

Я хватаю сумки со стола, открываю парадную дверь, бегу под дождем и складываю все в машину. Потом возвращаюсь за последней порцией груза, сажаю Трикси позади и захлопываю дверь. Бегу обратно, отбрасываю с лица мокрые волосы и поднимаюсь по лестнице.

Я стучусь в дверь Куинн. Тишина. Во мне вспыхивает паника.

– Куинни?

Ни звука из ее комнаты. Я распахиваю дверь, сердце колотится как сумасшедшее.

В комнате пусто.

– Куинн? – Я бегу по коридору в ванную. Там никого нет. Лихорадочно распахиваю дверь за дверью. Никого и ничего. Гремит гром. Ветер с дождем с силой ударяют в окна, и стекла дребезжат в рамах.

– Куинн!

Нет ответа. Ее нигде не видно. Я с грохотом сбегаю по лестнице.

– Куинн! Где ты, черт побери?

Внизу никого нет. Я ощущаю пустоту дома, как огромную дыру в груди. Меня снова начинает тошнить. Как это может быть?

«Спокойствие, только спокойствие. Паника – твой худший враг. Ты знаешь это по спасательным миссиям».

Но я не могу сохранять спокойствие. Слезы жгут мне глаза, когда я снова обхожу комнаты, заглядываю под кровати и в стенные шкафы. Потом замечаю влажный след перед двухстворчатой застекленной дверью в комнате для гостей.

По спине пробегает холодок. Я опускаюсь на корточки и тыкаю пальцем. Дождевая вода проникла внутрь. Из-за двухстворчатой двери. Я кидаюсь туда и пробую ручку. Дверь отперта. Мое сердце колотится где-то в горле, когда я распахиваю дверь и выбегаю на крошечный балкон. Ветер и дождь набрасываются на меня. Над озером сверкает молния. В воздухе густой запах дыма. Я слышу сирены и вижу красно-оранжевую полосу огня вдоль горного гребня.

Но на балконе никого нет. Я хватаюсь за перила и вглядываюсь в темноту, но не могу ничего различить на лужайке внизу, кроме теней от деревьев. Меня охватывает чистейший ужас. Я разворачиваюсь на месте и смотрю на дерево, ближайшее к балкону. Когда я была ребенком, то спускалась с балкона по ветвям этого дерева. Могла ли Куинн спуститься отсюда и убежать?

Но почему?

Истина ударяет, как молотом. *Ее удочерение*. Вопросы, которые она задавала о ее настоящих родителях. Должно быть, мы сказали что-то ужасное и непоправимое, напугавшее ее. *О, Боже*. Меня трясет, когда я понимаю, что натворила. Я прогнала ее из дома, и теперь не осталось никого, к кому я могла бы обратиться за помощью.

Приближается пожар. Мне нужно найти Куинн, но куда она могла направиться? Куда бы пошла я, если бы мне было восемь лет и если бы хотела встретиться с мамой?

– Куинн! – кричу я в темноту, где хлещет дождь.

Небо откликается очередным раскатом грома, прямо над головой. Дождь льет еще сильнее.

Глава 25

Энни позвонила на мобильный телефон Кэй Керриган и попросила ее проверить арсенальную комнату в штабе поисково-спасательной группы, где лежал раненый Сомерленд. Потом она доверила продолжение обхода Новаку и добровольцам из социальных служб. Эвакуация в этом районе проходила гладко, без происшествий.

Она понимала, что ей предстоит серьезный разнос, но это было ее дело. Более того, ее личное дело. Ее сестра Клодетта вместе с новым мужем пропала без вести в Кайошских горах поблизости от Пембертона. У Энни был горький опыт неведения о судьбе пропавших родных. Она хорошо знала, что это может делать с людьми.

Она села в патрульный автомобиль и постаралась связаться с начальством, но помехи оказались слишком сильными. Полицейский канал был перегружен, радиовышки переставали работать. И она понимала, что это не может быть приоритетом – старое нераскрытое дело, старая угольная шахта, смутная возможность находки старых улик – по сравнению с жизнью сотен людей и миллионных убытков от бушующего пожара. Она поддала газу и включила сирену. Дорога в южном направлении была плотно забита, но почти никто не ехал на север. А идущие впереди автомобили съезжали на обочину, освобождая место для проезда.

* * *

Я покрываюсь потом даже в насквозь мокрой одежде. Тяжело дышу, но пытаюсь совладать с паникой, пока стою на балконе и свечу фонариком в темноту, надеясь увидеть Куинн. Ничего, никаких следов. Я бегу к лодочному сараю, так как помню ее интерес к этому месту. Оконные стекла дребезжат на ветру. Волны накатывают на причал. Конец веревки от каноэ, прикрепленного к боковой стене сарая, хлопает на ветру. Но здесь никого нет, и дверь по-прежнему заперта.

Я разворачиваюсь. Может быть, она под гаражным навесом или в садовом сарае. Я отчаянно надеюсь, что она прячется где-то поблизости. Я бегу к гаражному навесу и лихорадочно свечу фонариком во все углы. Мое сердце дает сбой, когда луч выхватывает

из темноты глаза енота, но это не Куинн. Я бегу к садовому сараю и распахиваю скрипучую дверь. Внутри сыро и полно мха. Мой отец ставил здесь саженцы в горшках. Но Куинн все равно нет, и я не знаю, где еще искать. Может быть, я что-то упустила из-за тоннельного зрительного эффекта от паники. Мне нужно дозвониться до Джеба, если это вообще возможно. Это серьезно: жизнь Куинн стоит на первом месте.

Внезапно я замечаю свет фар. На мою поездную дорожку сворачивает автомобиль. Я бегу через лужайку, пока автомобиль паркуется за моей машиной.

Я подбегаю в тот момент, когда водитель открывает дверь.

– Слава богу, это ты, – выпаливаю я и тяжело отдуваюсь. – Куинн пропала. Мне нужна помощь...

– Все в порядке, я нашла ее на дороге, – говорит Брэнди и выходит наружу. Что-то заставляет меня застыть на месте.

– Где она? Что она делала на дороге?

– Она собиралась убежать из дома. Теперь она у меня в машине. Успокойся, Рэйчел.

Брэнди выставляет руки ладонями вперед, как бы успокаивая меня. И при этом идет ко мне. Я гляжу на ее автомобиль и сразу замечаю маленькую тень внутри. К глазам подступают слезы облегчения.

– Слава богу, Брэнди. Спасибо тебе.

Я направляюсь к пассажирской двери, испытывая физическую потребность обнять Куинн. Мне хочется зарыться лицом в ее волосы, ощутить их запах. Но Брэнди хватает меня за руку.

Я изумленно поворачиваюсь к ней.

– Что...

– Где Джебедея Каллен? – Ее хватка усиливается. Я только сейчас вижу фанатичный блеск в ее глазах.

Я вдруг задаюсь вопросом, почему она вообще поехала сюда.

– Что ты здесь делаешь, Брэнди? Вышел приказ об эвакуации...

– Где он? – резко спрашивает она.

Холодное, недоброе предчувствие расползается у меня внутри. Я вспоминаю, как Брэнди о чем-то беседовала с матерями, приехавшими за своими детьми в лагерь для велосипедистов. Возможно ли, что тогда она узнала, кто такая Куинн на самом деле? Я одновременно взбешена и испугана.

– Отпусти меня! – требую я. – Я хочу видеть мою племянницу!

Я вырываю руку, но она цепляется еще крепче. Мне становится страшно.

– Предупреждаю, – рычу я, когда ощущаю прилив адреналина в крови. – Отпусти меня. Немедленно.

Я слишком поздно замечаю, что она резко опускает другую руку и чувствую глубокий укол в бедренную мышцу. Я рефлекторно смотрю вниз и в свете фар вижу, что она вонзила мне в ногу иглу одноразового шприца по самый баллончик. Страх пронзает, как ножом.

– Что ты натворила!

– Скажи мне, где Джеб. – Ее голос становится пронзительным, но при этом она выглядит растерянной.

У меня кружится голова, и все плывет перед глазами. Паника распространяется внутри, как лесной пожар, но мозг не реагирует на нее. Мои движения становятся медленными и неуклюжими. Брэнди отпускает мою руку, и я отшатываюсь вбок, ударяясь о бампер ее автомобиля. Кладу руки на капот и с трудом выпрямляюсь. Мир кружится передо мной. Я испытываю странную легкость, отрешенность от тела. Дождь струится по моему лицу и волосам, но я не чувствую холода или сырости. Куинн. Я должна добраться до Куинн. Я пытаюсь обойти вокруг автомобиля, упираясь руками.

– Скажи мне, где он. – Ее голос доносится с другого конца длинного, темного тоннеля.

– Он... ушел... – Мои слова превращаются в невнятное бормотание. Рука скользит по мокрому капоту. Я сползаю вниз, но успеваю ухватиться за рулевое колесо и мучительно медленно, шаг за шагом переставляя ноги, тащусь к пассажирской двери.

– Куинн... Где ты...

Но язык едва ворочается во рту, и слова сливаются в бессмысленный лепет. Я слегка поворачиваю голову и смотрю на Брэнди. Весь мир тошнотворно накреняется.

– Что... что ты сделала?

Брэнди подходит ближе. Ее непропорционально большой силуэт вырастает надо мной. Она прижимает меня к автомобилю и придерживает коленом, пока связывает мне руки за спиной. Я не могу сопротивляться.

– Кетамин, – говорит она и открывает пассажирскую дверь.

Я заставляю себя думать. Сестра Брэнди работает ветеринаром крупного рогатого скота в фермерском сообществе на севере, где живут Беппи и Клинт. Должно быть, через нее Брэнди получила доступ к препарату. Это анальгетик, транквилизатор и галлюциноген. Брэнди – опытная санитарка, она умеет делать уколы. У меня внезапно подкашиваются ноги, но она удерживает меня под мышки и заталкивает мое безвольное тело на пассажирское место.

В салоне горит свет. Я вижу Куинн, привалившуюся к спинке сиденья, как мокрая тряпичная кукла. Ее рот заклеен полоской изоленты. Мне хочется кричать, наброситься на Брэнди и вцепиться ей в волосы. Я хочу убить ее за то, что она сделала с Куинн. Но я не могу пошевелиться или издавать звуки. Я заперта внутри своего тела, и мое сознание тоже начинает меркнуть.

Брэнди застегивает ремень безопасности у меня на груди. Моя голова клонится набок, изо рта сочится слюна. Но я остаюсь в сознании и пытаюсь удержаться на плаву.

Она склоняется к моему лицу.

– Скажи, где Джеб.

Мне хочется рассмеяться ей в лицо и поинтересоваться, чего она ожидала, если сама сделала так, что я не могу ответить. Ее руки шарят в моих карманах. Она находит мой мобильный телефон, и я беспомощно смотрю, как она просматривает мой список контактов и находит номер Джеба. Я горько сожалею о том, что не поставила на телефон парольную защиту. Мне это было не нужно... до сих пор.

Она вызывает Джеба.

Я стараюсь поднять руку и выбить телефон из ее хватки. Но я едва могу пошевелить пальцем.

Телефон звонит. Я слышу, как идут гудки... значит, вышка мобильной связи работает. До меня доходит, что Брэнди хочет заполучить Джеба сильнее, чем нас. Она не убила нас, потому что собирается использовать нас в качестве наживки. Но я не могу понять, почему Брэнди хочет этого. Я пытаюсь думать, искать связи, но мой мозг превратился в стоячее болото. Зрение начинает угасать. Я больше ничего не вижу, не слышу... а потом мой мир погружается в черноту.

* * *

Джеб остановил внедорожник и выключил фары. Он надел на голову налобный фонарик и открыл дверь. Дождь хлестнул его сбоку, ненадолго затуманив зрение. Здесь стоял густой дым, разъедавший носовые пазухи.

Он выбрал более длинный окружной путь к северной стороне ущелья вместо подъезда к полуразрушенному деревянному мосту, но преодолел это расстояние за короткий срок. Остаток пути до входа в шахту Джеб прошел пешком, не включая налобный фонарь. Оставалась возможность, что Клинт выберет такой же маршрут, поэтому он спрятал свой автомобиль среди деревьев примерно в четверти мили от входа.

Воздух наверху был более прохладным. Внизу гремел водопад Монтруж, над которым поднимался туман из водных брызг. Джеб нашел черный зев входа в шахту. Оттуда веяло ледяным холодом, как будто гора делала медленные выдохи через свои обледенелые недра. Он заглянул внутрь, но темнота была абсолютной. Джеб поежился, когда подумал о теле Мэрили, лежавшем где-то глубоко внутри и ожидавшем справедливого возмездия после девяти долгих лет. Он прокрался немного дальше по узкой дороге над ущельем, держась подальше от края, потому что дорожный барьер давно разрушился.

Если он вплотную приблизится к старому деревянному мосту, то сможет помешать Клинту перейти на другой берег. А если Клинт выбрал обходной путь, ему понадобится позиция, откуда можно будет наблюдать за другим подходом.

Но когда Джеб обогнул валун, он отпрянул назад, а его сердце учащенно забилося. Он заметил огонек, двигавшийся на другой стороне ущелья. Он медленно выглянул из-за валуна и увидел другой огонек, хаотично следовавший за первым. Должно быть, это наголовные фонари. Два человека. Наверное, Клинт взял с собой одного из сообщников. *Проклятье.*

Первый человек с фонарем повернулся ко второму, и Джеб с изумлением осознал, что этот второй был женщиной. Дородная фигура, светлые волосы.

Беппи?

Его мысли разбегались в стороны. Почему Беппи? Или она помогает Клинту? Это не имело смысла.

Он вздрогнул, когда зажужжал мобильный телефон, лежавший в кармане. Его телефон. Выругавшись про себя, он сунул руку в карман, нашел кнопку звука и перевел звонок в беззвучный режим. Кровь звенела у него в ушах. Он замер неподвижно. Могли ли они услышать звонок? Джеб очень медленно и осторожно выглянул наружу. Нет, они не смотрели в его сторону. Дождь, ветер и шум водопада должны были заглушить посторонний звук. Он сунул руку в карман, чтобы посмотреть, кто звонил. Номер его телефона был лишь у нескольких людей: Софии и Питера, его адвокатов... и у Рэйчел.

Это был номер Рэйчел.

Его пронизла тревога. Но прежде чем Джеб успел о чем-то подумать, он услышал крики и быстро выглянул из укрытия. Супруги спорили друг с другом. Беппи имела при себе ружье или дробовик. Ее фонарь ярко освещал лицо Клинта. Разумеется, это был он: квадратная челюсть, мощное телосложение и соответствующий рост. Он держал в руках тяжелый ящик. Динамит? Судя по всему, они спорили о том, кто первый пойдет через мост. У женщины была сумка, переброшенная через плечо.

Джеб увидел, что Клинт убедил Беппи идти первой. Ее головной фонарь мотался в разные стороны посреди темноты, когда она цеплялась за низкие перила правой рукой, держа ружье в левой. Осторожно переставляя ноги на широкой опорной балке моста, она приближалась к середине зияющей пропасти. Что-то подалось у нее под ногами, и она едва не рухнула на колени, ухватившись за перила, когда одна из поперечных балок отвалилась и исчезла в клубящемся белом тумане. Она немного подождала, потом снова двинулась вперед.

Этот мерзавец использовал ее как подопытную свинку для проверки стабильности остатков старого моста. Когда она миновала половину пути, Клинт сам начал переход. Он аккуратно балансировал на той же балке, держа ящик в руках.

Джеба обуревали противоречивые чувства. Он не рассчитывал на присутствие жены Клинта. Беппи уже приближалась к другой стороне; Клинт находился посередине. Очень скоро придется принимать решение. Телефон снова завибрировал у него в кармане, но прежде, чем он успел отреагировать, Беппи вдруг развернулась обратно

и подняла ружье. Она прижала ложе к плечу и прицелилась в своего мужа.

Джеб изумленно смотрел на происходящее.

Клинт замер как вкопанный.

Не вымолвив ни слова, Беппи нажала спусковой крючок. Грохот выстрела многократным эхом отразился от стен ущелья, и над водой раздался жуткий крик.

Джеб заморгал.

Клинт по-прежнему стоял на мосту; Беппи выстрелила в сторону. Но он уронил ящик с динамитом. Некоторые шашки раскатились у его ног, другие попадали в ущелье.

– Какого дьявола, Беппи? – завопил Клинт. – Опустить эту штуку! Что ты творишь, черт тебя побери?

– Я думаю о моих девочках, Клинт. Во имя Господа Всемогущего, во имя возмездия, я не позволю тебе это сделать.

Она снова прижала ружье к плечу и прицелилась. Клинт ухватился за перила.

– Ты обезумела, женщина.

– Мэрили была первой? Сколько других у тебя было после нее, Клинт? Как много?

– Положи эту проклятую пушку.

– Чтобы ты взорвал меня вместе с шахтой и замел следы? Я тебя знаю, Клинт. Я...

Он шагнул к ней, и она моментально выстрелила у него над головой. Он споткнулся и грязно выругался.

– Это был только ты? – закричала она, перезаряжая ружье. – Или другие тоже насильничали над тобой? Скажи мне. Я хочу знать все, что случилось в ту ночь. Иначе, клянусь жизнью моих девочек, я убью тебя прямо здесь и сейчас.

– Беппи, послушай меня...

Она выстрелила снова, и пуля выбила щепки перед его сапогами.

– Господи, мать твою! Ладно, ладно, я все скажу. Они хотели этого, Беппи. Они обе этого хотели.

– Громче! Я не слышу тебя! – прокричала она.

– Мы вырубим их. Подсыпали рогипнол в их выпивку, чтобы они ничего не запомнили! – Он перешел на крик. – Довольно, женщина?

Достаточно громко для тебя? Наркотик сделал их вялыми и послушными. Легкая добыча. Я начал с Мэрили, прямо в шахте.

Беппи отшатнулась. Внизу ревел водопад. Время как будто замедлило свой ход.

– Вы все это сделали? – наконец крикнула она. – Леви, Люк, Зинк?

– Положи ружье, ладно?

Она снова выстрелила. Клинт пригнулся и выругался.

– Ладно, ладно! Первым был я, потом Зинк. Мы заставили Эми смотреть. Надели ей веревку на шею и заставили смотреть. Леви был наготове, со стояком в руке.

Беппи снова перезарядила ружье. Она доставала патроны из нагрудного кармана своего рабочего комбинезона.

– Но Леви сдрейфил, когда я трахнул Мэрили стволом пистолета. Да, я это сделал! Я балдел от этого! Но Эми завизжала, как долбанная истеричка, и Леви испугался. Он сказал, что это не круто. Мы немного подрались, потом врезались в Мэрили, и она расшибла башку об камень. Типа немного свернули ей шею. Повсюду была кровь, она кашляла кровью. Я велел Леви принести что-нибудь, чтобы остановить кровотечение. Он побежал к джипу и принес толстовку этого засранца – Люка, который напился и заснул прямо в машине. Но когда Леви вернулся, Мэрили уже умерла. Не знаю, что случилось, но пульса не было. Может, она захлебнулась своей кровью, или слишком сильно ударилась головой, или свернула шею. В общем, она скончалась. Ни разу не видел, чтобы парни так быстро протрезвели. Сначала мы ударились в панику. Там было полно нашей спермы, нашей ДНК. Моей и Зинка. Поэтому мы столкнули ее в ствол шахты. Ну как, ты довольна?

Беппи была зловеще неподвижна.

Джебом овладело тошнотворное, холодящее чувство. Не огонь ярости, а что-то другое. Реальность того, что сделал этот человек вместе с его сообщниками, вымораживала его. Его мозг словно онемел.

– Беппи, ты довольна? – снова выкрикнул Клинт. – Теперь ты положишь ружье?

– Продолжай! – крикнула она и сделала шаг вперед. – Я хочу услышать все подробности. Что вы сделали с Эми?

– Эми все видела. Мы не знали, что с ней делать. Я хотел столкнуть ее в шахту следом за Мэрили, но Леви сказал, что полицейские придут сюда, когда начнутся поиски. Они найдут тела, потом криминалисты установят ДНК по сперме, и тогда нам конец. Поэтому мы отнесли Эми в джип, и я сел за руль. Мы поехали на север. Я почти ничего не соображал от травки и бухла, а Леви обосрался от страха. Люк вообще не знал, что происходит: он как заснул, так и не просыпался. Мы решили, что высадим Эми где-нибудь подальше на севере, а если ее найдут, то на ней не останется никаких улик – мы ведь ее не трахали. И тогда они будут искать Мэрили где-нибудь поблизости. Никому не придет в голову искать в шахте. Мы сговорились дать показания, будто мы видели, как Каллен уехал на север вместе с девчонками. Это было легко, поскольку их видели в его автомобиле, прежде чем они заметили нас перед железнодорожным переездом. Беппи?

Еще один выстрел раздробил перила рядом с Клинтом.

– Все до конца! – прокричала она.

Джеб не смел пошевелиться. Его мышцы зудели и ныли от напряжения. Как и Беппи, он хотел услышать все.

– Мы отвезли ее вдоль Рутфордского водостока к старой трапперской хижине. Остальные ждали в джипе, пока я отвел ее внутрь. Она лопотала, спотыкалась и падала, пока я тащил ее за веревку на шее. Словно животное. Это меня возбуждало, понимаешь? Я дал себе волю в хижине, сначала избил ее, потом изнасиловал стволом пистолета спереди и сзади, а потом придушил. Я думал, что прикончил ее. Ее пульс был таким медленным от наркоты, что я не чувствовал его, либо был слишком пьян, чтобы почувствовать. И знаешь, что, Беппи? – Он завопил еще громче. – Мне, бл. дь, это нравилось, ясно? Это разжигало мой аппетит. После нее я делал то же самое с боснийскими женщинами, когда служил там. А в Сьерра-Леоне трахнул одну из военных сучек. Она отказалась от обвинения, но меня все равно вытурили. Теперь я охочусь на одну-другую самочку каждой осенью, вместе с лосями и карибу, а потом возвращаюсь домой с трофеями.

Молчание. Только грохот падающей воды вниз и шум дождя. Гром в окрестных холмах.

– Как насчет толстовки? Как она оказалась в автомобиле Джеба?

Он рассмеялся. Его хохот был низким и утробным, как у пещерного охотника.

– Я понял, что она осталась в джипе, только после нашего возвращения. Я доставил Люка домой и напялил на него эту проклятую штуку. Он очнулся, когда я выволакивал его из машины. Я решил, что он выстирает толстовку или выкинет ее. Он все равно не знал, что там случилось. Но дома я стал нервничать. Я вспомнил, что в джипе был GPS-навигатор. Поэтому я вернулся еще до рассвета, чтобы вымыть проклятый джип и стереть маршрут навигатора.

– Позавчера ты попытался убить Джеба, да? – крикнула Беппи. – Ты сжег его дом, устроил пожар на Вулф-Ривер. Ты взял мой пикап.

– Да, мы сделали это с Зинком и Леви. Кстати, я избавился от этой врачихи и ее мужа, а потом замочил Эми. Пора заканчивать, Беппи. Все под контролем.

Клинт широко раскинул руки, запрокинул голову и снова расхохотался, словно всемогущий повелитель лесной глуши. Джеб напрягся. Дело шло к концу. Он прицелился в Клинта по стволу своего ружья, выбрав точку немного ниже налобного фонаря. Но Беппи немного заслоняла линию огня, и он не хотел задеть ее. А Клинт подходил все ближе к своей жене, которая как будто приросла к месту.

Джеб мягко усилил давление на спусковой крючок.

Двигайся, Беппи! Шевелись, черт возьми!

Джеб инстинктивно знал, что Клинт собирается сбросить ее с моста. Он ни за что не стал бы рассказывать обо всем, если бы собирался оставить ее в живых.

Если бы Джеб крикнул Беппи, чтобы она уклонилась, это бы отвлекло ее и Клинт успел бы дотянуться до нее. Это был трудный выстрел. Джеб выругался про себя. Прошло почти десять лет с того времени, когда он последний раз охотился и вообще прикасался к оружию. Когда-то он был метким стрелком. Он не знал, сохранились ли его навыки.

Внезапно Джеб заметил другой огонек, быстро приближавшийся с дальней стороны ущелья: кто-то бежал с фонариком в руке. Он тут же посмотрел на мост. Клинт стоял спиной к свету и не имел понятия, что кто-то приближается сзади.

– Твои грехи не коснутся моих девочек, Клинт! – внезапно завопила Беппи. – Ты заплатишь за это. Мир узнает, что ты сделал

с Эми и с Мэрили. Правосудие восторжествует, и твоя семья будет свободна!

– Полиция! – раздался голос.

Все замерли на месте.

– Положите оружие, Беппи Рудигер. Не нужно этого делать, – женский голос, холодный и решительный.

Джеб вышел из-за валуна и прицелился в Клинта с другой стороны моста.

– Послушайте ее, Беппи! – крикнул он. – Пусть полиция возьмет его! Положите оружие, я держу его под прицелом.

Она заколебалась, явно сбитая с толку. Потом резко вскинула ружье и выстрелила. Раздался грохот. Клинта отбросило в сторону, и он вылетел за перила, превратившись в кувыркающуюся черную тень, летевшую навстречу белому туману и ревущей воде. Беппи уронила ружье и опустилась на корточки на краю моста. Ружье полетело в пенистую бездну следом за ее мужем. Она обняла руками колени, застонала и принялась раскачиваться на месте.

Джеб подбежал к ней раньше, чем это сделала женщина из полиции. Он взял Беппи за руку, помог ей встать и направил рыдающую женщину к полицейской, приближавшейся с другой стороны. Это была Энни Пирелло – та самая, кто приехал к Рэйчел искать его, кто ответил на звонок из школы, когда Куинн попала в неприятности.

Пирелло помогла женщине выбраться на твердую землю на другой стороне ущелья.

– Мне так жаль, – сказала Беппи. – Она промокла насквозь и дрожала всем телом. – Мне так жаль, так жаль...

Она привалилась к скале и сняла сумку, висевшую у нее на плече. Потом протянула сумку Пирелло.

– Что это?

– Его трофеи. Охотничьи трофеи, – дрожащим голосом ответила Беппи. – Он собирался загнать меня в эту шахту и взорвать вместе со всеми его трофеями, – Она сунула руку в нагрудный карман комбинезона и вытащила что-то маленькое и темное, размером с мобильный телефон. – И еще это. – Она протянула дрожащие руки. – Он ваш. Я все записала на пленку.

Пирелло посмотрела на Джеба.

– Я заставила его громко кричать, чтобы голос был слышен над водой – Беппи начало трясти; последствия пережитого потрясения физически сказывались на ней. – Я... надеюсь, я достала его.

Она посмотрела на Джеба.

– Мне... очень жаль что они сделали с вами.

Глава 26

Я медленно прихожу в себя.

Голова как будто взорвалась. Во рту химический привкус. Я нахожусь в автомобиле и ощущаю движение, слышу рокот двигателя. Я делаю над собой усилие и приоткрываю глаза.

Идет дождь. Работают стеклоочистители. Гремит гром. Я чую дым и слегка смещаю голову вбок.

Брэнди за рулем. Она ведет машину.

Куинн.

Шоковая волна пробегает по моему телу, когда я вспоминаю. Я извиваюсь, стараясь заглянуть через плечо. Я вижу ее, она пришла в сознание. Она смотрит на меня – огромные глаза над ртом, заклеенным изоляцией. Меня охватывает ярость: я не могу допустить, чтобы с Куинн что-то случилось. Но я не могу двигаться. Мои конечности по-прежнему парализованы.

– Что... Что... – Язык едва ворочается во рту, в глотке пересохло. – Брэнди...

Она оглядывается, и ее лицо пугает меня. В глазах с набрякшими веками, обведенными красными ободками, застыло безумное выражение.

– Где он? – рявкает она.

Мой мозг работает слишком медленно.

– Кто?

– Джебедия Каллен. Почему он не отвечает по телефону? – Она почти визжит. Костяшки ее пальцев на рулевом колесе побелели от напряжения, на шее выступили безобразные жилы. До меня доходит, что мы поднимаемся по горному серпантину. Я вижу огонь, пылающий в дренажной зоне. Должно быть, мы находимся на склоне Медвежьей горы, потому что в последних сообщениях я слышала, что склоны Маунт-Баррен охвачены огнем. Она везет нас на Медвежью гору, пока весь город внизу завершает эвакуацию. Стеклоочистители размазывают пепел пополам с дождем, как грязь по ветровому стеклу.

Я пытаюсь пошевелить ногами, но не могу. Все кажется странно отдаленным. Я глотаю, втягиваю влагу себе в рот. Мои руки связаны за

спиной, зубчатая застежка врезается в запястья. Она не убила нас, хотя могла это сделать. И еще может. Но сначала она хочет получить Джеба. Я должна выиграть время, должна раскусить ее.

– Почему... он тебе нужен? – хрипло шепчу я.

Она оглядывается на меня.

– Тебе не следовало вмешиваться. Ты должна была оставить его в покое. Если я это исправлю, если ты уйдешь... – Она бьет ладонью по рулевому колесу.

– Кого... оставить в покое?

– Если вы все сгинете, если перестанете копать под него... Улики никогда не появятся на свет, и все успокоится. Мы еще можем быть вместе. Он нужен мне. *Он мне нужен, понятно?* – Она снова бьет ладонью по рулевому колесу. – Где он, Рэйчел?

Автомобиль скользит в грязи, когда она едва не пропускает крутой поворот.

– Кто? – хриплю я. – С кем ты можешь быть вместе?

Внезапно я вспоминаю ту ночь, когда погромщики устроили пожар в усадьбе Джеба. Я позвонила Брэнди, чтобы она присмотрела за Куинн. Когда она ответила, было ясно, что в ее постели находится кто-то еще. Она никогда не упоминала, что у нее есть мужчина.

– Твою мать! Черт бы тебя побрал, ты все испортила! Вы *все* должны были находиться дома!

Она тянется к моему телефону на приборной панели. Продолжает рулить свободной рукой и снова набирает номер.

Я слышу гудки. Стараюсь пошевелить руками, но они крепко связаны за спиной. С колоссальным усилием я бросаю туловище вбок и выбиваю телефон из ее ладони. Она наотмашь бьет меня по лицу и отбрасывает на сиденье. Моя голова со стуком ударяется в боковое окошко. Череп гудит, и я ощущаю кровь в носовых пазухах. Кровь просачивается через рот и стекает по подбородку.

Куинн внезапно бьет обеими ногами по спинке сиденья Брэнди. Она сгибает колени, бьет снова и снова. Туловище Брэнди дергается от ударов, когда она снова пробует набрать номер Джеба.

– Ты, маленькая тварь! Прекрати! – поворачивается и пытается ударить Куинн. Автомобиль едва не переворачивается. Брэнди снова ругается, выпускает телефон и выравнивает машину обеими руками. Я безнадежно ищу способ отвлечь ее.

– Что... что бы ты сделала... если бы мы все были дома? – Я давлюсь, когда кровь попадает в горло.

Она не отвечает. Думаю, она постаралась бы уколоть нас всех и отвезти в такое место, где мы бы сгорели без следа, и никому бы не пришлось в голову провести токсикологический анализ наших останков.

– Как ты можешь бить Куинн? – Я произношу имя девочки, захлебываясь кровью. Я хочу, чтобы Брэнди задумалась и вернулась к действительности. Она сломалась на каком-то психологическом уровне. Это не та женщина, которой я доверила уход за моей племянницей. – Ты же любишь Куинн, Брэнди. Ты... – Я снова кашляю, но не могу избавиться от крови и слюны во рту и в ноздрях. – Ты ухаживала за ней, ты хотела завести собственных детей. Тебе не нужно так поступать.

– Нет, нужно! Я... мне нужно закончить. Все должно было сложиться по-другому.

Она тянется за телефоном и подбирает его. Куинн лягается еще сильнее и стонет под клейкой лентой, залепившей ее рот. Я медленно поворачиваю голову и заглядываю в ее огромные круглые глаза.

– Все... будет хорошо.

Я стараюсь четко произнести последние слова, но снова давлюсь и кашляю. Мою грудь сдавливает от беспомощности и отчаяния.

Брэнди звонит снова. С тошнотворным чувством я слышу, как Джеб отвечает ей. Брэнди на секунду выглядит совершенно растерянной.

– Джеб Каллен? – говорит она. – Я... они у меня. Рэйчел и Куинн. – Ее голос дрожит, глаза бегают по сторонам. – Если... если хотите увидеть их живыми, сделайте то, что я говорю.

– Кто это? О чем вы говорите?

Я слышу его голос, громкий и решительный. Пробую пошевелить ногами, но лишь двигаю пяткой. Я заперта внутри моего тела и не могу помочь Куинн.

– Я отвезла их на Медвежью гору. Мы будем... – Она резко поднимает взгляд и выкручивает руль, минуя очередной поворот. Гравий и грязь летят из-под покрышек, когда мы едва не входим в неуправляемое вращение. Пожар охватил все склоны Маунт-Баррен. Я вижу, что причал канатной дороги на дальней стороне находится в огне. В автомобиле стоит густой запах дыма. Брэнди выглядит

донельзя испуганной, когда вглядывается через исполосованное пеплом ветровое стекло. До меня доходит, что у нее нет конкретного плана. Ее первоначальный план потерпел неудачу, и у нее не осталось запасного выхода. Мне нужно воспользоваться ее страхом и неуверенностью.

Она смотрит на пылающее здание причала у вершины другой горы.

– Мы будем у причальной станции канатной дороги «От вершины к вершине». Жду вашего прибытия в течение сорока пяти минут, иначе они умрут.

Куинн снова лягает пятками сиденье Брэнди. Та дергается вперед и шипит сквозь зубы.

– Подождите! – Я слышу крик Джеба. – Как вы докажете, что они у вас?

Брэнди ударяет по тормозам, и автомобиль опасно скользит в жидкой грязи. Она поворачивается назад, и частично срывает изоленту со рта Куинн. Девочка верещит от боли. Я дергаюсь и снова наваливаюсь на Брэнди, но она с силой отталкивает меня.

– Скажи что-нибудь Джебу, – приказывает Брэнди и подносит телефон к лицу Куинн.

– Джеб, я... я хочу к ма-ма-маме. Брэнди сделала больно Рэйчел...

Мышцы моего живота резко сокращаются. Меня тошнит всухую. Моя боль за Куинн невыносима; я должна прекратить это.

Брэнди отдергивает телефон от Куинн.

– Ну как, этого хватит?

– Почему вы это делаете? Чего вы хотите?

Но Брэнди прерывает связь и заклеивает рот Куинн новой полоской скотча. Она ставит автомобиль на передачу и крутит руль обеими руками, когда нажимает на газ. Крик ярости зарождается в моей груди, но я сдерживаюсь. Сейчас нельзя паниковать; паника убивает. Мне нужно сторговаться с Брэнди. Я хорошо ее знаю, не так ли? Кого она может защищать?

«Если вы все сгинете, если перестанете копать под него... Улики никогда не появятся на свет, и все успокоится. Мы еще можем быть вместе. Он нужен мне. Он мне нужен, понятно?»

Кто такой «он»? Мир снова начинает вращаться, и мое сознание то меркнет, то проясняется. Я изо всех сил стараюсь сосредоточиться. Я заставляю себя думать о мужчинах, которые лгали насчет Джеба.

Клинт, Леви, Люк, Харви. Мне неизвестно, кто из них может быть связан с Брэнди. Потом меня осеняет. Адам, брат Люка!

Адам, владелец джипа и любитель музыки регги. Адам, чья мать возглавляла следствие и приложила все силы, чтобы Джеба осудили и отправили за решетку. Если Адам был причастен к изнасилованию или прикрывал насильников, то при разоблачении он потеряет все.

Однажды, довольно давно, Брэнди сказала мне, что познакомилась с Адамом в группе поддержки для людей, имевших в своих семьях близких родственников с болезнью Альцгеймера или деменцией. Ее мать страдает от болезни Альцгеймера. Она сообщила мне, что подружилась с Адамом на этой основе. Я пытаюсь мысленно вернуться в прошлое. Вспоминаю выражение ее глаз, когда она говорила о нем. Вспоминаю, как думала, что ей действительно нравится этот женатый мужчина, и гадала, не скрывается ли за этим что-то большее.

– Адам, – говорю я. – Это Адам... ты делаешь это ради него. – Я кашляю и стараюсь найти в себе новые силы для новых слов. – Ты была с ним, когда я позвонила тебе и попросила присмотреть за Куинн в ту ночь, когда начался пожар на Вулф-Ривер. Что... что сделал Адам девять лет назад?

Она смотрит только вперед.

– Я люблю его, – откровенно признается она. – Он любит меня. Рано или поздно мы будем вместе. Он... он уравнивает меня. Он *нужен* мне.

Он уравнивает меня. Брэнди – неуравновешенный человек. Мне очень мало известно об этом психическом отклонении, но я знаю, что люди, которые годами могут выглядеть вполне нормально, внезапно могут покончить с собой. Люди упускают из виду внешние признаки. Я тоже упустила их.

«Я люблю его. Он любит меня. Рано или поздно мы будем вместе».

Мир вращается и снова ускользает от меня. Джеб сказал, что любит меня. Я знаю, что он безраздельно любит свою дочь. Он придет за нами. Он умрет ради нас. Я не хочу, чтобы он умер.

Вещи, которые мы делаем ради любви...

– Это никак не поможет Адаму, – говорю я. – Ты должна остановиться. Тебе необязательно причинять вред другим людям.

Она сочно ругается.

– Это ты все спутала! Я не могу остановиться, просто не могу. Я должна покончить с этим!

Я снова наваливаюсь на нее. Она грязно ругается и отталкивает меня локтем. Я пробую еще раз. Тогда она шарит в под сумке у себя на поясе и находит шприц. Игла глубоко вонзается мне в ногу.

– Просто заткнись, ладно? Замолчи.

Мой мир чернеет и исчезает.

* * *

Энни ехала рывками, двигаясь на юг в плотном потоке машин и поглядывая в зеркало заднего вида на Беппи Рудигер в наручниках, сидевшую позади. Она не стала включать сирену. В городе возникали настоящие чрезвычайные ситуации, где требовалось уступать дорогу, а она решила воспользоваться временем на тот случай, если Беппи скажет что-нибудь еще.

Джеб Каллен спросил, так ли необходимы наручники, но Энни поступила по инструкции. Этот грязный клубок убийств и похищений затрагивал полицейских – особенно Адама Лефлера и его мать, и она хотела, чтобы все было сделано максимально чисто. Она прикрывала свою задницу и не хотела нести ответственность за что-либо, что бы там ни говорил Новак.

Она прослушала первую часть записи, сделанной Беппи. Часть того, что говорил Клинт, была вполне разборчивой. Хороший техник-криминалист восстановит остальное. Беппи была свидетельницей и могла говорить. Джеб тоже даст свидетельские показания. С помощью этой записи они получают все необходимое, чтобы обвинить Клинта Рудигера в убийстве Мэрили Цукановой и изнасиловании Эми Финдли. Единственным обстоятельством, крайне тревожившим Энни, была судьба Клинта. Она была совершенно уверена, что видела, как пуля попала в него, прежде чем он перевалился через перила и исчез внизу. Но было темно. Хотя никто не смог бы выжить после падения в водопад с такой высоты. Они найдут его тело ниже по течению, если вообще найдут.

– Есть еще один, – вдруг сказала Беппи Рудигер за ее спиной.

– Еще что?

– Трофей.

Беппи загремела чем-то за разделительным барьером, когда попыталась скованными руками передать Энни какой-то предмет.

– Я забыла про эту штуку. Она навела меня на мысль, что еще может находиться в его железной коробке. Вам нужно забрать все; я не хочу, чтобы этот ужас находился рядом со мной. А это лежало в глубине его ящика для инструментов. Я нашла его, когда искала ножницы по металлу для моей ограды.

Энни покосилась на предмет. Ее сердце замерло, потом часто забилось в груди. Держа одну руку на рулевом колесе, она потянулась за кольцом, которое Беппи Рудигер старалась просунуть за разделительную решетку.

Шестиугольный бирюзовый камешек, оправленный в серебро.

Она немедленно съехала на обочину и включила полицейский маяк, но не сирену. Потом включила свет в салоне. На внутренней стороне кольца были выгравированы инициалы CL.

Клодетта Лепин.

Кровь Энни превратилась в лед.

Это кольцо она подарила своей сестре.

* * *

Брэнди озверела от адреналина и вместе с тем была испугана, как никогда в жизни. На каком-то уровне она понимала, что опять сорвалась с катушек, как это случилось во время подготовительного курса к службе в RCMP, когда ее отчислили без права на восстановление. И тоже из-за парня, в которого она влюбилась. Безответная любовь толкнула ее через край, заставила натворить глупостей. Но это было уже давным-давно. Если бы сейчас она столкнулась с неразделенной любовью, то сохранила бы присутствие духа и контроль над собой. Но потерять Адама... нет, она не могла этого допустить. Он был нужен ей как воздух. Он собирался навсегда остаться с ней.

Она покосилась на Рэйчел, обмякшую на пассажирском сиденье. Женщина была без сознания. Возможно, она вкатила слишком большую дозу, но теперь уже все равно. Сейчас у нее не было времени думать о Рэйчел. Куинн молчала и никак не давала о себе знать.

Густой слой пепла и грязи на ветровом стекле почти закрывал обзор. Она наклонилась вперед, напрягая зрение. Все вокруг было

затянуто дымом. Внезапно она заметила огни «Тандерберд-Лодж».

Дрожащей рукой она стащила бейсболку с головы, пытаясь обдумать дальнейшие действия. Все не должно было закончиться так. Ее единственным оружием был спрей от медведей и ледоруб. Еще веревки. Ее сила и выносливость. Кетамин закончился.

Проклятье.

Она дошла до этого, и обратной дороги не было, так? Пот выступил по всему ее телу. Она остановилась рядом с причальным терминалом канатной дороги. На стороне Маунт-Баррен все еще бушевал пожар. Дул сильный ветер, и клубы дыма разлетались в стороны. При таком ветре кабина должна была автоматически застопориться. Но она была патрульной, получившей подготовку по скалолазанию и экстренной эвакуации. Она знала, как разблокировать кабину вручную.

От нее требовалось только посадить их всех в кабину канатной дороги и отправить в огненную печь на месте причального терминала Маунт-Баррен. Если они не сгорят на причале, то не доберутся до другой горы живыми – только не при таком пожаре и штормовом ветре. Но Брэнди была испугана. Она еще никого не убивала. Сможет ли она это сделать? Разумеется!

Куинн внезапно пнула спинку ее сиденья и начала стонать, как раненое животное. Брэнди задрожала всем телом. Она делала это ради Адама. Она должна гарантировать, что он никому не скажет, ни в чем не признается. Она потянулась за телефоном Рэйчел и набрала его номер.

Гудок шел за гудком. Адам снова не брал трубку. Брэнди начала паниковать и оставила сообщение.

* * *

Джеб выругался, едва плетясь в транспортной пробке, растянувшейся на несколько километров в южном направлении. Густой дым, повсюду завывание сирен. Брэнди сказала, что будет ждать сорок пять минут.

«Джеб, я... я хочу к ма-ма-маме. Брэнди сделала больно Рэйчел...»

Ему не уложиться в сорок пять минут. Джеб включил аварийную сигнализацию и нажал на гудок, обходя колонну автомобилей. Он выехал на встречную полосу, продолжая гудеть и мигать огнями

аварийки. Фары встречного автомобиля едва не ослепили его. Он заехал на бордюр и помчался по тротуару, зацепив фонарный столб и припаркованную машину, а потом вернулся на встречную полосу. Сзади приближался вой сирены. Джеб заглянул в зеркало заднего вида и увидел быстро приближавшийся стробоскопический свет автомобиля «скорой помощи». Он тоже двигался по встречной полосе, и все уступали ему дорогу. Джеб заехал на бордюр, пропустил «скорую помощь» и пристроился сразу за ней. Так они ехали почти до самого города, а потом Джеб свернул на боковую улицу, ведущую к подножию Медвежьей горы.

Автостоянка для лыжников опустела. Темные силуэты людей выделялись на фоне мигающих аварийных огней, пока они бегали вокруг, спасая имущество. Кто-то поливал салун «Шэди Леди» из пожарного шланга. Огромный разбрызгиватель поливал соседние дома у подножия горы. Джеб выехал на грунтовую дорогу, которая вилась серпантинном к канатной трассе у вершины.

Грязь скользила под крышками. Дождь усилился, и за его ветровым стеклом все было мутным и серым. Тем не менее этот потоп не погасил пожар, бушевавший на стороне Маунт-Баррен, где языки оранжевого пламени взмывали в темноту. Пока он поднимался, городские огни внизу исчезали в дыму. Еще выше он заметил, что огонь с Маунт-Баррен добрался до Кайберской дренажной зоны. Все выглядело так, что, если ветер не переменится, город запыляется максимум через полчаса. Все бежали на юг, а он поднимался вверх. В огненный ад. Потому что все самое драгоценное для него скрывалось наверху, в этом дыму.

Его сердце гулко стучало в груди. Это была ловушка. Брэнди хотела заполучить его. Он понятия не имел, почему или как она была связана с текущими событиями. Но он был готов на все ради спасения своего ребенка и своей женщины. Буквально на все.

У него были доказательства.

Теперь он хотел вернуть свою жизнь. Свою семью. Он попробовал, каково это. На что это могло быть похоже. Он получил все, ради чего стоит жить.

И умереть.

* * *

Адам всегда думал, что если наступит время, когда он будет вынужден покончить с собой, то сделает это выстрелом в рот. В полицейском стиле. Достойным образом. Теперь это время пришло. У него хватило мужества, чтобы очиститься от греха, но не для того, чтобы оказаться под арестом и под судом. Или в тюремной камере. Полицейский за решеткой? Это всегда плохо заканчивалось.

Он сделает достойный выбор. Единственный выбор.

Его мальчикам не придется расти с позорным клеймом на имени их отца. Лили будет вольна двигаться дальше с высоко поднятой головой. Но он не может выстрелить себе в рот, иначе дети останутся ни с чем. Нет, он сделает так, чтобы это выглядело как несчастный случай, и тогда Лили и его сыновья получают страховую выплату за его жизнь.

Пока Адам ехал на север по извилистому шоссе к узкому мосту через ущелье с метким названием «Ущелье самоубийц», он испытывал невероятное облегчение. В конверте на столе он оставил инструкции для Лили. Он передал свое признание Пирелло, которая теперь уже должна была вручить его Макину. Он попрощался с Брэнди. Она переживет эту потерю. Она была молодой и красивой, у нее впереди лежала целая жизнь, и будет только лучше, если Лили никогда не узнает о ней.

По мере приближения к мосту он начал увеличивать скорость; мокрые покрышки визжали на поворотах. Он должен был врезаться в ограждение на полном ходу и вкось, чтобы сложилось впечатление, будто он пытался отвернуть в сторону и избежать столкновения, но автомобиль вышел из-под его контроля.

Телефон Адама зазвенел. Его решимость на мгновение поколебалась. Он стиснул зубы и проигнорировал звонок, но абонент позвонил снова. С сильно бьющимся сердцем и вспотевшим лбом он выровнял автомобиль, резко сбросил скорость и достал телефон из кармана. Проверил входящий номер и заморгал. *Рэйчел?* Он почувствовал растерянность, граничившую с паникой. Свернул на обочину, остановился и вытер лицо ладонями, пока звонок ушел на голосовую почту.

Проклятье. Он струсил. Нужно будет развернуться и повторить попытку. Не в силах остановиться, Адам перешел на голосовую почту и поднес телефон к уху.

Там было несколько лихорадочных сообщений от Брэнди, которая просила никому не передавать его признание. Поздно. Кровь застучала у Адама в висках: с каждым следующим сообщением голос Брэнди становился все более истеричным. Он прослушал последнее сообщение, которое пришло с телефона Рэйчел.

– Только не делай этого, Адам. Я захватила их. Они тут, рядом с гондолой канатной дороги. Все будет хорошо. – Брэнди заплакала. – Я все сделаю правильно ради тебя, только подожди. Скоро их не будет...

Сообщение оборвалось.

Адам быстро перезвонил. После второго гудка звонок прервался. Он попробовал снова, но сигнала больше не было.

Он ошеломленно уставился на мост через каньон, размытый потоками дождя на ветровом стекле. Какого черта вытворяет Брэнди? Почему она звонит по телефону Рэйчел? Город эвакуировался, склоны горы были в огне. Кого она держит рядом с кабиной канатной дороги? Адам вспомнил выражение лица Брэнди, когда он сказал ей, что Рэйчел и Джеб догадаются прийти в шахту и обнаружат улики... Прозрение ледяным кинжалом ударило ему в сердце.

Адам включил передачу, круто развернулся и до отказа вдавил педаль газа, возвращаясь в Сноу-Крик.

* * *

Когда Джеб приближался к Тандерберд-Лодж, он увидел, что здание на Маунт-Баррен было объято пламенем. Когда его взгляд вернулся к Тандерберд-Лодж, он осознал, что на другой стороне горит новый терминал канатной дороги «От вершины к вершине». Когда он сидел в тюрьме, то читал об этом строительстве.

Джеб остановился за помятым синим автомобилем двадцатилетней давности. Автомобиль принадлежал Брэнди; он видел, как она приезжала, когда забирала Куинн.

Напряжение сдавило грудь, когда Джеб подхватил ружье и открыл дверь. Дождь пополам с пеплом покрыл его серой пастой, пока он бежал к терминалу. Небо за густой дымовой завесой отливало оранжевым. Стеклопанельная дверь терминала была не заперта.

Он вошел и закашлялся.

Помещение было залито светом неоновых ламп. Вокруг никого не было. Он сморгнул пепел, попавший в глаза.

– Брэнди! – позвал он.

Ответа не последовало.

Джеб направился к ряду красных кабин канатной дороги.

– Брэнди! – снова крикнул он. Эхо его голоса загуляло вокруг. Место выглядело заброшенным.

Он развернулся с сильно бьющимся сердцем. Что Рэйчел рассказывала ему о Брэнди? Она занимается патрулированием лыжных трасс. Скалолазная подготовка. С детства работала в горах, знает горные операции. Любит детей и хочет завести собственных.

У Джеба перехватило дыхание, когда он подумал о Куинн. И о Рэйчел – избитой, возможно, даже раненой.

Он взял ружье наперевес и побежал вдоль ряда кабин, заглядывая внутрь на ходу. Наверху гремел гром, вокруг свистел ветер. Дым клубился над зияющим провалом в конце причала.

– Куинн! Рэйчел!

Краем глаза он заметил внезапное движение в стеклянной диспетчерской комнате. Он замер, вглядываясь туда. Показалось ли ему, что кто-то внутри успел пригнуться в последний момент? Пока он смотрел вверх, то услышал тихий стук.

Джеб подождал и прислушался под вой ветра, пока снова не услышал стук. Звук исходил из подвесной кабины, расположенной ближе к провалу в конце причала. Он побежал туда и вскоре увидел черные локоны своей дочери в третьей кабине от конца. Двери были широко раскрыты.

– Куинн!

Джеб вошел в кабину. Куинн была прикована к поручню кабельной стяжкой; ее ноги были спутаны репшнуром, рот заклеен скотчем, глаза широко распахнуты. Рэйчел тоже была привязана к поручню кабельной стяжкой, но свисала на запястьях, а ее тело неподвижно лежало на полу. Она была покрыта кровью и пеплом, лицо отвернуто в сторону.

Его сердце дало моментальный сбой. *Сосредоточься. Расставь приоритеты.*

– Куинн, ты в порядке?

Девочка кивнула, дрожа всем телом как осиновый лист. Она находилась в шоке. Он опустился на колени возле Рэйчел и пощупал пульс на связанных запястьях. *Жива.* У Джеба защипало глаза от облегчения. Он отложил ружье и повернул ее голову к себе. Ее лицо было покрыто запекшейся кровью, но она дышала.

– Что случилось с Рэйчел?

– Я... мне так жаль, Джеб. Я убежала. Я... хотела домой, к маме и папе. Это... это я виновата. Брэнди поймала меня на дороге. Рэйчел искала меня... под дождем.

– Все в порядке, Куинн. Сосредоточься. Что случилось с Рэйчел?

– Б-Брэнди воткнула в нее иголку.

Ее одурманили.

– Тебя она тоже уколола?

– Да, но я очнулась. Потом Рэйчел тоже пришла в себя. Она начала ссориться с Брэнди и толкать ее. Брэнди хотела, чтобы она заткнулась, и снова уколола ее.

Это означало, что наркотик снова может выветриться, и все обойдется без серьезных последствий.

– Где сейчас Брэнди?

– Не знаю. Она ушла.

Джеб обернулся через плечо. Ему был нужен нож или другой режущий инструмент, чтобы разрезать стяжки, привязывавшие их к поручню. Полицейские пользовались такими стяжками как аварийными наручниками по особой причине: их было невозможно снять без острого лезвия. Он опустился на корточки и стал распутывать веревку на ногах Куинн.

Пока он работал, кабина пришла в движение. Джеб вздрогнул и поднял голову. Они медленно скользили вдоль причальной платформы; двери начали закрываться.

Господи. Вот что делала Брэнди: она хотела послать их в закрытом гробу навстречу огненному аду на другой стороне. Джеб лихорадочно размышлял. Он не сможет освободить их от кабельных стяжек, прежде чем кабина отойдет от причала. Тогда они все окажутся в ловушке.

Он должен остановить это. Даже когда кабина отправится в путь, если он сможет застопорить систему, то найдет какой-нибудь способ вернуть их или добраться до них по опорным башням и кабелям.

Джеб выскочил из кабины и помчался вдоль платформы. Теперь он видел рыжие волосы и синюю куртку Брэнди за стеклом диспетчерской комнаты.

– Брэнди! – завопил он. – Останови эту чертову гондолу!

Она повернулась к нему. Ее молочно-бледное лицо было испещрено хлопьями пепла. У нее был нечеловеческий вид. Джеб приложил ружье к плечу и прицелился в нее.

– Я застрелю тебя, если не остановишь! – прокричал он.

Ряд кабин продолжал двигаться.

Джеб сделал предупредительный выстрел. Брэнди моментально пригнулась. По стеклу разбежались трещины, потом целая панель вывалилась наружу и разбилась. Кабины продолжали движение; та, где находились Куинн и Рэйчел, приближалась к задымленному провалу. Он побежал вверх по металлической лестнице, которая вела в диспетчерскую башню.

Брэнди распахнула дверь наверху и сбросила на него промышленный огнетушитель, с грохотом покотившийся вниз. Джеб уклонился, потом выстрелил.

– Ты не сможешь ничего остановить! – завопила она. – Я перекрыла контроль над автоматикой, разбила и заклинила все предохранительные системы.

Джеб чуял едкий химический дым, доносившийся из диспетчерской. Он замер в нерешительности.

– Джеб Каллен! – раздался мужской голос у него за спиной.

Джеб изумленно повернулся. *Адам.*

Полицейский держал в руке пистолет. Он совсем запыхался от бега.

Джеб поднял ружье.

– Назад, или клянусь, я убью тебя!

– Иди! – закричал Адам. – Иди и помоги им! Я остановлю эту штуку. Она слушает меня.

Джеб растерянно смотрел на него.

– Адам! – завизжала Брэнди. – Боже мой, Адам, что ты здесь делаешь?

– Иди, Джеб! – снова крикнул Адам. – Спаси их, черт побери!

Джеб в несколько прыжков спустился вниз и изо всех сил побежал к кабине с Куинн и Рэйчел. Она приблизилась к концу причала.

– Я делаю это ради тебя, Адам! – завопила Брэнди за его спиной. – Чтобы мы были вместе!

Джеб достиг кабины, когда она закачалась над краем. Двери уже закрылись. Он видел искаженное паникой лицо Куинн в освещенном окне. Он прыгнул и ухватился за крепежную стойку для горных лыж, прикрепленную к задней части кабины, когда она взмыла в воздух. Его ноги заболтались над черной пустотой, ружье полетело вниз. Ветер мгновенно ударил в лицо. У него пересохло во рту, сердце бешено стучало. Он изогнул шею и увидел лицо Куинн. Она кричала. И все они неодолимо приближались к огненному аду на другой стороне.

* * *

– Послушай меня, – Адам обхватил Брэнди за плечи. – Ты сядешь за убийство. И что потом? У тебя вся жизнь впереди.

– Ты... ты не собирался оставлять Лили, да? Это была ложь?

– Брэнди, ты молода и красива. Ты обязательно кого-то найдешь. А теперь покажи мне, как остановить эту штуку. Мы можем вместе отправиться в тюрьму, хорошо?

– А потом? – завизжала она. – Что потом – ты вернешься к ней? Ты сядешь за то, что все эти годы был недостойным копом? За то, что ты отправил Джеба Каллена в тюрьму? Нет, *нет*. Нужно закончить дело. Теперь мне некуда отступить.

Она попятилась к приборной панели. Секунды проходили за секундами. Кабина приближалась к бушующему пожару на другой стороне. Адам больше не мог жить с чувством вины за то, что он отправил в тюрьму невиновного человека. И если он мог еще что-то сделать за то время, которое было ему отпущено, – это спасти жизнь осужденного без вины мужчины вместе с жизнью невинной женщины и ребенка. Он не мог оставить такое наследие после себя и своей матери. Пора положить этому конец.

Он прицелился в Брэнди. Она побелела под полосами пепла на ее лице.

– Останови это, – сказал он. – Немедленно.

Она безумно уставилась на него и потянулась к огнетушителю на стене. Отстегнула его и сняла предохранитель.

– Назад, Адам! – Она направила огнетушитель на него.

Она сошла с ума. Полностью обезумела. Почему все женщины в его жизни оказывались безумными?

– Где стопорный переключатель? – спросил он.

– Ты ничего не остановишь. Я заклинила его.

Он двинулся к приборной панели.

– Нет!

Она нажала рычаг огнетушителя. Мощная реактивная струя ударила прямо в лицо Адаму, забив пенистым химикатом его рот, нос и глаза. Ослепший, оглушенный болью, он попятился назад и прижал ладони к лицу. Она брызнула снова и завопила:

– Назад, а то будет хуже!

Он вслепую бросился на нее. Она взмахнула огнетушителем, и он поднял руку, чтобы отвести удар. Но она лягнула его ногу, и он упал. Он отлетел в сторону и ударился головой о консоль приборной панели. Адам почувствовал, как треснул его череп. Он упал и больше не мог двигаться. Рот наполнился густой кровью. Все вокруг посерело.

– Боже мой, Адам! Нет, нет, пожалуйста! Прости!

Она опустилась рядом и обняла его. Она плакала, качала и целовала его. Ее голос звучал откуда-то издалека. Адам понимал, что умирает. Пока он чувствовал, как уходит его жизнь, то увидел своего отца – высокого и горделивого в красном саржевом мундире, в стетсоновской шляпе и высоких сапогах. Или это был Мэм Стил на вершине Чилкутского перевала, останавливавший посреди метели подпольных торговцев виски и незадачливых золотоискателей, не готовых к тяготам перехода в Канаду? Он мог бы стать хорошим копом. Хорошим членом Королевской конной полиции Канады. Но эти две женщины, пропавшие той роковой и холодной ночью... и все изменилось. Столько лет назад...

На что мы готовы ради любви...

Его мир почернел.

* * *

Мышцы Джеба горели от напряжения. У него слезились глаза, во рту першило от дыма. Кабина медленно двигалась к середине бездны, высоко над лесным пологом. Он читал в газетах, что здесь хватало высоты, чтобы поставить внизу Эйфелеву башню. Падение означало верную смерть.

Очередной порыв ветра и дождя ударил в кабину. Она закачалась на тросах. Ему нужно было напрячь все силы и подтянуться вверх, чтобы ухватиться за нижнюю перекладину аварийной лестницы, ведущей на крышу вдоль боковой стенки кабины. Он сомневался, что сможет приоткрыть окна, если они вообще откроются. Слишком опасно конструировать окна, из которых люди могут выпасть наружу. Но в верхней части кабины имелся аварийный выход для экстренной эвакуации. Куинн в ужасе смотрела на него, и это странным образом придавало ему сил. Он не допустит, чтобы его дочь увидела, как он упал и разбился. Он не мог подвести ее... или Рэйчел. Джеб напрягся, чтобы подтянуться выше. Он высвободил правую руку и потянулся, ухватившись за нижнюю перекладину. Но она была скользкой от дождя, и рука соскользнула. Он едва не разжал левую руку, едва не полетел вниз. Его сердце замерло в груди. Он попробовал снова, ухватился за перекладину и крепко сжал пальцы.

Джеб быстро перестроился, сделал глубокий вдох и отпустил левую руку, оставшись висеть на правой. Потом ухватился за перекладину левой рукой, болтая ногами над пустотой. Его мускулы дрожали. Он сделал еще один глубокий вдох, подтянулся и шлепнул ладонью правой руки по следующей перекладине. Потом левая рука. Потом правая. После трех повторов он оперся ногами на нижнюю перекладину и помедлил, собираясь с силами. Но он выдохся и больше не мог пошевелить пальцем. Его тело содрогалось, легкие горели, слезы от дыма заливали глаза.

Куинн напряженно наблюдала за ним из окна.

Джеб встретился с ней взглядом. Его плоть и кровь. Будущее. Он видел обмякшее тело Рэйчел на полу рядом с Куинн. Они приближались к огню. Нужно что-то делать.

С каждой унцией энергии, которая еще оставалась, Джеб нашел в себе силы подняться выше и повалился на скользкую крышу. Ветер сдувал его вбок. Он расплатался на крыше и медленно пополз на животе, нащупывая аварийный выход. Вскоре он упал духом, потому что не мог ничего найти. Потом его пальцы вдруг прикоснулись к ребристой выпуклости. Он нашел ручку. Не поднимая головы, он несколько раз дернул, пока аварийный люк наконец не открылся.

Он упал в кабину с громким стуком.

– Джеб! – крикнула Куинн. – Ты это сделал!

Пыхтя от изнурения, Джеб полез в карман и достал ключи от машины. Это было все, что он смог придумать. Пользуясь зазубренной стороной ключа, он начал перепиливать кабельную стяжку.

– Держись, Куинн. Ты следующая.

Его охватывало отчаяние. С такой скоростью они достигнут пожара раньше, чем он успеет освободить их.

Куинн смотрела на него широко распахнутыми глазами.

– Рэйчел, – вдруг сказала она. – У нее есть перочинный нож на брелке с ключами.

Джеб быстро пошарил в ее карманах и обнаружил ключи. Слава богу, Куинн оказалась права. Он наградил ее широкой улыбкой.

– Ты гений, девочка!

Он легко перерезал оковы Рэйчел маленьким перочинным ножом. Аккуратно опустив ее на пол, Джеб приподнял ее голову. Кабина начала наполняться дымом. Куинн закашлялась.

– Рэйчел, ты меня слышишь? – Он легонько похлопал ее по плечам.

Ее ресницы задрожали, глаза раскрылись. Она тихо застонала. Но дым внутри становился все гуще; они приближались к терминалу. Кабина начала нагреваться, и он слышал треск огня.

– Я собираюсь освободить Куинн, – сказал он и быстро развязал веревку у нее на ногах. Потом перешел к Куинн и перерезал пластиковые оковы у нее на запястьях. Она крепко обхватила его за шею и уткнулась лицом в его мокрую одежду. Джеб не мог дышать. Его сердце болело при мысли, что она может умереть здесь, и ликовало от радости за ее объятие. Он мягко отстранился от нее.

– Давай поможем Рэйчел, ладно?

Рев приближавшегося огня становился все громче. Джеб огляделся вокруг, близкий к отчаянию. Не было никакой возможности остановить кабину, не оборудованную тормозами. Они медленно и непреодолимо продвигались в огненное жерло. Они были обречены попасть туда.

Джеб заметил маленький огнетушитель, прикрепленный к стене в углу между окнами. Он отстегнул баллон.

Куинн наблюдала за ним. Он выдавил улыбку.

– Не беспокойся, мы выберемся отсюда. Но ты должна меня слушаться и действовать быстро. Делай все, что я скажу, хорошо?

Она быстро кивнула. Ее руки были сжаты в кулаки, и его сердце снова болезненно сжалось.

– Лучше снимите эту шерстяную куртку, – сказал он. Шерсть была сильно горючим материалом. Джеб стряхнул с плеч кожаную куртку и передал ей.

– Надень и застегни. Это поможет защитить тебя. Когда мы окажемся снаружи, постарайся натянуть воротник на голову, хорошо?

Она сглотнула и взяла куртку.

Джеб снова опустился на пол рядом с Рэйчел и приподнял ее голову и плечи.

– Рэйчел, тебе нужно очнуться. Попробуй.

Она заморгала.

– Джеб?

– Ты можешь сидеть? – Он перевел ее в сидячее положение, вытер кровь из-под носа и вокруг рта мокрым рукавом.

– Ты можешь стоять? Идти?

– Куинн! – На ее лице вдруг отразилась паника.

– Я здесь, тетя Рэйчел. Я в порядке. С тобой тоже все будет хорошо.

– Послушай, мы в кабине на канатной дороге. Скоро причалим. Там пожар, и нам нужно прорваться наружу. Ты *должна* встать.

Он поднял ее на ноги. Она выглядела сильно заторможенной, но смогла уцепиться за поручень и зашаталась на нетвердых ногах. Потом, почти сразу же, она сползла на пол.

Внутри становилось все жарче. Джеб услышал грохот взрыва. Они почти приехали. Рэйчел снова попыталась встать, но у нее подкосились ноги, и она опустилась обратно.

– Я... не могу. Еще нет. Я...

– Не волнуйся, я понесу тебя.

Джеб усадил Рэйчел на скамью. Он развернулся, присел, завел ее руки себе за шею и усадил ее себе на спину. Но ее ноги безвольно свисали вниз.

– Попробуй удержаться.

Джеб воспользовался веревкой, которая связывала ее ноги, чтобы перевязать ее запястья у себя на шее. Он обмотал веревку, связывавшую Куинн, вокруг себя и Рэйчел, закрепив ее тело на себе так хорошо, как только мог. Если она не сможет держаться сама, то останется привязанной к нему. Он надеялся, что при этом она не

задушит его, но это был единственный выбор. Он подозвал Куинн к себе и взял огнетушитель наизготовку.

– Держись за мой ремень, хорошо? – прошептал он девочке. – Что бы ни случилось, *не отпускаяй*, Я не найду тебя в дыму, если отпустишь. Понятно?

Она кивнула. Ее глаза были как чайные блюдца.

– Куртку на голову.

Она подтянула большую кожаную куртку и закрыла волосы. Дым стал гуще, жар усилился. Они все кашляли, когда кабина подошла к причалу. Лампа внутри зажужжала и погасла.

Они оказались в темноте.

Кабина мягко ударилась о причальную платформу. Двери начали открываться, и дым хлынул внутрь. Джеб был дезориентирован, потому что не знал устройство терминала. Спринклеры разбрызгивали воду вокруг, работала пожарная сирена.

– Направо, – сказала Рэйчел ему в ухо. – Поворачивай... направо.

Они быстро двигались через темноту в густом дыму.

Джеб протиснулся через пожарный выход. Его окатило жаром. За дверями он мог видеть лучше из-за яркого пламени. Внутри все почернело и дымилось. Из его глаз текли слезы. Куинн кашляла под курткой; ее рука вцепилась в него, как маленькие тиски.

Судя по всему, огонь быстро миновал это место, состоявшее в основном из стекла и бетона.

– Прямо! – прокашляла Рэйчел ему в ухо. – Иди... прямо.

Пока он ощупью двигался вперед, рухнула потолочная балка. Куинн закричала, и Джеб метнулся вбок, упав на Рэйчел. Его огнетушитель покотился по полу. Куинн продолжала кричать. Она осталась по другую сторону от пылающей балки.

Джеб опустился на горячий пол, обжигая ладони, пока не нащупал огнетушитель. Он как-то смог встать на колени и подняться на ноги с Рэйчел на спине. Он взмок от пота и был покрыт сажей.

Он несколько раз выпустил пенную струю из огнетушителя, направляясь к Куинн.

– Дай мне руку!

Еще одна балка рухнула у выхода из терминала.

Куинн потянулась к нему. Он погасил очередную вспышку пламени и рывком перебросил девочку через балку. Куинн дрожала всем телом

и задыхалась от дыма. Времени почти не оставалось. Нужно было выбраться наружу, пока не обрушилась крыша.

– Пригнись и держись за мой пояс!

Джеб почувствовал вес Куинн, когда она ухватилась за него. Он двинулся вперед, хотя почти ничего не видел из-за слез, текущих по лицу. С каждым вдохом он как будто загонял в легкие кислоту, разъедавшую их. Рэйчел соскользнула, и ее связанные руки врезались ему в горло, душа его. Он рывком откинул ее назад, и она снова оказалась у него на спине. Она не издавала ни звука, и это пугало его. Джеб надеялся, что не причинил ей внутренних повреждений, когда упал на нее. Вода из спринклеров окатила их, когда они приблизились к выходу.

Они протолкались наружу и вышли в ночь. Было очень жарко, и пепельный дождь хлестал повсюду. Джеб помедлил. Справа от него горели подсобные постройки, и жар был почти невыносимым. Нисходящие воздушные потоки раздували пламя; вода шипела и испарялась на раскаленных поверхностях. Весь лес за горящими постройками находился в огне, языки пламени взлетали в темноту.

Слева, на крутом склоне, который опускался к дренажной зоне, лес все еще оставался нетронутым, темным и сырым. Джеб проверил, все ли в порядке с Куинн.

– Рэйчел, ты меня слышишь?

– Да, – прошептала она возле его уха.

– Как ты себя чувствуешь?

– Не могу... шевелиться.

Но она могла разговаривать. Она находилась в сознании. Оставалось лишь молиться о том, чтобы эффект наркотика поскорее выдохся.

– Помнишь тот водопад? – спросил он. – И ледяную пещеру?

– Да, помню.

– Я попробую спуститься туда. Ты сможешь удержаться на мне?

– По... постараюсь.

Он начал спуск по крутой пешеходной тропе, двигаясь так быстро, как мог в темноте, вместе с Рэйчел и Куинн. Мышцы Джеба отзывались ноющей болью при каждом движении, в горле пересохло, глаза горели. Если он сможет доставить их к водопаду и в пещеру за

водяной завесой, они будут в безопасности, даже если огонь пройдет вниз по склону и минует их.

Когда они спустились ниже, Джеб услышал шум бегущей воды. Он зашагал быстрее и впервые за много лет начал молиться. Он возносил мольбу вселенной и ко всем силам добра, чтобы им удалось. Чтобы он смог спасти свою дочь и любимую женщину. Чтобы они вместе получили второй шанс.

Огонь вышел на гребень горы над ними, но внизу воздух был более прохладным и насыщенным влагой от водопада. Когда Джеб заметил пенную белую воду Кайбер-Крик, он услышал взрыв. Высоко над долиной, на склоне Медвежьей горы, часть Тандерберд-Лодж взлетела на воздух и запылала. Джеб сглотнул, когда подумал об Адаме и Брэнди.

Они возобновили спуск. Огонь быстро приближался сверху. Джеб опасался, что они не успеют вовремя найти пещеру.

* * *

Харви Зинк поливал водой фасад салуна «Шэди Леди». В качестве последней меры он включил разбрызгиватели пожарной сигнализации. Скоро будет пора уходить отсюда. Теперь огонь спускался по склону Медвежьей горы, выжигая путь к лыжному курорту. Никто бы не смог пережить это.

Его телефон зазвонил. Провайдер мобильной связи до сих пор сохранял покрытие, хотя Харви не ожидал, что это надолго. Вышка мобильной связи другого основного провайдера в городе уже обрушилась.

– Зинк слушает, – сказал он и сдвинул бандану в сторону. Его глаза слезились.

– Это Леви. Я на автостраде, еду на юг. Моя жена и ребенок уже на квартире в Западном Ванкувере, и я собираюсь присоединиться к ним. Слушай: моя помощница Вики сказала, что Рэйчел с Джебом как-то прознали про шахту и про Мэрили. Я ответил, что это очередная брехня.

Леви говорил очень быстро, а это значило, что он встревожен. Зинк нервно передернул плечами. Его добрый приятель Леви всегда отличался невозмутимым спокойствием.

– Но я решил, что ты должен знать об этом, – продолжал Леви. – Потому что если это выйдет наружу, они отправятся на поиски в этой проклятой шахте. Я не могу дозвониться до Клинта. – Он помедлил. – Что будем делать?

– Мы ничего не скажем, – ответил Зинк. – Будем придерживаться старых показаний. Пока не будет доказательств, к нам не подкопаются. Я уже тоже собрался выезжать в Ванкувер. Позвоню тебе, как только приеду.

Пока он говорил, то с ужасом смотрел, как целый ряд многоквартирных домов на горной террасе запылал огнем. Нужно было убираться отсюда. Немедленно.

Зинк оставил пожарный шланг на земле, но не стал выключать воду. Он побежал к своему автомобилю на автостоянке. Впервые в жизни он смертельно боялся, что старое преступление в конце концов может разрушить его жизнь. Он грязно выругался на бегу. Они не смогут и дальше скрывать свой секрет. Когда пожар закончится, Джеб найдет ее тело. Он не остановится ни перед чем. Зинк не был уверен, что сохранит свой бизнес и дом, куда он мог бы вернуться.

Возможно, пора удариться в бега.

Глава 27

Куинн сидела тихо, как мышка, и зябко ежилась, а голова Рэйчел лежала у нее на коленях. По словам Джеба, Рэйчел просто заснула. Скоро она придет в себя, и все будет хорошо. Куинн осторожно гладила волосы Рэйчел здоровой рукой. По пути вниз она нудачно упала и повредила другую руку; Джеб думал, что это перелом. С одной стороны от лица волосы ее тети были жесткими от запекшейся крови. Ее нос съехал набок после того, как Брэнди ударила ее. Куинн грепко сжимала губы, потому что не хотела заплакать. Нужно быть сильной, ради Рэйчел. Но она была испугана, у нее болела рука, она вся продрогла, и ей хотелось, чтобы Джеб поскорее вернулся.

Им пришлось пройти через водную завесу, чтобы оказаться в пещере. Они вымокли до нитки, а внутри было холодно, как в морозилке. Пещера была очень глубокой, а ее стены призрачно сияли, что позволяло оглядеться по сторонам. Позади был лед. Но у входа, за водной завесой, земля была сухой и ровной.

Джеб велел ей подождать здесь вместе с Рэйчел.

Он сказал, что собирается принести сухие ветки, сосновые иглы и шишки, и развести внутри костер, чтобы они могли согреться и обсохнуть. Куинн подумала, как странно, что снаружи полыхает целая гора, а они собираются развести маленький костер в ледяной пещере, чтобы согреться и высушить одежду. Джеб унес свою куртку, чтобы завернуть в нее дрова и пронести их сухими через водопад.

Рэйчел пошевелилась и застонала. У Куинн сжалось сердце. Она внимательно смотрела на тетино лицо, но не могла догадаться о ее состоянии. Она легко прикоснулась к порезу, оставшемуся с тех пор, как она ударила Рэйчел своим школьным рюкзаком.

– Прости, пожалуйста, – прошептала она.

Но тетя не услышала ее.

Теперь Куинн отчаянно желала, чтобы Джеб был рядом с ними. Он спас их. Может быть, он все-таки настоящий ангел. Потому что только ангел мог так ловко проникнуть в кабину канатной дороги и вывести их из пылающего здания. А потом найти ледяную пещеру посреди пожара. Может быть, теперь он ушел, потому что сделал свое дело?

Внезапно Джеб нырнул в пещеру с большой вязанкой, завернутой в его куртку. Он усмехнулся, подмигнул Куинн, и она сразу же почувствовала себя лучше.

Он вывалил дрова на пол.

– Это первая порция, – сказал он, глядя на Рэйчел. Куинн заметила, как изменилось его лицо. Он тревожился за Рэйчел, и это тревожило ее.

– Еще одна ходка.

– Разве огонь не приближается?

– Да, он уже почти здесь. Я на минуту, и сразу вернусь.

– Джеб! – крикнула она. Он остановился.

– Что такое?

– Пожалуйста, вернись к нам.

– Обязательно вернусь, можешь мне поверить.

И он ушел. Куинн снова принялась гладить волосы Рэйчел. Она верила ему; что-то в его манере держаться вызывало доверие.

Через несколько минут Джеб нырнул обратно через водяную стену, разбрызгивая воду, и вошел в пещеру со второй вязанкой.

– Огонь уже здесь? – спросила Куинн.

– Спустился к реке. Теперь мы подождем здесь.

Джеб опустил вязанку на пол. На этот раз он принес тонкие ветки и сухой мох. И дымящуюся головешку. Его руки были обожжены, но он не обращал на это внимания, когда начал раскладывать костер.

Он положил веточки и сухой мох на головешку, сложил ладони домиком и подул, пока не появился огонь.

– Когда костер разгорится, я попробую наложить повязку на твою руку, – сказал он, аккуратно подкладывая мелкие ветки.

– А как быть с Рэйчел?

– Мы устроим ее как можно удобнее и будем держать в тепле и сухости, пока она не придет в себя.

Мощный рев проник в пещеру из-за водяной завесы.

– Это огонь? – прошептала Куинн.

Джеб поднял голову. Водяной занавес переливался оттенками оранжевого, красного и желтого цвета.

– Да, – тихо сказал он.

– Похоже на звук поезда или самолета, – благоговейно прошептала Куинн. – Посмотри, как мерцает водопад. Я боюсь, Джеб.

– Не надо. Огонь пройдет над нами и мимо нас. А мы, если понадобится, можем отступить в глубину пещеры, где есть лед. Но снаружи так много сухой древесины и такой сильный ветер, что огонь будет греметь, словно грузовой поезд.

Его собственный костерок разгорелся, распространяя тепло. Джеб подровнял его палочкой и добавил еще одну ветку. Дым выходил наружу, вытягиваемый потоками холодного воздуха из глубины пещеры в горячий воздух снаружи, отчего пламя горело сильнее.

Джеб снял ремень и сделал подвесной бандаж для руки Куинн, прикрепив ее к туловищу в согнутом положении.

– Ну вот, – сказал он. – Так рука будет неподвижной. Когда все закончится, мы сделаем рентген и наложим красивую гипсовую повязку.

– Можно будет выбрать цвет?

– А они бывают разноцветными?

– Бенни Джонс в школе однажды носил черную гипсовую повязку на ноге. А Салли Хиггенботтом в моей старой школе – зеленую.

Джеб рассмеялся.

– Думаю, в моем детстве у них был только белый гипс. Иди сюда, ближе к огню.

Он наклонился к Рэйчел.

– Рэйч, – прошептал он и бережно приподнял ее голову. – Я перенесу тебя туда, где ты сможешь обсохнуть, ладно?

Она открыла глаза и слабо улыбнулась ему. От этого у Куинн что-то неудобно заворочалось в груди. Она села ближе к огню, где было тепло и хорошо. Джеб устроился рядом и положил голову Рэйчел себе на колени. Он накрыл ее кожаной курткой и обнял Куинн, подтянув ее к своему теплему сильному телу. Они сидели вместе, слушая треск огня и плеск воды. Куинн чувствовала себя защищенной в руках Джеба.

– Как в пещере может быть лед, если на улице не зима? – спросила Куинн через некоторое время.

– Точно не знаю, как это устроено, – сказал Джеб. – Но это называется геотермальной активностью. Весь этот горный хребет был образован вулканами, и еще остались жерла с горячим воздухом и лавой внизу.

Он погладил ее по голове, и она умиротворенно закрыла глаза.

– Дальше на севере, в Лиллуэте, тоже была ледяная пещера. Как и эта, но там был лед даже летом. До того как появились холодильники, один фермер, обнаруживший ту пещеру, продавал лед в рестораны. Он доставлял огромные блоки льда на грузовых платформах в Ванкувер, где лед клали в разные модные напитки в барах.

– Откуда ты узнал про *эту* пещеру?

Он облизнул губы и задумался, как будто вспоминал что-то.

– Мы с Рэйчел нашли ее много лет назад, когда были юными.

Куинн нахмурилась.

– Ты так давно был знаком с Рэйчел?

Рэйчел неожиданно заворочалась и снова открыла глаза. На этот раз ее взгляд был более ясным.

– Как твои дела? – поинтересовался Джеб.

– Пожар?

– Проходит мимо. С нами все будет хорошо. – Он наклонился и мягко поцеловал ее в губы. – Я люблю тебя, – прошептал он.

Рэйчел посмотрела на него.

– Я тоже люблю тебя, Джеб. И... всегда любила.

– Знаю.

Куинн впиалась взглядом в лицо Джеба. Глаза ее ангела влажно блестели.

– Почему ты любишь Рэйчел?

Джеб глубоко вздохнул.

– Это долгая история, Куинн.

Он смотрел на нее сверху вниз, как будто решая, стоит ли рассказывать ей эту историю.

– Я хочу ее услышать.

Он медленно кивнул.

– Я познакомился с Рэйчел, когда был немного старше тебя. Мы вместе выросли здесь, в Сноу-Крик. Она была моим лучшим другом, а потом моей девушкой. Потом, когда мне было девятнадцать лет, случилось нечто ужасное. Две девушки пропали без вести.

Она уставилась на него.

– Что за девушки?

– Из нашей школы. Плохие люди причинили им много боли, а потом обвинили меня в этом. Я отправился в тюрьму.

Куинн открыла рот от изумления.

– Ты? В тюрьму?

Джеб кивнул и погладил ее руку.

– Но я этого не делал; я не похищал этих девушек. – Он задумчиво посмотрел на нее. – Помнишь, как ты думала, что твоя мама послала меня присматривать за тобой?

Девочка кивнула и вдруг испугалась того, что он может сказать про ее маму.

– В некотором смысле это правда. Твоя мама помогла мне доказать перед судом, что я ни в чем не виноват.

На этот раз он надолго замолчал, как будто ему было трудно собраться с мыслями и найти нужные слова. Он положил ветку в костер.

– Хочешь знать, почему она помогла мне? Потому что я твой отец, Куинн. Я твой биологический отец.

Ее сердце затрепетало в груди.

– Поэтому я и вернулся в Сноу-Крик. Ради тебя. Чтобы найти тебя и присматривать за тобой. Защищать тебя. А еще для того, чтобы доказать, что эти плохие люди были лжецами, и разузнать, кто на самом деле похитил этих девушек. Я вернулся потому, что хочу быть отцом и заботиться о тебе, Куинн. Всегда.

Она лишилась дара речи. В горле снова как будто оказался колючий носок.

– Почему ты отдал меня в приемную семью?

– Я тебя не отдавал. Это они отобрали тебя у меня, потому что считали меня плохим парнем.

Куинн уставилась на него.

– Кто моя биологическая мама?

– Одна из пропавших девушек. – Джеб немного помолчал. – Она умерла, Куинн. Но у тебя есть я... и Рэйчел.

Куинн заплакала. Джеб крепко обнял ее и стал тихо укачивать. От него пахло дымом. Он был большим и надежным. Он ей нравился. Он делал отличные блинчики, как ее другой отец. Он был маминым другом и ее посланником. Куинн расплакалась еще сильнее, и он поцеловал ее в макушку. Он был похож на ангела – нет, даже лучше, чем ангел. Он был ее настоящим отцом. Теперь у нее снова был отец. И Рэйчел.

– Джеб? – прошептала Рэйчел.

Куинн покосилась на свою тетю. Ее глаза были закрыты, и она грустно улыбалась.

– Я уже говорила, что люблю тебя? – тихо спросила Рэйчел.

– Ты слушала?

Она кивнула с закрытыми глазами.

* * *

До рассвета состояние Рэйчел постепенно улучшалось. Через некоторое время она смогла сесть рядом с Джебом. Куинн проснулась и села с другой стороны от Рэйчел; та обняла ее за плечи.

– Как дела, милая? Как твоя рука?

– Болит.

– Штука в том, что сломанные руки обычно быстро заживают.

– Не так, как твоя нога после того падения на лыжной трассе?

– Да, мне понадобилось много времени. Но даже это зажило.

– Ты все еще хочешь научить меня бегать на лыжах этой зимой?

Рэйчел улыбнулась. Ее глаза были ясными и яркими.

– Конечно. – Она привлекла Куинн ближе к себе. – Если у нас останется гора для катания.

– Пожар не может сжечь гору! – возразила Куинн.

– Да, но он может повредить лыжные подъемники. Но даже если так, то мы отправимся на другой лыжный курорт. Обещаю. Что бы ни случилось, я научу тебя.

– А Джеб поедет с нами?

Рэйчел посмотрела на него.

– Разумеется, – ответил он.

Некоторое время Куинн изучающее смотрела на него, потом спросила:

– Ты хочешь, чтобы я называла тебя папой?

Его губы медленно искривились в грустной улыбке, глаза снова влажно заблестели.

– Когда-нибудь, если захочешь. Когда ты будешь готова.

Куинн кивнула. Это казалось правильным. И хотя все вокруг по-прежнему было пугающим, она ощущала приятное тепло.

* * *

Когда небо посветлело и все затихло, они вышли из пещеры и направились вниз среди обгоревших деревьев. Все вокруг было черным, серым и мокрым. Дождь шел неустанно. Несколько бревен еще дымились, но не более того.

Когда они увидели долину внизу, Рэйчел ахнула и поднесла ладонь к рту.

– Он там, – прошептала она. – Город до сих пор там. Ветер поменялся как раз вовремя.

Сгорели только многоквартирные дома на горной террасе. Они слышали вой сирен. Джеб взял Рэйчел и Куинн за руки, и они продолжили путь.

Он сказал, что теперь они стали семьей.

У Куинн появилась новая семья.

А внизу находился ее дом.

Глава 28

Шесть недель спустя. Конец ноября

Энни думала о злой иронии судьбы, когда читала в «Сноу-Крик Лидер» статью о зловещих последствиях дела пропавших девушек. Адам Лефлер защищал свою мать и брата, а его мать защищала своих сыновей. Но Люк Лефлер все проспал, пока валялся в джипе. Он не имел понятия, что произошло на самом деле. Он был совершенно не причастен к преступлению.

Его единственным проступком было лжесвидетельство в суде.

Теперь Адам был мертв.

Он погиб, спасая невинного мужчину, которого сам помог посадить за решетку, в то время как его любовница совершила безумную попытку спасти Адама от его собственного прошлого.

Его обгоревший труп был обнаружен в разрушенном терминале канатной дороги на Медвежьей горе, сплетенный в жутком объятии с останками Брэнди Джонс. Вскрытие Лефлера показало, что он умер еще до пожара внутри. Брэнди Джонс, скорее всего, задохнулась в дыму раньше, чем сгорела в огне.

Энни наконец передала шефу Макину конверт Адама, и теперь роль Адама и трактовка старого преступления была предельно ясной. Однако он все-таки смог умереть как герой.

Энни встала и поставила чайник на плиту. За окном шел густой снег – большие, тяжелые снежинки, которые могли за несколько минут наместить целый сугроб. Вчера уже выпало два фута снега. Зима наконец пришла в Сноу-Крик. Она смотрела в окно на снег, медленно падавший с неба, и думала о том, что если бы Адам вступился за правду в то время, когда он был молодым сотрудником Королевской конной полиции, его мать могла бы узнать о невинности Люка. Люк сам бы понял, что не имеет ничего общего с преступлением.

Шейла Копленд Лефлер не выдвинула бы обвинение против Джеба.

За годы службы Энни узнала, что преступления никогда не бывают такими простыми и четко определенными, как пишут в книгах или показывают по телевизору. Человеческие мотивы бывают гораздо более сложными, хитроумными и грязными. На свете не так уж много

прирожденных убийц, которые специально охотятся на людей, как Клинт Рудигер.

Что всегда интересовало Энни – так это паучьи ниточки связей между преступлением, членами семьи и друзьями преступника. Последствия. Побочный ущерб для множества обычных людей, чья повседневная жизнь неожиданно оказывается ввергнутой в пучину уголовного расследования. Женщины и их дети, весь город. Все пострадали от того, что случилось в ту роковую ночь.

Чайник громко засвистел на плите. Энни вздрогнула, сняла чайник и залила кипятком чайный пакетик, положенный в кружку.

Она снова уселась за стол и продолжила чтение.

Лили, жена Адама, уехала из города. В статье не говорилось об этом, но она явно узнала о любовном романе своего мужа с Брэнди Джонс. В глазах многих людей Адам мог умереть героем, но только не для Лили Лефлер. Она собрала свои вещи и увезла сыновей.

Беппи Рудигер полностью призналась в содеянном. Криминалисты смогли восстановить большую часть ее записи, совпадавшей с ее признаниями и с показаниями Джеба.

Бедняга. Он просидел в тюрьме почти девять лет.

Беппи не предъявили никаких обвинений, особенно потому, что она активно сотрудничала со следствием. Реку за ущельем тщательно обыскали, но тело так и не нашли. Вероятно, Клинта Рудигера зажало под валуном, или же его тело так и не всплыло ниже по течению. Такие останки могут искать годами, хотя новые поиски были предусмотрены следующей весной, когда сойдет снег и растает лед. Это немного раздражало Энни. Она хотела, чтобы дело было доведено до конца.

Она потянулась за кружкой, отпила глоток чаю и перевернула страницу.

Леви был взят под стражу в Западном Ванкувере. Зинка арестовали при попытке пересечения границы с США на таможенном пункте Пис-Арч. Бэнрок нанял адвокатов для своего сына, но этот могущественный старик держался необычно тихо и старался не высываться. Но он был бойцом, поэтому он постарается, чтобы дело обошлось с минимальным ущербом для него. Как и для Леви, благодаря показаниям Беппи Рудигер. Зинку предстояли тяжелые

времена. Вся тяжесть вины ляжет на его плечи, особенно в отсутствие Клинта и того обстоятельства, что он попытался бежать из страны.

Энни потянулась к шее и раскрыла цепочку, которую она носила. На цепочке было подвешено кольцо Клодетты.

Она медленно повернула кольцо между пальцами, слушая звон колокольчиков снаружи. Кроме этого кольца – которое ей вернули после осмотра и занесения в протокол, – следователи пока что не нашли доказательств причастности Клинта Рудигера к исчезновению Клодетты и ее мужа, Жана Лепина.

Судя по безделушкам и другим уликам из пакета Беппи, создавалось впечатление, что Клинт был причастен к исчезновению как минимум девяти других женщин. Королевская конная полиция вместе с несколькими другими ведомствами организовала совместное расследование наряду со следствием по делу Роберта Пикмана, печально известного свиновода и сексуального хищника из Лоуэр Мидленда. Полицейский участок Сноу-Крик остался не у дел в этом расследовании из-за «корруптированности» местной полиции в деле Мэрили Цукановой. Макину было нечему радоваться.

Тело Мэрили Цукановой было обнаружено на дне шахтного ствола, поэтому следственная группа возобновляла старые нераскрытые дела и изучала сообщения о пропавших женщинах в Британской Колумбии, Альберте и Юконе, где раньше охотился Клинт. Проводились раскопки на ферме Рудигера, начиная с охотничьего сарая Клинта. Одновременно проводились анализы ДНК содержимого его промышленного холодильника. В прессе уже сообщили о следах ДНК трех разных женщин, найденных в этом холодильнике. Человеческие останки еще не были обнаружены.

Энни глубоко вздохнула. Скоро наступит Рождество. А весной, когда растает снег, она постарается организовать собственную поисковую группу для похода в горы. Она не собиралась отступать от расследования по делу об исчезновении ее сестры.

Она обязательно найдет Клодетту. Сейчас она находится ближе к истине, чем раньше. Она подала документы для экзамена на должность следователя и надеялась на повышение в ближайшем будущем.

Испытывая легкое ощущение одиночества, она повернулась к камину, собираясь развести огонь. Мысли о Рождестве обычно

вызывали у нее такое настроение. Возможно, стоит посетить приют для животных и завести кошку или другого домашнего питомца.

Может быть, ей стоит принять приглашение на ужин от Рэйчел и Джеба.

В дверь постучались, и Энни удивленно замерла. Еще никто не стучался в ее дверь. Когда стук раздался снова, она открыла дверь. Снаружи сразу же залетела пригоршня снега.

– Привет, – сказал Новак, топая сапогами, чтобы стряхнуть снег. – Я просто направлялся в город, чтобы встретиться с парнями и немного помянуть Лефлера. Неофициально, потому что... ты понимаешь. – Он пожал плечами. – Подумал, вдруг ты захочешь присоединиться. Там будут и ребята из поисково-спасательного отряда.

– Помянуть Лефлера?

– Предлог для товарищеской пьянки. – Новак выглядел смущенным; впрочем, этому засранцу всегда удавалось выглядеть не так, как на самом деле. – Кроме того, они хотят побеседовать о сборе средств на лечение Трэя Сомерленда. Возможно... не знаю, просто охота собраться вместе и помириться.

– А я собиралась разжечь камин.

– Ну да, конечно. – Он повернулся к выходу, но замялся у двери. – Брэд Никс, один из поисковиков, просил узнать, не придешь ли ты.

– Почему же он сам не спросил?

Новак пожал плечами.

– Ну ладно. Я так и думал, что ты не пойдешь.

Он распахнул дверь и побрел по заснеженной дорожке. Энни заколебалась, потом крикнула ему вслед:

– Обожди! Дай мне хотя бы надеть пальто!

* * *

Я открываю дверь.

Трэй полусидит, опираясь на белые подушки. Он выглядит бледным и изнуренным.

– Привет, – говорю я и кладу корзинку с фруктами и пирожными рядом с его кроватью. – Слышала, тебе стало лучше. Гораздо лучше, чем ожидалось. – Я сажусь у изголовья кровати. – Так ты скоро снова будешь командовать поисково-спасательным отрядом.

Он тихо фыркнул.

– По крайней мере, я вышел из комы. Сделал маленький шагок.

Я облизываю губы, не зная, как выразить мое сочувствие к нему. Его путь был адски трудным. После нескольких хирургических операций он подхватил сильную инфекцию и впал в кому, но Трэй тоже оказался бойцом. Он выживет. Сейчас я впервые за долгое время могу поговорить с ним.

Я улыбаюсь, но его лицо сразу же становится серьезным.

– Хочу поблагодарить тебя за тот звонок, – говорю я. – За то, что известил нас о намерении Клинта взорвать шахту. Думаю, при этом ты еще и спас жизнь Беппи. Потому что тогда я не позвонила бы констеблю Пирелло, и Беппи не смогла бы записать на пленку признание Клинта.

Он долго молчит, глядя на меня. Я испытываю остаточную привязанность к нему. Мы долго были вместе, и теперь я надеюсь, что он найдет себе достойную спутницу. Еще я чувствую себя немного виноватой.

– Я ошибался насчет Джеба, – говорит он и тянется к стакану с водой. Отпивает глоток и старается вернуть стакан на место. Я с трудом удерживаюсь от желания вскочить и помочь ему. Я знаю Трэя: сейчас ему хочется делать такие мелочи самостоятельно.

– Я ошибался насчет многих вещей, – говорит он. – Такое трудно переварить, когда думаешь о своих ошибках и о том, как сильно они могут повлиять на жизнь других людей.

– Все мы во многом ошибались... – Я накрываю ладонью его руку.

– Он здесь?

– Джеб. Да, он ждет снаружи.

– Я хочу поговорить с ним.

– Ты уверен?

Он кивает.

Я зову Джеба, и мы входим вместе. Трэй выглядит нервозно, Джеб раздосадованно. Я снова ощущаю укол вины. Это два заклятых врага, еще со школьных времен. И я была предметом их раздора.

– Мне очень жаль, – просто говорит Трэй. Джеб кашляет.

– Да ладно, – отвечает он. – Спасибо, что позвонил нам насчет Клинта. Ты крупно заплатил за такое столкновение с ним.

Трэй смотрит на меня, и его льдисто-голубые глаза становятся печальными.

– Да, все мы по-своему заплатили за дерьмо, которое сотворил Клинт.

Когда что-то начинается и заканчивается? Круги на воде от камня, брошенного в пруд... Заканчивается ли это с последней крошечной волной, набегающей на дальний берег?

Трэй делает глубокий вдох.

– Слушай, я на самом деле не в том положении, чтобы говорить такое, но я хочу вернуться и возглавить поисково-спасательный отряд. И конечно, там пригодился бы такой человек с опытом следопыта, как у тебя. Если захочешь, приходи, но у нас очень интенсивные тренировки.

Джеб напрягается. Я вижу, что он ошеломлен и немного злорадствует, но хорошо скрывает это. Несколько секунд он молча смотрит на Трэя, и тот отвечает ему твердым взглядом.

– А другие ребята?

– Они согласятся.

– Что ж, спасибо, – говорит Джеб. – Я, э-ээ... мне нужно переставить автомобиль, а то я припарковался в запретной зоне. Потолкуем позже?

– Само собой.

– Увидимся на улице? – Джеб прикасается к моей руке. Я киваю.

Джеб быстро уходит. Я знаю, что ему не удастся долго скрывать свои чувства. Джеб снова стал своим; его приняли во внутренний круг, из которого он был исключен большую часть своей жизни. После стольких лет Сноу-Крик впервые распахнул объятия для Джебедии Каллена.

Я наклоняюсь и легко целую Трэя в щеку.

– Знаешь, Сомерленд, ты чертовски славный парень.

– Ты тоже недурна собой, Салонен. Надеюсь, мы и тебя снова увидим в команде.

– Да, – говорю я.

Я хочу снова бегать на лыжах, хочу вернуть спортивную форму. И хотя прежнее мастерство больше не вернется ко мне, я жажду ощутить зимний ветер в волосах, горный склон, отступающий назад у меня под ногами. Что-то внутри меня тоже освободилось.

Я выхожу к автомобилю. Джеб ждет меня в снегу.

Мы молча едем, собираясь забрать Куинн из школы, где она репетирует рождественскую пьесу. Когда мы останавливаемся на школьной автостоянке, Джеб поворачивается ко мне и говорит:

– Я хочу, чтобы мы поженились.

У меня отваливается челюсть, но я быстро прихожу в себя и начинаю смеяться.

– Это твоё представление о романтике? Делать предложение здесь, на школьной стоянке?

– Вообще-то я уже очень давно собирался это сделать. Но на моем пути возникли определенные препятствия.

Мое легкомыслие сразу же проходит. Я нервничаю и чувствую себя неуверенно, но вместе с тем восторженно. Меня ошеломляет пройденный путь.

Он смотрит на квадратное, массивное здание школы. На снег и канадский флаг. Малыши, похожие на разноцветные карамельки в своих ярких зимних комбинезонах, бегают по детской площадке.

– Кроме того, – добавляет он с медленной обольстительной улыбкой, и его темные глаза светятся обещанием, – здесь, в этой школе, я познакомился с тобой. – Он берет мое лицо в ладони и нежно проводит большим пальцем по моим губам. – Ты моя лучшая подруга.

Он наклоняется, целует меня, и я таю от его прикосновения. Окна автомобиля затуманены, и снег быстро заметает ветровое стекло. Мои глаза наполняются слезами.

Первая любовь.

Это мощное чувство. Его невозможно забыть. Я чувствую, что мы сделали полный оборот, и я никогда не была так счастлива – настолько, что щемит сердце.

* * *

Декабрь. День Рождества

Я нахожусь на берегу озера, рядом с причалом. На мне теплая зимняя куртка. Идет снег: крупные снежинки безупречной формы, которые можно поймать варежкой и рассматривать форму кристаллов. Воздух неподвижный и очень холодный.

Понимаю, это звучит странно, но я пришла сюда, поскольку здесь я чувствую их. Здесь, глядя на воду и заснеженные горы, взмывающие

к небесам, я чувствую дух, присутствие – как это ни называй, даже воспоминания – моего отца и деда. А теперь еще и Софии.

Глубоко в сердце я возглашаю благодарности. И рождественские благословения. Я хочу, чтобы они узнали и почувствовали, насколько полной стала моя жизнь. Я хочу, чтобы они поняли, как я вернулась домой, снова стала собой и получила больше, чем считала возможным после той ужасной ночи.

Теперь у Джеба есть его дочь, а у меня есть они оба. Теперь мы семья. Мы с Джемом собираемся пожениться в начале следующего лета. Он организует свой бизнес и весной собирается возобновить туристические сплавы и экскурсии на Вулф-Ривер. Он собирается нанять управляющего, который будет жить в новом доме, построенном взамен сгоревшего. У Джеба есть сбережения. Он прирожденный предприниматель, а его энергия заразительна. Он провел в тюрьме достаточно времени, чтобы получить ученую степень по уголовному праву и специализироваться на восстановительном правосудии. Он уже завел добровольческие связи с индейской общиной в соседней долине. Его цель состоит в том, чтобы уберечь детей такого же происхождения, как и он, от разных неприятностей и от клейма второсортных людей. Он объяснил мне, что восстановительное правосудие не имеет ничего общего с наказанием. Речь идет о понимании преступления, о жертвах и причиненном ущербе. О сплоченности общества, о восстановлении прав и о прощении.

Я нуждалась в прощении потому, что выдала его секрет. Он простил меня. А я сказала ему, что он должен простить себя за то, что сделал со своим отцом. Горожане тоже нашли свои способы попросить прощения у Джеба. Иногда это анонимные подарки у нашей двери, иногда рукопожатие в супермаркете или приглашение в группу единомышленников. А иногда и прямой вопрос: ты можешь простить меня?

Когда что-то начинается и заканчивается?..

Я до сих пор не знаю ответа на этот вопрос, но из-за того кошмарного события девять лет назад мы втроем обрели семью.

После «дела о пропавших девушках» исчезло еще много женщин. Я надеюсь, что Энни найдет свою сестру. Я поднимаю лицо навстречу кружащимся снежинкам и улыбаюсь. Энни Пирелло. Я невзлюбила ее с первого взгляда, а теперь мы почти подружились.

– Эй.

Джеб стоит за мной, обнимает меня и целует в шею. Я смеюсь и радуюсь его близости.

– На кухне сработал таймер, – говорит он. – Индейка готова. Куинн закончила готовить клюквенный соус и сделала обсыпку для пирожных. Без тебя мы там застряли.

Я улыбаюсь.

– Я так и думал, что найду тебя здесь, – шепчет он, потом разворачивает меня к себе и целует в губы. Мои руки проникают под его расстегнутую куртку, к его теплу.

– Я люблю тебя, Джеб.

– Знаю, – шепчет он у моего лица. – А я всегда любил тебя. Это записано.

– В самом деле? И где же это записано?

Он смеется раскатистым, мужественным смехом.

– Моя мать говорила, что все записано в древесных кольцах, в узорах листвы и в звуках воды. – Он берет меня за руку. – Но к чему заботиться о том, где это записано? Пойдем, мы проголодались.

Порыв ветра кружит снежные хлопья. Мы идем к дому и видим, как внутри горят огни рождественской елки. Я так и не купила жалюзи.

Трикси неуклюже бежит к нам в снегу. Я наклоняюсь, ерошу шерсть на ее загривке и радуюсь тому, что она была заперта в моем автомобиле и не могла убежать от пугающего воя сирен и рокота вертолетов. Она сидела здесь в целостности и сохранности, когда мы вернулись домой, только хотела пить после нашей ночевки в ледяной пещере.

Когда мы открываем дверь, Куинн спрыгивает с табурета.

– Смотри, я закончила обсыпку! – Она подбегает к нам и указывает на поднос. Она сделала печенье в виде рождественских ангелочков с серебристыми бусинами вместо глаз.

– Наше первое Рождество, – шепчу я и гляжу на ангелов.

– Одно из многих, – говорит Джеб.

И я понимаю, что мы все наконец вернулись домой.

Благодарность автора

Доведение книги до всеобщего сведения редко бывает одиноким подвигом и чаще является плодом усилий маленького сообщества. Выражаю искреннюю благодарность Деборе Немез за ее ранние редакторские озарения и энергичную поддержку. Спасибо тебе за тех читателей, которые потратили свое драгоценное время, чтобы разместить обзоры на том этапе, который я называю «мягким стартом». Они внесли гораздо более ценный вклад, чем могут думать. Огромная благодарность моей дорогой коллеге по перу Элисон Кент (она же Мика Стоун), которая помогла донести этот роман до внимания редакции Montlake Romance. Благодарю Йона фон Сотака за чтение книги и продление соглашения о партнерстве. Линдси Гуззардо и Деб Тайлер – за редакторскую полировку. Благодарю закулисную команду Amazon Publishing за чудесную обложку моей книги и за ее активное продвижение. Большое спасибо Тони Адерсону и Оливии Гейтс за то, что подгоняли меня, когда я особенно нуждалась в этом. Отдельное спасибо Рокси Бесверик и Нелл Уайт за бета-ридеров: вы мои самые строгие и ценные критики, которые высоко держат планку. И как всегда, выражаю любовь и благодарность моему мужу Полу Бесверiku за его безусловную и непрерывную поддержку. Разумеется, мне не обойтись без упоминания о моей волосатой музе – Черном Звере (Хадсоне), который неустанно напоминает мне, как жить исключительно текущим моментом. Без вас у меня ничего бы не получилось.

Сноски

1

Кижуч – рыба семейства лососевых. Во время нерестового хода чешуя кижуча краснеет, пасть вытягивается и обнажает зубы. После нереста рыба гибнет (прим. пер.).

2

Via ferrata – термин, принятый в альпинизме. Обозначает скальный участок, специально оборудованный металлическими конструкциями, помогающими преодолеть его с большей скоростью и меньшими затратами энергии, чем при скалолазании в его обычном понимании (прим. пер.).

3

RCMP (Royal Canadian Mountain Police) – Королевская конная полиция Канады (прим. пер.).

4

Ульр – в скандинавской мифологии аспект Тора, бога войны и закона, отвечающий за меткость и координацию движений (прим. пер.).

5

Луддизм – анархическое погромное движение, возникшее в Англии XVIII века среди ткачей, недовольных механизацией и введением ткацких станков (прим. пер.).